

БВИ

БВИ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ТОРКВАТО
ТАССО

ТОРКВАТО ТАССО
Освобожденный
Иерусалим

ERI

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ГОД ОСНОВАНИЯ СЕРИИ
2005

Редакционная коллегия серии
В. Н. Андреев, Б. В. Дубин,
М. Ю. Коренева, Г. М. Кружков,
И. М. Михайлова, М. Д. Яснов (*председатель*)

ТОРКВАТО ТАССО

**Освобожденный
Иерусалим**

Перевод с итальянского
В. С. ЛИХАЧЕВА

Подготовка текста, предисловие, комментарии
А. О. ДЁМИНА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2007

УДК 82-1
ББК 84(4)
Т60

Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим / Пер.
В. С. Лихачева / Подг. текста, ст., коммент. А. О. Дёмина. — СПб.:
Наука, 2007. — 715 с.

ISBN 978-5-02-026954-5

«Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо — поэтическое сказание о первом крестовом походе и завоевании Святого града христианами. Эпопея повествует о подвигах и чудесах, любовныхключениях рыцарей и высоких примерах добродетели и самоотвержения. Красочные картины битв, путешествий, сладострастных восторгов, божественных откровений, адских козней и человеческих судеб сплавлены в ней в изумительное художественное единство. Поэма печатается в образцовом переводе В. С. Лихачева и сопровождается обширным историко-литературным комментарием.

*В оформлении использованы иллюстрации
к «Освобожденному Иерусалиму» Ю.-Ф. Гравело
(1699—1773)*

© Издательство «Наука», серия
«Библиотека зарубежного поэта»
(разработка, оформление), 2005
(год основания), 2007

© А. О. Дёмин, подготовка текста,
статья, комментарии, 2007

ISBN 978-5-02-026954-5

**ПОЭМА ТОРКВАТО ТАССО
«ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ»
В ПЕРЕВОДЕ В. С. ЛИХАЧЕВА**

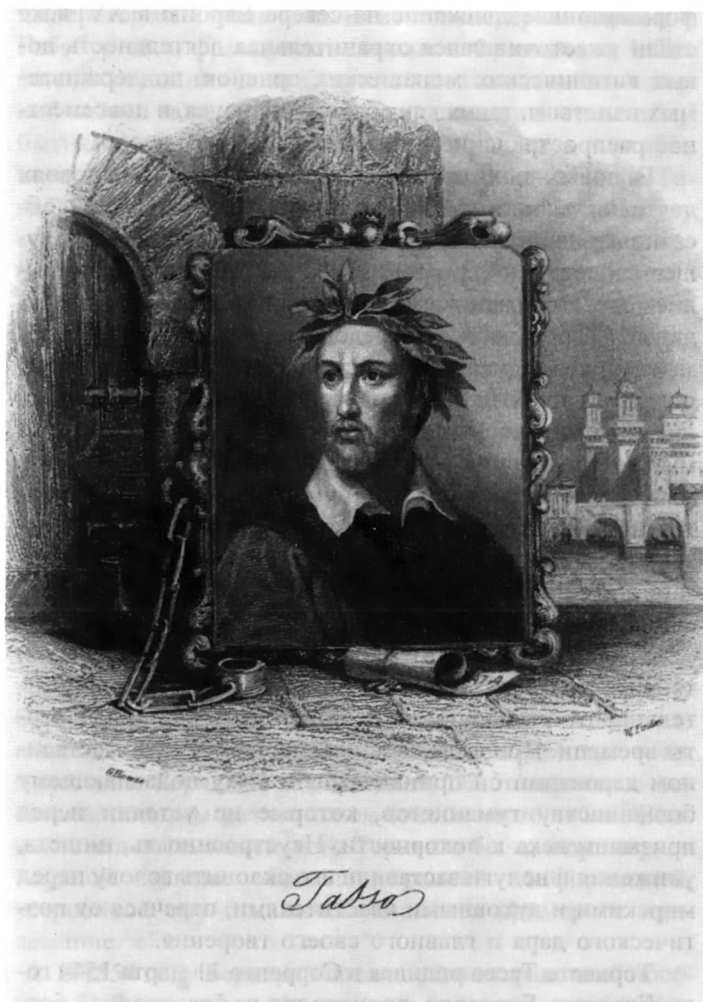
Эта книга возвращает российскому читателю возможность широкого знакомства с одним из ключевых произведений мировой художественной словесности. Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» по праву считается вершиной итальянской литературы XVI века и занимает место рядом с лучшими образцами в мировой сокровищнице художественного слова.

Наследник и один из самых одаренных представителей итальянской гуманистической традиции, Тассо на основе углубленного изучения античной теории и практики поэтического творчества сумел создать эпопею, отвечающую эстетическим требованиям Нового времени. Успеху способствовало освоение богатых повествовательных традиций средневекового рыцарского романа и ренессансного духовного и приключенческого эпоса, представленных такими шедеврами, как «Божественная комедия» Данте и «Неистовый Роланд» Ариосто. Вместе с тем Тассо наполнил свою эпопею не виданным прежде утонченным лиризмом, свойственным европейской поэзии позднего Средневековья и Возрождения. Он создал галерею ярких лиц, чьи психологические особенности сложны и далеко не однозначны, поместил своих героев в трагические ситуации, развернул события и сцены с мастерством незаурядного драматурга и, подобно многим одаренным повествователям древности и Нового

времени, предвосхитил художественные эффекты эпохи кинематографа и компьютерных видеотехнологий. Мастерски осуществленный принцип единства повествования, унаследованный от лучших образцов античного эпоса, теории Аристотеля и архитектоники шедевров Данте и Боккаччо, позволил Тассо коренным образом преобразовать художественную структуру вольного и внешне беспорядочного чередования эпизодов, свойственную приключенческому средневековому роману и ренессансной эпопее.

Эстетика единства повествования стала выражением и художественным образцом складывавшейся в Европе в условиях религиозных, гражданских и межгосударственных войн идеологии абсолютизма, которой суждено было во многом определять политический и духовный климат Европы на протяжении последующих четырехсот лет. Столкновение героической личной воли с могуществом личных противников и надындивидуальных сил становится пафосом главного произведения Тассо. Принцип художественного единства, идея и практика чистоты языкового стиля и идеология абсолютизма формировались не в обстановке кабинетного теоретизирования, а рождались в мучительных поисках жизненного пути конкретных людей, попадавших в бесконечно разнообразные, но по сути своей сходные обстоятельства.

В Италии XVI века гуманистам, решительно заявившим свои притязания на духовное лидерство в предыдущие два столетия, пришлось встретить мощное противодействие военных, государственных и духовных властей. Войны французских и испанских королей за господство на Апеннинском полуострове разрушили казавшуюся незыблемой с середины XV века государственную независимость и мирную устойчивость северных итальянских городов-государств. Усилившееся испанское и французское влияние обусловило коренную перестройку общественной жизни, изменило соотношение церковного и светского элемента. Ответом на ре-

**Торквато Тассо.
С картины Дж. Хоуза.**

формационное движение на севере Европы в XVI веке стали ужесточившаяся охранительная деятельность новых католических монашеских орденов, поддерживаемых папством, таких как общество Иисуса, и повсеместное распространение инквизиции.

В новых политических и общественных условиях деятели гуманистической культуры, процветавшей в обстановке наибольшего благоприятствования в предыдущее столетие, к середине XVI века в Италии столкнулись с жестоким повсеместным противодействием государей, вынужденных следовать вкусам иноземных захватчиков и духовных властей, отнюдь не благосклонно смотревших на индивидуалистическое свободомыслие поэтов и ученых. Стремительно и грубо оттесняемые от средоточия общественной жизни, художники и мыслители являют чудеса личного героизма, изобретательности и гения, стараясь в труднейших обстоятельствах удержать свое положение и нередко возлагая на алтарь служения истине, искусству и патриотическим идеалам жизнь и свободу.

Трагический излом эпохи прошел через жизнь и творчество Тассо. В личности и судьбе поэта с пронзительной отчетливостью запечатлелись характерные черты времени. При всем своем выдающемся художественном даровании он принадлежит к тому подавляющему большинству гуманистов, которые не устояли перед призывом века к покорности. Неустроенность, нищета, унижения и недуги заставили его склонить голову перед мирскими и духовными властителями, отречься от поэтического дара и главного своего творения.

Торквато Тассо родился в Сорренто 11 марта 1544 года. Его отец, Бернардо, происходил из благородной бергамской семьи; мать, Порция, принадлежала к знатному пистойскому роду Росси. Во время рождения сына Бернардо находился в Пьемонте в свите князя Салернского Ферранте Сансеверино, к которому поступил на службу в 1531 году, перейдя к нему от Геркулеса Эсте по случаю войны за итальянские территории, вспыхнувшей между

императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом и французским королем Франциском I. Так еще до рождения доля будущего поэта оказалась в тесной связи с важнейшими политическими и военными событиями времени. В 1547 году в Неаполе вспыхнуло восстание против попытки вице-короля дона Педро Толедского учредить в городе инквизицию по испанскому образцу. Мятежники избрали Ферранте Сансеверино посланником для переговоров с Карлом V и отправили его в Аугсбург. Бернардо последовал за ним и разделил невзгоды своего хозяина и господина. Когда в 1552 году вице-король объявил князя бунтовщиком, Бернардо, незадолго до того перевезший семью в Неаполь, бежал вместе с ним и был официально изгнан, а потому лишился своего имущества.

Тем временем маленький Торквато по завершении начального домашнего образования под руководством дона Джованни д'Анджелуццо начал ходить в школу отцов-иезуитов. Новомодная система образования и идеология образованного в 1534 году ордена оказали сильнейшее влияние на впечатлительного мальчика, и в зрелые годы вспоминая свои ранние успехи у братьев-игнатианцев. Однако именно тогда он впервые после детских воспитательных ограничений столкнулся с жестким порядком послушания, сочетавшимся с последовательным разжиганием юного честолюбия. Впечатлительность маленького Торквато была, к примеру, в немалой степени обольщена ранней конфирмацией, устроенной ему отцами-иезуитами за примерное прилежание.

В 1554 году Бернардо после долгих странствий поселился в Риме, но все его попытки перевезти к себе жену и детей, сына Торквато и дочь Корнелию, терпели неудачу. В октябре смог приехать только сын. Десятилетний Торквато навсегда простился с матерью (Порция Тассо скончалась в 1556 году) и вверил себя заботам отца, который устроил его дальнейшее обучение в компании двоюродного брата Кристофоро, приехавшего из

Бергамо. Двамя годами позже, опасаясь осады Рима испанцами вследствие ссоры императора Филиппа II с папой Павлом IV, Бернардо перебрался в Урбино и поступил на службу к его правителю Гвидобальдо II делла Ровере. Торквато стал товарищем по учебе наследного князя Урбинского Франческо Марии и совершенствовал свое классическое и современное образование, обучаясь рыцарским знаниям и умениям при этом блистательном дворе, где еще в полной мере сохранились традиции высокой культуры Возрождения, покровительствуемой просвещенным правителем. К этому времени, вероятно, относятся первые сочинения о поэзии совсем еще юного Торквато. В 1558 году Корнелия, вопреки воле отца, вышла замуж за Марцио Серсале. В том же году на Сорренто напали турки; Корнелия, жившая там, едва спаслась от резни. Весть об этом потрясла Торквато и, наверное, впервые натолкнула на мысль написать поэму о первом крестовом походе и укрепила яркие детские впечатления от устных рассказов, слышанных в монастыре Пещеры Тирренской (Cava de' Tirreni) у гробницы вдохновителя этого подвига папы Урбана II.

В 1559 году Бернардо Тассо перебрался в Венецию, чтобы присматривать за тиснением своей поэмы «Амадис». Вскоре к отцу приехал и Торквато. Именно в Венеции он принялся за создание «Первой книги Иерусалима», однако прервал работу, поскольку сочинение героической поэмы показалось ему слишком пространным и дерзновенным начинанием. Поэтому он взялся за менее трудоемкую рыцарскую поэму «Ринальд», вскоре появившуюся в Венеции (в 1562 году) с посвящением новому хозяину Бернардо и будущему покровителю юного поэта — Луиджи Эсте. Тогда же Торквато по настоянию отца изучает юриспруденцию в Падуанском университете и завязывает дружбу с учеными литераторами Спероне Сперони, Чезаре Павези, Винченцо Пинелли и другими. Бросив правоведение, он вскоре записывается на курсы философии и красноречия и начинает обучаться у Франческо Пикколомини и Кар-

ла Сигония. По совету Сперони и под руководством Сигония он погружается в чтение «Поэтики» Аристотеля. Во время учебы в Падуе проявилось лирическое дарование молодого ученого. В 1562 году он написал несколько стихотворений для фрейлины княжны Элеоноры Эсте Лукреции Бендидио, с которой свел знакомство на водах в Абано годом ранее. Он продолжал посвящать ей стихи и позднее, когда она вышла замуж за Бальдассаре Макиавелли.

В 1563 году Тассо перевелся на третий курс в Болонский университет и поехал в Мантую навестить отца, перешедшего на службу к герцогу Гульельмо Гонзага. Там юноша встретил и полюбил дочь богатого купца Лауру Пеперару и два года писал для нее стихи. В январе 1564 года, став жертвой обвинений в сочинении едкой сатиры на профессоров и студентов Болонского университета, он был вынужден бежать. Тассо вернулся в Падуу, где его радушно принял юный герцог Шипионе Гонзага, способствовавший его вступлению в «Эфирную академию» под именем «Раскаявшийся» («Pentito»). Тассо неоднократно выступал на собраниях академии с речами и диалогами, которые не сохранились, однако существенная часть его любовной лирики вошла в стихотворный сборник, составленный и выпущенный в Падуе в 1567 году под названием «Стихи академиков эфирных». Вполне возможно, что в это время он вернулся к работе над героической поэмой о первом крестовом походе и начал составлять «Рассуждения о поэтическом искусстве», обнародованные гораздо позднее (в 1587 году) в Венеции.

В 1565 году Тассо окончательно поступил на службу к кардиналу Луиджи Эсте и начал бывать при дворе Альфонса II, завоевывая благоволение сестер герцога — Лукреции и Элеоноры. Именно для княжон Эсте он написал свои лучшие лирические стихотворения. В 1567—1570 годах он произносит речи в Феррарской академии и составляет замечания на поэтические сочинения своих новых знакомых. Блеск двора и всеобщие восторги про-

изводят на молодого человека неизгладимое впечатление. Впоследствии, несмотря на последующее охлаждение и даже враждебность герцога и его сестер, Тассо будет со всё возрастающим отчаянием стремиться вернуть себе расположение властителя и вновь занять первое место среди его придворных.

В сентябре 1569 года умирает Бернардо Тассо, бывший губернатором в Остилье. В январе следующего года Лукреция Эсте выходит замуж за наследного герцога Урбинского Франческо Марию делла Ровере. Так к двадцати пяти годам Тассо лишился двух самых близких ему людей: любящего отца и благосклонной и разумной советчицы и покровительницы. От мрачных мыслей его немного отвлекло предпринятое в октябре 1570 года путешествие во Францию в свите кардинала Луиджи Эсте. В Париже он познакомился с Пьером Ронсаром, о чьем «Гимне Генриха II» позже написал несколько страниц в диалоге «Катанео, или Об идолах». Французское путешествие также стало предлогом для возникновения занятого письма к графу Эрколе Контрари о сравнении французских обычаев и происшествий с итальянскими. По возвращении в Феррару, в апреле 1571 года, Тассо попросил отставки у кардинала Луиджи и вскоре был принят в круг придворных на жалованье у герцога Альфонса. В свите герцога он совершил путешествие в Рим и в Венецию.

В это время Тассо особенно много сочиняет. В 1573 году была создана и летом представлена на островке Бельведер знаменитая пастораль «Аминта», опубликованная несколькими годами позже (1580). Тогда же была начата трагедия «Галеальт, король норвежский», но вскоре оставлена. Однако с наибольшим рвением и прилежанием Тассо трудился над героической поэмой «Готфрид», в которой развивал достижения своих венецианских и болонских опытов. В апреле 1575 года «Готфрид» был завершен, а летом поэт прочел эпопею герцогу и княжне Лукреции, теперь уже герцогине Урбинской. Тогда же Тассо поручили должность придворного историографа

вместо скончавшегося в ноябре 1575 года Джамбаттисты Пинья.

Несмотря на внешнее благополучие, Тассо томился в Ферраре, его начали осаждать первые сомнения в художественной ценности его поэмы. Поэтому по случаю юбилея 1575 года он отправился в Рим, чтобы засвидетельствовать почтение кардиналу Медичи и представить свое произведение на суд выдающихся знатоков словесности. Это путешествие в Рим стало для поэта началом вереницы невзгод и бедствий. Сближение с Медичи и поддержка обнародования «Готфрида» посеяли подозрения и недоверие по отношению к Тассо в сердце герцога Альфонса. Но поэт не потрудился рассеять беспокойство властителя и даже усугубил его своим противоречивым и чудаковатым поведением. Так началось самое мучительное десятилетие в жизни Тассо (1576—1586). Эти годы были отмечены его внезапными побегам из Феррары и такими же неожиданными возвращениями, тяжелыми переломами в настроении и отношениях с окружающими. Все завершилось длительным и болезненным заключением в госпитале Святой Анны.

В январе 1576 года Тассо вернулся из Рима в Феррару и начал тягостный труд по пересмотру своей поэмы. Работа удручала его, вызывая вспышки мятежного гнева. В сентябре после бурной ссоры и драки с придворным Эрколе Фуччи, который напал на поэта и ударил его по голове, Тассо уехал в Модену погостить у тамошнего губернатора Ферранте Тассони. Там он свел знакомство с очаровательной женщиной, поэтессой и переводчицей Платона Тарквинией Мольца, посвятил ей несколько стихотворений и прочел ей в обществе нескольких образованных друзей «Рассуждение о ревности».

Через год он снова появляется в Ферраре. Его гнетет безумное ощущение постоянного преследования и слежки, страх обвинения в ереси. Несмотря на отпущение грехов, полученное от феррарской инквизиции, томительное беспокойство только растет. В июне он бросает-

ся с ножом на слугу, решив, что за ним следят; его забирают в одной из внутренних комнат дворца Эсте, обустроенных под тюрьму. Вскоре поэта препроводили к герцогу на виллу Бельригвардо, тот направил его обратно в Феррару, в монастырь Святого Франциска. С этого момента герцог больше всего озабочен, как бы поэт не скомпрометировал его перед инквизицией. Из-за вольномыслия лишенной предрассудков матери Альфонса II Ренаты Французской и временного распространения покровительствуемого ею кальвинизма в Ферраре двор Эсте с трудом налаживал дипломатические отношения с папским государством. Герцог старался, чтобы возродившиеся старинные подозрения по отношению к нему не повредили новому политическому курсу. Подобострастные взаимоотношения с церковью во второй половине XVI века стали необходимы Альфонсу ввиду ослабления подвластного ему государства.

Монастырский покой не смирил тревог Тассо. Летом поэт бежал из своего приюта, тайно покинул Феррару, через Романью, Марке, Абруццо и Апеннины отправился в Газту, а оттуда — морем в Сорренто. В родном городе, переодетый пастухом, он явился к сестре и объявил ей о смерти Торквато. Только убедившись в чувствах Корнелии, он открылся ей и остался на некоторое время в Сорренто. Но вскоре его охватила тоска по Ферраре. Он перебрался в Рим, потом обратно в Феррару, где тоже, впрочем, не задержался, и вновь двинулся в путь, на этот раз в Мантую, Падую, Венецию и Пезаро. В августе 1578 года он гостил в Урбино у Франческо Марии делла Ровере и на вилле Ферминьяно, где начал писать свою знаменитую канцону к реке Метавр, оставшуюся незавершенной. В сентябре он ушел из Урбино и через Феррару и Падую подался в Турин в надежде поступить на службу к Эммануилу Филиберту. Карл Эммануил и маркиз Филипп Эсте оказали ему любезный прием. В Турине он написал несколько стихотворений и, вероятно, задумал диалог «О знати». Меньше чем через год Тассо неожиданно бежал из Турина и явился в Феррару

во время празднования бракосочетания герцога Альфонса с Маргаритой Гонзага. Вскоре в гостях у Бендивольо он вспылил и бросился в герцогский замок и там резко выступил против двора. По приказу герцога его схватили, отвели в госпиталь Святой Анны и заперли там как умалишенного. Потянулись горестные и долгие годы плена (1579—1586), вызванного глубоким духовным кризисом поэта, длившимся с 1575 года.

При дворе Альфонса II Тассо прожил свои лучшие дни, создал свое великое творение; здесь же он познал и жестокую превратность судьбы: из общего любимца сделался предметом злобы придворных и подвергся немилости своего покровителя. Тассо, которого считали лучшим поэтом эпохи, украшением двора, был объявлен опасным безумцем. Автор широко известных по всей Италии трактатов о теории и практике поэзии и истории древней философии был лишен необходимых удобств и даже свободы. Так в его личной доле с жесткой наглядностью отразилась судьба гуманизма в итальянском обществе второй половины XVI века.

После года и двух месяцев строгого одиночного заключения Тассо отвели несколько комнат, где он снова мог принимать друзей, писать стихи, письма и диалоги. Все свое мастерство, силы и вдохновение поэт употребляет на поиски покровительства у разных государей и попытки оправдаться в обвинениях, истинных и вымышленных. Он ведет обширную переписку с друзьями и с издателями касательно многочисленных публикаций его сочинений, искажавших тексты и производившихся большей частью без ведома или помимо воли автора. В моменты просветления он написал большую часть своих диалогов. В 1581 году начали выходить первые издания «Освобожденного Иерусалима».

Тем временем телесные и нравственные страдания Тассо усугублялись, а вместе с ними обострялось и психическое расстройство. Поэт непрестанно думал об освобождении из госпиталя, осаждая друзей и знакомых просьбами о содействии. С тревожным прилежанием

писал он родственникам герцога, герцогине Мантуанской Элеоноре, новому понтифику Сиксту V и многим другим. В те же годы развернулась печатная полемика вокруг «Иерусалима»: флорентийская академия Круска оживленно обсуждала со сторонними знатоками словесности достоинства и недостатки творений Тассо и Ариосто. Сам поэт принял участие в споре, написав «Апологию» и «Ответ на письмо Бастиано Росси». Однако явлением, далеко превосходившим по значению мелочные академические перепалки об особенностях стиля, стало новое издание «Иерусалима», предпринятое в Мантуе в 1584 году под присмотром Шипионе Гонзага.

В июле 1586 года государь Мантуи Винченцо Гонзага наконец добился освобождения поэта и взял его под свое покровительство. Вернув долгожданную свободу, Тассо испытал новый подъем творческих сил. Он завершил трагедию «Галеальт», переделав ее в «Торсмунда». Правка пьесы шла быстро и, должно быть, утомила Тассо, которого вновь охватило беспокойство и охота к перемене мест. Он бежал из Мантуи, добрался до Лорето и через Мачерату вернулся в Рим, где решил обосноваться, несмотря на старания встревоженного герцога Мантуанского залучить его в свои владения. Однако все было напрасно, поскольку Тассо опасался, что, вернувшись, он снова лишится драгоценной воли. Наконец за него вступился папа Сикст V, и герцог Альфонс прекратил настаивать, чтобы ему возвратили поэта. Сразу же успокоился и герцог Винченцо, действовавший явно лишь затем, чтобы досадить феррарскому государю.

В марте 1588 года Тассо отправился в Неаполь, где его приняли в монастыре Масличной горы. По этому случаю в честь добросердечно приютивших его братьев он начал писать небольшую поэму «Масличная гора», опубликованную посмертно. Вернувшись в Рим, он остановился у Шипионе Гонзага и написал драматическую элегию «Костер любви» (поэма тоже увидела

свет после кончины автора). Вскоре поэт оставил дом Гонзага, удалившись в оливетанский¹ монастырь Святой Марии Новой (Santa Maria Novella). Там он вновь ощутил усталость и телесные недуги. В 1590 году Тассо поехал во Флоренцию, где его с пышными празднествами принял великий герцог Тосканский Фердинанд Медичи, а также академики Круска, сделавшиеся пылкими поклонниками «Иерусалима». Во Флоренции поэт провел несколько спокойных месяцев, занимаясь переделкой поэмы, пока до него не дошла весть о кончине папы Сикста V, заставившая его вернуться в Рим. Затем он получил приглашение снова прибыть в Мантую и явился ко двору Гонзага после остановок в Витербо, Сиене и Болонье. Тем временем он прилежно переделывал поэму и писал «Родословие дома Гонзага», напечатанное посмертно, а также занимался окончательным приведением в порядок своих «Стихотворений».

В августе 1591 года Тассо последовал за Винченцо Гонзага в Рим, куда герцог Мантуанский отправился засвидетельствовать почтение новому папе Иннокентию IX. В феврале следующего года Маттео ди Капуа пригласил поэта в Неаполь, где он был принят с честью; здесь Тассо познакомился со многими писателями и среди них — с юным Джованбаттистой Мансо, который станет его первым биографом. В доме Мансо он начал писать поэму «Семь дней творения» (вышла в свет в 1605 году) и завязал дружбу с государем Венозы, прославленным автором мадригалов Карло Джезуальдо. В мае Тассо вернулся в Рим, надеясь добиться покровительства и помощи нового понтифика Климента VIII, и остановился у Чинцио Пассери Альдобрандини, племянника папы, знатока словесности и покровителя искусств. Ему Тассо посвятил плод многолетней работы, главное произведение своей жизни — поэму «Покоренный

¹ Оливетанцы (братья Масличной горы) — члены конгрегации ордена святого Бенедикта, основанной в XIV веке.

Иерусалим».² В июне 1594 года после написания и публикации поэм «Слезы Девы Марии» и «Слезы Иисуса Христа» Тассо вернулся в Неаполь и провел лето в монастыре Святого Бенедикта. Для приютивших его монахов он начал писать небольшую поэму «О житии святого Бенедикта», но на восьмой строфе прервал ее. Тогда же в Неаполе вышли в свет шесть «Рассуждений о героической поэме», которыми Тассо желал исправить теоретические положения юношеских «Рассуждений о поэтическом искусстве» и оправдать переделку «Иерусалима».

В ноябре 1594 года по зову Альдобрандини Тассо вернулся в Рим. Папа жаловал ему годовой пенсией и обещал торжественное венчание лавром на Капитолии. Но в марте 1595 года Тассо вновь занемог и велел препроводить себя в монастырь Святого Онуфрия на Яникуле. Смерть постигла его 25 апреля в одиннадцать часов утра. Перед похоронами друзья увенчали лавром бездыханное тело поэта. Набожные братья похоронили его в склепе, устроенном в маленькой церкви Святого Онуфрия, в первой часовне слева. Тассо едва исполнился пятьдесят один год.

Поэму о первом крестовом походе можно по праву считать главным сочинением Тассо, трудом, которому были отданы тридцать лучших лет напряженного творческого горения. «Иерусалим» вобрал в себя отсветы всех вдохновений, всех мыслей и чувствований создателя. Другие произведения поэта — сонеты и диалоги, письма и драматические опыты — были в той или иной степени подготовкой, комментарием или послесловием к его эпосе.

² В отечественных сочинениях по истории итальянской литературы окончательный вариант поэмы Тассо «Gerusalemme conquistata» носит название «Завоеванный Иерусалим». Думается, уместным было бы показать в переводе названия идею покорения и покорности, присутствующую в названии и аналогичную выражениям: покорение Мексики (конкистадорами), покорение Казани (войсками Ивана Грозного).

Первые мысли о поэме, вероятно, могли возникнуть у Тассо еще в бытность при урбинском дворе, в обстановке оживленного обсуждения древней и новой классической словесности и истории, во время восторженного приобщения к рыцарским искусствам. Идея сочинения еще яснее обрисовалась в Венеции, в самую безмятежную и полную надежд пору жизни юного гения. К созданию эпоса о первом крестовом походе молодого поэта призывали многие исторические обстоятельства и события собственной жизни. Желание быстрого и яркого успеха заставляло видеть в урбинских лирических опытах слишком неприятное и частное занятие. Труды отца убеждали молодого честолюбца в том, что он мог бы наверняка завоевать завидное положение при дворе, создав нечто достойное пера Ариосто и при этом лучше отвечающее изменчивому духу времени, со скукой отвернувшегося от благородного по замыслу, но тяжеловесного по исполнению труда Джанджорджо Трисино «Италия от готов избавленная» (1547—1548). Слышанные в детстве рассказы об Урбане II, в которых предание было неотделимо от истории, воспоминания, оживленные вестью о плачевной судьбе сестры во время набега пиратов на берега Амальфи в обстановке общеевропейского, и особенно венецианского, страха турецкой угрозы, подсказывали ему животрепещущую тему.

В 1560-е годы в Венеции печатали множество старинных летописей крестовых походов; литературной новинкой была знаменитая «Войны священной история» Вильгельма Тирского, выходившая на латыни и в итальянских переводах. Устные рассказы купцов и солдат, прибывавших с Востока, наполняли замысел новыми подробностями. Так, при содействии и настойчивом побуждении Данезе Катанео, верного друга и ценного советчика, лег на бумагу первый набросок, около ста октав, содержание которого затем составило основу первых трех песен «Освобожденного Иерусалима». Зачин был вскоре оставлен: первые трудности остановили юного честолюбца, одержимого лишь смутными герои-

ческими образами, лишенного достаточного литературного и жизненного опыта для строительства крупной эпической формы. Тем не менее отрывок примечателен изумительной силой и свежестью певучих и возбужденных начальных образов порыва крестоносцев к Иерусалиму; он разворачивается в стремительном и бурном ритме барабанной дроби и трубных возгласов среди вьющихся по ветру стягов, среди блистания лат и взоров. Вскоре иссякшее вдохновение обратилось на другие предметы, однако оставило неложное свидетельство о состоянии духа пылкого юноши-поэта, устремленного к туманному идеалу близкой и мгновенной славы, подобно странствующим рыцарям без страха и упрека, каковы крестоносцы в первом отрывке.

«Ринальд», начатый одновременно с наброском «Иерусалима», был завершен быстро и легко; собственно, эта поэма и принесла Тассо первую заслуженную славу и проложила дорогу к феррарскому двору. Оставив на время великое полотно, главную книгу века, юноша пустился в изящное увеселение и выказал раннее и уверенное владение богатым арсеналом выразительных средств развлекательной рыцарской поэмы позднего Возрождения. Он избрал более доступную тематику и нашел близкие себе образы и сюжеты: характер юного героя, жажда славы, восхваление рыцарских доблестей, любовные перипетии и верность идеалу. В «Ринальде» возникает и очерчивается круг сюжетных линий, которые составят лирическое ядро будущего «Освобожденного Иерусалима»: пылкое чувство собственного достоинства, граничащее с гордыней (Ринальд), горестное умиление (Флоринд), роковой трепет предошущения безвременной гибели (Клития), опасное чувственное очарование (Ринальд и Флориана). Здесь же оттачивается техника плавного и увлекательного повествования по примеру Ариосто, а затем Аламанни и Бернардо Тассо.

Возобновление работы над поэмой, ее завершение, отделка и критическая защита происходят в 1564—1577 годах. Это время важнейших жизненных сверше-

ний, напряженного философского и творческого поиска. Занятия в университете, где Тассо являет поразительные успехи в точных и гуманитарных науках, отдавая предпочтение истории и поэтическому искусству, сменяются придворной жизнью, учеными академическими диспутами, утонченной стихотворческой игрой, чувственными наслаждениями в вихре феррарских празднеств и уладами до предела обостренного самолюбия, иллюзией влияния на политическую и духовную жизнь эпохи. Именно в этот период сознание и поэтическое творчество поэта становятся одним из ярчайших выражений трагического противоречия эпохи Контрреформации и противопоставляют ему благородный замысел примирить в произведении искусства враждующие тенденции, в поэзии обрести согласие. «Освобожденному Иерусалиму» его создатель судил стать синтезом центробежных сил духовного пространства эпохи. Тассо надеялся примирить преклонение перед красотой и мудростью классического наследия древности с порывом к беспримесной чистоте христианского учения, вновь становящегося основой государственного устройства. Поэт жаждал согласить неодолимую жажду утонченных чувственных наслаждений и горделивого самоутверждения с высокими образцами самоотверженной аскетической добродетели. Он вознамерился вновь обратиться ко всему обществу, объединить его высшим интересом, вновь поставить поэзию в основу духовного бытия народа, подобно своему герою, «под святые стяги собрать своих рассеянных братьев». Устремившись в это нелегкое предприятие со всем пылом своего дарования и честолюбия, Тассо вышел из него обессиленным и побежденным.

Основной художественной и жизненной задачей поэта в этот период становится органичное объединение богатой классической традиции, ее философии, этики и эстетики с духом католической религиозности Нового времени, особенно обострившейся в эпоху борьбы с реформационным движением на севере Европы и с насмешливым и независимым ренессансным свобододо-

мыслим на ее юге. Через обращение к аристотелевской теории словесного искусства и через собственное творчество Тассо надеялся вернуть единство стремительно расслаивающемуся обществу, сформированному культурой Ренессанса и теперь метавшемуся между забвением в чувственных наслаждениях, придворным угодничеством и терзаниями глухого мистицизма. «Рассуждения о поэтическом искусстве», писавшиеся одновременно с «Готфридом», поясняют и развивают мысль о «единстве», возникающем на художественном уровне из самого «многообразия различий».

«Так равным образом сужу, что от поэта превосходного поэма образована быть может, в коей, подобно как в малой вселенной, здесь военные приказания читались бы, здесь баталии полевые и морские, здесь городов завоевания, схватки и поединки, здесь игрища рыцарские, здесь голода и жажды описания, здесь бури, здесь пожары, здесь чудеса; окажутся там соборы небесные и адские сходбища, там зреться будут мятежи, там раздоры, там странствия, там приключения, там чары, там деяния свирепства, дерзновения, учтивости, щедроты; там происшествия любви, то счастливые, то несчастные, то веселые, то плачевные; но дабы при том единая была поэма, все многообразие стольких материй содержащая, един долженствует быть облик и повесть ее, и все предметы сии таким образом должны быть составлены, чтобы один другого касался, один другому соответствовал, один от другого по необходимости или по вероятности зависел так, чтобы от изъятия или перемещения одной части все бы рушилось».³

Всеобъемлющим композиционным приемом построения поэмы становится принцип единства предмета и повествования, заповеданный Аристотелем, лучшими образцами древности и Данте. При этом основная линия постоянно осложняется неистощимым разнообразием

³ *Tasso T. Discorsi dell'arte poetica e del poema eroico / A cura di Luigi Poma. Bari, 1964. P. 36 (перевод мой. — А. Д.).*

эпизодов, никогда, впрочем, при всей своей увлекательности и протяженности не уводящих от главного предмета, а только способствующих его раскрытию. Развлекательная пестрота приключений рыцарской поэмы Возрождения обретает твердую структурную основу, сопоставимую с математическим расчетом конструкции «Божественной комедии».

Одним из главных направлений поэтического синтеза стало сочетание таких важных для искусства Нового времени категорий, как подражание и изобретение. Оригинальный замысел Тассо основывается на известиях об исторических событиях, однако было бы неверно искать в поэме черты исторического сочинения: свободный полет художнической фантазии и размышления о судьбах цивилизаций редко опираются на строгую критику фактов и источников. Пристальный историко-литературный анализ обнаружит в свободно льющейся стихотворной речи Тассо множество заимствований из классических произведений древности и Нового времени. Однако все они сплавлены в новое стилистическое единство возвышенного и взволнованного повествования, создавая богатый фон аллюзий и перекличек с предшественниками.

Композиционным стержнем «Освобожденного Иерусалима» становится величественная батальная фреска, живописующая воодушевленное шествие крестоносцев к Святому граду, вереницу битв с его защитниками и приходящими им на помощь войсками, осаду, решающий штурм и, наконец, генеральное сражение с войском царя египетского, завершающееся вступлением христиан в храм Гроба Господня. На пути к победе перед воинами Христа встает множество препятствий: мужество и доблесть мусульманских защитников Иерусалима, коварные ночные вылазки и нападение арабских бродячих разбойников, изумляющая своей восточной пышностью мощь египетского войска. Однако за военными действиями стоит столкновение мировых сил природы и духа. Против христиан встают силы преисподней, воодушев-

ляемые самим Сатаной; воинам Креста по воле Вседержителя подает помощь небесное воинство. В битве участвует природа — ужасной бурей, губительной засухой, животворным дождем, попутными и противными ветрами, всеми богатствами своих недр и океанов, таинственной жизнью лесных чащ, водных глубин и небесных высей, мощью сокрушительных и животворных стихий. В противоборство на стороне христиан и неверных вступают чары белой и черной магии, замысловатые ухищрения власти человека над естеством. И не менее впечатляющая битва разыгрывается в сердцах бойцов, где осознание высокого долга, исторической необходимости, самоотверженное стремление к бескорыстной героической славе, поддерживаемое священнослужителями, учеными и примером доблестных товарищей по оружию, вступают в трагический поединок с разобщающим личным честолюбием, гордыней, обольщениями ревнивой чувственности, губительными порывами к разрушению и убийству.

Основная хоровая тема щедро украшена подробными описаниями сражений и поединков, военных советов, примеров героизма, трагических и достойных восхищения картин. В нее искусно вплетаются портреты и приключения отдельных персонажей, лирические, философские и лирико-драматические фрагменты, картины природы, истории прекрасной и трогательной любви, боевого товарищества.

Результатом становится лирико-драматическая эпопея высочайшей эмоциональной и личностной напряженности, какой до этого не знала европейская словесность. Мастерское соединение высокой патетики батальных сцен, утонченного психологического лиризма любовных приключений, колдовской фантастики и мистических откровений, головокружительно разумного красноречия и трагически обнаженных страстей производит в высшей степени характерное для эпохи второй половины XVI века ощущение предельного напряжения противоборствующих стихий мировой истории, народ-

ного и личного начала, чувство последних мгновений равновесия, достигнутого экстатическим усилием творческого гения. За этой громоподобной гармонией — только хаос безумия или полное растворение в безликом рабском говоре эпохи.

Измотанный многолетними попытками удовлетворить или обоснованно отклонить многочисленные противоречивые требования критиков по исправлению поэмы, сломленный жестокими жизненными невзгодами, выйдя из госпиталя, Тассо своей рукой внес в поэму все поправки, роковым образом изменившие облик сочинения. «Освобожденный Иерусалим» стал «Иерусалимом покоренным», великолепной риторической машиной, где каждая подробность подчинена строгой провиденциальной логике и доктрине, где нет места живительному чуду поэзии. «Покоренный Иерусалим» снова стоит в центре поэтического творчества Тассо, если только можно так говорить о веренице надуманных заказных сочинений, рассчитанных на вкусы мирских и духовных властителей, монархов и монахов. Рядом с рассудочной и благочестивой холодностью хвалебных подносных од разительно зияет лишь «Торсмунд» — трагедия чудовищных страстей, славящая самоубийство как единственное спасение от безысходных бед и страданий. Там в пронзительных, полных лирической силы хорах надтреснутым криком исходит некогда самый певучий голос эпохи:

о жизнь моя, не жизнь,
о тень и дым,
о жизни подлинной
поддельный лик, о смерть...

Последний великий синтез итальянской поэзии Возрождения распался, оставив трескучий холод подобострастной барочной риторики, капризные арабески мелких и мелочных лирических форм, вычурные крикливые драмы плаща и шпаги, скабрёзные и жутковатые повестушки поздних новеллистов и почтительное изумление

потомков перед навсегда утраченным и неповторимым совершенством.

Особенности поэтики «Освобожденного Иерусалима» — единство и стройность плана, развитое лирическое начало, сложные психологические характеристики персонажей, яркое изображение драматических любовных коллизий — обусловили огромное влияние поэмы на европейское искусство. Она считалась общепризнанным образцом эпopeи, вызвала множество подражаний и была переведена на многие языки. Помимо европейских переводов поэмы существуют переложения ее на некоторые азиатские языки: арабский, турецкий и другие. Из нее черпали вдохновение не только литераторы, но и композиторы, художники, деятели театра. Многие стихи из нее стали итальянскими народными песнями, и это явление приобрело широкую известность в Европе и отразилось в мемуарной и художественной литературе.

На рубеже XVIII—XIX веков в Европе возникает сентиментально-романтический культ Тассо, связанный с некоторыми событиями его жизни. Мифическая безнадёжная любовь к сестре феррарского герцога Альфонса II Элеоноре; помешательство и принудительное пребывание в госпитале Святой Анны; травля со стороны критиков и придворных; бесприютные скитания по Италии в последние годы жизни; смерть накануне венчания лавром на Капитолии; известность «Освобожденного Иерусалима» среди простого люда: пастухов, разбойников, венецианских гондольеров — все это создавало вокруг образа поэта ореол страждущего непризнанного гения, моделировало актуальный для культуры романтизма биографический тип.

В России «Освобожденный Иерусалим» стал известен со второй половины XVII века. Поначалу переводы из поэмы делали с польского языка, затем, со второй половины XVIII века, — с французского. Первый полный русский перевод «Освобожденного Иерусалима» был выполнен прозой с французского прозаического переложения М. И. Поповым и опубликован в 1772 году.

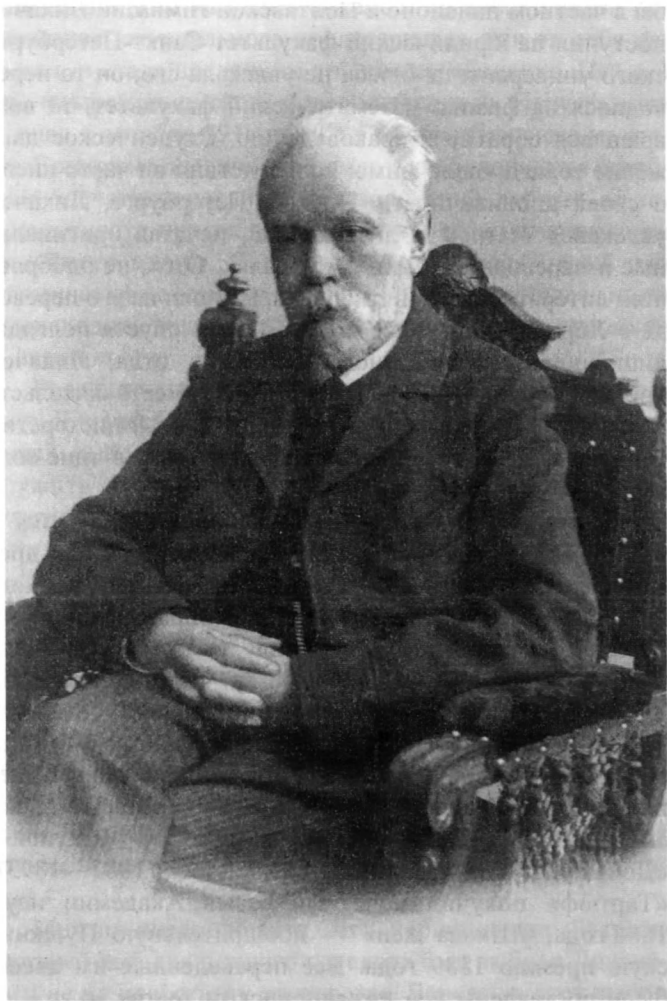
С XVII века сведения о творении Тассо включались в русские школьные поэтики и курсы теории и истории литературы, становились неотъемлемой частью размышлений литераторов о русской национальной эпике, оказывали влияние на авторов, писавших произведения в этом роде. М. М. Херасков, создатель первой законченной русской героической эпопеи «Россиада», опубликованной в 1779 году, во многом опирался на опыт Тассо. Предметом поэмы стало покорение Казани в 1552 году русским царем Иваном IV Грозным, а основным историческим источником — «Казанская история», созданная в середине 1560-х годов и ставшая своеобразным современным аналогом эпопеи Тассо на русской почве.

Интерес к биографии и творчеству Тассо был неизменен на протяжении всей истории русской литературы XIX века. Общеευропейский сентиментально-романтический культ поэта оказал большое влияние на творческую и человеческую судьбу К. Н. Батюшкова. В периодической печати и личной переписке многих выдающихся деятелей изящной словесности первой трети XIX века велись оживленные споры о принципах и приемах перевода «Освобожденного Иерусалима» на русский язык. В это же время публикуются первые полные стихотворные переводы эпопеи Тассо и первые переводы из нее непосредственно с итальянского языка. Возникают высокохудожественные и даже иногда конгниальные, однако фрагментарные, переложения поэмы, выполненные Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым, П. А. Катениным, С. П. Шевыревым, И. И. Козловым, позднее Д. С. Мережковским. Наряду с ними появляются плоды усердных, но почти всегда неудачных трудов С. А. Москотильникова, А. С. Шишкова, А. Ф. Мерзлякова. Известен курьезный своими стилистическими огрехами перевод С. Е. Раича, получивший убийственную славу благодаря строке: «Вскипел Бульон, течет во храм», изобилующий, однако, живыми и сильными стихами.

Обращение к поэме Тассо уже в этот период начинает диктоваться прагматикой политической конъюнктуры: новые переводы или их переиздания предпринимаются в связи с вооруженными действиями Российской империи на Ближнем Востоке, например в обстановке русско-иранской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн, когда были опубликованы переводы Мерзлякова и Раича. Новые прозаические переводы «Освобожденного Иерусалима» выходили в середине века, в 1852 и 1862 годах, затем последовало переиздание одного из них в 1883 году. В 1899 году появилось издание, предназначенное для школьного чтения, где компиляция отрывков из переводов поэмы, сделанных в разное время разными русскими переводчиками, чередовалась с пересказом содержания и с собственными переводами составителя серии «Русская классная библиотека» А. Н. Чудинова.

В 1900 году был опубликован первый полный перевод «Освобожденного Иерусалима» октавами, выполненный, вероятно, еще в 1860—1870-е годы Д. Е. Мином, пожалуй, наиболее ответственным и вдумчивым переводчиком итальянской эпической поэзии на русский язык в XIX веке. Перевод его был, конечно, большим достижением для своего времени, как и перевод «Божественной комедии» Данте, далеко превосходивший все предыдущие опыты русских поэтов на этом труднейшем поприще. Однако его содержательная точность лишена творческой увлекательности и не дает представления о поэтической мощи оригинала.

Воспроизводимый в настоящем издании перевод был выпущен в 1910 году петербургским издателем А. А. Каспари и принадлежал В. С. Лихачеву. Владимир Сергеевич Лихачев родился 6 февраля 1849 года в Полтаве в семье небогатого дворянина, служившего в казенной палате. Мать происходила из семьи титулярного советника, была прекрасно образована, знала несколько иностранных языков. Именно она привила сыну любовь к словесности. После домашнего обучения, а затем уче-

**Владимир Сергеевич Лихачев.
Фотография Д. С. Здобнова.**

бы в частном пансионе и Полтавской гимназии Лихачев поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Учеба не увлекала его; он то переводился на физико-математический факультет, то возвращался обратно к правоведению. Студенческое движение тоже прошло мимо: впоследствии он часто писал о своей аполитичности. Живя в Петербурге, Лихачев увлекался театром и литературой, печатал оригинальные и переводные стихи в журналах. Отец, не одобрявший литературных занятий сына, настоял на его переводе в Харьковский университет, однако спустя полгода, лишившись материальной поддержки отца, Лихачев бросил учебу и переехал на постоянное место жительства в Петербург, где стал служить по Министерству финансов. В 1904 году он вышел в отставку в чине коллежского советника.

С конца 1870-х годов Лихачев много печатается в различных журналах и газетах, пробует себя как драматург, но известность приобретает как переводчик. Он первым из русских переводчиков обратился к циклу Т. Мура «Ирландские мелодии» и поэме И. В. Гёте «Рейнеке-лис», переводил драмы и стихотворения У. Шекспира, Г. Э. Лессинга, Ф. Шиллера, В. Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Беранже, Ш. Бодлера. Вершиной его переводческого творчества стали стихотворные переложения комедий Мольера «Тартюф», «Школа жен», а также смешанные переводы стихами и прозой — «Скупой», «Дон Жуан» и «Мещанин во дворянстве» (1887—1893). «Тартюф» получил почетный отзыв Академии наук 1888 года, «Школа жен» — поощрительную Пушкинскую премию 1889 года. Все переведенные им пьесы были поставлены в Александринском театре.

После отставки от государственной службы Лихачев некоторое время для заработка участвовал в качестве корректора в подготовке академического «Словаря русского языка», выходившего под редакцией А. А. Шахматова. Работа над переводом «Освобожденного Иерусалима» на склоне лет, в 1909—1910 годах, видимо, была

для него одним из видов тяжелой, но необходимой повинности «журнального пролетариата», как он себя называл, и стала последним трудом переводчика. Первый из четырех выпусков «Освобожденного Иерусалима» вышел в октябре 1910 года, а 5 ноября Лихачева не стало. Возможно, именно этой смертью объясняются ошибки и опечатки в издании, произошедшие, видимо, от невозможности присмотра за печатанием со стороны уже покойного автора. В переводе встречается целый ряд ритмически дефектных строк и ошибок, которые могли происходить только от неправильного чтения рукописи в издательстве.

Редакционная преамбула справедливо называет работу Лихачева «новым стихотворным изложением». Перевод выполнен пятистопным ямбом, который может служить русским эквивалентом итальянского одиннадцатисложника. Однако строки не рифмуются, клаузулы в них не упорядочены, что приводит к утрате характерной для итальянской эпической поэзии строфы — октавы с ее рифмовкой по схеме *abababcc* и обязательными женскими клаузулами. Думается, было бы неверным полагать, что эпическая октава представляла непреодолимую техническую трудность для Лихачева. В 1898 году в журнале «Вестник иностранной литературы» он поместил отрывок из двадцатой песни «Освобожденного Иерусалима», переведенный правильными октавами, и продемонстрировал блестящее владение как техникой перевода, так и непростой стихотворной формой.⁵

Можно предположить, что нерифмованный пятистопный ямб для полного перевода был выбран Лихачевым не по недостатку мастерства. Вероятно, этот выбор был продиктован желанием отличить свою работу от опубликованного в 1900 году перевода «Освобожденного Иерусалима», выполненного Д. Е. Мином. Это прилежное и изобретательное переложение, отмеченное

⁵ Отрывок этот см. в Комментариях, с. 711.

чертами подлинного дарования, сохраняло форму повествовательной октавы, однако несло на себе отпечаток некоторой принужденной искусственности, следы жертвования свободным течением поэтической речи в угоду строгим стихотворческим правилам. Подобным же недостатком, но еще в большей степени, страдал перевод Р. Ф. Брандта (Ореста Головнина), опубликованный год спустя после появления труда Лихачева. На фоне обоих произведений становится особенно отчетливой основная особенность художественных приемов последнего. Во главу угла он поставил раскованное движение ничем не стесняемой живой фразы, непринужденно льющейся за пределы стихотворной строки, бесконечное ритмическое разнообразие напевной взволнованно-доверительной поэтической речи. Чистоту и правильность русского языка в переводе Лихачева, за исключением нескольких мелких шероховатостей, можно счесть образцовыми. Ясность и логика его синтаксических построений всегда стоят на высоте. Перечисленные особенности беспримерно приближают поэму Тассо во всей ее сложности и многозначности к восприятию современного читателя, позволяя ему не только знакомиться с ее основными сюжетными линиями и образами, но и наслаждаться атмосферой подлинного вдохновения и зрелого мастерства, наполняющей перевод наравне с оригиналом.

В описанных обстоятельствах отказ от нарочитого следования строфической форме оригинала тоже кажется оправданным. Октава была настолько традиционным и распространенным способом оформления эпических предметов в итальянской литературе, что художественное восприятие ее формы было во многом стертым, механическим. Педантичный перенос октавы в иные историко-литературные условия мог выглядеть изощренной вычурой, трудноосуществимым кунштюком и отвлек бы на себя внимание от куда более важных особенностей оригинала. Впрочем, основную особенность эпической октавы Тассо — усиленное по сравнению с предшественниками лирическое начало и обилие стиховых пере-

носов, воспроизводящее образцы античной лирики и эпоса, — стих Лихачева передает в полной мере. Можно также заметить, что вполне успешное претворение таких изысканных и требующих от русского стихотворца незаурядного мастерства форм, как эпическая октава или терцины, было осуществлено лишь во второй половине XX века в ограниченном числе до сих пор недостижимых и неподражаемых образцов.⁶

Конечно, внимательное чтение и сверка с оригиналом не могут не выявить в работе Лихачева некоторые изъяны, свойственные, впрочем, всякому переводческому труду. В Комментариях нами были описаны наиболее заметные отклонения от оригинала, пропуски и даже ошибочно понятые переводчиком пассажи. Пристальное рассмотрение выявленных переводческих промахов и некоторых опечаток позволило установить, что в качестве вспомогательного пособия Лихачев пользовался широко известным и высоко ценимым французским прозаическим переложением «Освобожденного Иерусалима» Ш. Ф. Лебрена (1739—1824), которое было впервые опубликовано в 1774 году и с тех пор неоднократно переиздавалось.

Итак, настоящая публикация вновь, после почти столетнего перерыва, дает российскому читателю возможность близкого знакомства с одним из прекраснейших произведений мировой художественной литературы. «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо в русском переводе В. С. Лихачева, несомненно, является ярким примером, свидетельствующим об умении тружеников отечественной изящной словесности глубоко и на самом высоком качественном уровне воспринимать и

⁶ Имеется в виду «Божественная комедия» Данте в переводе М. Л. Лозинского; «Беппо», «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона в переводах В. В. Левика, Г. Шенгели и Т. И. Гнедич; «Лузиады» Л. Камозенса в переводе О. Овчаренко. Для наиболее полного перевода октав «Неистового Роланда» Л. Ариосто М. Л. Гаспаров воспользовался так называемым свободным стихом (1993).

воспроизводить лучшие образцы иноязычных традиций словесного искусства. Это верно даже в случае с шедевром Тассо, путь к воссозданию которого на русском языке был труден и полон плачевных неудач. Впрочем, думается, что предлагаемый перевод — лишь ступень, один из шагов к освоению богатого наследия итальянской литературы культурой России. Есть надежда, что чтение поэмы не только доставит наслаждение знатокам изящной словесности, не только расширит кругозор пытливых ценителей, но и поощрит дальнейший творческий поиск переводчиков, трудящихся на благо просвещения и взаимопонимания народов.

Антон Дёмин

Торквато Тассо

**ОСВОБОЖДЕННЫЙ
ИЕРУСАЛИМ**

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

1

Пою борьбу святую и борца,
Исторгшего из плена Гроб Господень.
И мужество, и храбрость, и терпенье
Явил он в славных подвигах своих.
Напрасно на него и Ад кромешный,
И Азия, и Африка восстали:
Хранимый Небом, под святые стяги
Собрал он вновь рассеянных собратьев.

2

О Муза! Ты, что лавром преходящим
Себя не величаешь, но живешь
Среди небесных клиров на Олимпе,
Венчанная бессмертными звездами,
Зажги, о Муза! творческое пламя
В моей груди; прости меня, коль правду
Украшу я цветами и в стихах
К твоим еще свои прибавлю чары.

3

Ты знаешь, как спешат упиться люди
Парнасской ложью; знаешь ты, как правда,
Прикрытая поэзией, способна
Повелевать мятежными сердцами.

Так подслащаем мы края посуды
С лекарством для недужного ребенка;
Обманутый, целительную горечь
Глотает он и остается жив.

4

О мой оплот, Альфонс великодушный!
О ты, что спас мой челн полуразбитый
От тайных скал стихии разъяренной,
С улыбкою склони свой слух к стихам,
Тебе среди напасти посвященным.
Предвидя жребий твой, быть может, Муза
Воспеть твои деяния дерзнет
И повторит лишь то, что здесь воспето.

5

Да, если христианские народы
Когда-нибудь в одну семью сплотятся
И дружной ратью двинутся вторично
Отнять у мусульманина добычу,
Да во главе той рати станешь ты
И поплывут все флаги за тобою;
Готфрида состязатель, удостой
Меня послушать и готовься к битвам.

6

Пять раз уж солнце путь свой пробежало
С поры, когда подвижнический пыл
Увлёк Христовых воинов к Востоку.
Никея уступила их отваге:
Искусно овладев Антиохией,
Они ее от персов отстояли.
В Тортозе захватила их зима,
И там весны пришлось им дожидаться.

7

К концу уж приближалась непогода,
 Сковавшая воителей ретивость,
 Когда с престола, выше звезд настолько ж,
 Насколько звезды выше преисподней,
 Предвечный опустил Свой взор к земле;
 В единый миг единым взглядом обнял
 Он мир земной во всем его пространстве
 Со всеми в нем живыми существами.

8

Все перед Ним; и Сирию Он видит,
 И видит государей христианских.
 Проникновенным взором отличает
 Меж них благочестивого Готфрида,
 Пылающего рвением Солим
 Освободить от гнета нечестивых.
 И славою, и властью, и богатством —
 Всем пренебрег он для высокой цели.

9

Честолюбивый Балдуин стремится
 Всем существом к величию земному.
 Танкред, добыча гибельной любви,
 Разочарован в жизни. Боэмунд
 Престол в Антиохии утверждает,
 Законы вводит, создает искусства
 И приобщает подданных своих
 К святым основам нравов беспорочных.

10

Весь в это погруженный, он уж явно
 Не думает о подвигах иных.
 Мятежный дух Ринальда, негодуя
 На вынужденный мир, войне шлет вызов.

К сокровищам и власти равнодушный,
Лишь бранной славы жаждет он безмерно.
Чарует Гвельф и слух его, и сердце
Рассказами о подвигах старинных.

11

Душевные изведав тайники
Всех названных и прочих государей,
Зовет Владыка мира Гавриила,
Второго из архангелов Своих.
Посредник между небом и землею,
Глашатай благодати, Гавриил
Вещает Божью волю человеку
И от него мольбу возносит Богу.

12

«Лети и от Меня спроси Готфрида:
Когда ж конец бездействию настанет?
Когда ж Солим избавится от гнета?
Пускай военачальников, скажи,
Тотчас же созовет и поторопит.
Он будет их главою и вождем.
Кто избран Мной, тот ими будет избран,
Сегодня равный им, но скоро — выше».

13

Господь сказал, и верный Гавриил
Воздушные уж принял очертанья
И видимость невидимому придал.
Он в образ человеческий облекся,
Но полон взор величием небесным.
По возрасту и отрок он, как будто,
И юноша. Блестящие лучи
Над светлыми его кудрями реют.

14

Белеет за плечами пара легких
 Усталости не ведающих крыльев.
 Концы их ярким золотом горят.
 Высоко над землей и над морями
 Парит на них он против туч и ветра,
 Покинув небеса, пределы мира
 Он пересек уже и на мгновенье
 Недвижно повисает над Ливаном.

15

И вот он устремляется к Тортозе.
 Широко распахнул Восток свои
 Ворота перед солнцем; частью круга
 Оно еще казалось под водою.
 Готфрид успел уж помолиться Богу,
 Как вдруг, плывя по небу вместе с солнцем,
 Но с блеском дня победно соревнуя,
 Является ему посол небесный.

16

«Пора, Готфрид, зачем еще ты медлишь?
 Дай клич военачальникам, за лень
 Их пожюри; по Божьему избранью
 Они тебя главой своим признают.
 Так повелел Господь. Какое рвенье
 Должно в тебе и войске разгореться!»
 Сказал — и в небесах уже. Готфрид
 В безмолвном изумленье остается.

17

Но, овладев собой, он размышляет
 О слышанном Господнем повеленье,
 О Господе и о Его после.
 В воспрянувшем порыве он горит

Желанием докончить начатое.
Не суетной гордыней он проникнут:
Как искру зажигает пламя, так
В нем волю зажигает воля Неба.

18

Сзывает он соратников поспешно:
И письма и гонцы летят повсюду.
Советуя, он молит в то же время,
Что может душу доблестную тронуть
И побудить уснувшую отвагу,
Все у себя находит он в душе
И средствами могучими такими
Он все сердца чарует и пленяет.

19

Съезжаются вожди. Лишь Боэмунд
Свои владенья бросить не желает.
Одни находят кров в стенах Тортозы,
Другие размещаются в равнинах.
В урочный день торжественный совет
Воителей державных заседает.
Там и Готфрид; величием отмечен
Он и в лице, и в речи вдохновенной.

20

«Вершители небесного возмездья,
Вы, призванные в храмах обновленных
Восстановить святую веру, вы,
Кого десница Божья сохранила
От бед и зол на суше и воде,
Вы, столько стран вернувшие закону,
Вы, посреди народов покоренных
Христово возвеличившие имя!

Не ради же тщеславия пустого
 Мы бросили отчизну, жен, детей;
 Не для того ж мы вверили себя
 Стихии вероломной и подверглись
 Опасности далекого похода,
 Чтоб варваров лишить свободной доли:
 Столь низменные подвиги, конечно,
 Не окупили б крови пролитой.

Над городом святым святые стяги
 Победно развернуть, единоверцев
 Спасти от унижительного рабства,
 Основу положить державе новой,
 Дать прочный благочестию приют,
 Преграды сокрушить для поклоненья
 Святому Гробу — вот какие цели
 Вооружили нас на славный подвиг.

Мы тысячью опасностей презрели,
 Перенесли тяжчайшие труды,
 Но очень мало мы бы совершили
 Для нашей славы, а для целей наших
 Не совершили б ровно ничего,
 Когда бы здесь остановили натиск
 Соединенных сил иль на другие
 Места его направили отсюда.

Какую бы мы выгоду стяжали,
 В глубь Азии увлекши всю Европу
 И заревом пожаров осветив
 Из края в край обширные пространства,

Когда бы эти все деянья наши
К тому лишь привели, что много царств
Разрушенных осталось бы за нами,
Но созданного вновь ни одного?

25

Тот царства не постройт, кто в основу
Мирские вожеления кладет.
Оторванный от Запада, среди
Язычников, неверных, чужезмцев
И греков вероломных, он увидит,
Как рушится его сооруженье,
И, заживо заваленный камнями,
Могилу он лишь выроет себе.

26

Все имена, все подвиги: и турки,
И персы, и у ног Антиохия!
Но подвиги не наши. Милость Неба
И мощь его явилась в них. И если
Мы эти все щедроты обратим
В орудия борьбы мятежной с ним же,
То, я боюсь, лишимся мы всего
И станем только притчей во языцех.

27

Прогоним, ах, прогоним мысль преступно
Воспользоваться благодатью небесной!
Идем, не останавливаясь больше,
И славой увенчаем наш почин.
Свободен путь, за нас и время года;
Бежим, летим к стенам, где Небесами
Предел для наших подвигов указан:
Что нас еще удерживает здесь?

28

Да, государи, вот, что без ошибки
 Предчувствие мое вам возвещает:
 Вселенная, грядущие века
 И сонмы сил небесных да услышат!
 Пришла пора, созрела жатва наша.
 Промедлим — все плоды победы сгинут.
 Пока мы спим, Египет, вижу я,
 Спешит уже на помощь Палестине».

29

Сказал; глухой повсюду шепот слышен.
 И Петр тогда встает; простой пустынный,
 Он помогал советами в походе,
 Что по его же кличу был предпринят.
 «К чему Готфрид зовет вас, то я вам
 Советую. Довольно колебаний.
 Показана вам истина, вы в ней
 Убеждены. Одно лишь я прибавлю.

30

Припоминая распри между вами,
 Приведшие к постыдным неудачам,
 Взаимную припоминая зависть,
 Препону и помеху вашей славы,
 И вечную медлительность в делах,
 Я нахожу, что все проистекает
 От разделенья власти, оттого,
 Что нет у вас во мнениях единства.

31

Один пусть будет вождь, и от него
 Награды все и кары пусть исходят;
 Где власть разделена, там управленье
 Подобно челноку в открытом море.

Сплотитесь воедино, одному
Возническому узду и вожжи вверьте:
Вооруженный скипетром и властью,
Пусть примет он державные права».

32

Так старец говорит. Тебе, Создатель,
Открыты наши мысли и сердца,
Ты вдохновил пустытника, Ты в душах
Вождей запечатлел его слова,
Ты одолел присущее всем смертным
Стремление в них повелевать другими.
Вильгельм и Гвельф, знатнейшие, всех раньше
В начальники Готфрида предлагают.

33

В ответ на это клики раздаются
И голоса: «Пусть нашего похода
Душою будет он, пусть он над нами
Главенствует, законы побежденным
Преподает, войной и миром правит;
Мы исполнять его лишь волю станем».
О выборе столь славном слух по всей
Окрестности разносится тотчас же.

34

Готфрид выходит к войску; по всему
Высокого избранья он достоин.
С улыбкой ясной и со скромным взором
Приветствия солдат он принимает,
Приветствия выслушивает их
И поощряет их ответной речью,
Потом приказ он отдает: наутро
Собраться всем в порядке боевом.

35

Яснее и светлее, чем обычно,
 Восходит солнце; с первыми лучами
 Проснувшегося дня уже пестреет
 Знаменами развернутыми воздух,
 И на лугу в сверкающих доспехах
 Равняются войска. Вот и Готфрид,
 Пехота, кавалерия проходит
 Перед глазами зоркими его.

36

О ты, что, рассевая тьму годов,
 Минувшее ревниво сохраняешь,
 Ты, Память, подскажи мне имена
 Воителей и численность их ратей!
 В безмолвии затерянная слава
 Пусть, яркая, в моих стихах воспрянет.
 Дай звуки мне такие, чтобы их
 Из века в век в грядущем было слышно.

37

Все на подбор, сперва проходят франки;
 Их Иль-де-Франс богатый, четыремя
 Реками орошаемый, доверил
 Гуго, родному брату короля;
 Но не было того уже в живых,
 И лилии Клотарию достались.
 Он имя королевское носил
 И был его по доблестям достоин.

38

Здесь тысяча их всадников; за нею
 Идет другая тысяча такой же
 Наружности и выправки, в таких же
 Одеждах и доспехах. Их глава,

Их вождь — Роберт. Развертывают дальше
Вильгельм и Адемар свои отряды,
Державные тот и другой владыки,
И оба также — пастыри народов.

39

Из мрака алтарей явились оба;
Волос их пряди длинные — под шлемом,
И грозное оружие — в руках,
Делам любви и мира посвященных.
Четырьмястами воинов Оранжа
Начальствует Вильгельм; четыре сотни
Таких же молодцов у Адемара,
Все уроженцы города Пюи.

40

За ними — Балдуин; он во главе
Двухсот булонцев, и к его знаменам
Примкнул еще отряд: когда Готфрид
Главенство получил над всею ратью,
Он воинов своих доверил брату.
Герой неустрашимый на войне,
Само благоразумие в совете,
Четыреста бойцов ведет граф Шартрский.

41

Проходит Гвельф, тот Гвельф, что по заслугам
Судьбою вознесен на высоту:
Природный итальянец, отпрыск д'Эсте,
Поддерживает он и славу Гвельфов,
За ним второе имя укрепивших.
Законы дав Каринтии, он стал
Владыкой стран меж Рейном и Дунаем,
Где встарь селились швабы и ретийцы.

Наследство он победами умножил.
 Солдаты за него в огонь и в воду
 Идти готовы; в мирное же время
 Пирь да игры им всего милей,
 И теплотой приятной умеряют
 Они родимых сел суровый холод.
 Пять тысяч Гвельф привел с собой, но персы
 Их истребили больше двух третей.

Проходит цвет народа, что теснится
 Меж Францией, Германией и морем
 В обильной влаге Рейна и Мааса.
 Он бел лицом и волосами рус.
 Борьбою с океаном закаленный,
 Глубокие плотины ставит он;
 Но океан, преграды разрушая,
 Суда и города его уносит.

Их тысяча, начальствует же ими
 Другой Роберт. За ними — англичане
 Могучим эскадроном под главенством
 Второго сына короля, Вильгельма.
 Они в метанье дротиков искусны.
 Тут и отряд их северных соседей,
 Тех дикарей, что прячутся в лесах
 Ирландии, где уж конец и свету.

Танкред идет, Танкред, что благородством,
 Отвагой, щедростью и красотой
 Всех воинов-собратьев затмевает,
 Лишь одного Ринальда исключая.

Но блеск его подернут легкой тенью,
И это — огонь несчастной, зарожденной
В пылу боев, влачащей дни в печали
И горестью питаемой любви.

46

В тот день навеки славный, говорят,
Когда разбили персов христиане,
Танкред-победоносец, утомившись
Преследовать спасавшихся врагов;
Приют себе сыскал, чтоб отдохнуть
И утолить мучительную жажду.
Вошел он в рощу темную, где резво
Средь муравы струился чистый ключ.

47

Вдруг девушка явилась перед ним;
Лишь голова у ней была открыта:
То юная персидка-амазонка
Искала также отдыха и тени.
Танкред глядит, глядит и, восхищенный,
Все больше с каждым мигом пламенеет.
Любовь, едва увидевшая свет,
Уж в сердце у него царит тираном.

48

Надев поспешно шлем, персидка тут же
Напала б на врага, когда б к нему
Не подспела помощь. Отступить
Красавице приходится невольно;
Но в сердце побежденном дивный образ
Живет уже; все, все напоминает
Танкреду и ее, и место встречи,
И вечную огонь находит пищу.

Идет с глазами, мокрыми от слез,
 И с головой опущенной, а сердце
 Едва вмещает вздохи: все по виду
 В нем говорит о страсти безнадежной.
 С ним восемьсот наездников лихих:
 Покинули они без сожаленья
 Родимых стран — Кампаньи и Тосканы —
 Цветущие равнины и холмы.

Две сотни греков дальше. Никакого
 Железного прикрытия на них:
 Лишь сбоку меч висит, и за плечами
 Со звоном лук и стрелы шевелятся.
 Их легкие, выносливые кони
 Живут почти без отдыха и корма;
 Вперед ли мчась на них, назад ли, греки
 И в одиночку биться продолжают.

Их вождь Татин из всех державных греков
 Единственный к латинянам примкнул.
 Позор и стыд! О Греция, спокойно
 Событий выжидая, наблюдала
 Ты за войной почти в твоих пределах;
 Под тяжестью цепей своих, рабыня,
 Изнемогай, но на судьбу не плачься:
 По трусости ее ты заслужила.

Последним появляется отряд,
 Которому по доблестям нет равных.
 То — лучший цвет бойцов, гроза войны
 И ужас Азии — авантюрьеры.

Прославленные сказкой аргонавты
И рыцари бродячие тем паче,
Как тени исчезают перед ними.
Но кто же их главой достоин быть?

53

Дудон — глава; старик, под сединами
Всю силу мужа зрелого сберегший
И честных ран рубцами говорящий
Яснее слов о подвигах своих.
По знатности и храбрости здесь каждый
Потребовать бы мог себе главенства,
Но все сошлись на выборе того,
Кто опытом всех старше и богаче.

54

Евстахий здесь блистает, знаменитый
Сам по себе и как Готфридов брат.
Тщеславится наследием державным
Сын короля норвежского Гернанд.
Рожер де Бернавиль и Энгерлан,
Как встарь, свою поддерживают славу.
Равно Гентон, Рамбальд и два Герарда
Отвагою и удалю дивят.

55

В строю здесь и Убальд, и Розамунд,
Ланкастерского герцогства наследник.
Герой Тосканы, Обиц неприступный,
И Паламед, и Сфорца, и Ахилл,
Три брата, честь Ломбардии! Река
Забвения имен не скроет ваших;
И твоего, на чьем щите из пасти
Змеи на свет является ребенок.

Гуаско не забуду я, Рудольфа,
 Обоих Гвидов, подвигами славных.
 Не схороню в обидной тьме молчанья
 Ни Эбергарда, ни Герньера также.
 Куда вы увлекаете меня,
 Джильдиппе с Одоардом? Нежной парой
 И на войне вы даже неразлучны,
 Так и в стихах я вас не разлучу.

Чему, Любовь, твоей подпавших власти
 Не учишь ты? Могучий вышел воин
 Из славного любовника. Джильдиппе
 Сражается с любимым мужем рядом.
 Единой нитью тянется их жизнь;
 И скорби их, и раны нераздельны.
 Удар по одному разит другую,
 Он тяжело ранен — при смерти она.

Но всех бойцов Христовых затмевает
 Дитя Ринальд. Лицо озарено
 Лучами нежной гордости. Все взоры
 Прикованы к нему. Его делами
 Превзойдены и возраст и надежды:
 Весной собрал он урожай осенний.
 Гроза мечом, как молнией, в доспехах
 Он — бог войны; без шлема — Купидон.

София, дивная София, жизнь
 Дала ему на берегах Адига;
 Бертольд же мощный был его отцом.
 Приемный сын Матильды, с колыбели

Он под ее надзором был воспитан,
Как истый королевич, и расстался
С ней лишь тогда, когда труба Востока
В нем юную отвагу пробудила.

60

Всего лишь по пятнадцатому году,
Из рук, его вскормивших, ускользнув,
Через чужие земли, через море
Он достигает рати христианской.
Столь доблестный побег не должен разве
В его потомках вызвать подражанье?
Три года уж мечом владеет он,
А чуть пушком покрылся подбородок.

61

За конницу следует пехота:
Сперва Раймунд с тулузцами своими.
Отряд четырехтысячный послали
Гаронна, Океан и Пиренеи;
Оружием и выправкой блистая,
Выносливые в битвах и трудах,
Они себе найти бы не сумели
Искусней и отважней полководца.

62

Пять тысяч у Стефана д'Амбуаза,
Все — выходцы из Тура и Блуа.
Хоть с ног до головы они под сталью,
Но быстро поддаются утомленью.
Родной природы сладкая истома —
Их слабости и вялости причина.
В начале схватки лишь они пылают,
Но сразу же и гаснет этот пыл.

Потом Алькаст проходит с грозным взглядом
 И гордою осанкою: таким
 Под Фивами мы видим Капанея.
 Сошедших с гор швейцарцев с ним шесть тысяч:
 Достоинства исполненный народ
 В мечи перековал свои орала.
 Рукой, стада привыкшей направлять,
 Теперь царей на бой он вызывает.

С ключами и тиаурою штандарт
 Предшествует последнему отряду.
 Испытанный Камилл ведет семь тысяч
 Солдат в вооружении блестящем.
 Тщеславится Камилл, что жребий выпал
 Ему былую славу воскресить
 И миру показать, что не хватает
 Отваге римлян только дисциплины.

Готфрид, довольный смотром, созывает
 Вождей и отдает приказ на утро:
 «Чуть свет в поход, чтоб к городу святому
 Поспеть, пока нас враг не ожидает.
 Спешите в бой, воители, к победе».
 Отважные и мудрые слова
 Во всех сердцах находят пылкий отклик,
 И ждут зари все взоры с нетерпеньем.

Однако же Готфрид не чужд тревоги,
 Но тщательно в душе ее скрывает.
 Он извещен, что египтянин к Газе
 Направился и Сирии грозит.

Воспитанный в боях, конечно, тот
Не станет предаваться сладкой лени.
Готфрид врага опасного в нем чует
И Генриха-гонца к себе зовет.

67

«На легкий, — говорит, — корабль садись
И в Грецию плыви; мне пишет некто,
В обман меня ни разу не вводивший,
Что юного героя царской крови
Прибытия на днях там ожидают;
Он — датский принц, примкнуть желает к нам
И за собой из стран оледенелых
Ведет людей вооруженных много.

68

Быть может, хитрый, лживый грек домой
Вернуть его захочет иль направить
Подалее от нас, в другие страны;
Моих желаний верный исполнитель
И истины орудие, ты должен
Ему представить выгоды наглядно;
Скажи, что я зову его сюда,
Что, медля, он своей рискует славой.

69

Но сам за ним отнюдь не уезжай:
При властелине греческом останься
И побуждай его нам поскорее
Обещанную помощь оказать».
В путь Генрих отправляется, снабженный
Наказами и письмами героя;
Готфрид же, успокоившись немного,
Вкушать желанный отдых начинает.

Аврора перед солнцем ворота
 Востока отворяет; воздух полон
 И треска барабанов, и раскатов
 Военных труб: всё в радостном движении.
 Зачахнувшей земле сулящий влагу
 Небесный гром не так приятен смертным,
 Как этим стосковавшимся бойцам
 Призывные приятны были звуки.

В пылу неудержимого порыва
 Воители стекаются толпами
 На бранный клич, и каждый поспешает
 Отряда своего пополнить строй.
 И вот уж в боевом порядке войско;
 Шумя, знамена воздух рассекают,
 И между ними реет, торжествуя,
 Креста святого стяг, залог победы.

Часть своего пути свершило солнце,
 Его лучи ударили на войско,
 И в блестках ослепительных горят,
 Как светочи, блестящие доспехи.
 Огнем наполнен кажется весь воздух;
 Оружия веселое бряцанье
 И ржанье застоявшихся коней
 Разносятся далеко по равнине.

Военачальник мудрый все предвидел,
 Обдумал все и всем распорядился,
 И конница уже повсюду рыщет,
 Окрестности осматривая зорко;

А землекопы заняты своим:
Уравнивают тщательно дороги,
Рвы до краев землею засыпают
И делают свободными проходы.

74

На свете нет такой враждебной силы,
Такого вала нет, потока, леса,
Которые могли б остановить
Движение стремительного войска.
Так царь всех рек, волну вздымая в гневе,
Равнину предает опустошенью:
Тогда уж ни плотины, ни запруды
Могучего разлива не удержат.

75

Властитель Триполи один имел
И деньги, и солдат, и укрепления,
Один им противостоять был в силах,
Но нанести удар он не решился.
Трусливо укрываясь за стенами,
Он хочет мир подарками купить.
Готфрид ему условия диктует
И принимает в подданство его.

76

С горы Сеира, той, чей склон восточный
Господствует над городом святым,
Во множестве спустились христиане;
Несут мужчины, женщины и дети
Дары завоевателям. С восторгом
Глядят на избавителей и братьев,
Рассматривают их вооруженье
И верный путь указывают войску.

Готфрид в пути все берега морского
 Старается держаться. Там, он знает,
 Стоит дозором дружественный флот,
 Надежная поддержка и подмога.
 Лишь для него вся жатва золотится
 На островах; лишь для него Хиоса
 И Крита виноград созревший рдеет,
 И этим он вполне обязан флоту.

Под тяжестью судов вздыхает море,
 И пенится под веслами волна.
 Нет больше здесь приюта сарацину:
 Он всюду встретит рабство или смерть.
 Венецианцы, бритты, генуэзцы,
 Французы, сицилийцы и голландцы
 Морские флаги выслали сюда,
 И из-за них морской не видно глади.

Одним порывом движимы те флоты,
 Одни их с войском связывают узы.
 Добытые на разных берегах,
 Они ему припасы доставляют.
 Меж тем Готфрид уже успел вступить
 В пределы иноверческих владений
 И быстро приближается к местам,
 Святою кровью Бога орошенным.

Но, вестница и правды и неправды,
 Молва распространяет слух повсюду
 О том, что христиане уж в походе
 И что уж их нельзя остановить.

Высчитывает силы их она,
Достойнейших вождей перечисляет
И, в ужас похитителя ввергая,
Сулит ему злосчастнейший удел.

81

Боязнь беды мучительней гораздо
Беды самой сердца приводит в трепет.
Встревоженное ухо жадно ловит
Пустые, непроверенные вести
И мрачное смятение вносит в души.
Невнятный, смутный ропот переходит
Из города в деревни и обратно,
Печали и тревоги умножая.

82

Меж тем тиран уже лелеет в сердце
Намерения злые. Аладином
Его зовут. Недавно власть похитив,
От страха он не ведает покоя.
Жесток он от рождения, но годы
Смягчили нрав его. Теперь воскресли
В нем старые заботы: и врагов
Боится он, и подданным не верит.

83

В одном и том же городе живут
Два разные народа разной веры:
Числом преобладают христиане,
Но сила вся в руках магометан.
Когда глава Солима Аладин
Престол здесь учредил, неверным сделал
В налогах он большое облегчение,
Излишек же взвалил на христиан.

84

Сугубый страх их ненависти в нем
 Сугубую жестокость пробуждает.
 Доныне так еще не пламенела
 И крови так не жаждала она.
 Змея, окоченевшая от стужи,
 К весне вреднейшей тварью оживает;
 Как ни смирен, ни кроток лев ручной,
 Он дикого ужасней, раздраженный.

85

«Я вижу ясно, — говорит тиран, —
 Неверных подавляемую радость;
 Их наши злополучия питают,
 Слезам же улыбаются они.
 На жизнь мою, быть может, посягая,
 Они куют измену втихомолку
 Иль ожидают случая внезапно
 Впустить сюда своих названных братьев.

86

Нет, козни их разрушу я, свой гнев
 В крови их потушу и этой кровью
 Залью Солим; у матерей в утробе
 Младенцев нерожденных уничтожу.
 Сожгу дома и храмы их, и вот,
 Где будут их костры — на этом Гробе
 Святыни их; среди молитвословий
 Жрецы как жертвы первые падут».

87

Так нечестивец думает, однако
 Злой умысел не переходит в дело;
 Но если он щадит невинность, в этом
 Не жалость выражается, а трусость.

Страх будит ярость в нем, а пущий страх
Ее смиряет снова. Он боится
Закреть пути к переговорам мирным
И рассердить сильнейшего врага.

88

Так варвар пыл обуздывает свой —
Иной исход дает ему, вернее.
Деревни разоряет он, стирает
С лица земли лачуги бедняков;
Все предает огню, не оставляя
Ни пищи христианину, ни крова.
Ручьи он даже портит и колодцы,
Примешивая яд к воде здоровой.

89

Меж тем Иерусалим он укрепляет.
Надежная твердыня с трех сторон,
В защите он лишь с севера нуждался.
Чуть Аладин опасность заподозрил,
Как поспешил там стены возвести
И воинов отряд укрыть за ними,
Из подданных набрав его отчасти,
Отчасти же наняв чужих людей.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

1

Среди военных сборов предстает
Однажды сам Исмен перед тираном;
Исмен, который властен из могилы
Бездушный прах на свет и к жизни вызвать;
Исмен, чей мрачный голос повергает
Владыку преисподней в страх и трепет;
Исмен, поработоритель темных сил,
То милостивый к ним, то беспощадный.

2

В ислам из христианства перейдя,
Не позабыл еще он прежней веры
И в колдовстве кощунственно мешает
Едва ему знакомые обряды.
На этот раз из мрака черных таинств,
Проведав о нагрянувшей беде,
Жестокому властителю сугубо
Жестокие советы он приносит.

3

И молвит: «Государь, неудержимо
Тебя одолевает вражья рать;
Исполним же наш долг, отваге нашей
И небеса и мир окажут помощь.

Все мудростью усчитано твоею,
Как царь и вождь все меры принял ты,
И если мы тебя достойны будем,
Твои враги здесь обретут могилу.

4

А я готов помочь тебе посильно,
Твои труды и беды разделить.
Я отдаю в твое распоряжение
И старости испытанной советы,
И средства все искусства моего.
Бороться за тебя и самый Ад
Заставлю я. Но, государь, послушай,
Одну тебе открыть я должен тайну.

5

У христиан есть в храме подземелье,
А в нем алтарь, на алтаре ж богини
Изображение; глупый этот люд
Ее за Богоматерь почитает.
Она — под покрывалом, перед нею
Горит неугасимая лампада;
По сторонам во множестве висят
Усердных богомольцев приношенья.

6

Изображение это сам своей
Рукой ты должен вынести из храма
И сам его же поместить в мечети.
А я такие чары призову
На помощь, что богиня превратится
В надежную для наших стен охрану:
Ты в ней залог победы обретешь,
И власть твою она же обеспечит».

7

Сказал. Тиран, поддавшись увещаньям,
 Летит под кров святыни христианской
 И разгоняет пастырей, потом
 Рукою святотатственною образ
 Выносит вон и водворяет в храм,
 Где Небо предается поруганью.
 А чародей уже бормочет глухо
 Над образом преступные заклатья.

8

Но с первою улыбкою Авроры
 Страж храма, нечестивого уже,
 Сокровище глазами всюду ищет,
 И нет его нигде. Спешит к тирану;
 Нежданной вестью в ярость приведенный,
 Тот восклицает: «Дело, очевидно,
 Руки, для нас неведомой пока,
 Но не иной руки, как христианской».

9

Взята ль святыня набожной рукой?
 Иль Небо возмутилось тем, что образ
 Его царицы, матери Господней,
 Подвергся осквернению, и хотело
 Явить свое могущество? Молва
 Колеблется меж ловкостью и чудом;
 Но что для человека не по силам,
 В том вера видит знамение свыше.

10

Старательные обыски идут
 По храмам и жилищам христианским:
 Все уголки осматривают зорко,
 Доносчиков за плату приглашают,

Мучительными карами грозят
Тому, кто скроет вора иль пропажу.
И тщетны все усилия чародея:
Ему не открывает правды Небо.

11

Жестокий Аладин, на христиан
Любое зло всегда взвалить готовый,
В неистовство приходит, оттого
Что против них нет у него улики.
Он хочет мстить; гнев утолить он хочет
Во что бы то ни стало. Говорит:
«Погибнешь ты, неведомый преступник,
Погибнешь заодно со всею сектой!

12

Чтоб не ушел виновный от возмездья,
Погибнет пусть и правый, и невинный!
Невинный! Правый! Ах! Все, все виновны!
Друзей мы не имеем между ними;
Кто непричастен новому злодейству,
За старое заслуживает смерти.
Железом и огнем вооружиться
Спеши, народ мой верный! Жги и режь!»

13

Так возгласил тиран. Приказ жестокий
Меж христиан распространяет ужас:
Со скорбью и отчаяньем в сердцах
Они уж видят смерть перед собою,
Не смеют ни бежать, ни защищаться;
Ни милости, ни правды нет для них.
Злой участи покорные, они
Находят помощь вдруг где и не ждали.

14

Есть девушка в общине христианской
 С высокою душою, с чистым сердцем.
 В красе очаровательной своей
 Она лишь блеск своих достоинств видит,
 Но их под кровом скромного жилища
 С достоинством скрывает благородным.
 И любо ей, забытой, одинокой,
 Для взоров и похвал быть недоступной.

15

Но красоту ничто не может скрыть.
 Ты этого, Любовь, не допустила!
 И юноша, тобой воспламененный,
 К ней доступ получил через тебя же.
 То бродишь ты с повязкой на глазах,
 То с Аргусом всевидящим, свободно
 Для взора все преграды разрушая,
 Влюбленного в приют заветный вводишь.

16

Софрония, увидевшая свет
 В одних стенах с Олиндом, с ним и Бога
 Читит одного. Он многого желает,
 Ждет малого и ничего не просит,
 Открыться не умея иль не смея;
 Она ж его не замечает вовсе.
 Так до сих пор бедняк был для нее
 Незнаемым иль, может быть, презренным.

17

Зловещие о христианах слухи
 В убежище Софронии проникли;
 И замысел великий в ней родился:
 Она спасти единоверцев хочет.

С отвагою в ней борется стыдливость;
Но, наконец, отвага побеждает:
В счастливом сочетании, вернее,
Сливаются согласно оба чувства.

18

И вот она среди толпы одна;
Красы не выставляя и не пряча,
Взор опустив, под легким покрывалом
Идет она уверенно и скромно.
Не угадать, расчет иль случай ей
Такое придает очарованье.
Счастливая небрежность — дар природы,
Любви и благодетельного Неба.

19

Все взоры на нее устремлены;
Она ж сама ни на кого не смотрит
И, лишь дойдя до грозного тирана,
Ему в лицо бесстрашно говорит:
«Повремени с возмездием кровавым
И удержи народ! Я укажу
Того, кто виноват перед тобою,
И выдам жертву гнева твоего».

20

Отвагой благородной и неожиданным
Сиянием красоты так Аладин
Был поражен, что гнев его смирился
И потускнел в глазах огонь зловещий.
Когда б не столь жесток он был, она же
Не столь сурова, вспыхнул бы он страстью.
Но строгая разборчива краса,
И чтоб любовь жила, нужна надежда.

21

Не чувствуя любви, однако, варвар
 Приятного исполнен изумленья.
 «Я слушаю тебя, — он говорит, —
 И христиан твоих никто не тронет». —
 «Виновница перед тобой, властитель;
 Моя рука покражу совершила.
 Похищен образ мной, меня ты ищешь,
 И я должна за это пострадать».

22

Так юная подвижница одна
 За всех своею жизнью отвечает.
 О, ложь благочестивая! Была ли
 Когда-нибудь величественней правда?
 Колеблется тиран ошеломленный
 И в первый миг не вспыхивает гневом.
 «Признайся, — говорит он, — по чьему
 Совету ты пришла, кто твой сообщник?» —

23

«Ни с кем не разделю я этой славы,
 Вся мне одной она принадлежит.
 Никто мне не советчик, не сообщник;
 Замыслила и совершила это
 Я, я одна». — «Так пусть же на одну
 Тебя мой гнев и мщенье обратятся». —
 «Решил ты справедливо, государь:
 Одной мне честь, одной и наказанье».

24

Растет и пламенеет гнев тирана.
 «Куда ты образ спрятала?» — «Я вовсе
 Не прятала его, я предала
 Его огню, чтоб он не подвергался

От вашего нечестья оскверненью.
Тебе виновник нужен или образ?
Погиб навеки образ для тебя,
Виновница ж стоит перед тобою.

25

Сказала я „виновница“; о, нет!
Обратно я взяла лишь то, что было
Похищено неправдою твоею». —
Тиран, как зверь, от гнева зарычал.
Созданье непорочное, напрасно
Из чар твоих Любовь сковала щит:
Не укротят свирепого злодея
Ни красота, ни доблесть, ни стыдливость.

26

Ее хватают; варваром она
Присуждена к сожжению. Уже
И девственные сорваны одежды,
Уже и руки нежные в оковах;
Она молчит: отвага в ней не гаснет,
Но чистая взволнована душа;
В лице как бы застывшем — ни кровинки:
Не побледнев, оно блелей лишь стало.

27

Весь город узнает об этом быстро;
Бежит народ, бежит Олинд с народом.
Кто героиня, он еще не знает:
Возлюбленная, может быть, его!
Он там уже, он перед ней, он видит
Невинную во власти палачей,
Горящих рвением казнь ее ускорить;
И он через толпу спешит к тирану.

«Нет, государь, нет, это не она,
 Безумство для нее хвалиться этим.
 Без помощи, без опыта могла ли
 Она пойти на дерзостное дело?
 Как удалось ей обмануть охрану
 И образ унести? Пусть скажет, как!
 Я, государь, украл святыню нашу». —
 Так он любил ее, сам не любимый.

«Откуда проникают свет и воздух
 В твою мечеть, там узкую лазейку
 Нашел я и в мечеть пробрался ночью:
 Мне честь принадлежит и мне же — смерть.
 Я ей на казнь не уступаю права:
 Не для нее оковы — для меня,
 Как для меня, огонь там раздувают,
 Как для меня, готовят там костер».

Подняв глаза, взгляд нежного участия
 Софрония бросает на Олинда.
 «Чего ты домогаешься, несчастный?
 Какой тебя влечет на гибель жребий?
 Иль я одна не вынесу всего,
 На что способна злоба человека?
 Поддержки моему не нужно сердцу,
 Оно одно сумеет встретить смерть», —

Так говорит Софрония Олинду,
 Но он в своем решении непреклонен.
 О, доблестное зрелище борьбы
 Любви и добродетели, где в смерти

Награду обретает победивший,
А побежденный жизнь считает казнью!
При виде состязающейся пары
Все больше свирепеет Аладин.

32

В отваге их и в их презренье к смерти
Он видит лишь обиду для себя.
«Я верю, — говорит он, — им обоим,
И пусть победу оба торжествуют».
Олинд, как и Софрония, в оковах.
Влюбленного с любимой к одному
Столбу приковывают так, чтоб только
Их спины меж собой соприкасались.

33

Окружены они костром высоким;
По нём огонь уж пробегает с треском.
К подруге обращается Олинд
С такими скорбно-нежными словами,
Их прерывая вздохами невольно:
«Так вот те цепи, что соединят
В одну две наши жизни! Вот то пламя,
Что равный пыл зажжет в обоих душах!

34

Иные узы и иное пламя
Сулила мне любовь; меж тем судьба
Жестокая всю жизнь нас разлучала
И перед смертью лишь соединяет.
Но если разделить с тобою ложе
Мне не дано, я разделю могилу.
Лишь о тебе я плачу, сам же счастлив
Уж тем, что умираю близ тебя!

Воистину блаженнейшею смертью
 От казни упоительной я гибну!
 О, если бы я мог, прильнув губами
 К твоим губам в последнее мгновенье,
 Вдохнуть в тебя всю душу без остатка,
 Твою же взять в обмен!» Так злополучный
 Олинд свою оплакивает участь.
 Софрония на это отвечает:

«Иным слезам и мыслям в этот час
 Предайся, друг, свои ошибки вспомни
 И вспомни ту небесную награду,
 Какая смертных ждет за добродетель.
 Пусть казнь твоя молитвой к Богу будет,
 И сладостной покажется она.
 Взгляни на небо дивное, взгляни,
 Как солнце нас зовет и утешает».

Язычники вопят от скорби громко,
 Не сдерживают стонов христиане.
 Неведомое чувство в непреклонной
 Душе своей испытывает деспот;
 Не в силах побороть его, от казни
 Глаза он отвращает и уходит.
 Софрония, оплаканная всеми,
 Одна из всех ты слез не проливаешь.

Вдруг воин появляется в толпе
 С величественно-гордою осанкой.
 Доспехи и одежды обличают
 Пришельца из далеких, чуждых стран.

На шлеме тигр красуется, и это
Приковывает к воину все взоры.
Клоринду по примете знаменитой
В нем узнают; она сама и есть.

39

С младенчества Клоринда презирала
И женский труд, и женские забавы;
Ни пряже, ни шитью не отдавая
Свободных рук, она надменным видом
От неги и соблазна городов
Свою оберегала добродетель;
Но строгие черты ее не могут
От взоров скрыть пленительность ее.

40

Еще рукою слабою ребенка
Она уж укрощала скакунов;
Копьем, как и мечом, равно владела
И легкостью дивила в быстром беге.
Через леса и по горам она
Преследовала тигров и медведей;
Бесстрашным львом была в боях, в лесах же
Охотником была неутомимым.

41

Из Персии приехала она
Сражаться с христианами, которым
Ее руки удары уж знакомы.
Не раз она их в поле поражала
И воды обагряла вражьей кровью.
Приготовленья к смерти увидав,
Торопится узнать она, какое
Несчастные свершили преступленье.

Вдруг воин появляется в толпе
С величественно-гордою осанкой.
Доспехи и одежды обличают
Пришельца из далеких, чуждых стран.

Дорогу ей дают; ее вниманье
 Безмолвие Софронии и вздохи
 Олинда привлекают: слабый пол
 Сильнейшую являет ей отвагу.
 Но, жалостью проникнутый, Олинд
 Не о себе и плачет и вздыхает.
 Софрония, взор устремив на небо,
 Уж, мнится, порвала земные узы.

Клоринда соболезнает обоим,
 Обоих и дарит она слезами;
 Но интерес живейший возбуждает
 В ней та, что равнодушна к лютой смерти.
 К стоящему поблизости к ней старцу
 С вопросом обращается персидка:
 «Будь добр, скажи мне, кто они такие
 И что сюда на казнь их привело?»

Соседу, чтоб ответить на вопрос,
 Немного слов понадобилось. Грустным
 Рассказом пораженная, она
 Решает в сердце, что невинны оба.
 «Нет, не умрут они, иль ничего
 Не стоят ни мольбы, ни меч Клоринды».
 Летит к костру, велит его гасить
 И палачам приказывает властно:

«Ни одного движения, пока
 Я с вашим господином не увижусь!
 За промедленье вас он не накажет,
 Поручкою мое вам слово в том».

И вид ее, и речь повелевают
Повиноваться ей беспрекословно.
Сказала и стремится к Аладину,
Который сам навстречу к ней идет.

46

«Клоринда — я. Быть может, это имя
Тебе неизвестно? Защищаю
Я власть твою и мщу за нашу веру:
Лишь прикажи, готова я на все.
Как не боюсь я подвигов труднейших,
Так и легчайших я не презираю.
В открытой ли равнине, за стенами ль,
Везде мою ты помощь обретешь».

47

Сказала. Аладин ей отвечает:
«Воительница доблестная, есть ли
На свете столь далекая страна,
Где имя бы твое не прогремело!
В твою поддержку веря, я спокойно
Победы ожидаю над врагом.
Несметное будь войско у меня,
Надеялся не так бы я, как ныне.

48

Испытывает слишком уж Готфрид
Мое терпенье длительным походом.
Свой меч ты предлагаешь мне: тебя
Великие лишь подвиги достойны.
Я воинов своих тебе вручаю,
Твои приказы им законом будут».
Со скромностью Клоринда отвечает
На полную приятной лести речь

И заключает так: «Не удивляйся,
 Что я тебя оцениваю раньше;
 Но, веря в доброту твою, решаюсь
 Просить пощады этим двум несчастным.
 Я к милости взываю, а должна бы,
 Скорее, к справедливости взывать:
 Доказывать невинность их, однако,
 Не стану я, хоть в ней не сомневаюсь.

Свалить покражу образа хотят
 На христиан во что бы то ни стало.
 Я это обвиненье отвергаю,
 И вот тебе неотразимый довод.
 Тебя на преступление, на кощунство
 Склонил своим советом чародей:
 Великий грех для нас, чтоб в нашем храме
 Был идол, да еще и чужеземный.

Я чудо к Магомету отношу:
 Он нам явил и мощь свою, и славу;
 Его десница праведную веру
 От подмеси нечистой избавляет.
 Оружия иного не имея,
 Колдует пусть по-прежнему Исмен:
 Мы, воины, мечом владеем только;
 Все знание наше в нем и вся надежда».

Бесчувственное сердце Аладина
 Упорствует в жестокости, но он
 Желаниям Клоринды уступает
 И просьбам покоряется ее.

«Дарую, — молвит, — жизнь им и свободу.
Будь это справедливость или милость:
Невинные, оправданы они;
Виновные, помилованы мною».

53

Снимают с них оковы. Но — о чудо! —
Любовью оба сердца пламенеют.
Олинд, любивший только, стал любимым;
Супруг счастливый вскоре, превращает
Огонь костра он в факел Гименея,
С Софронией хотел он умереть,
Но поворот судьбы — и уж согласна
Софрония, чтоб он в живых остался.

54

Но деспот подозрительный боится
Соединить с отвагой добродетель:
Он подвергает их почетной ссылке
В далекую страну. И все ж от мести
Не хочет он избавить христиан:
Заковывает часть, часть изгоняет;
И в тягостном прощании они
Последнее находят утешенье.

55

Жестокая разлука! Аладин
Разит лишь тех, кто для него опасен.
И старики, и женщины, и дети
Заложниками сильных остаются.
Отцы, мужья и сыновья уносят
Не скорбь, а лишь отчаянье в сердцах.
Они спешат соединиться с войском,
Эммауса уж стены обложившим.

Твоя земля, Эммаус, по соседству
 С землей Солима. Ах! В какую радость
 Один твой вид приводит христиан!
 Какого нетерпения полна
 Их без того кипучая отвага!
 Но больше половины совершило
 Пути дневного солнца, и Готфриду
 Приходится сдержать свой бранный пыл.

Уж на ночь разбивать палатки стали,
 Уж солнце приближалось к океану,
 Когда вдруг примечают двух вельмож,
 По платью и обличью чужеземцев,
 Притом они являются, как видно,
 Глашатаями дружбы. То послы
 Властителя египетского были;
 И их сопровождал блестящий поезд.

Один — Алет. Из самой низкой черни,
 Без племени и рода, он сумел
 Добраться до подножия престола.
 Речистый, льстивый, вкрадчивый, проворный,
 Свой вид и нрав он каждый миг меняет.
 И в клевете великий мастер тоже:
 Злословить продолжает и тогда,
 Когда по всем приметам только хвалит.

Другой — черкес Аргант. В Египет он
 Явился как искатель приключений
 И звания сатрапа там достиг.
 Отвагу боевую обнаружив,

Высокое он в войске занял место.
Нетерпеливый, яростный, упорный,
Усталости не знающий, привык
Лишь одному мечу он поклоняться.

60

По требованью их без промедленья
Они к Готфриду доступ получают.
Простой и в обхожденье, и в одежде,
Сидел он посреди других вождей;
Но ярко блещет истина и доблесть,
В заимствованном блеске не нуждаясь.
Скользнув по нем высокомерным взглядом,
Аргант едва кивает головой.

61

Алет же, к сердцу руку приложив
И опустив свой взор, поклон столь низкий
Отвешивает скромному Готфриду,
Как будто тот — Египта повелитель.
И речи слаще меда полились
Из уст его струей неудержимой;
А христиане молча ждут, пока
Иссякнет весь родник его витийства.

62

«Великодушный воин, — говорит, —
Единственный достойный вождь героев,
И доблести и мудрости твоей
Обязанных триумфами, и раньше
Добытыми, чем стал ты их главою!
Переступил ты в славе за столбы
Геракловы, и весь Египет полон
Рассказами о подвигах твоих.

Но эти чудеса не столь дивят,
 Сколь восхищают нашего владыку.
 Хоть вас двоих и разделяет вера,
 С тобой в одном он чувстве хочет слиться.
 Ждет от тебя и мира он, и дружбы.
 И вот, узнав, что низложить его
 Союзника и друга ты задумал,
 Прислал он нас тебе поведать тайну.

Когда бы удовольствовался ты
 Победами, одержанными раньше,
 И в мире бы его оставил земли,
 Охотно поддержал бы он доныне
 Непрочное могущество твоё.
 Напасть на вас обоих кто посмеет?
 Настанет и для турка, и для перса
 Когда-нибудь желанный день возмездья?

Из рода в род передаваться будут
 Рассказы о твоих делах великих,
 О том, как ты одолевал твердыни,
 Как новые пути ты открывал,
 Как в страны отдаленнейшие ужас
 Предтечею твоих знамен являлся.
 Расширить можешь ты свои владенья,
 Но к славе не прибавишь ничего.

Она своей вершины уж достигла,
 И ты ее не должен подвергать
 Случайностям, с войною сопряженным.
 Ты победил — осталась та же слава;

Ты побежден — ни славы нет, ни чести.
И безрассудно было бы, и дерзко
Вверяться слепо прихотям судьбы,
Когда судьба тебе уж не должника.

67

Твои, быть может, тайные враги,
Завидуя твоей великой мощи,
В твоей душе поддержат бранный пыл;
И в чаянье побед, быть может, новых
Отдашься соблазнительному рвению
Повелевать народами-рабами,
От мира убегать ты будешь больше,
Чем люди убегают от войны.

68

„Не покидай путей широких, — скажут, —
Которые тебе судьбой открыты,
Не вкладывай в ножны меча, который
Твоих побед всегда порукой был,
Пока не одолеешь Магомета
И Азии не обратишь в пустыню“.
Пленительно-прекрасные мечты,
Но в них — твоя погибель, может статься.

69

Но если только ненависть в тебе
Не затемнит рассудка, ты увидишь,
Что не на что надеяться уж больше,
А опасаться следует всего.
Судьба непостоянна: то успехи,
То горести нам шлет поочередно,
И часто мы, взлетев под облака,
Летим стремглав в ужаснейшую бездну.

Скажи мне, если сильный и богатый
 Египет погубить тебя захочет
 И если турок, перс и сын Хассана
 В одно нагрянут на тебя, какими
 Плотинами разлив ты остановишь?
 Где помощь ты найдешь? Иль ты питаешь
 Надежды на завистливого грека?
 На клятвы в вечной верности его?

Э, верность греков! Кто ее не знает!
 Обманутый однажды иль, скорее,
 Обманутый тысячекратно этим
 Предательским и скаредным народом,
 Подумай, как его бояться надо:
 Он даже отказал тебе в походе,
 А ты еще все веришь простодушно,
 Что он тебе и кровь и жизнь отдаст.

Иль, может быть, питаешь ты надежды
 На войско, что тебя здесь окружает?
 И тех, что победил доныне порознь,
 Сплоченными мечтаешь победить?
 Но ведь немало жертв уже войне
 Принес ты и болезням; на подмогу ж
 Двум недругам, рассеянным тобою,
 Готов явиться третий — египтянин.

Дано тебе судьбою обещанье,
 Что будешь ты в боях неуязвим:
 Так в хартиях начертано небесных!
 Хотел бы я с тобою верить в это;

Но голод сторожит уже тебя:
Где тот приют, куда б ты мог укрыться
От этого бича? Вооружись
Мечом, копьем и ожидай победы!..

74

Еще до твоего сюда прихода
Здесь все предусмотрительностью мудрой
Истреблено и предано огню,
А урожай хранится весь в Солиме;
Где ж корм коням и где солдатам пищу
Добудешь ты? На флот укажешь: значит,
Зависит пропитание твое
От милости ветров непостоянных?

75

А может быть, тебе подвластны ветры
И ты по произволу ими правишь?
Глухое к нашим крикам и мольбам,
К тебе, быть может, волны катит море?
Иль все еще ты льстишь себя надеждой,
Что Турция и Персия, с Египтом
Соединившись, выставить не в силах
В противность твоему такой же флот?

76

Чтоб твой поход успехом увенчался,
Ты должен две победы одержать:
Одну хоть, государь, ты проиграешь,
Себя стыдом покроешь и погибнешь.
Твой флот ли поражение понесет,
Жди ужасов тогда голодной смерти;
Разбит ли будешь сам, к чему послужит
Тогда тебе и флот победоносный?

Но если руку дружбы, государь,
 Все ж отвергаешь ты, прости за вольность:
 В твою отвагу верю я, как прежде,
 Но в мудрость больше верить не могу.
 Да вдохновит тебя святое Небо
 И слух преклонит твой к советам мира,
 Чтоб, Азии вернув покой, ты мог
 Своих побед плодами наслаждаться!

Примите мой совет и вы, герои,
 Товарищи трудов его и славы:
 Прельщенные соблазнами судьбы,
 Не думайте о новых войнах больше
 И вновь себе врагов не наживайте.
 Как счастливо беды избегший кормчий,
 Вкушайте отдых в гавани надежной
 Подальше от стихии своенравной».

Смолкает египтянин. Раздается
 Со стороны героев смутный ропот:
 Негодованья грозного полны
 И взгляды их, и их телодвиженья.
 Внимательно исследовав все лица
 И в общем одобренье убедившись,
 Готфрид к Алету взоры обращает
 И держит речь ему в таких словах:

«Властителя египетского вестник,
 Ты ловко примешал угрозы к лести.
 Коль вправду господину твоему
 Любезен я, воздать я не премину

Ему за это чувство, как должно;
Что ж до того союза, о котором
Ты возвестил, то вот, что я тебе
С обычным прямотушием отвечу:

81

Узнай, что все напасти и невзгоды
Презрели мы с единственною целью
Достигнуть стен священных и Солим
Освободить от тягостного рабства.
Проникнутые замыслом великим,
Стараясь милость Божью заслужить,
Ни суетной не дорожим мы славой,
Ни нашими владеньями, ни жизнью.

82

Ни алчность, ни тщеславие к походу
Не побуждали нас. Да вырвет Небо
Из наших душ смертельную отраву!
И да не даст нечистому зерну
Пустить ростки заразы в наших чувствах:
Да направляет нас на всех путях
Его десница, та, что, проникая
В сердца людей, их и смягчит и греет!

83

Она оберегала наш поход,
Она в пути преграды понижала;
Она срезает горы, сушит реки,
Она и зной и стужу умеряет;
Она ветрам вещает плен и волю,
Она обуздывает ярость волн;
Для нас разносит в прах твердыни вражьи,
Для нас уничтожает вражьи рати.

В ней — наша храбрость, в ней — надежда наша, —
 Не в слабых наших силах, не во флотах,
 Не в том, что кормит Греция войска,
 Не в том, что шлет воителей Европа.
 Лишь нас бы не оставила она,
 В опоре недостатка нам не будет.
 Кто у нее был под крылом, в напасти
 Искать не станет помощи иной.

Когда ж ошибки наши иль ее
 Произволение нас лишит поддержки,
 Кто не почтет из нас себя счастливым,
 Свой гроб найдя с Господним Гробом рядом?
 Да, мы умрем, к грядущим не ревнуя,
 Да, мы умрем, но не умрем без мести.
 Не осмеет нас Азия тогда
 И наших слез предсмертных не увидит.

Не думай, впрочем, чтобы в жажде битвы
 Мы мира избегали и боялись.
 Ни дружбы господина твоего,
 Ни с ним союза мы не отвергаем.
 Но не в его владеньях Иудея:
 Зачем же так печется он о ней?
 Пусть, нам чужие страны предоставив,
 Он у себя вкушает мир счастливый».

Сказал он, и от слов его Аргантом
 Безумная овладевает ярость.
 Со взглядом искрометным, не владея
 Собой, он приближается к Готфриду

И говорит ему: «Не хочешь мира,
Так получай войну; ее ты ищешь!
Иначе б не отринул ты руки,
Протянутой тебе столь дружелюбно».

88

Хватает он полу своей одежды,
Ее в крутую складку загибает
И, с дерзостным презрением к Готфриду
Все так же обращаясь, говорит:
«Тебе, что жизнь и честь свою вверяешь
Сомнительным удачам, приношу
Я дружбу и войну; то иль другое
Ты выбирай, но выбирай немедленно».

89

При этой оскорбительной угрозе,
Не выслушав решения Готфрида,
Все как один воители Христовы
Встают, и слышно лишь: «Война! Война!»
Одеждой потрясая, варвар молвит:
«Примите же на жизнь и смерть мой вызов!»
Свиристел он и ужасен, как глашатай
Войны у арки Янусова храма.

90

И кажется, что из его груди
Раздора злые змеи выползают;
Глаза же мечут молнии, как будто
В них факел фурий пламя заронил.
Таков был, без сомненья, гордый смертный,
Вознесший к небу башню Вавилона:
С поднятой головой грозящий звездам,
Таким являлся он перед народом.

«Мы вызов принимаем, — объявляет
 Готфрид, — вы ж государю своему
 Скажите, чтоб являлся к нам скорее
 Иль ждал бы нас на нильских берегах».
 Потом он отпускает их, радушно
 Почетными дарами наделив.
 Алету достается шлем богатый,
 Добытый при падении Nikeи.

Арганту — меч: узором из камней
 Покрыта рукоятка золотая;
 Но больше драгоценностей вниманье
 Влечет к себе чудесная работа.
 Рассеянно взглянув на украшения,
 Готфриду говорит свирепый воин:
 «Увидишь скоро ты, какую цену
 Приобретет в моей руке твой дар».

Они выходят. Говорит Аргант:
 «Расстанемся. Хочу я к ночи быть
 В Иерусалиме: ты ж с восходом солнца
 Прямым путем в Египет отправляйся.
 Теперь ни я, ни грамоты мои
 Не нужны при дворе. Ты государю
 Ответ неверных точно передашь;
 Мне ж поприще войны нельзя покинуть».

Так враг посла сменяет сразу в нем.
 Был правилен иль нет его поступок,
 Не оскорбил ли он обычай древний,
 Об этом он не думает нимало:

Не дав ни слова вымолвить Алету,
В тиши при свете звезд к стенам Солима
Спешит, нетерпеливый, оставляя
Товарища в таком же нетерпенье.

95

Одела мир покровом черным ночь;
И воздух стих, и задремали воды.
Усталых обитателей лесов,
Пещер, озер, морей, всю тварь земную
Сковал отрадный сон; и в тайных недрах,
Средь ужасов безмолвия и мрака,
Забыт кипучий день, а с ним забыты
Все радости, забыты и печали.

96

Но, не смыкая глаз, всю ночь без сна
И отдыха проводят христиане;
Нетерпеливо ждут они зари,
Что осветить должна их путь и к цели
Заветной привести. Тревожным взглядом
Восточный край небес они пытаются,
Подстерегая первые лучи
Ночным теням грозящего светила.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

1

Уж дует свежий ветерок, Авроры
Гонец передовой; она восходит
И к золоту сиянья своего
Примешивает розы небосклона.
Готовы к выступленью христиане.
Равнина шумным говором полна.
Всеобщее венчают оживленье
Веселых трубных звуков перекаты.

2

Готфрид благоразумною рукою
Смирить войска пытается напрасно:
Скорее удержал бы он волну
У пристани Харибды иль Борея,
Когда, разбушевавшись, он колеблет
Вершины Альп и топит корабли.
Поспешно выступают, но веленьям
Готфрида и в поспешности послушны.

3

Летят в одно, стремительным порывом
Стремительный полет опережая;
Им кажется, что из-под ног земля
Назад уж слишком медленно уходит.

Сильнее жар от солнца. Перед ними
Иерусалим внезапно вырастает;
И сотни голосов, перемешавшись,
Кричат: «Иерусалим! Иерусалим!»

4

Так смелые пловцы в морях далеких:
Отправившись на поиски земель
Неведомых, они блуждают долго,
Носимые коварною волною,
Но видят, наконец, желанный берег,
Шлют громкое приветствие ему
И в общем ликование забывают
Пережитые беды и печали.

5

Но сладостный восторг, что охватил
Сердца героев в первое мгновенье,
Глубокою, с благоговейным страхом,
Печалью омрачается внезапно.
Едва свой взор поднять они дерзают
На город, Богом избранный, где Он,
По смерти погребенный, торжествуя,
Вновь смертную воспринял оболочку.

6

Неясные, подавленные речи
Со вздохами, слезами выражают
И скорбь и радость верующих душ.
Встревоженный, дрожит от звуков воздух.
Так шелестит лесная глушь, когда
Между ветвями ветер пробегает;
Так с грохотом и ропотом о скалы
С налета разбивается волна.

7

Вождам своим смиренным подражая,
 Разутые, идут они к Солиму:
 Ни золота, ни шелка нет на них,
 На головах ни шлемов нет, ни перьев;
 Изгнали из униженных сердец
 Они всю спесь и суетные мысли.
 Давно их щеки смочены слезами,
 Они ж себя корят, что слез так мало.

8

И каждый говорит себе: «Вот, вот —
 Места, Господней политые кровью,
 И нет потоков слез из глаз моих,
 И сердце ледяное все не тает!
 Жестокое, бесчувственное сердце,
 Как не разбилось ты, не разорвалось?
 Ах, если и сегодня ты не плачешь,
 Осуждено ты будешь плакать вечно!»

9

Меж тем один из стана мусульман,
 Дозорный за равниной и горами,
 С господствующей вышки примечает
 Вдали столбом вертящуюся пыль.
 Потом он видит уж не пыль, а тучу,
 Несущую и молнии и громы.
 И наконец, он ясно различает
 Ряды людей в сверкающих доспехах.

10

«О, небо, — восклицает он, — какой
 Зловещий вихрь равнину затемняет!
 Как он горит и светится! Народ,
 К оружию! К оружию, к сраженью!

Все на валы! Враг наступает быстро!
Спешите же! Бегите! Вот он, вот!
На облако ужасное глядите,
Что небеса окутывает мглою!»

11

И старики, и дети, слабый люд,
И женщины, беспомощные в битвах,
В последнее прибежище, в мечети,
И слезы и молитвы понесли.
Здоровые и сильные, хватая
Оружие, бегут к валам, к воротам.
Сам Аладин повсюду поспевает,
Все видит он и обо всем печется.

12

Все приказанья отданы. Идет
На башню он высокую, откуда —
Открытый вид на горы и равнину.
Следя за ходом битвы, может он
Рассчитывать, куда спешить с подмогой.
Прекрасная Эрминия при нем:
Когда была взята Антиохия,
Здесь обрела она приют почетный.

13

Меж тем Клоринда ищет христиан;
За ней отряд едва лишь поспевает.
Аргант, укрывшись в месте потаенном,
На выручку готов к ней устремиться.
Речами, а наружностью тем больше,
Бодрит она товарищей своих:
«Пусть вылазка отважная положит
Для Азии надежды первый камень».

14

Так говорит она; меж тем ей путь
 Отряд перерезает христианский;
 В свой стан он возвращается и гонит
 Стада перед собою, как добычу.
 Клоринда нападает на него;
 Начальник же отряда к ней навстречу.
 Зовут его Гордоном: храбрый воин,
 Противник для нее еще он слабый.

15

Съезжаются. Клоринда из седла
 Гордона вышибает. Распростертый,
 Он служит для ликующих неверных
 Счастливой, но обманчивой приметой.
 Клоринда довершает поражение,
 Как сотней рук удары нанося;
 А спутникам уж двигаться нетрудно
 За нею по расчищенной дороге.

16

Отбита и добыча: христиане
 За шагом шаг, ничуть не торопясь,
 К возвышенному месту отступают
 И там себе готовят оборону.
 Тогда, подобно молнии, что туча
 Стрелою шлет из недр своих на землю,
 Летит по приказанию Готфрида
 На помощь братьям доблестный Танкред.

17

Вождя в нем прозревая, Аладин
 Эрминии, уже смятенной, молвит:
 «Твой взгляд привык их различать; кто этот
 С осанкой горделивой и надменной?»

Она молчит: сперва сдержать ей надо
И вздох в груди, и слезы на глазах;
И все ж ее волненье обличают
И трепет губ, и влажный блеск зрачков.

18

Лишь злобою прикрыв любовь, она
В себе находит силы для ответа:
«Увы! В моей душе запечатлелись
Его черты глубоко, государь.
Немало крови подданных моих
Он пролил, рвы телами наполняя.
Ни травы, ни заклятья не залечат
Тех ран, что он наносит, разъяренный.

19

Зовут его Танкредом: если б в плен
Попался он! Не смерть его нужна мне;
Он нужен мне живой, чтоб сладкой мстью
Могла я муки сердца успокоить».
Сказала и последние слова
Невольно тяжким вздохом заключает.
О ненависти думает тиран,
Тогда как вздох безумной страстью вызван.

20

Клоринда между тем спешит к Танкреду,
Который на нее уж нападает.
В осколки разлетаются их копья,
Но шлем Клоринды падает: она
С открытой головой перед Танкредом;
По ветру выются пряди золотые,
И девушкой божественной красоты
Становится внезапно страшный воин.

Клоринда между тем спешит к Танкреду,
Который на нее уж нападает.
В осколки разлетаются их копья,
Но шлем Клоринды падает...

21

Глаза полны молниеносных взглядов.
 Прекрасная и в гневе, что она
 Явила бы, веселая, собою?
 Танкред, где ты? К чему твой взор прикован?
 Не эти ли черты зажгли огонь
 В душе твоей? И сердце подтверждает:
 Да, это — та, что некогда к ручью
 Пришла искать и тени и прохлады.

22

Но не узнал ее он ни по шлему,
 Ни по трофеям на щите. И вот
 Глядит он на нее, оцепенелый.
 Она — к нему; он стычки избегает.
 Разя попутно воинов других,
 Не отстает Клоринда от Танкреда.
 «Остановись», — кричит ему с угрозой
 И не одну — две смерти уж сулит.

23

Его разят, но он разить не хочет.
 Не так он занят самообороной,
 Как глубиной прекрасных глаз, откуда
 Амур наверняка пускает стрелы.
 «Твоей руки удары, — говорит
 Он сам себе, — теряются в пространстве!
 Но те, что мне наносит чудный образ,
 В грудь попадут и сердце истерзают».

24

Однако ж унести в могилу тайну
 Не хочет он. Клоринда пусть узнает,
 Что пленника разила, перед нею
 Склонившегося с робкою мольбою.

И говорит он ей: «Среди других
Один ли я — твой враг непримиримый?
Тогда уж в стороне от общей схватки
Померяемся силами с тобою».

25

Клоринда этот вызов принимает.
О шлеме позабыв, она вперед
С отвагой устремляется; Танкред,
Унылый, мрачный, следует за нею.
Она уже готова к нападенью,
Она уже летит и нападает.
«Постой, — он говорит, — до поединка
В условиях должны мы столкнуться».

26

Остановилась, ждет. От безнадежной
Любви Танкред становится смелее.
«Не хочешь, — говорит, — со мною мира,
Без сожаленья вырви это сердце!
Оно уж не мое, и если жизнь
Его не по тебе, пусть умирает.
Тебе принадлежит оно: бери,
Я защищать его не смею дольше».

27

Вот грудь моя: что ж не разишь? Иль хочешь,
Чтоб я помог твоей руке? Чтоб грудь,
Лишенную защиты, под удары
Подставил сам? Изволь, сниму я латы».
Несчастный, может быть, еще живее
Свои печали стал бы выражать;
Но вдруг магометане отступают,
А воины Танкредовы их гонят.

Со страху ли, из хитрости ль военной,
 Неверные бегут от христиан.
 Один из победителей, увидя,
 Как ветер треплет волосы Клоринды,
 С мечом уж руку подымает, варвар,
 И нанести удар готов ей в спину.
 Танкред, крича, бросается к нему
 И меч его мечом же отражает.

Удар не остается без последствий;
 Хоть и легко, но ранена Клоринда:
 На белой шее видны капли крови,
 Алеющие в золоте волос.
 Отделанное мастером искусным,
 Так золото рубинами играет.
 Занесши меч, Танкред осwirепелый
 С убийцей подлым хочет рассчитаться.

Злодей бежит, Танкред — за ним в погоню:
 Так две стрелы по воздуху несутся.
 Клоринда в удивленье провожает
 Лишь взглядом их, за ними не пускаясь.
 Потом, примкнув к бегущему отряду,
 То сразу нападет на христиан,
 То вновь от них отпрянет, и нельзя
 Решить, что это: бегство иль победа.

Так на арене цирка гордый бык
 С собаками сражается: рога
 Подставит он собакам, те отступят;
 Сам побежит, за ним — вся стая смело.

Клоринда прикрывается щитом
И все еще удары отражает.
Так в играх мавр, хоть и бежит, мячи
Все от себя отбрасывает ловко.

32

И сарацины уж, и христиане
Достигли стен Солима незаметно:
Вдруг, крики боевые испуская,
Неверные описывают круг
И с тылу совершают нападение.
Аргант, увидя это, на врагов
С отрядом устремляется ретиво
И в голову им прямо ударяет.

33

Неистовый черкес, кровавой жаждой
Пылая, выступает из рядов.
Один с коня уж сброшен им и, корчась
В предсмертных муках, испускает дух;
Другие также падают. Но в щепки
Копье вдруг разлетается; тогда
Аргант одним мечом кого попало
И рубит, и крошит, и убивает.

34

Арделиона доблестного дни
Клоринда прерывает. Этот воин,
Уж старец, был как юноша отважен.
Опору он имел в двух сыновьях:
Но старший сын, Алкандр, с тяжелой раной,
Принять последний вздох отца не в силах;
А младший, Полиферн, что дрался рядом,
От смерти сам спасается едва.

35

Меж тем Танкред, конем владея худшим,
 Бесплодную погоню прекращает;
 Глядит назад и видит, что, поддавшись
 Отваге безрассудной, христиане
 Попали в неразрывное кольцо.
 Тотчас летит туда; за ним же следом
 Несется и отряд тех удалцов,
 Что всюду поспевают, где опасность.

36

Авантюристы это, цвет героев,
 Душа и жизнь Христовых сил; Ринальд,
 Храбрейший и прекраснейший из них,
 Как молния, отряд опережает.
 Эрминия тотчас же узнает
 Ринальда по орлу в лазурном поле
 И говорит тирану: «Вот воитель,
 Отвагой всех воителей затмивший.

37

Противника ему во всей вселенной,
 Быть может, нет, а он — еще дитя.
 Будь шестеро таких во вражьем войске,
 Давно стонала б Азия в оковах,
 Восточные и южные народы
 Давно подвластны стали б христианам,
 И Нил, в истоках скрытый, может статься,
 Не спас бы головы от их ярма.

38

Зовут его Ринальдом. Всех машин
 Его рука для наших стен опасней.
 Теперь взгляни на воина в одежде
 Зелено-золотистой; то — Дудон.

И родом знаменитый, и делами,
Он — вождь авантюристов; по отваге
Между собою все они равны,
Главою же его поставил возраст.

39

Другой, что так чванлив, в доспехах темных, —
Брат короля норвежского, Гернанд,
Нет большего на свете горделивца;
Но это и единственный порок,
Что блеск его деяний помрачает.
Те, в белое одетые, — Джильдиппе
И Одоард, влюбленная друг в друга,
Отважная и верная чета».

40

А битва разгорается меж тем.
Рекою кровь течет. Танкред с Ринальдом
Прорвали охватившую их толщу.
Дудон, с своим отрядом подоспевший,
Смертельные удары умножает.
Аргант, Аргант воинственный, и тот,
С коня на землю сброшенный Ринальдом,
Стать на ноги едва находит силу.

41

Быть может, варвар в груди мертвых тел
Так и остался б; но скакун Ринальда
Вдруг падает и, всадника увлекши,
Его собой придавливает плотно.
Пока его свои освобождают,
Неверные в Солим спешат укрыться.
Клоринда и Аргант теперь одни
Плотиной служат бурному потоку.

Последними они уходят; в них
 Препону иль, верней сказать, задержку
 Встречают христиане. Сарацинам
 Они же прикрывают отступление.
 Дудон неукротимый завершить
 Старается победу. Своего
 Коня он направляет на Тиграна
 И голову ему мечом снимает.

Кольчуга не спасает Альгазара.
 Корбан защиты в шлеме не находит.
 Героем пораженный, Амарат,
 Печалуясь, прощается со светом.
 Жестокий Альманзор и Магомет,
 Убитые, повержены на землю.
 И сам Аргант надменный уж не в силах
 Себя обезопасить от ударов.

Уж он дрожит: коня порою сдержит
 И повернет; потом еще отступит.
 Вдруг, бурно на Дудона устремившись,
 Мечом пронзает бок ему глубоко
 И мощного героя ранит насмерть.
 Тот падает, сознание теряя:
 Безжалостный, последний сон готов
 Сомкнуть его слабеющие веки.

Три раза открывает он глаза;
 Три раза тщетно хочет приподняться;
 Три раза мрак встает перед глазами
 И, наконец, одолевает их.

Холодный пот на коже выступает,
И члены коченеют, холодея.
Арганту в этом теле бездыханном
Нужды уж нет: он продолжает путь.

46

Но, бросив взгляд назад, он христианам
Кричит: «Узнайте, воины, что этот
Покрытый кровью вашей меч в подарок
Вчера поднес мне ваш военачальник.
Вы видели, что сделал я сегодня;
Порадуйте ж вождя приятной вестью,
Скажите от меня, что меч хорош
Не только по убранству, но и в деле.

47

А к этому добавьте, что он сам
Познает своего подарка цену
И, если будет медлить с нападеньем,
Я захвачу его в его же ставке.
Услышав дерзкий вызов, христиане
Уж ринутся хотели на Арганта;
Но он успел далеко ускакать
И верный кров найти в стенах Солима.

48

Со стен же этих градом непрерывным
Летят на осаждающих каменя,
И туча стрел темнит прозрачный воздух.
Напрасного урона избегая,
От города отходят христиане,
Неверные ж спешат в него войти.
Тем временем Ринальд, с земли поднявшись,
Среди своих уж вновь горит отвагой.

Он полон весь желаньем отомстить
 За смерть Дудона варвару-убийце.
 «Что может вас удерживать? — кричит он
 Соратникам своим, — чего вы ждете?
 Героя и вождя мы потеряли,
 Так почему ж мы к мести не спешим?
 Неужто в нашем гневe справедливом
 Ничтожный вал для нас препоной будет?

Нет, даже будь стена стальная, будь
 Она непроницаемым алмазом,
 За нею от мечей и копий наших
 Не спасся бы Аргант: вперед, на приступ!»
 Сказал и сам туда несется первый.
 На прочный шлем надеясь, не боится
 Он ни камней, бросаемых оттуда,
 Ни стрел, летящих роем непрерывным.

Его лицо отвагой страшной дышит;
 А взор, твердыню вражью сокрушая,
 До недр ее несет испуг и ужас.
 Он громко ободряет христиан
 И гневно угрожает сарацинам.
 Но пылкости его нашлась узда —
 Сигьер благоразумный, приказаний
 Готфридовых суровый исполнитель.

От имени вождя он порицает
 Нескромную горячность и велит
 Вернуться в стан тотчас же. «Отступайте, —
 Он говорит, — недобрый час избрали

Вы для того, чтоб гневу предаваться;
Запрет на то Готфрида, повинуйтесь».
Ринальд ни шагу дальше, но дрожит,
И все изобличает в нем досаду.

53

Так христиане отступают. Враг
Тревожить отступающих не смеет.
Останки благородного Дудона
Ждут почестей заслуженных: и вот
Его друзья, не сдерживая слез,
Прах дорогой уносят с поля битвы.
Готфрид меж тем с холма обзревает
И стены и окрестности Солима.

54

Солим расположен на двух холмах
Неравной высоты: и их и город
Долина разделяет. С трех сторон
Обрывисты холмы и доступ труден;
Четвертая спускается настолько
Отлого, что подъем едва заметен.
Так с севера; хорошую защиту
Собой здесь представляют рвы и стены.

55

Внутри есть родники воды студеной,
Бассейны есть для дождевой воды;
Зато кругом — бесплодная пустыня:
Ни ручейка на ней, ни водоема.
Здесь никогда цветок не тешил взора,
И тень листвы прохладной не манила;
Лишь за шесть миль есть роща: скорбь и ужас
Наводит вечно в ней царящий мрак.

По стороне, к рассвету обращенной,
 Течет благословенный Иордан;
 Там, где закат, на отмелях песчаных
 Гладь моря Средиземного краснеет:
 На севере — Вефиль, где почитаем
 Был золотой телец, и Самария;
 А колыбель Господня, Вифлеем, —
 С той стороны, где и дожди и грозы.

Пока Готфрид внимательно и город
 И местоположение изучает,
 Пока, окидывая взором поле,
 Раздумывает он, откуда легче
 И выгодней пойти ему на приступ,
 Эрминия твердит уж Аладину:
 «Там, на холме, в плаще багряном воин
 С осанкой величавой, то — Готфрид.

Поистине он к власти предназначен:
 Повелевать и управлять умеет;
 Искусный полководец, храбрый витязь,
 Такой же он и воин, как правитель.
 Мудрее и отважнее его
 Меж христиан я никого не знаю.
 С ним рядом станет лишь Раймунд в совете,
 Ринальд же и Танкред — на поле битвы».

На это Аладин: «Я с ним встречался
 Во Франции когда-то; при дворе
 Ее великолепном я в ту пору
 Посланником Египта был. Я видел,

Как он копьем владеет на турнирах;
Едва еще из детства вышел он,
Но вся его наружность, все поступки
Высокую судьбу ему сулили.

60

Сулили, ах! сулили слишком верно!»
И он дрожит, и на нее не смотрит;
Но, овладев собою, продолжает:
«А кто другой, ему как будто равный?
Не так высок он ростом, но черты
Их лиц до поразительности схожи!» —
«То — Балдуин; он — брат родной Готфрида,
Деяньями его еще славнее.

61

Второго ж собеседника Готфрида,
Что будто подает ему советы,
Раймундом звать: о мудрости его
Достаточно из слов моих ты знаешь;
Состарился он в битвах и большой
На хитрости военные искусник.
А дальше, в шлеме золотом, ты видишь?
То королевич английский Вильгельм.

62

Вот Гвельф, соперник названных достойный,
И званьем и рождением знаменитый.
Я узнаю его и по груди,
И по плечам широким. Между всеми
Воителями рати христианской
Глаза мои, однако, не встречают
Злодея-душегуба Боэмунда,
Того, что истребил мою семью».

Тем временем Готфрид к своим вернулся.
 Теперь, все осмотрев, он видит ясно,
 Что ни малейшей нет надежды город
 Взять приступом со стороны обрывов;
 Поэтому расположиться станом
 Велит он против северных ворот
 И линию осадную продолжить
 Вплоть до подножья башни угловой.

На этом протяжении, однако,
 Хотя и с одной всего лишь стороны,
 Треть города почти он запирает.
 И помышлять он никогда не мог бы
 О том, чтоб всю окружность охватить;
 Зато ему другое удастся:
 Нет доступа для помощи снаружи,
 И все притом в его руках проходы.

Чтоб стан обезопасить в равной мере
 От вылазок и от вторжений с тылу,
 Он рвами все изрезывает поле.
 С работами столь важными покончив,
 Он поспешил воздать благочестивый
 Печальный долг усопшему Дудону.
 Останки благородные толпа
 Со вздохами и плачем окружила.

Покоится герой на смертном ложе,
 В почетном по-военному убранстве.
 Приход вождя стенанья и рыданья
 Собравшихся друзей усугубляет.

У самого Готфрида вид спокойный:
Вся скорбь его — в душе. Сперва на тело
И пристально и молча он глядит,
А после речь такую произносит:

67

«Не по тебе, великодушный воин,
Скорбим и плачем мы: ты умер здесь,
Чтоб вновь ожить в обители небесной.
Места, где прах почует твой, полны
И дел твоих, и славы. Ты и жил
И умер как герой и христианин.
В безбрежности Господней утопая,
Ты дивным упиваешься блаженством.

68

Вкушай же радость вечную. Не твой,
А наш удел нас плакать заставляет.
Как будто, лишь тебя теряя, мы
Часть лучшую самих себя теряем.
Но если то, что называют смертью,
Нас помощи твоей теперь лишает,
Ты можешь из чертогов светозарных
Испрашивать у Бога помощь нам.

69

Как смертный ты сражался рядом с нами;
Сегодня, став бессмертным, наши силы
Поддерживать отныне целым сонмом
Невидимых небесных сил ты будешь.
Дай славить и молить тебя: будь нашим
Оплотом и прибежищем в напастях.
Когда-нибудь, победу торжествуя,
Тебе хвалу мы в храмах вознесем».

Так говорил Готфрид. Уж мрак ночной
 Последний отблеск дня одолевает;
 Волшебник-сон скорбящим христианам
 Отрадное забвение приносит.
 Но их глава, не ведая покоя
 От мыслей об осаде предстоящей
 И о снарядах, нужных для нее,
 В коротком сне лишь почерпает отдых.

С рассветом он встает, чтоб в погребенье
 Торжественном участие принять.
 В виду равнины у холма Дудону
 Из кипариса гроб соорудили:
 Он осенен великолепной пальмой,
 И воина кладут в него останки;
 Священники молитвами ему
 Небесную испрашивают милость.

Развешаны на пальмовых ветвях
 Трофеи, что в сражениях счастливых
 Дудону-победителю достались
 От персов и сирийцев побежденных;
 К стволу прибиты латы и доспехи,
 А на стволе потомству в назиданье
 Вырезают надпись: «Здесь лежит
 Дудон. Почти, прохожий, прах героя».

Печальный и благочестивый долг
 Усопшему отдав, военачальник
 Тотчас же под прикрытием надежным
 Рабочих посылает в лес ближайший:

В долине притаившийся незримо,
Французам он открыт одним сирийцем.
Там будут изготовлены в тиши
Снаряды для гибели Солима.

74

От пылкого усердия рабочих
Деревья тяжело стонут под секирой.
Таких опустошений древний лес,
С тех пор как он растет, еще не видел.
И бук, и кипарис, и ель, и ясень,
Как срезанные, падают на землю.
С погибшим вязом гибнет заодно
И виноград, его собой обвивший.

75

Нешадно вырубают тисы, дубы,
Что тысячу уж раз весну встречали
И столько ж лет стояли неподвижно,
Выдерживая бурь и гроз налеты.
Под грузом непривычным стонут оси;
От стука и от гомона из ложбиц
По лесу разбегается зверье,
И птицы с криком гнезда покидают.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

1

В то время как готовятся поспешно
Орудия для взятия Солима,
Наш вечный враг на христиан бросает
Пылающие ненавистью взгляды.
При виде рвеня дружного рабочих
Он яростно кусает сам себя
И, словно бык, смертельно пораженный,
Неистово мычит, ревет и стонет.

2

Он только об одном и помышляет:
На христиан все беды устремить;
И своему ужасному совету
Собраться он велит в чертогах черных.
Безумец — кто Всевышнего веленья
Поколебать бессильно злобой хочет,
Кто с Ним себя равняет и Его
Неотвратимых молний не страшится.

3

Глухая заунывная труба
Сзывает население тьмы крошечной,
И Тартар, мощным зовом потрясенный,
Шлет отклики из черных бездн своих.

Не так сильны раскаты грома в небе,
Не так земли ужасны содроганья,
Когда воспламененные пары
Из тайников ее исхода ищут.

4

Являются владыки преисподней.
О, Небо, что за страшные виденья!
Запечатлен в глазах их смертный ужас.
У некоторых тело человечье,
Но пара лап звериных вместо ног;
На голове их вьются попережку
И волосы и змеи; весь в изгибах
Их необъятный раздвоенный зад.

5

Тут гарпии огромные, центавры,
Прожорливые лающие сциллы,
Горгоны, гидры, сфинксы и пифоны;
Химеры, что и дым и пламя вечно
Из пасти извергают; и циклопы,
И герионы — тысяча чудовищ,
Невиданных под небом и земному
Воображенью даже недоступных.

6

Все размещаются: одни — налево,
Другие же направо от престола;
А мрачный повелитель — посредине
С тяжелым, грубым скипетром в руке.
На гордой голове его два рога,
И выше величайшей он горы:
И Кальпа, да и сам огромный Атлас
Холмами перед ним бы оказались.

7

Величием ужасным озарен
Его свирепый и надменный облик,
И взгляд, подобный гибельной комете,
Смертельным ядом глаз его сверкает.
Противная густая борода
Собой всю грудь косматую закрыла;
Как бездна, открывается широко
Испачканный нечистой кровью рот.

8

Зловонное дыхание из рта
Чумой, с огнем и дымом, вылетает:
Так Этна извергает из своих
Воспламененных недр смолу и серу.
Безмолвствует в испуге лютей Цербер
От голоса его; немеет Гидра;
Коцит не катит волн своих, и вторит
Встревоженная бездна грозным звукам.

9

«Вам, боги ада, родиной своей
Считающим надсолнечные страны,
Вам, из чертогов вечного блаженства
Низвергнутым в ужасные темницы,
Не стану я напоминать о нашей
Борьбе со злобным, мстительным тираном:
Всевышний Судия, Он правит миром,
А мы удел мятежников несем.

10

Взамен лучей негаснувшего дня,
Взамен светил, где некогда мы жили,
Он заключил нас в этой мрачной бездне,
Откуда нет к блаженству нам возврата.

Но горшее еще воспоминанье
Усиливает казнь мою и муки:
В бессмертную обитель Он призвал
Ничтожное творенье — человека!

11

И все еще Ему казалось мало:
Чтоб покарать нас пуще, предал смерти
Он Сына Своего. И Сын явился
И Тартара преграды сокрушил.
Переступив порог владений наших,
Он грешных душ лишил нас дерзновенно
И на небо вернулся в торжестве
Победы и над смертью, и над Адом.

12

Но для чего опять тревожить раны?
Кому Его неправды неизвестны?
В какую пору и в какой стране
Переставал глумиться Он над нами?
Должны забыть мы старые расчеты:
Нам новая готовится обида.
Э, разве вы не видите, как все
Народы подчинить себе Он хочет?

13

И прозябать в бездействии мы будем?
Не вспыхнете вы пламенем мятежным?
Потерпим мы, чтоб нашего тирана
Росла и крепла вера? Чтоб на новых
Его именовали языках
И славили бы в новых песнопеньях?
И чтоб на новом мраморе и меди
Его изображенья вырезали?

Потерпим, чтоб богов низверг Он наших,
 Чтоб наши алтари присвоил Он,
 Чтоб Он один внимал людским молитвам
 И благовонный дым один вдыхал бы?
 А нам, свободно в храмы проникавшим,
 Пристанища не будет на земле,
 И повелитель ваш, лишенный дани,
 Владычествовать будет над пустыней?

Нет. Я клянусь отвагой, что издревле
 Еще живет и дышит в нас. Мы разве
 Не те, какими были, у Небес
 Оспаривая власть во всеоружье?
 Что мы в борьбе не устояли, это
 Я признаю; но замысел был смел.
 Счастливейший стяжал победу, нам же
 Непобежденная осталась доблесть.

Но что же я удерживаю вас?
 Вперед, мои товарищи, моя
 Твердыня и опора! В колыбели
 Могучего врага уничтожайте:
 Гасите тот огонь, что, разгораясь,
 Грозит всю Палестину охватить;
 Смешавшись с христианами, готовьте
 Погибель им и хитростью и силой!

Одних удел — скитальчество; других
 Пусть насмерть поразят удары ваши;
 А прочие рабами женских чар
 Пусть день за днем в постыдной неге чахнут.

Восстав друг против друга, христиане
Друг друга пусть на части рвут и режут.
Пусть весь их стан с лица земли сметется
И сгинут без остатка их следы».

18

Он говорил еще, а духи ада,
И злобою и местью пламенея,
Стремятся уж из недр глубокой ночи
К обители полуденных лучей.
Так ветры непогожие и бури,
Мятежно вылетая на простор,
Темнят лазурь небесную, земле же
Стихийное несут опустошенье.

19

Покинув ад, на крыльях распростертых
Они рассеиваются по свету
И в хитрых изощряются уловках
На гибель человеческому роду.
О Муза! Назови мне тех, чьи руки
Орудиями козней послужили:
Ты знаешь их; молва их разгласила,
Но отклики едва до нас дошли.

20

Престол Дамаска занимал в то время
Кудесник знаменитый Хидраот;
Он с юных лет гаданьем увлекался,
И страстью стала пагубная склонность.
Но в знаниях обманчивых что пользы,
Когда ему исход войны неведом?
Ни звезды в небесах, ни Ад крошечный
Не открывают истины ему.

21

О, жалкое неведение смертных!
 Как тщетны их суждения, какой
 В их свете мрак! Властительный гадатель
 Предсказывал, что рати христианской
 Готовит Небо гибель на Востоке.
 Он видит египтянина уже
 Увенчанным победою и хочет,
 Чтоб лавры разделил его народ.

22

Но зная, как отважны христиане,
 Боится он, чтоб слишком дорогою
 Победа для него не оказалась;
 И размышляет он, каким бы средством
 Ослабить их сначала, а потом
 Победу довершить одним ударом.
 Тогда ему злой дух внушеньем гнусным
 Вливает в сердце новую отвагу.

23

Находит Хидраот вернейший способ
 Осуществить свой замысел коварный.
 Есть у него племянница: на всем
 Востоке пальма первенства за нею
 По красоте и прелести; она же
 Все тайны чародейства изучила.
 Ее-то Хидраот и выбирает
 В сообщницы; зовет и говорит:

24

«Любимица моя и ученица,
 Меня опередившая в уроках!
 Ты под покровом женственности нежной
 И опытность и мужество тайшь:

Нужна твоя мне помощь, чтоб успешно
Намерение важное исполнить;
Пусть только эта верная рука
Дотянет нить моей искусной пряжи.

25

Иди во вражий стан и там яви
Все женские приманки и соблазны.
Проси, моли смиренно со слезами,
Перемежай со вздохами слова!
Не устоит упорнейшее сердце
Перед красой заплаканной. Прикрой
Стыдливостью своих желаний смелость
И ложь цветами истины окрась.

26

Прельсти сперва Готфрида, если сможешь.
Тобою опьяненный, пусть забудет
Он для любви и славу и победы;
А если не поддастся, увлеку
Воителей нежнейших за собою
Туда, откуда им уж не вернуться!»
И, дав наказ подробный, заключает:
«Дерзай на все, и все тебе простится».

27

Своей красой и юностью гордясь,
Армида принимает порученье.
Едва лишь тени первые ложатся,
Она тропею тайною уходит.
Во всеоружье чар, она как будто
У ног своих уж видит всех героев.
Чтоб объяснить ее уход народу,
Его пустыми рассказами тешат.

И вот уже Армида в тех местах,
 Где ставки христианские разбиты.
 Ее встречает ропот изумленья,
 Восторгом загораются глаза.
 Так яркий блеск неведомой кометы
 Приковывает к небу взоры смертных.
 Толпа вокруг прекрасной чужестранки
 Желает знать, что привело ее.

Такого чуда Греция доныне
 Среди своих красавиц не являла.
 То светятся едва под легкой тканью,
 То вырываются наружу, ярко блещут
 Ее волос изгибы золотые.
 Так солнце нам лишь бледные лучи
 Сквозь тучку шлет; но тучка уплывает,
 И солнечным огням уж нет преграды.

Подхватывая волосы ее,
 Играет ими ветер, как волнами.
 Под веками опущенными взор,
 Скупясь, дары любви и неги прячет.
 Пылает нежно-розовый румянец
 На чистой белизне ее лица;
 Но на губах, дыханьем сладким полных,
 Нет белизны: румянец яркий только.

Белеет алебастровая шея,
 Засада и убежище Амура.
 Подъем и склон двух полушарий видны
 Лишь частию; другую часть скрывает

Ревнивое, завистливое платье:
Не для мечты, для взгляда лишь препона;
Воображенье смело в тайники
Чарующих приманок проникает.

32

Как светлый луч проходит чрез волну
Иль чрез кристалл, не рассекая их,
Так темные и плотные покровы
Пронизывать воображенье может.
Оно средь сокровеннейших чудес,
Любуясь ими, бродит своенравно
И образно рисует их желанью,
Его еще сильнее распаляя.

33

Армида приближается к толпе,
Открыто восхищающейся ею.
Она все примечает, но как будто
Не примечает вовсе ничего.
Лишь в сердце улыбается, считая
Заранее успехи и победы.
Готфрида нужно видеть ей: на зов
Спешит Готфридов младший брат Евстахий.

34

На блеск ее божественной красоты
Бросается воитель безрассудный
Крылатому созданию подобно,
Что обретает смерть в лучах желанных.
Поближе увидеть глаза он хочет,
Прикрытые стыдливою рукою;
Их пламенем охваченный внезапно,
Со смелостью любви и юных лет

35

Он говорит: «О госпожа, коль смею
 Так звать тебя, по виду неземную!
 Нет, небо никогда еще столь щедро
 Не наделяло слабого созданья.
 Зачем ты здесь? Откуда ты пришла?
 И с добрыми ль, с недобрыми ль вестями?
 Кто ты? Почтить ли мне тебя как гостью,
 Иль как перед богиней пасть во прах?» —

36

«Твоя хвала не по красе злосчастной:
 Во мне не только смертную ты видишь;
 Перед тобой умершая для счастья
 И для скорбей живущая еще.
 Из чудных стран пришелица, я здесь
 Ищу для целомудрия приюта.
 О доброте Готфрида всюду слыша,
 Хочу ему свое доверить горе.

37

О, если ты великодушен вправду,
 Открой мне доступ к этому герою!» —
 «Кому же быть, — Евстахий отвечает, —
 Проводником к Готфриду и твоим
 Защитником, как не его же брату?
 Не тщетно ты, прекрасная, просила:
 За брата я ручаюсь; как моей
 Рукой, располагай его влияньем!»

38

Они идут к Готфриду, от толпы
 Укрывшемуся с близкими друзьями.
 Отдав ему почтительный поклон
 И скромно покраснев, молчит Армида.

Герой ее приветливо встречает
И мнимый страх рассеивает лаской.
Тогда, чаруя голосом своим,
Предательскую речь она заводит:

39

«Непобедимый государь, чье имя
Со славою звучит во всей вселенной
И в чьих цепях неслыханное счастье
Находят побежденные народы!
Везде твоя известна добродетель,
Врагами даже чтимая твоими;
Внушая им доверие к тебе,
Она их шлет искать твоей защиты.

40

Хоть родилась я в лоне веры той,
Что, низложив, ты хочешь уничтожить,
Я все же у тебя просить решаюсь
Наследия моих державных предков.
Другие против ярости врагов
Зовут на помощь дружескую руку,
А я врагов зову на кровь родную,
На кровь, что поклялась меня сгубить.

41

Тебя молю и на тебя надеюсь;
Утраченный престол один ты в силах
Мне возвратить. Гроза врагов, пусть будет
Твоя рука опорой для несчастных.
Не меньше, чем твои победы, станут
Хвалить твои щедроты и к престолам,
Поверженным тобой, еще один,
Тобою ж восстановленный, прибавят.

Отдав ему почтительный поклон
И скромно покраснев, молчит Армида.
Герой ее приветливо встречает
И мнимый страх рассеивает лаской.

42

Из-за моей, быть может, веры ты
 Мои мольбы с презрением отвергнешь!
 Но, веру исповедуя иную,
 Я верю в добродетели твои.
 Свидетель Бог, что с праведнейшей просьбой
 К тебе еще никто не обращался.
 Но лучше повесть выслушай о том,
 Какие я гоненья претерпела.

43

Отец мой, Арбилан, царил в Дамаске.
 Не царское дитя, он на престол
 Взошел как муж прекрасной Хариклеи.
 Я матери своей, увы! не знала.
 Ее глаза закрылись в то мгновенье,
 Когда мои чуть увидали свет,
 И день, что озарил ее кончину,
 Был днем, мое рождение озарившим.

44

Едва с тех пор минуло пятилетье,
 Как и отца постигла та же участь.
 Телесную бросая оболочку,
 Он и бразды правленья, и мои
 Младенческие годы вверил брату:
 Так нежно он любил его, так много
 Ему благодетель оказал,
 Что в верности его не сомневался.

45

Под бременем двойным, вначале дядя,
 Казалось, о моем лишь думал счастье:
 Дивил он весь Восток своей ко мне
 Поистине родительской любовью.

Быть может, под личиной благородства
Он уж тогда был полон черных мыслей;
Меня ж в невестки проча, может быть,
Далек еще он был от преступления.

46

Росла я; рос двоюродный мой брат,
Упрямое и грубое создание.
Под внешностью мерзейшею таится
Такое же и сердце у него;
В нем скупость уживается с гордыней;
Развратный, необузданный, собою
Чудовищную смесь одних пороков
Без тени добрых чувств являет он.

47

Такого-то супруга для меня
Мой опекун заботливый готовил!
Не раз он возвещал мне, что должна я
С ним разделить и ложе и престол.
На всякие пускался он уловки,
Но вырвать роковое обещанье
Не удалось ему: я неизменно
Отказом иль молчаньем отвечала.

48

Но, наконец, однажды он уходит
С таким зловещим видом от меня,
Что я свою страдальческую повесть
В его лице, как в зеркале, читаю.
И с той поры ужасные виденья
Мой сон тревожить ночь за ночью стали,
А роковой испуг запечатлел
В душе грядущих бедствий ожиданье.

Тень матери являлась часто мне
 Под облаком печали. Ах, как мало
 Напоминало бледное лицо
 Знакомые черты ее портретов!
 И говорила мне она: „Беги,
 Дитя мое, беги от страшной смерти!
 Уж вижу я отраву и кинжал
 В предательской руке; беги скорее!“

Но что мне было в этих предсказаниях
 Погибели, меня подстерегавшей?
 Неопытная, робкая, к кому
 За помощью могла я обратиться?
 В чужих краях вымаливать подачку
 Казалось мне ужасней смерти. Да,
 Я предпочла бы дни свои окончить
 В местах, мое рожденье увидавших.

Несчастливая, боялась смерти я
 И от нее бежать не смела. Выдать
 Боялась эту самую боязнь
 И час своей гибели ускорить.
 Так, полная тревоги и смятенья,
 Влачила я унылый жребий свой:
 Как будто меч над головою видя,
 Я каждый миг ждала его паденья.

Но вот (благодарить ли мне судьбу,
 Иль надо мной она лишь посмеялась?)
 Один отцом воспитанный придворный
 Является тайком и возвещает,

Что смерть моя уж дядей решена
И приговор исполнен будет скоро:
Тирану сам же дал он обещанье
Отравленный мне кубок поднести.

53

Одно лишь бегство будто бы спасет
Меня от занесенного удара.
И, предлагая мне свои услуги,
Он ободрить старается меня.
Мне ничего не остается больше,
Как ввериться советчику; и я
Бежать решаюсь в ту же ночь далеко
И от родной земли, и от тирана.

54

Ночь настает и замысел наш кроет
Безмолвной тайной мрака своего.
Я уйду, со мною две служанки,
Две спутницы в неведомых скитаньях;
Но влажный взор невольно обращаю
К местам, где первый день мне улыбнулся:
Прикованные к виду дорогому,
Насытиться не могут им глаза.

55

Туда меня все помыслы влекут,
Но каждый шаг оттуда удаляет.
Так в бурю мореход глазами ищет
От взора убегающую землю.
Без сна и ночь, и день, ее сменивший,
Мы по местам неведомым блуждали
И, наконец, до замка добрались
Совсем уж на краю моих владений.

56

То замок был Аронта, моего
 Спасителя, бежавшего со мною.
 Предатель между тем, узнав, что жертва
 Его исчезла, в бешенство приходит
 И тут же с плеч своих сложить вину
 Решает на меня и на Аронта:
 Обоим нам приписывает он
 Задуманное им же злодеянье.

57

Как будто подкупила я Аронта
 Ему напиток с ядом приготовить,
 Чтоб, от его избавившись надзора,
 Не знать запрета в склонностях преступных;
 В пылу постыдной страсти отдавалась
 Я множеству любовников как будто.
 О, молния сожгла б меня скорее,
 Чем осквернила б я святую честь!

58

Что, пожелав моих сокровищ, варвар
 Убить меня решил, мне это больно;
 Но что он честь мою пятнает, ах,
 Какая рана с этою сравнится!
 Перед моими подданными в страхе
 В обман хитро их вводит нечестивец,
 Чтоб мнимую виною удержать
 На мщение поднявшуюся руку.

59

Взойдя на мой престол и на себя
 Венец мой возложив, он, кровопийца,
 На том еще не думает мои
 Невзгоды и несчастья покончить.

Аронта сжечь сулит он в замке, если
Тот сам его оковам не предастся;
А мне и тем, кто делит жребий мой,
Он даже не войной грозит, а плахой.

60

Он хочет, говорит, в моей крови
Омыть позор, ему мной нанесенный,
И дому моему вернуть ту честь
И мощь, которых я его лишила.
На деле же он одного боится:
Утратить скипетр, мне принадлежащий;
И, только сжив меня со света, может
Он власть свою упроченной считать.

61

Ах, в замыслах своих не преуспеть
Не может он! И без твоей поддержки
Придется, государь, мне не слезами,
А кровью укротить его жестокость.
Несчастливая, невинная, без средств,
Без помощи, склоняюсь я к твоим
Ногам, твои колена обнимаю
И возвратить мне честь и жизнь молю.

62

Рукой твоей, в возмездье справедливым
Смиряющей и гордость и нечестье,
Святынею твоею заклинаю:
Не отвергай моих молений жарких!
Пусть жалость благодетельного сердца
Мне сохранит и дни и скипетр. Жалость!
Нет, государь, я умоляю только
Тебя о правосудии разумном.

63

Ты чувством справедливости и мощью
 Все исполнять, что хочешь, одарен:
 Меня спасая, ты приобретаешь
 Себе, как мне, покорный край. Довольно
 Мне от тебя десятерых героев.
 Со мной в Дамаск отправившись, сумеют
 Они меня и преданным вельможам,
 И верному народу возвратить.

64

Один из важных жителей Дамаска,
 Заведующий входом потаенным,
 Ворота отворить мне и ввести
 Украдкой во дворец меня берется:
 Он за успех ручается, коль помощь
 Я от тебя хоть слабую добуду;
 Ему она дороже целой рати,
 Так ценит он отвагу христиан».

65

И, смолкнув, ждет Готфридова ответа;
 Но и в ее молчанье продолжает
 Настойчивость мольбы ее звучать.
 Колеблется Готфрид: боится он
 Коварства сарацинов, ибо знает,
 Что верен людям только верный Богу;
 Но свойство душ великих, доброта,
 В нем все одолевает напоследок.

66

И кое-что еще его вниманье
 Приковывает к бедствиям царевны.
 Он чувствует, как важно для него
 Иметь в своих руках престол дамасский:

Властительница новая, конечно,
Пути ему признательно откроет,
В намереньях поможет и доставит
Оружие, припасы и казну.

67

Пока Готфрид, взволнованный рассказом,
С поникшей головой, соображает
И взвешивает доводы, Армида
С него не сводит глаз в недоуменье:
Молчаньем продолжительным ее
Все больше он смущает и тревожит;
Но, наконец, в смягченных выраженьях
Решительно отказывает ей.

68

«Когда бы, госпожа, то предприятие,
К которому призвало Небо нас,
Мечей и рук не требовало наших,
Могла б вполне на нас ты положиться.
Но мы должны спасти народ Господень
И стен святых восстановить свободу.
Великий был бы грех ослабить войско
И шествие победное замедлить.

69

Даю тебе обет, и пусть он будет
Тебе залогом, что, когда удастся
Нам вырвать из неволи эти стены,
Возлюбленные Небом, мы тотчас
Последуем сердечному порыву
И возвратим тебе престол отцовский.
А если б я тебе поддался нынче,
Отступником я стал бы нечестивым».

Армида молча голову склоняет
 И, в землю взор вперив, стоит недвижно;
 Потом, глаза омоченные к небу
 Подняв, взывает с горестью глубокой:
 «Несчастливая! Ах, в целом мире жребий
 Найдется ли плачевней моего!
 Скорее все изменится в природе,
 Чем перестанет гнать меня судьба.

Надежды, значит, нет: напрасны слезы;
 К молениям глухо сердце человека.
 Быть может, не разжалобив тебя,
 Разжалоблю тирана я скорее?
 Суровостью тебя корить не буду:
 В моих напастьях Небо лишь виновно;
 Оно твою ожесточает душу
 И непреклонным делает тебя.

Нет, государь! Не ты мне, нет, а рок
 Отказывает в помощи молимою.
 Жестокий, беспощадный рок, возьми же
 Остаток жизни ненавистой! Ах!
 Тебе казалось мало на сиротство
 Меня обречь в младенческие годы:
 Еще с престола нужно было свергнуть
 И в грудь вонзить отравленный кинжал.

Прочь, прочь отсюда, где не позволяет
 Мне дольше оставаться честь моя.
 Прочь, но куда? Где скрыться злополучной
 От ярости тирана? В целом мире

Мне не найти убежища такого.
Но что ж колеблюсь я? Перед собой
Я вижу смерть и к ней иду, чтоб этой
Рукой предупредить ее удары».

74

Она молчит; в ее глазах — печать
Исполненной достоинства досады.
По виду и скорбя и негодуя,
Она уйти и вправду будто хочет.
А слезы, слезы гнева и печали,
Текут неудержимо и обильно,
И кажется от солнечного блеска,
Что сыплются жемчужины из глаз.

75

И все лицо омочено слезами.
Такою нам является лилея,
Когда еще чуть брезжит в небе утро
И чашечка ее сверкает ярко
Алмазными слезинками Авроры;
А ветерок, способствуя расцвету,
К ней в лоно пробирается и нежит
Ее дыханьем сладким, как влюбленный.

76

Но из ее волшебных слез родится
Таинственное пламя, что в сердца
Мужские проникает, самовластно
Охватывает их и зажигает.
Амур! Кто от тебя пощаду видел
И пламенем твоим кто не горел!
Но ты, благоприятствуя Армиде,
Свои же чудеса усугубляешь.

Ей лживою печалью удается
 Растрогать всех, и все в одно решают:
 «Чтоб быть таким неумолимым, нужно
 Тигрицею быть вскормленным, родиться
 В мрачнейших недрах Альп или морем гневным
 Быть выброшенным на берег пустынный;
 Как может он, жестокий, огорчать
 Такую красоту отказом грубым!»

Пока так ропщут все и не дерзает
 Никто заговорить, Евстахий юный,
 Любовью весь горя и состраданьем,
 Становится перед Готфридом смело
 И речь ему такую держит: «Брат,
 Чрезмерную суровость и жестокость
 Ты проявил бы, если бы не сдался
 На наши убеждения и просьбы.

Само собой понятно, что вождам
 Для посторонних дел не подобает
 Бросать на них лежащие заботы;
 Но мы, что за самих себя в ответе,
 Во всем своей отваге лишь подвластны
 И ни над кем главенства не имеем,
 Мы можем дать тебе десятерых
 Воителей за правду; выбирай!

За красоту и за невинность мстить —
 Не значит ли за Небеса сражаться,
 И смертные останки нечестивца —
 Всевышнему не дар ли благородный!

Нет выгоды мне в этом славном деле,
Но я ему по долгу отдаюсь:
Стоять за женщин слабых, беззащитных
Поклялся я и клятве буду верен.

81

О, если бы во Франции ль, в иной ли
Стране благовоспитанной сказали,
Что в деле столь прекрасном убоялись
Мы будущих напастей и трудов!
Нет, лучше я сниму и шлем и латы!
Воители без доблести, долой
Оружие, что мы же оскорбили,
Долой и обесчещенное званье!»

82

Сказал он; все сподвижники ему
Согласно выражают одобренье;
Потом, его же следуя совету,
Настойчиво Готфрида убеждают.
«Я должен, — говорит он, — уступить,
Но помощь будет не моя, а ваша.
Однако если верите Готфриду,
Умерьте рвенье пламенных сердец».

83

В словах Готфрида видят дозволение
Того, что он лишь терпит поневоле,
И каждый жаждет в выборе удачи.
Чего не смогут слезы красоты?
Чего не смогут речи, если их
Прекраснейшие губы произносят?
Невидимой приковывает цепью
Армида всех хотенья к своему.

Евстахий объявляет ей: «Конец,
 Небесная краса, твоим печалям;
 Получишь скоро ты от нас ту помощь,
 Что ищут треволнения твои».
 И этого довольно ей: лицо
 Озарено уже улыбкой счастья;
 Глаза от слез отерты покрывалом,
 Яснеет взор, и все вокруг яснее.

Потом сладчайшим голосом Армида
 Благодарит их за благое дело:
 «Оно в моей душе запечатлелось,
 И память сохранят о нем века».
 Но ей всего не выразить словами:
 Пусть трогательной внешностью скрывает
 Свой умысел она с таким искусством,
 Что никому его не заподозрить.

Успехом первым гордая, она
 Судьбе, к ней благосклонной, предается,
 Чтоб довершить скорее злодеянье.
 Прельщения все силы напрягая,
 Медею и Цирцею превзойти
 Старается она в коварных чарах;
 И лестно ей разумнейших героев,
 С сиреной соревнуя, усыплять.

Все в ход она пускает, чтоб добыча
 В сетях осталась. Каждое мгновенье
 Иною представляется она:
 То взор в смущенье девственном опустит,

То алчными глазами поведет;
И шпорой и уздой попеременно
Владея, слишком робких подбодряет
И сдерживает пылких чересчур.

88

Чуть кто-нибудь из воинов скромнейших,
Огня своих желаний испугавшись,
Захочет потушить его, она
Героя нерешительного быстро
Улыбкой обнадеживает нежной:
Тогда ее довольный, светлый взгляд
В изменчивое сердце мечет искры
И лишь сильнее в нем разжигает пламя.

89

Напротив, осторожная в речах,
Скупая на улыбки и на взгляды,
Готового забыться смельчака
Она в границах сдерживает должных.
Но даже сквозь презрительную складку
В ее лице луч жалости сверкает:
И только от суровости растет
В отчаянье не ввергнутое чувство.

90

Порой уединяется она
И кажется по виду в те мгновенья
В глубокую кручину погруженной;
Из глаз ее обильно льются слезы;
Влюбленные все плачут вместе с нею,
И в жалость переряженный Амур
Налаживает стрелы поострее,
Чтоб их в сердца поглубже запустить.

И вдруг покров кручины ниспадает;
 Надежда вновь сияет на лице:
 К поклонникам покинутым вернувшись,
 Веселый разговор она заводит.
 Игрет на щеках живой румянец;
 Глаза блестят; небесно-чистый смех
 Рассеивает облако печали,
 Окутавшее храбрые сердца.

Их чувства опьяняют нежный голос
 И нежная улыбка; не по силам
 Душе такое бремя наслаждений,
 И отлететь она как бы готова.
 Амур, Амур! Одна беда таится
 И в горестях, и в радостях твоих,
 Лекарствами несчастных смертных губишь
 Ты так же, как недугами своими.

Поочередно так от зноя к стуже,
 От радости к печали и от страха
 К надежде каждый миг переходя,
 Поклонники несчастные игрушкой
 Прекрасной соблазнительнице служат.
 А если новичок о муках сердца
 Речь заведет, дрожа и запинаясь,
 Она его как будто и не слышит.

Или, потупив взор, она внезапно
 Стыдливости румянцем загорится:
 Тогда с лица лилеи исчезают,
 И розы расцветают вместо них.

Такою нам является аврора,
Когда ее лучи румянят небо.
Презрение, со стыдливостью сливаясь,
Сильнейшей выражается окраской.

95

В поклоннике приметя пыл излишний,
Тотчас же от него она бежит;
Потом, к нему вернувшись, поощряет
И отвергает вновь его признанья.
Так, целый день промучив, наконец
Лишает даже призрака надежды;
Несчастный же вздыхает, как охотник,
Во мраке след добычи потерявший.

96

Таковыми-то незримыми цепями
Армида многих воинов сковала;
Таким, верней, оружием она
Их всех любви поработить сумела.
Амур! Дивиться ль нам, что Геркулес,
Тезей, Ахилл твоей подпали власти,
Когда с крестом на стягах христиане
В твоих оковах сами очутились?

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

1

Пока сердца Армида наполняет
Коварным опьяненьем и пока,
Обещанным числом уж не стесняясь,
Прельстить стремится рыцарей побольше,
Готфрид упорно думает, кому бы
Доверить исполнение задачи.
Колется он в выборе из тех,
Кто этого достоин и желает.

2

И он к благоразумному решению
Приходит напоследок: из своей
Среды великодушному Дудону
Преемника пусть сами изберут;
Тогда ни от кого он не стяжает
В неправедном пристрастии упрека,
Блестящему же войску вместе с тем
Окажет уважение по заслугам.

3

Зовет он их и говорит: «Меня,
Воители, вы знаете; царевне
Я в помощи отказывать не думал,
А только отложить ее хотел

До более удобного мгновенья.
Я и теперь вам это предлагаю:
В непостоянном мире нашем часто
Приходится намеренья менять.

4

Но если вы находите, что было б
Стыдом для вас не броситься в опасность,
И если, может статься, мой совет
Отваге вашей кажется трусливым,
Не будут говорить, по крайней мере,
Что удержал я вас по произволу;
Не отягчит рука моя той власти,
Которою я вам же и обязан.

5

Так взвесьте же все доводы теперь
И приговор постановите сами;
Но я хочу, чтоб раньше вы избрали
Преемника злосчастному Дудону.
Тот сам десятерых из вас назначит,
Не больше: подчиняясь только в этом
Моей верховной воле, в остальном
Главенствовать он будет полновластно».

6

Сказал. Ему, с согласия собратьев,
Евстахий отвечает: «Государь,
Медлительность, провидящая вдаль,
Твоею добродетелью да будет;
Нам подобают смелость и отвага.
Спокойная размеренность шагов
В вожде благоразумием зовется,
А в нас она лишь трусостью была бы.

7

К тому же предприятия опасность
 Не искупится ль пользой от него?
 И вот мы с твоего соизволения
 Десятерых пошлем на подвиг славный».
 Так, страстью увлекаемый, свой шаг
 Прикрыть он хочет выгодой военной.
 И прочие под жаждой славы так же
 Любовные свои желанья прячут.

8

Ревнивые меж тем бросает взгляды
 Бульонов младший отпрыск на Ринальда.
 Дивясь его отваге беспримерной,
 Не может не завидовать он ей;
 А ревность уж указывает средство,
 Как разлучить соперника с Армидой.
 Ринальда с глазу на глаз соблазнить
 Он лъстивыми пытается речами:

9

«Ты, славой своего отца затмивший
 И в юности со старыми борцами
 Сравнивавшийся уже, Ринальд, скажи,
 Кто может быть для нас вождем желанным?
 Из уваженья к сединам Дудона,
 Ему лишь поневоле уступивший,
 Бульонов брат, кому повиноваться
 Отныне должен я? Тебе и только.

10

Всем равный по рождению, ты из всех
 Один меня делами превосходишь;
 И не стыжусь я этого: Готфрид
 Сам отдал бы тебе и честь и лавры.

Тебя вождем хочу я, если только
Ты мщением за царевну не пылаешь;
Но в темной славе подвигов ночных
Что лестного найдет твоя отвага?

11

Здесь именно ты можешь применить
И мощь свою, и храбрость в полной мере.
Лишь согласишься, и мы единодушно
Тебя верховной властью облечем.
Что до меня, то я еще колеблюсь
И об одном прошу тебя: позволь
Мне самому решить, идти ль с Армидой,
Иль ринуться на приступ за тобою».

12

Произнося последние слова,
Готфридов брат краснеет против воли,
И тем себя Ринальду выдавая,
В нем вызывает легкую улыбку.
Стрелу в него тупей других пустив,
Амур ему лишь оцарапал сердце;
И мало очарованный Армидой,
Соперника он терпит без труда.

13

Душа Ринальда вся еще полна
Кончиной благородного Дудона:
Он для себя считает униженьем,
Что жив еще убийца до сих пор.
Ему отрадno слышать голос чести,
На подвиги зовущий неумолчно,
И юную отвагу будят в нем
Правдивой похвалы живые звуки.

14

«Не так мне лестно властью обладать,
 Как заслужить ее, — он отвечает, —
 Ни скипетром, ни саном никогда
 Себя не обольщал я как наградой;
 Но, к этой чести призванный, не стану
 И в скромность малодушную рядиться:
 За звание высокое воздать
 Могу я лишь отвагою своею.

15

Я не искал, и я не уклоняюсь;
 Но, под моим главенством, ты — со мной».
 Окончив разговор, спешит Евстахий
 Склонить других к избранию Ринальда.
 Гернанд, однако, сам на это метит.
 Он ранен в сердце образом Армиды;
 Но между славой и любовью нет
 В его надменном сердце колебаний.

16

Насчитывает много род Гернанда
 Властителей из разных областей:
 Венцов такой избыток в доме вечно
 Его высокомерие питает.
 Уж пять веков и на войне, и в мире
 Покрыты славой прадеды Ринальда;
 Но, лишь своими подвигами гордый,
 К чужим лучам не тяготеет он.

17

Гернанд привык на золото все весить,
 Все измерять земельным протяженьем
 И беспросветный мрак один лишь видеть
 Везде, где не блестит венец державный;

И он теперь перенести не может
Соперничества рыцаря простого:
Неудержимым гневом ослепленный,
Он для него не знает уж границ.

18

Сквозь рану нанесенную злой дух
Тайком к Гернанду в сердце проникает,
Овладевая мыслями, и их
Без отдыха волнует и тревожит.
Чтоб ненависть не утихала в нем
И чтоб его все время грызла зависть,
В глубоких тайниках посланник Ада
Умолкнуть не дает зловещим звукам:

19

«Ринальд — соперник твой! С тобой тягаться,
Перед тобой кичиться родом хочет!
Пусть он, втирающийся в ровни, пусть
Сочтет ему подвластные народы!
Пусть столько же предъявит венценосцев
Он в прошлом, сколько у тебя теперь!
Какая дерзость для того, кто в рабском
Краю увидел свет князьком ничтожным!

20

Удача ль, неудача ль, все равно!
Он тем уж победил, что стал твоим
Соперником. Что скажет мир! Ринальд
С Гернандом состязался! Сан Дудона
Сам по себе не больше и не меньше
Тебя возвысить мог, чем ты — его;
Но он с того мгновения унижен,
Как стал Ринальд его же помогаться.

21

Каким негодованьем бы Дудон,
 Воитель благородный, загорелся,
 Когда бы из обители бессмертных
 Он опустил теперь свой взор на землю
 И юного безумца увидал бы,
 Как в дерзостном высокомерье тот
 Оспаривает лавры, что достались
 По возрасту ему и по заслугам.

22

На это посягая, вместо кары
 Почет и похвалы стяжает он.
 О, стыд! О, низость! Наглость честолюбца
 Открыто поощряется. Но если
 Готфрид все это видит и с его
 Согласия все это происходит,
 Не потерпи: ты показать обязан,
 Что ты теперь и чем ты можешь быть».

23

Неведомому голосу внимая,
 Себя уже не в силах он сдержать.
 Всю накипь негодующего сердца
 Во взорах и речах он изливает.
 В сопернике малейший недостаток
 Во много раз усилить он готов:
 Не гордость у того, а спесь и чванство;
 Не храбрость, а безумство и свирепость.

24

На все, чем славен тот среди других,
 На все, что благородного в нем видят,
 Тень ревности набрасывает он:
 Все это лишь поддельный блеск порока.

И жалобы Гернанда, наконец,
До самого Ринальда уж доходят:
Слепой порыв разнузданного гнева
Его навстречу смерти увлекает.

25

Злой дух, что повелительно ему
Нашептывает речи, продолжает
Питать в нем нарастающую злобу,
Внушая за обидою обиду.
Большая есть площадка на равнине,
Где любит собираться цвет героев:
Там упражняли мощь свою и ловкость
Они в блестящих играх и турнирах.

26

И там Гернанд, себя уже не помня,
Ринальда оскорбляет громогласно.
Язык, отравой адской напоенный,
В соперника вонзается стрелой.
Тот слышит оскорбление, и ярость
Овладевает им неотразимо.
Кричит он оскорбителю: «Ты лжешь!»
И на него летит, мечом сверкая.

27

Не голос — гром; не меч — стрелы небесной
Зловещий блеск. Гернанд уже дрожит:
Смерть перед ним, но от нее не может
Он убежать, и нет ему спасенья.
Однако вид равнины возвращает
Ему неустрашимости остаток:
С мечом в руке противника он ждет,
Готовый от него обороняться.

28

И множество мечей в одно мгновенье
 Сверкнуло и заискрилось в пространстве,
 И множество воителей уже
 Вокруг врагов толпится и теснится.
 От голосов людских и от бряцанья
 Оружия дрожит и стонет воздух.
 Так в бурю волн морских сердитый рев
 Сливается с тоскливым воем ветра.

29

Но ярость оскорбленного героя
 Теперь ничем смирить уже нельзя;
 пылая мщеньем весь, он без вниманья
 И крики и преграды оставляет:
 Мечом молниеносным путь к Гернанду
 Прокладывает он и на него
 Внезапно нападает, не взирая
 На множество кругом поднятых рук.

30

Хоть и пылая гневом, но собой
 Владея превосходно, все удары
 Он к цели направляет неуклонно:
 И в голову, и в сердце их наносит.
 Его нетерпеливая рука
 Обманывает взгляд, за ней следящий,
 И попадает вдруг в такое место,
 В какое и не метила совсем.

31

И напоследок меч он погружает
 Глубоко в грудь сраженного врага;
 Вытаскивает и вонзает снова.
 Несчастный падает, и с кровью вместе

Мечом молниеносным путь к Гернанду
Прокладывает он...

Из тела улетает и душа.
А победитель вкладывает меч,
Еще дымящийся, в ножны, смиряет
В себе все злые чувства и отходит.

32

Готфрида, поспешившего на крики,
Ждет зрелище ужасное. Гернанд
Лежит в пыли, покрыты кровью кудри,
И на лицо уж пали тени смерти.
Вокруг он слышит жалобы и стоны
И, пораженный, говорит: «Кто дерзко
Нарушил запрещение мое
И совершил такое злодеянье?»

33

Арнольд, любимец павшего, стараясь
Преувеличить дело, отвечает:
«Убил его Ринальд, из-за пустой
Причины вспыхнув гневом безрассудным.
Мечом, которым был он препоясан
Для мщения за Бога, поразил
Он мстителя такого же; он власть
Презрел твою, попра л твои законы.

34

Законы смерти требуют за это,
И смерти он достоин, несомненно.
Э, если ты помилуешь его,
Он для других примером лишь послужит:
Тогда захочет каждый оскорбленный
Мстить за себя, минуя правосудье;
И скоро страсти разгорятся так,
Что все предастся ссорам и раздорам».

На память он приводит все дела,
 Все доблести погибшего и речи
 Склоняет все к тому лишь, чтоб в Готфриде
 Негодование вызвать или жалость.
 Танкред, его сменяющий, напротив,
 Защитником Ринальда выступает.
 Все слушает Готфрид; суровый взгляд
 Скорей боязнь внушает, чем надежду.

«Подумай, государь, — так заключает
 Танкред свою защиту, — что для нас
 Ринальд, что он свершил и чей племянник.
 Одним и тем же бременем ложиться
 Власть не должна на всех виновных. Званья
 Различны и различны преступления;
 И кара правосудна лишь тогда,
 Когда в ней мера равная для равных».

Готфрид на это: «Кто поставлен выше,
 Будь для других примером послушанья.
 Ты гибель нам советуешь, Танкред,
 Коль хочешь, чтобы высшим я мирволил.
 Во что бы обратилась власть моя,
 Когда б одна мне чернь была подвластна;
 И если в этом все мое главенство,
 Немного для меня соблазна в нем.

Мне власть неограниченную сами
 Вручили вы, и я не потерплю,
 Чтоб у меня в руках она упала.
 Я знаю хорошо, когда и милость

И кару заменять одну другою;
И знаю я, когда перед законом
Равнять стоящих ниже надлежит». —
Сказал; Танкред молчит из уваженья.

39

Последователь строгости старинной,
Раймунд слова Готфрида одобряет.
«Вот так-то, — говорит он, — власть должна
Вселять к себе в подвластных уваженье.
Нет больше дисциплины в войске, если
Виновный избавляется от кары;
И тщетно милосердие, когда
Оно не утверждается на страхе».

40

Зловещими словами пораженный,
Танкред отходит и на скакуне,
Как бы не по земле, а над землею
Несущемся, к Ринальду поспешает.
И спесь и жизнь взяв у врага, Ринальд
Вернулся успокоенный в палатку.
Танкред его находит там и в точном
Рассказе все ему передает.

41

«По виду, — прибавляет он к рассказу, —
О чувствах не всегда судить возможно:
Подобно бездне сердце человека;
Но если верить взглядам и речам
Готфридовым, нет для меня сомненья,
Что ты — убийца самый заурядный
В его глазах и что тебя подвергнуть
Всей строгости закона хочет он».

На это улыбается Ринальд,
 Но трудно скрыть ему негодование.
 «Пусть раб иль тот, кто быть рабом достоин, —
 Он говорит, — в оковах правды ищет;
 Свободным я родился, жил свободным,
 Свободным и умру. Моя рука
 Владеть мечом и побеждать умеет,
 Но рабские оковы не по ней.

И если в воздаянье мне Готфрид
 Намерен, как преступника из черни,
 Закованным меня в темницу бросить,
 Пусть присылает слуг своих покорных,
 Пусть жалуется и сам сюда, я жду:
 Решат наш спор оружие и сила;
 На радость и потеху нечестивцам
 Кровавое он зрелище готовит».

Ринальд велит подать вооруженье,
 И скоро весь уже покрыт железом.
 В руке тяжелый щит он держит; сбоку
 Привешен грозный меч; сверкает взор,
 И блещут, будто молнии, доспехи.
 Таким тебя когда-то, бог войны,
 С Олимпа нисходящим рисовали,
 В броне железа, ужаса и страха.

Меж тем Танкред пытается умерить
 Его свирепый гнев и говорит:
 «Воитель необузданный, я знаю,
 Что нет для твоего меча препоны;

Я знаю, что в бою, в горниле смерти,
Сияешь ты ликующей отвагой;
Но Богу не угодно, чтоб она
Нам на беду воспрянула сегодня.

46

Ты что намерен делать? Хочешь ты
Омыть в крови друзей и братьев руки?
На члены тела Божьего подняв
Свой меч, ты хочешь им пронзить и Бога?
Для славы преходящей, что подобна
Волне, бесследно тонущей в пучине,
Святую нашу веру оскорбляя,
Пожертвовать готов ты славой вечной?

47

Ах, Богом заклинаю, овладей
Самим собой, смири свою гордыню.
Не трусость, а порыв победоносный
Высокой добродетели ты явишь.
Когда бы мне позволил юный возраст
Служить тебе примером, я сказал бы,
Что оскорблен был так же, но сумел
Преодолеть в себе движенье гнева.

48

Завоевав Киликию, крестом
Отметил я своей победы место;
Но под личиной дружбы Балдуин
Себе и крест присвоил, и победу.
Свои права и славу, может быть,
Восстановить мечом я и сумел бы;
Но мужества нашлось во мне настолько,
Что я к тому не сделал и попытки.

Ты мысли о тюрьме не переносишь;
 Краснеешь ты, едва вообразишь
 Себя в цепях; ты чтить законы чести,
 Что созданы житейским обиходом.
 Оставь меня защитником, а сам
 Ступай в Антиохию к Бозмунду:
 На время лучше быть тебе подальше
 От первого решения суда.

Когда же против нас вооружится
 Египет иль другой неверный край,
 Издалека звезда твоей отваги
 Для нас гораздо ярче воссияет;
 И войско наше будет без тебя,
 Как тело без руки». Гвельф это слышит
 И, одобряя, хочет, чтоб его
 Племянник уезжал без промедленья.

И юная отвага, наконец,
 Настойчивым советам уступает.
 Ринальд уж не отказывает дружбе
 В немедленном своем исчезновенье.
 Немало лиц, его судьбе причастных,
 Готовится его сопровождать;
 Он их благодарит и лишь двоих
 Берет с собою в путь оруженосцев.

Душа его пылает жаждой славы,
 Той славы беспорочной и бессмертной,
 Что к подвигам неслыханным зовет
 И чудесами новыми прельщает.

Мечтает он в отмищение за Бога
Стяжать себе иль лавр, иль кипарис;
Мечтает о Египте он, о тех
Местах, где Нил свои истоки прячет.

53

В последний раз с Ринальдом распроставшись
И проводив напутствием его,
Спешит к Готфриду Гвельф; а тот, приметив
Его издалека еще, кричит:
«Тебя-то, Гвельф, мне именно и нужно.
Давным-давно я отдал приказанье
Глашатаям искать тебя повсюду,
И весь уж стан обегали они».

54

Всех удалив из ставки, кроме Гвельфа,
Готфрид, понизив голос, продолжает:
«Признаться надо, Гвельф, что твой племянник
Уж чересчур поддался гневу ныне.
Чем можно извинить его поступок?
Немало оправданий бы ему
Нашел я! Но Готфрид — глава над всеми,
И должен суд его для всех быть равен.

55

Законов строгий страж, я неуклонно
Их буду охранять и никогда
В суждениях и решениях не поддамся
Страстей постыдной власти. Если вправду,
Как говорят, нарушил против воли
Ринальд и мой запрет, и дисциплину,
То должен он, смилив свою гордыню,
Предстать перед судом как подсудимый.

Пусть явится свободным; во вниманье
 К его заслугам скован он не будет:
 Все, что могу я сделать для него.
 Но если подчиниться не позволит
 Ему неукротимая отвага,
 Ты сам его доставить постарайся:
 Иначе снисходительный начальник
 Судьей суровым станет неизбежно».

Сказал; и Гвельф ему в ответ: «Чью душу
 Бесчестье возмущает, государь,
 Тот, слыша оскорбительные речи,
 Их оставлять не может без отпора;
 И если он зачинщика убил,
 Э, разве так не поступил бы всякий?
 Кто стал бы тут рассчитывать удары
 И мщение соразмерять с обидой?

Ты требуешь, чтоб сам Ринальд явился
 Предать себя твоей верховной власти;
 Он этого не может, государь:
 От стана он теперь уже далеко.
 Но каждому, кто подлым обвиненьем
 Клевещет на него, рукой вот этой
 Берусь я доказать, что тут была
 Законная лишь месть за оскорбленье.

Да, государь, не мог племянник мой
 Не наказать спесивого Гернанда;
 А что тебя ослушался он, в этом
 Оправдывать не стану я его».

Готфрид определяет: «Пусть же он
В других теперь местах раздоры сеет;
А мы огонь старательно затопчем,
Чтоб от него ни искры не осталось».

60

Лукавая красавица меж тем
Раскидывала сети неустанно:
Весь день она искусно расточала
Дары своих неотразимых чар;
Когда же ночь покров спускала темный
Над западным порогом дня, Армида
В палатку удалялась, а за ней
Два стражника и две служанки следом.

61

Но никакою силою соблазна
Во взглядах ли, в улыбках, иль в речах,
Ни прелестью своей, какой доньше
Еще под небесами не бывало,
Ничем благочестивого Готфрида
Внимание привлечь она не может,
Ничем не может в сердце у него
Зажечь огонь греховных вожделений.

62

Не удастся ей героя сладкой
И пагубной отравой напоить:
Утехами мирскими пресыщенный,
Он отворачивает взор от всех
Коварно предлагаемых приманок.
Его мечты приковывает Небо.
Минуя все ловушки красоты,
Он все ее усилия разрушает.

И нет такой преграды, что Готфрида
 Заставила б сойти с тропы Господней.
 Преследуя его, свой вид меняет
 Армида бесконечно, как Протей:
 Ей нипочем сердца мужские ранить;
 Но, за щитом небесным, равнодушен
 Герой к ее стрелам, и перед ним
 Она должна сознать свое бессилье.

Какой удар для красоты, привыкшей
 Повелевать чистейшими сердцами!
 В досадном изумлении она
 К легчайшим обращается победам.
 Так полководец опытный, щадя
 Без пользы убывающие силы,
 Осаду прекращает и отвагу
 На поприще иное направляет.

Такую ж и Танкред являет стойкость;
 Другое чувство в сердце пламенеет
 И доступа для нового уж нет.
 Так древле Митридат от ядов ядом
 Берег себя. Но эти двое только
 Армиде и противятся упорно:
 Всех прочих пожирает невозбранно
 В ее глазах сверкающий огонь.

Неполная победа униженьем
 Ей кажется в гордыне непомерной,
 И тем лишь утешается она,
 Что остальные все в ее оковах.

Пока ее намеренья не вскрыты,
Сманить она мечтает за собою
Влюбленных в безопасные места,
Где цепи им готовятся иные.

67

И скоро день, назначенный Готфридом
Для помощи обещанной, настал.
Тогда она почтительно к герою
Подходит со словами: «Государь,
Пришла пора исполнить обещанье;
Тиран, едва узнает, что ищу я
Поддержки у тебя, вооружится,
И нам его врасплох уж не застать.

68

Пока еще молвы неверный голос
Иль верный соглядатаев донос
Его не предуведомил, дозволю
Десятерым отправиться со мною.
Коль Небо и поныне благосклонно
К невинности, я на престол воссяду
И подданной покорной за тобою
Последую и в мире, и в войне».

69

Сказала; и не может уж Готфрид
Отвергнуть просьбу, слова не нарушив.
Царевны нетерпенье принуждает
Его скорее выборы назначить,
Чего бы так хотел он избежать.
Но каждый домогается попасть
В избранники, и их соревнованье
Становится докучным напоследок.

Армида, видя это, разжигает
 Еще сильнее пылкое желанье;
 Вонзает в их сердца она боязни
 И ревности убийственное жало.
 Спокойная любовь, как ей известно,
 В бездейственной истоме засыпает.
 Так бег свой ускоряет борзый конь,
 Чуть впереди иль сзади топот слышит.

Нежнейшие улыбки, взгляды, речи
 Она хитро и ловко расточает;
 И нет ни одного среди влюбленных,
 Чтоб втайне не завидовал другому.
 С боязнью в каждом борется надежда.
 Теряя стыд, безумные толпой
 Спешат на взгляд ее, и их напрасно
 Пытается Готфрид остановить.

Всем угодить желая, он за них
 Стыдится и на них же негодует;
 И потеряв надежду побороть
 Слепое, безрассудное упорство,
 Им выход предлагает. «Бросьте в урну
 Записки с именами, — говорит, —
 Старательно их там перемешайте,
 И как решит судьба, пусть так и будет».

Написаны тотчас же имена,
 И в урну все опущены записки;
 Перемешав, их вынимают: первым
 Идет Артемидор, вторым — Герард,

А третьим — Венцеслав, тот Венцеслав,
Что был примером мудрости когда-то,
Теперь же, убеленный сединами,
Посмешищем в делах любовных служит.

74

Какое торжество, какая радость
На лицах трех избранных счастливых!
Глаза сияют пламенным восторгом,
Которым переполнена душа.
Чьи имена еще скрывает урна,
Те чувствуют, как их сердца трепещут:
Мрачит их взгляды ревность, и решенья
Судьбы они, как приговора, ждут.

75

Гастон четвертым, пятым Олдерик,
Шестым Рудольф, Вильгельм из Руссильона
Седьмым, восьмым баварец Эверард
И Генрих, что из Франции, девятым;
Последним возглашается Рамбальд:
Преступною любовью опьяненный,
Отрекся он от веры христианской,
И Божий воин Божьим стал врагом.

76

И ревностью и завистью горя,
Проклятья шлют Фортуне остальные;
Тебя, Амур, винят, зачем их участь
И мощь свою слепым рукам ты вверил.
Запретного желанья став добычей,
Судьбе в противность многие хотят
Последовать украдкой за Армидой
И мрака лишь ночного ожидают.

Делить ее пути и презирать
 Опасности в боях они клянутся.
 И вздохами своими, и речами
 Она все больше страсть их распаляет:
 То одному промолвит, то другому,
 Как с ним ее разлука тяжела.
 Избранники меж тем уже готовы,
 И им Готфрид дает наказ последний.

Разумный вождь их предостерегает
 От козней вероломного народа;
 Он учит их, как избегать ловушек
 И как оберегать себя от бед.
 Но все советы по ветру несутся,
 Амур же издевается над ними.
 Вот, наконец, прощаются. Зари
 Не ждет нетерпеливая Армида.

Уходит с торжеством она и пленных
 Соперников уводит, как добычу.
 Оставшихся поклонников толпа
 Жестокие испытывает муки.
 Но чуть под сенью черных крыльев ночи
 Безмолвие и сны сошли на землю,
 Как большинство влюбленных поспешило
 По роковым следам покинуть стан.

Из них Евстахий первый: он едва
 Дождаться ночи в силах и во мраке,
 Пылая нетерпением, наугад
 Шагает за своим слепцом-вожатым.

Всю ночь блуждает он и, наконец,
Когда восток зарею вспыхнул, видит
Армиду и товарищей в селенье,
Что было им приютом для ночлега.

81

И к ней он устремляется. Рамбальд
Узнал его тотчас же по доспехам:
«Что привело тебя сюда? Кого
Ты ищешь здесь?» — «Армиду. Если мною
Она не погнушается, не будет
Защитника храбрее и раба
Вернее у нее». — «Кто ж призывает
Тебя на подвиг доблестный?» — «Любовь».

82

Любовью избран я, а ты — Фортуной.
По-твоему, из нас двоих кто больше
Имеет прав на оба эти званья?» —
«Твои права не стоят ничего.
Не будучи на то уполномочен,
Напрасно ты старался бы втереться
В среду законных мстителей царевны». —
«Э, кто мне помешал бы в этом?» — «Я».

83

И с поднятым мечом Рамбальд навстречу
Евстахию идет; равно отважный,
К Рамбальду приближается Евстахий.
Но, руку протянув, Армида взглядом
Удерживает пылкое движение.
«Прошу тебя, — Рамбальду говорит, —
Позволь при мне товарищу остаться,
Чтоб лишний был защитник у меня.

Коль дорого тебе мое спасенье,
 Зачем мою опору ослаблять?»
 Евстахию потом: «Я благодарна
 Судьбе за то, что послан ты ко мне.
 Была бы я безумною, слепую,
 Когда б отвергла доблестную помощь».
 Так говорит и в то же время видит,
 Что мстители еще к ней прибывают.

Они по разным движутся дорогам
 И друг на друга с ревностью глядят;
 Улыбкою Армиды озаренный,
 Считает каждый избранным себя.
 Светлеет между тем, и для Готфрида
 Сомнений нет, что многие бежали.
 Предчувствие беды в его душе
 Неясную тревогу порождает.

Вдруг вестник запыхавшийся, весь пылью
 Покрытый, приближается к Готфриду.
 По мрачным взглядам и по отпечатку
 Печали на лице он очевидно
 Нерадостные новости приносит.
 «Жди, — говорит, — египетского флота;
 Вильгельм, что гемузскими судами
 Начальствует, тебе шлет эту весть».

И добавляет, что большой обоз,
 Который был от флота в стан Готфрида
 Отправлен под прикрытием державным,
 На полпути, во впадине долины

Подвергся нападению арабов;
Что часть людей прирезана на месте,
Другая же в цепях уведена
И что никто не мог спастись оттуда.

88

Что наглость этих варваров бродячих
Уж никаких границ не знает больше;
Что шайки их окрестность невозбранно,
Подобно навожденью, заполняют;
А для того чтоб ужас им внушить
И сохранить пути от моря к стану,
На них без промедления отряды
Необходимо выслать посильней.

89

Мгновенно угнетающие вести
Разносятся по стану и по войску.
Простые люди, голода страшась,
Все ужасы его уже предвидят.
Отваги в них упадок примечая,
Старается военачальник мудрый
Спокойными и вескими речами
Их убедить и возвратить им бодрость.

90

«О воины, — так говорит он им, —
Вы, что со мной так стойко миновали
Все на пути препоны и напасти,
Что мужественно так преодолели
И силы персов, и коварство греков,
И бурь морских, и горной стужи лютость,
И голода мучения, теперь
Вы страху малодушному доступны?

Возможно ли, чтоб Бог, являвший вам
В опасностях поддержку и защиту,
От вас сегодня взоры отвратил?
Настанет день, исполнятся обеты,
И вспоминать вы будете с любовью
Все, что в походе славном претерпели.
Воспряньте же с надеждой и готовьтесь
Грядущие успехи воспринять».

Так с ясною улыбкою Готфрид
Солдат, упавших духом, ободряет;
А сам при том испытывает в сердце
Жестокие заботы и тревоги:
Чем войско продовольствовать ему,
Как отразить нашествие Египта
И, наконец, какой преградой шайки
Разбойников-арабов удержать?

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

1

От сладостной надежды между тем
Тревоги осажденных утихают.
Под кровом ночи к ним без перерыва
Все новые подвозятся припасы;
На север обращенные валы
Унижены снарядами вплотную:
Высоких стен громада представляет
Для города надежнейший оплот.

2

И все же Аладин неутомимый,
Не отличая в небе дня от ночи,
Работ не прекращает: там повысит
Велит он вал, здесь башню укрепить;
Рабочие, из сил уж выбиваясь,
Орудия выделявать спешат.
Но, вне себя от этой проволоочки,
Такую речь ведет Аргант султану:

3

«Ты долго ль будешь к нашему бесчестью
Держать нас в заточенье? Слышу я
Стук молотов о наковальни, слышу
Звон лат, щитов и шлемов; но к чему

Приготовленья все твои, не знаю.
Разбойники ж тем временем селенья
Кругом опустошают, грабят замки,
И им никто препятствовать не смеет.

4

Труба их не тревожит в сладком сне,
И пиршеств их никто не прерывает;
Спокойно целый день они проводят
И без помех покоятся всю ночь.
Ты ж в чаянии помощи Египта
Беспечностью и ленью своею
Лишь голод ускоряешь, что грозит
Нам рабскими оковами иль смертью.

5

Что до меня, я не хочу в печальном
Забвении стяжать конец постыдный;
Я не хочу, чтоб солнце, воротившись,
Меня застало спрятанным в стенах.
Пусть над моею жизнью свершится
Веление Небес: по крайней мере,
Тогда не скажут, что Аргант погиб
Вдали от битв без славы и отмщенья.

6

Ах, если бы не вся твоя отвага
Теперь угасла, если бы хоть искры
Ее ты сохранил, тогда не стал бы
Искать я смерти доблестной в бою,
А пожелал бы жизни и победы.
Идем врагу и жребию навстречу!
В опасности нам смелость за частую
Мудрейшие советы подает.

7

Но если, веру в смелость потеряв,
 Боишься ты свои все силы сразу
 Случайностям сражения подвергнуть,
 Могли бы спор два воина решить.
 Чтоб к вызову чувствительно отнесся
 Военачальник их, пусть сам назначит
 Оружие и место и подробно
 Определит порядок поединка.

8

Лишь обладал бы воин христианский
 Двумя руками и одной душой,
 Не более, как ни был бы он храбр,
 Исхода ты не должен опасаться:
 Не может быть проиграно то дело,
 Которого защитником Аргант.
 Моя рука тебе залогом будет:
 В ней жребий твой и в ней твоя победа».

9

Сказал. И отвечает Аладин:
 «Хотя и устарели эти руки,
 Но меч держать они еще способны.
 Не так уж, пылкий юноша, душою
 Я низок и труслив, чтоб славной смерти
 Бесславную свободу предпочесть,
 Когда бы нам и вправду угрожали
 Те беды, что предвидишь ты невдолге.

10

Да сохранит нас Небо от позора!
 Есть тайна у меня; ее открою
 Я одному Арганту. Сулейман,
 До недр глубоких Ливии проникнув,

Набрал орду кочующих арабов:
На христиан в отмщенье за Никею
Нечаянно он ночью нападет,
А нам доставит помощь и припасы.

11

Он скоро должен быть у наших стен.
Пусть христиане тщетно торжествуют,
А мы пока исполнимся заботы
Престол мой от крушенья сохранить.
Прошу тебя, умерь отваги пламя
И храбрости клокочущей кипенье:
Настанет миг, указанный тебе
Для славы боевой, а мне — для мести».

12

Соперника заслышав только имя,
Черкес неукротимый уж пылает
Негодованием против Аладина
И говорит: «Ты можешь, государь,
Войну и мир творить по произволу;
Будь терпелив и льсти себя надеждой,
Что царства своего не уберегший
Твое теперь сумеет защитить.

13

Жди ангела-хранителя, что должен
Избавить правоверных от осады!
А мне себя довольно самого.
Из рук чужих я не хочу свободы:
Пока ты здесь в бездействии томишься,
Дай разрешение мне сойти в равнину;
Ты храбрости моей не признаешь,
Так буду драться я как вольный воин». —

«И меч свой, и отвагу сохранить
Тебе для лучшей цели надлежало б;
Но если так ты жаждешь поединка,
Препятствовать я в том тебе не буду».
Тогда Аргант зовет без колебаний
Глашатая и говорит: «Тотчас же
Ступай во вражий стан и громогласно
Начальнику мой вызов передай.

Скажи, что некий воин мусульманский,
В стенах не выносящий заточенья,
Желаньем пламенеет показать,
Как велика его неустрашимость;
Что он готов сразиться на равнине,
Лежащей между городом и станом,
И вызов шлет тому из христиан,
Кто в храбрости своей уверен больше,

Что он не ограничится одним;
Что и второй, и третий, и четвертый,
И пятый, славный или неизвестный, —
Все могут выступать поочередно;
Что побежденный с поля поединка
Пойдет за победителем, как раб».
Сказал, и облачается глашатай
В пурпуровую с золотом одежду.

И посланный является к Готфриду,
Сидящему среди других вождей.
«Дозволишь ли, — он молвит, — государь,
Глашатаю исполнить порученье,

Что на него возложено?» — «Ты можешь
Свободно говорить, я разрешаю».
Неверный же на это: «Мой приход
На радость иль тревогу, сам увидишь».

18

Он продолжает и высокомерно
Передаёт на поединок вызов.
От дерзости дрожа, все христиане
Негодование громко выражают.
Готфрид ему: «Тот воин, что тебя
Послал, идёт на пагубное дело;
Он скоро убедится в этом сам
И пятого борца уж не дождетсЯ.

19

Пусть явится; для поединка место
Свободным он найдет и никакого
Не должен опасаться оскорбления:
Из воинов моих один кто-либо
Сразится с ним охотно и, клянусь,
Оружием сразиться равным только».
Сказал и смолк; глашатай же спешит
Свезти ответ спесивому черкесу.

20

И говорит: «Вооружайся, рыцарь!
Твой вызов принимают христиане;
От менее до более отважных
Желают все померяться с тобой.
Я множество с угрозой видел взглядов,
Я множество с мечами видел рук;
Военачальник даст тебе охрану».
И требует Аргант свои доспехи.

21

Нетерпеливо он их надевает,
 Горячим увлекаемый порывом;
 И говорит Клоринде Аладин:
 «Несправедливо было бы его
 На битву в одиночестве отправить,
 Тебе же здесь в бездействии остаться;
 Возьми с собою тысячный отряд
 И наблюдай издалика за боем».

22

Тотчас вооружается Клоринда
 И во главе отряда выступает;
 Аргант же перед ними на коне
 В своем обычном воинском убранстве.
 Меж городом и христианским станом
 Пространство есть обширное: его
 Поверхность без неровности малейшей
 Как будто предназначена для боя.

23

Туда-то и спускается Аргант
 И там один перед врагом гарцует.
 Он горд своей отвагой и посадкой,
 И взор его угрозою горит.
 Таков был Энцелад в полях флегрейских,
 Таков был Голиаф перед Давидом.
 И многим мощь руки его знакома,
 И большинству он страха не внушает.

24

Готфрид еще не выбрал никого
 В противники спесивому Арганту;
 Но все из глубины сердец желанья,
 Все взгляды обращаются к Танкреду.

Отважнейшим среди героев он
Единодушным выбором отмечен;
Уж это имя слышится, и явно
Склоняется к нему и сам Готфрид.

25

Все напоследок сходятся в одном,
И говорит тогда Готфрид Танкреду:
«Иди, я разрешаю и надеюсь,
Что варвара ты укротить сумеешь».
Танкред, гордясь отличием почетным,
Ни радости, ни пыла не таит,
Садится на коня и выступает
С достаточным отрядом из окопов.

26

Еще он поля битвы не достиг,
Как видит вдруг надменную Клоринду,
И сразу же осанкой благородной
Она его приковывает взоры;
Наряд ее белей, чем снег, что вечно
Альпийские вершины покрывает;
Наличник шлема поднят, и она
Вся видима с высокого пригорка.

27

Танкред туда уж и не смотрит больше,
Где ждет его с угрозою Аргант;
Перед собою видя лишь одну
Клоринду, он коня пускает шагом.
И вот уж он как вкопанный стоит:
Снаружи лед, а сердце пламенеет;
Вся жизнь его в глазах, о поединке ж,
По-видимому, вовсе он забыл.

28

Аргант, не примечая, чтобы к бою
 Готовился кто-либо, восклицает:
 «Противника я думал встретить здесь;
 Иль смельчака такого не найдется?»
 Танкред в оцепенении с Клоринды
 Не сводит глаз и ничего не слышит.
 Тогда Оттон, коню дав шпоры, первый
 На поле брани выехать спешит.

29

Оттон и без того мечту лелеял
 Померяться с черкесом в поединке;
 Но, уступив Танкреду место, он
 Как провожатый выехал из стана.
 Однако, увидав, что у героя
 Совсем не поединок в голове,
 Нетерпеливый юноша стремится
 Воспользоваться случаем неожиданным.

30

Быстрее леопарда или тигра,
 Разбойников лесных, на сарацина
 Летит Оттон, копье вонзить готовый.
 Танкред в себя приходит наконец
 И, словно пробудившись от кошмара,
 Сковавшего все помыслы его,
 Кричит Оттону вслед: «Мне драться надо!
 Остановись!» Но тот его не слышит.

31

Танкред пылает гневом и досадой;
 В душе огонь и краска на лице:
 Другой на поединок вышел первым!
 Нет для него тягчайшего позора.

Меж тем в разгаре схватки юный воин
Противнику удар наносит в шлем;
А тот, мечом рассекши щит Оттона,
В один удар и латы пробивает.

32

Шатается и падает Оттон.
Аргант, сильнее будучи и крепче,
В седле едва заметно покачнулся
И на врага поверженного с криком
Высокомерным налетает: «Сдайся!
Большой уж будет славой для тебя
Бахвалиться повсюду невозбранно,
Что ты вступил со мной в единоборство».

33

И слышит он в ответ: «Нет, христианин
Оружия так скоро не слагает,
А я хочу отмстить иль умереть».
Аргант дрожит от бешенства и, пламя
Как будто извергая, произносит:
«Ты милостью моею пренебрег,
Так испытай же мощь мою за это».

34

Сказал и, попирая все законы
И рыцарства и чести, устремляет
Коня на христианина в упор.
Удара избежав, последний ранит
Арганта в бок и вынимает меч,
Весь кровью победителя покрытый.
Нимало сил от раны не теряя,
Тот пущей загорается лишь злобой.

35

Коня он останавливает вдруг
 И повернуть обратно будто хочет;
 Потом быстрее молнии неожиданным
 Налетом нападает на врага.
 И чувствует Оттон, что на дрожащих
 Ногах ему уже не удержаться:
 Едва дыша, без сил, почти без чувств,
 Он в судорогах падает на землю.

36

Черкес не знает в ярости пощады
 И, подминая тело под коня,
 Кричит: «Погибнет каждый горделивец,
 Как гибнет под конем безумец дерзкий».
 Танкред, расправой дикой возмущенный,
 Уж больше не колеблется: он хочет
 Ударом равным промах свой покрыть
 И прежний блеск вернуть своей отваге.

37

И он, коня пришпорив, поспешает
 К злодею с криком: «Подлая душа,
 Ты низостью пятнаешь и победу!
 Какую честь найдешь ты в этом зверстве?
 Уж не среди ль разбойников-арабов
 Иль худших дикарей еще ты вырос?
 Беги от света Божьего и скрой,
 Чудовище, в лесах свою жестокость».

38

Едва он смолк, неверный от бесчестья
 В неистовое бешенство приходит:
 Он хочет говорить, но издает
 Подобие лишь львиного рыканья

Иль грома, что глухим раскатом вслед
За молнией разносится по небу;
Так откликом души воспламенной
Наружу вырываются слова.

39

Угрозами взаимными друг в друге
Усугубив и гнев и гордость, оба,
Чтоб для разбега дать простор коням,
Назад с проворством равным подаются.
Усиль, о Муза, голос мой и сердце
Такой же лютой яростью наполни,
Чтоб мог я передать весь ужас боя,
Чтоб стук мечей звучал в моих стихах!

40

С направленными копьями враги
Свирепо налетают друг на друга.
Ни лев, когда он прыгнул, ни орел,
Стремящийся на землю за добычей,
Ни молния, что воздух рассекает,
Не могут с ними в скорости сравняться:
Их копья вмиг ломаются о шлемы,
И сотни искр снопом взлетают вверх.

41

Всю почву стук удара потрясает;
Ему могучим ревом вторят горы:
Но ни толчок взаимный, ни удар
Пригнуть лихие головы не в силах.
Упавшие под седоками кони
Встать на ноги стараются напрасно;
Противники бросают их тогда
И, взяв мечи, как пешие дерутся.

42

Руке рука навстречу, взгляду взгляд
 И шагу шаг: разнообразят оба
 И приступ и защиту бесконечно;
 Спасаются искусством от искусства
 И хитростью обманывают хитрость;
 Там явственно грозят, здесь нападают;
 Внезапно открываются, врага
 Тем самым открываться заставляя.

43

И вдруг Танкред под вражеский удар
 Свой бок незащищенный подставляет;
 Аргант спешит воспользоваться этим
 И делает такую же оплошность.
 Мечом удар искусно отразив,
 Танкред Арганта ранит в бок открытый,
 Поспешно оправляется и ждет
 Противника, неуязвимый снова.

44

При виде крови льющейся своей
 Черкес приходит в ужас и смятение;
 Охваченный унынием зловещим,
 Он и дрожит, и стонет, и вздыхает,
 И с возгласом неистовым врагу
 Удар ошеломляющий готовит.
 Но тот настороже и в плечевой
 Сустав ему еще наносит рану.

45

Таков медведь в лесах вершин альпийских,
 Когда он, тяжело раненный, свирепо
 И смело на охотников идет
 И сам свою погибель ускоряет;

Руке рука навстречу, взгляду взгляд
И шагу шаг: разнообразят оба
И приступ и защиту бесконечно...

Таков же и черкес Аргант, двойной
Позор двойною раною стяжавший:
Весь ярости и мщению отдавшись,
Он о своей охране уж не помнит.

46

Всю мощь свою в одной руке собрав,
Таким он разражается ударом,
Что из-под ног земля, дрожа, уходит,
И воздух ярко искрится вокруг.
Танкреду нападать уж не под силу:
Едва он в состоянье защищаться;
Ничто его не может оградить
От ярости стремительной Арганта.

47

В доспехах подобранный Танкред
Напрасно ждет, когда утихнет буря:
Все отступает он, и все нещадно
Теснит его спесивый сарацин;
Но больше он противиться не в силах
Могучему влечению и, сам
Переходя внезапно в наступленье,
Наскакивает бурно на Арганта.

48

Рассудок помрачается в них злобой,
И силы их усугубляет ярость:
Удары все без промаха, земля
Осколками оружия покрыта;
Оружие в крови; кровь льется с потом;
Мечи их, будто молнии, сверкают,
Раскатами небесными гремят
И падают, как стрелы грозовые.

Два стана и в смущенье, и в тревоге
 На зрелище, не виданное раньше
 И в ужас повергающее, смотрят,
 С надеждой делят страх и ждут конца;
 С бойцов не сводят глаз ни те, ни эти;
 Ни там, ни здесь ни звука, ни движенья:
 В безмолвии оцепенели все,
 И лишь сердца волнуются незримо.

Дух испустить противники могли бы
 От истощенья сил; но все предметы
 В тенях ночных уж тонут, и тогда
 Являются глашатаи с обеих
 Сторон, чтоб прекратить единоборство:
 То — честный Аридей, а от неверных —
 Пиндор, разумный старец, что привез
 В стан христианский вызов от Арганта.

С уверенностью в силе прав народных
 И древнего обычая борцов
 Они жезлами мира разнимают.
 «О воины! — Пиндор им говорит, —
 Вы каждый славу равную стяжали
 И каждый храбрость равную явили;
 Так прекратите ж схватку, окажите
 Почет ночному мраку и покою!

Свой путь окончив, солнце прерывает
 Ваш труд, и ночь приносит мир природе.
 Сердца великодушные деяний
 Под кровом тишины и тьмы не терпят».

Аргант на это: «Лишь при свете дня
Сражаться я хотел бы; но отсюда
Я не уйду, пока не даст мне клятвы
Противник мой, что он сюда вернется». —

53

«А ты, — Танкред ему, — поклясться должен,
Что с пленником вернешься, не иначе;
Лишь под таким условием согласен
Я поединок отложить». Клянутся
Тот и другой; а чтобы дать им время
И отдохнуть, и раны залечить,
Глашатаи решают, что шестая
Заря для новой встречи будет сроком.

54

Ужасное единоборство это
В сердцах как христиан, так и неверных
Глубоко и надолго поселяет
И чувство изумления, и трепет:
Повсюду лишь одни ведутся речи
О храбрости и доблести обоих;
И сравнивая их по превосходству,
Во мнениях расходится толпа.

55

И ждут в недоумении, кому
Исход борьбы вручит победы пальму:
Над храбростью ль восторжествует ярость,
Иль доблесть покорится самохвальству.
Но в этой неизвестности являет
Нежнейшую заботу и тревогу
Прекрасная Эрминия: полжизни
Ее в руках таинственной судьбы.

Хассана дочь, царя Антиохии,
 Эрминия в числе другой добычи
 Досталась христианам, сокрушившим
 Наследственный престол ее отца.
 Но доблестный Танкред к ее несчастьям
 С почтением и жалостью отнесся,
 И на останках родины своей
 Она еще царицею считалась.

Герой утешил пленницу свою,
 Свободу ей вернул и все богатства;
 Но узами крепчайшими ей сердце
 Уже сковал всесильный бог любви.
 Тоска ее, свободную, съедает
 По милом, по тюрьме и по оковам;
 Но честь велит, и с матерью она
 Приют в стране приязненной находит.

Является она в Иерусалим,
 Где принята тираном Палестины,
 И вскоре же под скорбным покрывалом
 В могилу мать с рыданием провожает;
 Но ни потеря эта, ни изгнание
 Из сердца у нее не могут вырвать
 Ни той стрелы, что ранила его,
 Ни пламени его объявшей страсти.

Несчастливая, увы! безумно любит;
 Но от нее возлюбленный далеко.
 И страстный пыл поддерживают в ней
 Воспоминанья лишь, а не надежды:

Чем глубже тайна в сердце залегает,
Тем ярче разгорается огонь.
Но, наконец, Иерусалим в осаде,
И счастье ей сулит надежда снова.

60

При виде рати гордой и отважной
Унынию весь город предается;
Одна со светлым, радостным лицом
Эрминия глядит на иноверцев.
Меж христианских воинов ревниво
Выслеживает милого она;
То нет его, то вдруг его разыщет
И говорит с восторгом: «Вот он, вот!»

61

Высокая есть башня во дворце
Почти у самых стен; с ее верхушки
Весь христианский стан как на ладони:
Открыты взгляду горы и долины.
Оттуда, чуть осветит солнце мир,
До той поры, как лягут тени ночи,
Эрминия за станом наблюдает,
Вздыхая и любовь свою лелея.

62

Отсюда и на бой она смотрела,
И сердце трепетавшее как будто
Твердило ей: «Вот тот, кого ты любишь;
Вот тот, над кем теперь витает смерть».
И взгляды беспокойные за каждым
Движением следили; меч Арганта,
Танкреда ударяя, каждый раз
Такую ж наносил ей рану в сердце.

Когда же до нее доходит весть
 О том, чем день минувший завершился
 И что еще Танкреду угрожает,
 В ней новая рождается боязнь:
 Она, от всех скрываясь, втихомолку
 Со вздохами перемежает слезы;
 Бескровного, поблекшего лица
 Черты полны и горести и страха.

Одна другой ужаснее картины
 К себе ее приковывают мысли:
 Страшнее смерти сон ее во тьме
 Зловещими виденьями пугает.
 Ей чудится возлюбленный в крови,
 Истерзанный, о помощи молящий;
 В смятении проснется: и в глазах,
 И на груди — невысохшие слезы.

И не одна опасностей грядущих
 Боязнь ее волнует и тревожит;
 Страшат ее и раны, что герою
 Нанес Аргант в неистовстве своем.
 Растут кругом обманчивые слухи,
 Растут и муки в сердце у нее:
 Танкред лежит, ей мнится, без движенья,
 Готовый уж глаза закрыть навеки.

От матери своей она узнала
 Про свойства чудодейственные трав;
 Узнала, по обычаю Востока,
 Как боли заговаривать и как

Залечивать на теле пораненья.
О, отчего она своей рукой
Не может приложить лекарство к ранам
Того, кто ей на свете всех дороже!

67

Как милого лечить она хотела б!
Меж тем его врага должна лечить.
Нередко мысль приходит ей Арганту
Намазать раны соком ядовитым;
Но руки непорочные ее
Противятся такому злодеянию:
Тогда она желает, чтобы силу
И чары и лекарства потеряли.

68

Она не побоялась бы пойти
Во вражий стан: давно уж пригляделись
Ее глаза к событиям военным.
Душа ее закалена привычкой
К опасностям, невзгодам и трудам,
И не из тех она трусливых женщин,
Что тени даже собственной боятся
И, чуть о страшном слышат, уж дрожат.

69

Особенно в ней гасит страх любовь.
Чтоб своему последовать влечению,
Она спокойно в Африку пошла бы,
К чудовищам и гадам ядовитым;
Но если ей за жизнь свою не страшно,
Должно быть страшно ей за честь свою:
Любовь и Честь, на сердце посягая,
Его в соревнованье и терзают.

Ей Честь кричит: «Ты, юная царица,
 Что мне повиновалась до сих пор
 И чью я непорочность сохранила
 В неволе и в несчастиях, ты хочешь,
 Свободная, утратить это благо?
 Кто в этом нежном сердце мог зажечь
 Губительное пламя? Ах! о чем
 Твои мечты? И в чем твои надежды?

Общественное уваженье, дань
 Уму и добродетели — ничто
 В твоих глазах? Среди врагов позора
 Прелестницей ночной искать ты хочешь?
 Твой победитель скажет: „Потеряв
 Престол, меня ты стала недостойна!“
 Покинутая, будешь предана
 Ты оскорблениям воинского сброда».

Коварная Любовь иное шепчет:
 «Не зачата ль ты чудищем лесным?
 В скалистых льдах на свет не родилась ли?
 Чувствительной и юной, не тебе
 Пренебрегать любви мятежным пылом.
 Не каменным и не железным сердцем
 Владеешь ты, чтоб убежать, краснея,
 Чуть имя только милого услышишь.

Иди, куда влекут тебя желанья!
 Тебя страшит жестокий победитель?
 Кто ж разделял твою печаль? Кто тронут
 Слезами был твоими? Он жесток?!

Не ты ль, когда колеблешься так долго?
Танкред великодушный погибает,
А ты, неблагодарная, заботы
Все отдаешь противнику его!

74

Верни Арганту яростному жизнь,
Верни ему и силы, чтоб Танкреда
Он доконал: так вот какая будет
Расплата за его благодеянья!
И у тебя могли подняться руки
На эту нечестивую работу!
И крыльев не дал стыд еще тебе,
Чтоб улететь отсюда без оглядки!

75

Какой восторг, какая честь была бы
Для любящего сердца твоего,
Когда б своей рукой в своем герое
Ты оживила гаснущее пламя:
Когда б Танкред обязан был тебе
Возвратом красоты своей поблекшей!
Любуясь им по-прежнему, свое
Ты обожала б в нем произведенье!

76

Его бы слава стала и твоею,
Делила бы ты подвиги его:
Счастливая, в его объятьях чистых
Ты брачные бы радости вкушала.
Супругой уважаемой Танкреда
Явилась бы ты меж латинских жен
В Италии прекрасной, где и доблесть
И вера светом истины сияют».

Безумная, отдавшись грезам сладким,
 Заранее в блаженстве утопает;
 Но тучей омрачающей в душе
 Рождаются тревожные сомненья:
 Как выйти незаметно из Солима?
 Как бдительную стражу обмануть?
 Как отпереть ворота, что всегда
 Боязнь вторженья держит на запоре?

Эрминия с Клориндой неразлучна:
 Рождающийся день их видит вместе;
 День угасает, всё они вдвоем;
 Когда же ночь окутывает землю,
 Постель одна и та же зачастую
 Покоит негой сладостной обеих.
 Все говорит Эрминия Клоринде,
 Лишь тайны сердца ей не открывает.

Хранит она глубоко тайну эту.
 Когда вздохнуть случится при подруге,
 Она тотчас придумает причину:
 Как будто о судьбе своей скорбит.
 Не ведает ни часа, ни мгновенья
 Их дружеский союз, и, налицо ли
 Клоринда, или нет, ее жилище
 Открыто для Эрминии всегда.

В отсутствие воительницы к ней
 Является Эрминия однажды
 И остается ждать все с той же думой:
 Как выполнить и утаить побег.

Пока она, боясь и сомневаясь,
Коледблется меж тысячьо релений,
Доспехи ей бросаются в глаза;
И говорит она себе, вздыхая:

81

«Счастливая воительница! Ах,
За что меня судьба так обделила!
Не подвиги, не суетная слава
Красы во мне к ней зависть возбуждают...
Но шаг ее не связан длинным платьем, .
И в клетку не посажена отвага:
Пойдет, куда захочет, и ее
Ни страх не остановит, ни стыдливость.

82

За что, за что и Небо и природа
Мне в смелости такой же отказали?
Как и она, могла б я променять
Докучные одежды на доспехи.
Ни гроз, ни бурь, ни зноя, ни мороза
Тогда я не боялась бы: одна
Иль не одна спустилась бы в равнину,
Хоть день блести, хоть ночь мерцай звездами.

83

Безжалостный Аргант, тогда не первый
Ты вышел бы на бой с моим врагом!
Опередила б я и, может статья,
Он пленником моим теперь уж был бы,
Под нежной властью преданного сердца
Легчайшие бы цепи он носил;
Своей неволей он мою смягчал бы,
И гнет ее мне не был бы так тяжек;

Иль пусть бы меч его меня пронзил
 И грудь мою до сердца разорвал бы.
 Тогда бы зажила, по крайней мере,
 Амуром нанесенная мне рана;
 Тогда бы мир моя душа узнала,
 И опочила б я на лоне смерти,
 А победитель, может быть, мой прах
 В могилу опустил бы со слезами.

Куда мои желанья забрели?
 Теряюсь я в мечтаньях безрассудных.
 Итак, удел мой — узницей остаться,
 Отбросом жалким пола моего!
 Нет, сердце, ободрись, познай отвагу!
 Иль не могу за меч хоть раз я взяться?
 Иль эти руки, как они ни слабы,
 Поднять не могут тяжесть хоть на миг?

Нет, могут; мне Амур на то даст силу:
 Внушает смелость он и робким душам.
 Едва в себе огонь его почуяв,
 Олень летит неустрашимо в бой.
 Я в бой не собираюсь: лишь на время
 Желаю я в Клоринду превратиться;
 Подобием ее себя прикрыв,
 Отсюда я с уверенностью выйду.

Иль у ворот поставленная стража
 Остановить меня посмеет?.. Нет!..
 Уловка мне удастся непременно:
 Иного я пути себе не вижу.

Обман невинный нравится Амуру;
Фортуна улыбается ему!
Пора: еще Клоринда у султана;
Благоприятней случая не будет».

88

И принято решение. Добыча
Неукротимо-пылкого Амура,
Она остановиться уж не может:
Забрав доспехи бранные Клоринды,
Украдкою уносит их к себе.
Свидетелей прогнал счастливый случай;
Заступница влюбленных и воров,
Побег ее скрывает ночь ревниво.

89

Звездами увенчался свод небесный.
Эрминия, пылая нетерпением,
К себе тайком любимую служанку
И преданного конюха зовет:
Отчасти лишь она им открывает
Намеренья заветные свои,
Задуманное бегство объясняя
Правдоподобной в их глазах причиной.

90

У конюха к отъезду все готово;
Царевна же тем временем снимает
С себя великолепные одежды.
Без них она становится лишь краше:
Какой бы ни сняла убор — под ним
Нежданное сокровище для взора;
При помощи доверенной она
Поспешно облачается в доспехи.

Сжимает сталь и волосы и шею,
 Чуть держит щит дрожащая рука;
 И, вскоре вся покрытая железом,
 Эрминия старается усвоить
 Военную осанку и походку.
 Амур улыбку шлет преображенью:
 Так улыбался он, когда Алкид
 Орудовал веретеном и прялкой.

Под непривычной тяжестью она
 За шагом шаг едва волочит ноги.
 Ослабшее, согнувшееся тело
 Опору в верной спутнице находит;
 Однако ей надежда и любовь
 Утраченную бодрость возвращают.
 Идут по уговору и садятся
 Втроем на заготовленных коней.

И так, переодетые, все трое
 По улицам глухим и сонным едут;
 Совсем от глаз укрыться им нельзя:
 Блестит вооруженье и во мраке.
 Но их никто остановить не смеет:
 Дорогу все дают им, чуть завидят;
 Знакомые доспехи с тигром страшным
 Внушают и почтение и боязнь.

Хотя и успокоившись немного,
 Все ж за себя Эрминия трепещет;
 Сама своей отваге удивляясь,
 К воротам приближается она.

Смущенному привратнику царевна
Приказывает властно: «Отпирай!
Клоринда — я и еду, чтоб исполнить
Мне данное султаном повеленье».

95

Воительницы голос и доспехи
Обманчивое сходство довершают;
Привратник повинуется: в ворота
Эрминия проскальзывает быстро,
И спутники спешат за нею вслед.
Чтоб бегство до конца обезопасить,
В долину углубляются они,
Держась ее извилистых тропинок.

96

Достигнув, наконец, такого места,
Где их никто не видит за холмами,
Царевна едет медленней: прошла
Вначале им грозившая опасность
И можно дать коням передохнуть.
Но новая боязнь в ней возникает:
Какие в стане ждут ее препоны,
О том Любовь лукаво умолчала.

97

Доспехи, столь полезные в Солиме,
На гибель будут ей среди врагов;
И все ж она хотела б не иначе,
Как взору победителя, открыться:
Неведомой никем она хотела б
Добраться до него, не подвергая
Опасности ни честь свою, ни славу.
И конюха зовет она тогда.

«Ты должен, — говорит, — вперед поехать
И возвестить прибытие мое;
Будь осторожен, скромн; попроси
Ввести тебя к Танкреду прямо в ставку;
Скажи ему, что женщина одна
Его спасти желает, а в награду
За это мира требует: да, мира,
Взамен войны, объявленной Амуром.

Еще ты скажешь, что она себя
Его великодушию вверяет.
И всё; а коль настаивать он будет,
Прибавь, что ничего не знаешь больше.
Ступай и поскорее возвращайся:
Здесь я могу тебя спокойно ждать».
Сказала, и летит уж конюх верный,
Как птица, рассекающая воздух.

Так ловко в стане он себя ведет,
Что вмиг его к герою допускают;
Тот слушает, заранее объятый
И радостью, и сладким беспокойством,
И говорит: «Пусть явится она;
Я вверенной мне тайны не нарушу».
И преданный слуга уже спешит
Царевне отвезти ответ приятный.

Эрминия считала в нетерпенье
Шаги его и говорила: «Вот
Въезжает в стан... теперь к Танкреду входит...
Спешит назад... а все его не видно!»

Корит его за медленность она,
Печали предается; напоследок,
Не выдержав, въезжает на пригорок,
Откуда видны ставки христиан.

102

Еще царила ночь, и даже тучкой
Не затемнялось звездное лицо;
Всплывавший над землею бледный месяц
Ласкал ее серебряным сияньем.
Влюбленная красавица зовет
В свидетели сердечной страсти Небо;
И тишь и гладь равнины служат в муках
Безмолвными наперсницами ей.

103

Глядит она на ставки христиан
И говорит: «О стан латинян! Сколько
В тебе очарования для взора,
И как мои ты чувства оживляешь!
Ах, если Небо даст когда-нибудь
Прибежище моей мятежной жизни,
Найду его я в этой лишь оgrade,
Под звон мечей засну лишь я спокойно.

104

О христианский стан! Прими в себя
Печальную Эрминию, чтоб в недрах
Твоих она нашла то состраданье,
Какое только пленницей познала!
Не нужно больше мне моих владений,
Не нужно власти мне. О христиане!
Я об одном теперь мечтаю счастье —
Под вашими знаменами служить».

Так говоря, царевна не предвидит,
 Увы! тех бед, что рок готовит ей.
 Оружия сверканье привлекает
 Издалека внимательные взоры.
 При виде этих блесток искрометных,
 Лучистой белизны ее доспехов
 И тигра, украшающего шлем,
 Кто не сказал бы: «Вот она, Клоринда»?

Сторожевой есть пост неподалеку:
 В отряде два начальника, два брата,
 Алкандр и Полиферн по именам,
 Обязаны следить, чтоб осажденным
 Припасов никаких не доставляли;
 И конюху царевны удалось
 От бдительности братьев увернуться
 Одним лишь тем, что он в объезд понесся.

Клоринда их отца убила: видя
 Перед собою белые доспехи
 И памятного тигра, Полиферн
 Уверен, что воительницу видит.
 Солдат своих добычей соблазняя,
 Он предается ярости безумной,
 Неистово кричит: «Уж ты мертва!» —
 И без вреда в нее пускает дротик.

Оленья самка так в истоме жажды
 Разыскивает чистую струю,
 Что из скалы сочится иль по лугу
 Цветистому бежит; но если в этом

Отрадном ожидании она
Собаками настигнута, ей бегством
Стремительным приходится спасаться,
И жажду и усталость забывая.

109

Не так ли и Эрминия хотела
Ее снедающее пламя в чистых
Объятиях Танкреда погасить
И обрести душе покой желанный?
Но, увидав грозящего врага
И дротика слышав свист протяжный,
Она свои мечтанья забывает
И лишь коня испуганно торопит.

110

Бежит она, злосчастливая царица,
И конь быстрее молнии несется;
Служанка исчезает вместе с нею,
А Полиферн летит за ними вслед.
Тем временем с ответом запоздалым
Является и конюх: не найдя
Эрминии, пускается за нею
Он наугад; их разлучает ужас.

111

Хоть мнимую Клоринду и Алкандр
Приметил, но разумней был он брата
И дальше находился от нее,
А потому за ней и не погнался;
Он шлет сказать Готфриду, что доставить
В Солим припасы не было попытки,
Но что от Полиферна в этот миг
Спасается Клоринда по равнине,

Что грозная воительница ночью
 Без уважительной причины в поле
 Не вышла бы: наверно, у нее
 Был замысел отважный; что Готфриду
 Принадлежит решение в этом деле,
 А он ему готов повиноваться.
 Крылатая летит по стану новость
 И вскоре каждой ставки достигает.

Танкред не сомневается уж больше
 В своем блаженстве. «Ах! — он говорит, —
 Она, она сама, рискуя жизнью,
 Явилась облегчить мои страдания».
 Все забывает он: насколько сил
 Хватает, облачается в доспехи,
 Садится на коня и уезжает
 Тайком от всех по призрачным следам.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

1

Тем временем и в глубь, и в глушь лесную
Заносит конь Эрминию. Почти
Лишаясь чувств, поводьев уж она
Рукою ослабевшею не держит:
Скакун летит с тропинки на тропинку
По сотням изворотов; наконец,
Ее не видя больше, христиане
Бесплодную погоню прекращают.

2

Все полные и гнева и стыда,
Усталые, они обратно едут;
Так после долгой, тягостной охоты,
Прослеженного зверя упустив,
С трудом дыша и головы понутив,
Из леса возвращаются собаки.
Царевна между тем без остановки
Несется вскачь, боясь и оглянуться.

3

Всю ночь она бежит, весь день блуждает
Без помощи она и без поддержки:
Лишь собственные слезы видны ей
И слышны ей лишь собственные крики;

Когда ж коней своих отпрягши, солнце
Само с небес уходит в океан,
Царевна подъезжает к Иордану
И на песок, сойдя с коня, ложится.

4

Питается лишь бедами она
И жажду утоляет лишь слезами;
Но утешитель наш извечный, сон,
Что нам покой приносит и забвенье,
Смягчает скорбь ее и простирает
Над нею благодетельные крылья.
Амур, однако, множеством видений
Еще тревожит мир ее сердечный.

5

Приветственный Авроре птичий щебет,
Журчание реки и ветерок,
Играющий с волнами и листвою,
Эрминию с восходом солнца будят;
Глазами утомленными она
Места уединенные обводит:
И слышится ей голос будто, снова
К печали и слезам ее зовущий.

6

Эрминия в слезах; и вот внезапно
С волынками сливающейся песни
Неподалеку звуки раздаются.
Поднявшись через силу, шаг за шагом
Эрминия идет и видит: старец
Плетет корзину ивовую; тут же,
Пасущееся стадо охраняя,
Поют три молодые пастуха.

7

Нежданный вид доспехов незнакомых
 Простых людей смущает и пугает,
 Эрминия же кланяется им
 И открывает облик свой прекрасный.
 «Счастливыцы, — говорит, — не прерывайте
 Ни дела, ни забав своих: мой меч
 Не для того мне служит, чтоб невинность
 Трудов и песен мирных возмущать».

8

И продолжает так: «Скажи мне, старец,
 Как посреди окрестного пожара
 Существовать вы можете спокойно,
 Не опасаясь ужасов войны?»
 А тот в ответ: «Дитя мое! Доныне
 Здесь никаким обидам и напастям
 Не подвергались мы, и бранный шум
 Не достигает нашего приюта.

9

Быть может, простота и скромность наша
 Небесным милосердием хранимы;
 Как молния, что неизменность щадит
 И поражает горные вершины,
 Так, может быть, и ярость иноземцев
 Лишь головам царей несет погибель.
 Презреньем повитая, наша бедность
 Не привлекает алчности солдат.

10

Презреньем повитая бедность, да,
 Но сердцу моему столь дорогая!
 Не нужно мне ни власти, ни богатства,
 Не стражду я ни завистью, ни спесью:

Эрминия идет и видит: старец
Плетет корзину ивовую; тут же,
Пасущееся стадо охраняя,
Поют три молодые пастуха.

Мне чистая вода напитком служит,
Зато я и отравы не боюсь;
Мне пищу сад и овцы доставляют,
И за нее плачу я лишь заботой.

11

По нуждам ограниченным у нас
И спросы ограниченные также;
За стадом смотрят дети, и наемных
Рабочих мне не требуется вовсе.
Козлята ли резвятся на лужку,
В прозрачных ли волнах играют рыбки,
Иль птички кажут перышки на солнце —
Все, чем люблюсь я и чем я тешусь.

12

В былые дни, в дни юности, иные
Меня манили в жизни вожделенья;
Я посохом пастушьим пренебрег
И бросил край родной для стран далеких:
В Мемфисе жил; там удалось попасть
Мне во дворец на службу; надзирая
За царскими садами, я невольно
Узнал и двор, и все его неправды.

13

Я долго, пресыщенный, был игрушкой
Обманчивой надежды; наконец
Промчались дни блаженные, а с ними
Не стало и тщеславных упований.
Припомнились мне мирные досуги,
Простился я с величием дворцовым
И, путь к лесам родным направив снова,
Утраченное счастье в них нашел».

14

Эрминия, пока он говорит,
 В очарованье сладостном внимает
 Ласкающей и слух и сердце речи;
 В ней бурю чувств смиряет мудрость старца.
 В конце концов, по долгом размышленье,
 Решается остаться с пастухами
 Она до той поры, по крайней мере,
 Когда судьба позволит ей вернуться.

15

«Счастливейший из смертных, что познал
 На опыте своем судьбы гоненья,
 Коль Небо пощадит удел твой мирный,
 Яви к моим невзгодам состраданье!
 Прими меня под благодатную сень:
 Хочу я здесь с тобою жить; быть может,
 Мое смертельно страждущее сердце
 Найдет желанный отдых и покой.

16

А если б ты, как темный простолюдин,
 На золото и на каменья эти
 Позарился, довольно б у меня
 Нашлось их, чтоб твою насытить алчность», —
 И с этими словами у царевны
 Вдруг хлынули из глаз прекрасных слезы;
 Часть бед своих поведала она,
 До слез и пастуха растрогав также.

17

Ее в конце концов он утешает
 И принимает с нежностью отца:
 Ведет к своей супруге престарелой,
 Такой же, как он сам, добросердечной;

Становится царевна поселянкой,
Под толстым покрывалом прячет кудри,
Но взор, осанка — все в ней обличает
Не жительницу грубую лесов.

18

Убогие одежды не темнят
Ни гордости ее, ни благородства;
Среди скромнейших дел ее наружность
По-прежнему величием сияет:
Вооружившись посохом, с утра
Она со стадом бродит, как пастушка,
Своей рукой выдаивает самок
И скопы выжимает из удоя.

19

Нередко в те часы, когда от солнца
Спасаются в тени прохладной овцы,
Она кору на лавре иль на буке
Любовными реченьями пестрит:
Передаёт она в реченьях этих
Историю своей несчастной страсти;
Когда же перечитывает их,
Ручьями по щекам катятся слезы.

20

И, плача, говорит она: «Деревья,
Свидетели сердечных мук моих,
Вверяю вам своих печалей повесть!
Придет под вашу сень любовник верный,
Пробудится ко мне в нем состраданье,
И скажет он тогда, наверно: „Ах,
Как мало от Амура и Фортуны
Награды видят преданность и верность!“

21

Быть может, если Небо благосклонно
 Моления выслушивает наши,
 Бесчувственный когда-нибудь придет
 Под кров гостеприимный этой рощи.
 Увидит он могилу, что таить
 Холодные мои останки будет,
 И несколько — увы! — уже бесплодных
 Слезинок подарит моим несчастьям.

22

И если я блаженства не вкусила,
 Судьба моя хоть тени улыбнется:
 Изведает остывший прах мой счастье,
 Но я его испытывать не буду». —
 Так бедная влюбленная глухим,
 Бесчувственным деревьям говорила;
 Тем временем Танкред ее далеко
 От мест, ее приютом ставших, ищет.

23

Следы, которых он держался, к лесу
 Направили его; но в гущине,
 Наполненной и ужасом и мраком,
 Он больше никаких следов не видит:
 Внимательное ухо уловить
 Пытается напрасно в звуках леса
 То смутное оружия бряцанье,
 То конский удаляющийся топот.

24

Листою ветерок зашелестит ли,
 Под птицей ветка хрустнет ли, ему
 Уж чудится возлюбленная в этом:
 Он ищет, не находит и вздыхает.

Кончается и лес, и на опушке
Он слышит шум глухой; при лунном свете
Путями неизвестными коня
Он гонит, направляясь к этим звукам.

25

Подъехав, видит он, как из средины
Скалы с журчаньем нежно-серебристым
Прозрачною струею бьет родник,
Меж трав себе прокладывая ложе;
Под гнетом скорби он взывает громко,
Но эхо лишь отвечает ему.
В ту пору восходящая Аврора
В багрянец золотой природу рядит.

26

Танкред несчастный стонет; Небеса
Во всем он обвиняет и клянется
За милую отмстить жестоко, если
Ей нанесет кто-либо оскорбление.
Вдруг вспоминает он, что близок день,
Когда ему с черкесом драться надо;
Спешит обратно он, хоть и не знает,
Какой дорогой в стан теперь попасть.

27

Блуждая по неведомым тропинкам,
Он слышит приближающийся шум,
И наконец из глубины долины
Является ему навстречу всадник:
Одетый как гонец, он плетью машет,
И рог через плечо его висит.
«Каким путем, — к нему Танкред с вопросом, —
Вернуться я могу в стан христианский?» —

«Сам еду я туда, — тот отвечает, —
 Дано мне порученье Бозмундом.
 В обман введенный родственною речью,
 Танкред спокойно следует за ним.
 Так доезжают всадники до замка,
 Что, как скала, средь озера стоит.
 Меж тем уж в воду солнце погружалось
 И тьмою ночь окутывала землю.

Звучит труба; подъемный мост тотчас же
 Пред ними опускается, гонец же
 Танкреду молвит: «Раз ты — христианин,
 Ты можешь здесь остаться до рассвета;
 Всего три дня прошло, как граф Козенцкий
 У сарацинов отнял этот замок».
 Воитель видит ясно неприступность
 Природной и искусственной твердыни.

Невольно он подозревает тайну;
 Но, презирать опасности привыкший,
 Спокойного и ясного лица
 Не омрачает он тревогой смутной.
 Куда б он ни попал, ему повсюду
 Отвага лишь его защитой служит;
 Но поединок ждет его, и всяких
 Препон к тому он хочет избежать.

Перед мостом опущенным коня
 Задерживает он одно мгновенье,
 Не следуя за спутником коварным,
 Его с собой настойчиво зовущим.

Из замка выезжает в то же время
Навстречу им вооруженный воин
С отважной и заносчивой осанкой,
С мечом в руке, с угрозой на устах:

32

«Судьба ль, иль выбор твой тебя приводит
В злоеущее убежище Армиды,
Оружие слагай без противленья
И узником сюда входи покорным:
Не лсти себя надеждой новый день
Увидеть, если ты с другими вместе
Враждой не поклянешься ко всему,
Что носит христианское название».

33

Едва заслышав дерзостную речь,
Танкред глазами воина пронзает;
Он узнает изменника тотчас же
По языку и по доспехам: это —
Рамбальд-гасконец, что ушел с Армидой,
Из-за нее отрекшийся от веры.
Ту веру стал теперь он защищать,
Которую искоренять поклялся.

34

В негодование праведном герой
Кричит ему: «Вероотступник подлый!
Танкред — я, тот Танкред, что опоясал
Себя мечом за Господа Христа.
Я под Его всегда сражался стягом
И побеждал, и буду побеждать;
Тебя казнить вот этою рукою
Разгневанное Небо мне велит».

35

При этом славном имени невольно
 Трепещет и бледнеет нечестивец;
 Но, скрыть пытаясь ужас, говорит:
 «Несчастный, ты пришел сюда за смертью!
 Конец твоей и силе и отваге;
 Рука бы мне не изменила, нынче ж
 Я голову спесивую снесу
 И отошлю ее в крови к Готфриду».

36

Так говорит неверный; между тем
 Ночная мгла окутывает небо.
 Вдруг воздух загорается огнями,
 И яркий свет пронизывает замок.
 На башне, что всех башен в мире выше,
 Армида потаенно восседает:
 Ее самой не видно, но она
 Оттуда ясно видит все и слышит.

37

Тем временем герой готовит к бою
 И храбрость и оружие; он видит,
 Что враг подходит, спешившись, и сам
 С коня изнеможенного слезает.
 Рамбальд готов разить: щитом и шлемом
 Прикрытый, держит меч он наготове;
 Танкред же налетает на него,
 И голосом и взором ужасая.

38

Надежно защищенный, нечестивец
 Широкие описывает круги:
 Противника он хочет обмануть
 И, случаем воспользовавшись, ранить.

Последние Танкред собирает силы,
На помощь всю отвагу призывает,
Преследует, теснит врага и кажется
Ему зараз и молнию и смерть.

39

Удары направляет неизменно
Он в те места, где жизни средоточье,
И прибавляет к каждому удару
Жестокую словесную угрозу.
Увертливый гасконец от меча
Разящего удачно ускользает,
Противника обманывая ярость
Когда мечом, когда щитом своим.

40

Но в быстроте защиты уступает
Танкреду нападающему он.
И щит его разбит, и шлем проломан,
И на броне алеют пятна крови:
Врага не тронул меч его ни разу;
В душе и страх, и совести упреки:
В пылу борьбы терзают все сильнее
Его и страсть, и стыд, и жажда мести.

41

В отчаянии полном, наконец
Последнее, решительное, средство
Он хочет испытать наудалую:
Бросает щит, пришедший уж в негодность,
Обеими руками поднимает
Еще не напоенный кровью меч
И, на Танкреда кинувшись, наносит
Ему удар в бедро с ужасной силой.

42

Мечом тотчас же снова замахнувшись,
 Противника разит он прямо в лоб:
 Шлем остается цел, лишь гулким звоном
 На тяжкую обиду откликаясь;
 Однако же, пригнувшись под ударом,
 Шатается герой ошеломленный:
 Пылая гневом страшным, он врага,
 Как молниями, взглядами пронзает.

43

Изменнику уж больше не под силу
 Выдерживать ужасный этот вид;
 Уж чудится ему в истоме смертной,
 Что вражий меч дрожит в его утробе.
 Он пятится, и падает удар
 На столб, что на краю моста поставлен:
 Взлетают в воздух искры, и со страха
 У нечестивца леденеет сердце.

44

И он бежит; Танкред бежит за ним:
 Его уже совсем он нагоняет.
 Но факелы вдруг исчезают в замке,
 И гаснут лучезарные светила;
 Как будто погребальной пеленой
 Незримая рука природу кроет,
 И небо, обращенное в пустыню,
 Без звезд зияет пропастью зловещей.

45

Среди теней замороженной ночи
 Врага не видит больше победитель
 И наугад преследует его
 Неверными, дрожащими шагами.

Так в дверь он упирается неожиданно;
Дверь настезь перед ним, и он за дверью,
Но нет назад дороги: он в тюрьме,
И ужасом и мраком окруженный.

46

Так, в озеро Комахио от волн
Бушующего моря убегая,
Найти покой и отдых безмятежный
Надеется встревоженная рыба;
Но местом заточенья для несчастной
Становится обманчивый приют:
Стеной непроницаемой она
Отрезана от мира безвозвратно.

47

Напрасно дверь тюремную герой
Могучею рукою потрясает:
В стараниях бесплодных только силы
Последние растрчивает он.
И голос вдруг неведомый он слышит:
«Ты пленником Армиды стал отныне,
И силы нет такой, чтоб сокрушить
Могла ее оков очарованье.

48

Но смерти не страшись; в могиле этой
Ты жизни обречен и вечной ночи.
Танкред не отвечает и в груди
Затаивает жалобы и вздохи;
Лишь про себя винит любовь, судьбу,
Доверчивость свою и вражью хитрость
И говорит: «Не видеть в небе солнца —
Увы — еще несчастье небольшое.

Но я тебя, тебя — о солнце жизни! —
 Когда-нибудь увижу ли? Блеснут ли
 Твои лучи желанной мне отрадой? —
 И, вспомнив об Арганте, продолжает, —
 Несчастный! Я нарушил долг и клятву!
 Преступник! Мне стыда не смыть вовеки!
 Не вправе ль относиться сарацины
 С презрительным ко мне пренебреженьем?»

Попеременно так его терзают
 Любовь и честь. Пока горюет он,
 Аргант неустрашимый негодует
 На то, что к ложу мягкому прикован.
 Непримирым недруг мира, сердце
 И крови жаждет вражеской, и славы.
 Еще из ран сочится кровь, но он
 Уже считает дни до поединка.

Когда же ночь последняя настала,
 Едва сомкнул глаза жестокосердный.
 И небо и земля еще во мраке,
 Не светится и горная вершина,
 Уж он встает. «Доспехи мне!» — кричит,
 И конюх перед ним уж наготове.
 И это — не обычные доспехи,
 А дар великолепный Аладина.

Едва взглянув, он надевает их:
 Тяжелый вес их плеч ему не давит;
 Старинный грозный меч повешен сбоку:
 Так в воздухе воспламененном блещет

Комета со своей кровавой прядью,
Что разрушает царства, смертным ядом
Морит народ и, предрекая беды,
Пугает под порфирами царей.

53

Таков Аргант в доспехах искрометных:
И кровь и гнев в его глазах зловещих,
Во всей его осанке ужас мести
И смерть сама на пламенном лице;
И нет души столь твердой и отважной,
Чтоб взглядом не привел ее он в трепет.
Меч обнажив, он с криками угрозы
По воздуху и мраку машет им.

54

Он думает: «Разбойник христианский
Сейчас падет от моего меча;
В пыли бессильно корчась, он увидит,
Как я снимать с него доспехи стану;
Устами умирающими будет
Меня он заклинать, чтоб я на корм
Собакам не бросал его останков,
Но гордо я мольбу его отвергну».

55

Так разъяренный бык, добыча страсти
И ревности, ревет на всю окрестность
И этим ревом, ужас наводящим,
В себе и месть и храбрость возбуждает:
О дерево рога он точит яро,
И с ветром борется, и землю бьет
Копытами, и на кровавый бой
Сопернику далекому шлет вызов.

Так, яростью быка превосходящий,
 Глашатая неверный призывает
 И голосом приказывает резким:
 «Ступай во вражий стан и возвести
 Слуге Христа смертельный поединок».
 Сам на коня садится, выезжает,
 Предшествуемый пленником, за стены
 И бурно устремляется в долину.

А рог меж тем звучит, и эти звуки
 Вокруг распространяют страх и ужас:
 Так перекаты грома в небесах
 В сердцах людей находят отголосок.
 Вожди Христовой рати в главной ставке
 Уж собрались. Там объявляет вызов
 Глашатай им, Танкреда выкликая,
 Но и других не устраниет он.

В тревожном колебании Готфрид
 Вокруг глазами медленно поводит,
 Но никого не отмечает взглядом,
 На ком бы выбор мог остановить:
 Рассеян цвет борцов; судьбы Танкреда
 Никто не знает; Боэмунд далеко;
 Спесивого норвежца победитель
 Скитается в неведомых местах.

Храбрейшие, славнейшие, Армиды,
 Став жертвами, ушли за нею вслед,
 И участь их потеряна во мраке;
 Отвагой не блистая, остальные

Все замерли в безмолвии постыдном.
Боязнь в них заглушает чувство чести,
И никого опасностей таких
Исполненная слава не прельщает.

60

И эта тишина, и этот вид
Бессилье выражают слишком ясно!
Тогда, вдруг вспыхнув гневом благородным,
Готфрид встает и громко восклицает:
«Я жизни б недостойн был, когда бы,
Ее оберегая, потерпел,
Чтоб всеми христианами неверный
Пренебрегал, глумясь над их позором!

61

Пусть, сидя в безопасном отдаленье,
Глядят вожди на поединок наш;
А мне скорей доспехи подавайте!»
И подают ему тотчас доспехи;
Раймунд же мудрый, зрелый по годам,
По разуму сугубо и отвагой
Всем воинам сопутствующим равный,
Раймунд к нему подходит со словами:

62

«Не будет так, чтоб, головой своей
Рискуя, государь, рискнул ты войском;
Ты — не солдат, ты — полководец наш,
И смерть твоя была бы нашей смертью.
В тебе оплот, в тебе опора веры;
Тобою сокрушится иго Ада;
Тебе дан скипетр нами управлять;
Мечом являть отвагу — наше дело.

63

Я сам, хотя годами отягченный,
 Пойду сражаться первым: пусть другие
 Опасностей бегут; я не хочу,
 Чтоб старость мне служила извиненьем.
 Зачем, зачем я не во цвете лет,
 Как вы, кого боязнь в оковах держит,
 Кого ни гнев, ни даже стыд не могут
 На мщенье за обиду возбудить?

64

Зачем я не таков, каким был раньше,
 Когда перед лицом земли германской
 В придворном состязанье Леопольда
 Жестокого пронзил и повалил!
 Падение противника такого
 Трофеем большим было для меня,
 Чем если б шайку сарацинов подлых
 Прогнал один наш безоружный воин.

65

Ах, прежние бы силы мне теперь
 И прежнюю бы кровь, уж я давно бы
 С неверного сбил спесь! Но, как ни стар
 И как ни слаб я, сердце не застыло
 Еще во мне, и страх ему неведом;
 Пускай умру, но смерть моя не будет
 Злодею торжеством. Доспехи мне!
 Счастливей дня еще не знал я в жизни».

66

Так старец благородный говорил.
 Его слова отвагу пробуждают
 Во всех сердцах; нет робких и безмолвных:
 Все вдруг в одном сливаются порыве.

Нет никого, кто б вызова не принял,
И каждый домогается избрания;
Все рвутся в бой: и Балдуин, и оба
Гюи, и Гвельф; Рожер, Стефан, Герньер.

67

Не отстают от этих и другие:
Тот Пирр, чьей хитрой выдумке паденьем
Антиохии Боэмунд обязан,
Эдвард-шотландец и Рудольф-ирландец,
А также англичанин Роземунд;
И вы, супруги верные, и вы,
Любовники нежнейшие, Джильдиппе
И Одоард, не менее ретивы!

68

Но больше всех великодушный старец
Выказывает мужества и пыла:
Уж он готов, лишь не хватает шлема.
И говорит Готфрид: «Отваги древней
Живое воплощение, каким
Примером нашим воинам ты служишь!
В тебе со всею силою сияют
И дарованья бранные, и доблесть.

69

Будь у меня десяток молодцов
Таких, как ты, престол бы лживый скоро
Я ниспроверг и в ночь одну воздвиг бы
Победное креста изображение!
Но я прошу тебя: останься с нами
Для дел важнейших: пусть сама судьба
Иль Бог, судьбою правящий, вернее
Противника неверному укажет».

Однако же Раймунд все продолжает
 Упорствовать в намеренье своем
 И требует, чтоб и его подвергли
 С охотниками прочими избранью.
 Готфрид все имена в свой шлем кидает,
 Потом мешает, встряхивает их,
 И первым возглашается все тот же
 Герой маститый, граф Раймунд Тулузский.

Приветствуется громко это имя;
 За выбор на судьбу никто не ропщет.
 Являет силу новую герой,
 В лице весною жизни расцветая.
 Так кожу обновившая змея
 Тщеславится одеждой золотистой.
 Особенно избранью рад Готфрид,
 Раймунду предрекающий победу.

И меч свой отвязав, передает
 Он старцу со словами: «Вместе с жизнью
 Я отнял у мятежного саксонца
 Его в боях сопровождавший меч.
 То было уж давно, одни победы
 С тех пор мне приносил он неизменно.
 Возьми его теперь! В твоих руках
 Не может быть он менее удачлив».

Аргант неустрашимый между тем
 В угрозах выражает нетерпенье.
 «О славные воители Европы!
 Один лишь человек вас вызывает!

Пусть поспешит Танкред высокомерный,
Коль в мужестве уверен он своим!
Иль хочет он в постели дожидаться,
Чтоб выручили сумерки вторично?

74

Не смеет он, пусть явится другой!
Все всадники, все пехотинцы сразу!
Нет в вашем стане воина такого,
Чтоб мог со мной померяться отвагой!
Вот гроб, где Сын Марии опочил:
Что ж медлите? К нему одна дорога.
Какой еще достойнее вам цели,
Чтоб ржавчине мечи не подвергать?»

75

Так варвар оскорбляет христиан.
Раймунд, нетерпеливее всех прочих,
От голоса его воспламенившись,
Снести не в силах это поношение.
Его отвага переходит в ярость
И в нем негодование распаляет;
На Аквилина, быстрого коня,
Он вскакивает с юношеским жаром.

76

В долине Таго конь на свет родился.
Когда там воцаряется всевластно
С любовью и зефирами весна,
Исполненная новых вожелений
И пламенной истомы кобылица
Со ржанием ликующим впивает
Дыханье плодотворное ветров
И материнский долг природе платит.

Сомнения нет, что Аквилин воздушной
 Струе, из струй тончайшей и легчайшей,
 Своим происхождением обязан:
 Когда он по ристалищу бежит
 Иль резвыми красуется прыжками,
 От ног его следов не остается.
 На этом-то коне и мчится старец,
 Смиренно к небу взоры вознося.

«О Боже, — восклицает он, — о Ты,
 Что против нечестивца Голиафа,
 Грозы всего Израиля, направил
 Неопытную руку пастуха,
 Яви, о Боже! снова это чудо,
 И да падет неверный бездыханным
 От старческой и немощной руки,
 Как великан пал от руки ребенка!»

Так старец говорит. Его молитва
 На крыльях упования в обитель
 Небесную летит. Приняв ее,
 Предвечный из Своей бесплотной рати
 Шлет ангела на землю, чтоб Раймунда
 Тот защищал в бою и напоследок
 Его из нечестивых вражьих рук
 Исторгнул бы увенчанным победой.

Тот самый небожитель, что с рожденья
 Раймунда в колыбели охранял
 И на тяжелой жизненной дороге
 Заботливо руководил им в детстве,

Опять его судьбы блюсти обязан:
К святому долгу призванный, спешит
Он в ризницу небесную, чтоб выбрать
Себе вооруженье боевое.

81

Там есть копье, что Змия погубило;
Есть стрелы громовые, есть и стрелы
Незримые, несущие народам
И черный мор, и прочие бичи;
Повешен там трезубец, что, сильнее
Всех ужасов земных пугая смертных,
До недр глубоких землю потрясает
И разрушает сразу города.

82

Среди оружия всякого там щит
Сверкает из чистейшего алмаза:
Огромный, он покрыть бы мог все страны,
Что Атлас отделяют от Кавказа.
Защитой справедливым государям
И доблестным народам служит он;
Его себе и выбирает ангел
И с ним летит к Раймунду невидимкой.

83

Тем временем валы Иерусалима
Уже толпами зрителей покрыты:
Клоринду и отряд ее тиран
Расположиться шлет по косогору;
Со стороны ж противной христиане
Стекаются в порядке боевом.
Срединное свободное пространство
Должно служить ареной поединка.

Аргант следит и ждет: все нет Танкреда,
 Но перед ним другой какой-то воин.
 «По счастью для тебя, — граф говорит, —
 Противник твой теперь в ином уж месте;
 Но не ликуй заранее, могу
 Я заменить его на поединке;
 Могу от христиан по счету третьим
 Явиться и померяться с тобой».

Спесивец улыбается. «Но что же
 С Танкредом стало? — спрашивает он, —
 Сбежал он с доблестью своей, но где бы
 Ни скрылся он, в земле иль под водою,
 Не избежать ему моих ударов». —
 «Ты лжешь! — его Раймунд перебивает, —
 Зачем Танкред скрывался бы, когда
 По доблести тебя он превосходит!»

Черкес дрожит от гнева и кричит:
 «Ступай же! Я согласен на замену;
 Увидят скоро, как-то ты поддержишь
 Своих речей заносчивых безумство».
 Съезжаются и оба нанести
 Удар копьём готовы в шлем друг другу;
 Раймунд в Арганта метко попадает,
 Но даже покачнуть его не в силах.

Спесивому Арганту сразу видно,
 Как тщетны все усилия его:
 Незримая рука его удары
 От набожного воина отводит;

В неистовстве кусает губы варвар,
Безумные проклятья изрыгает,
Копье ломает в щепы и с мечом
Свирепо нападает на Раймунда.

88

Конь, голову загнув, летит вперед;
Раймунд толчка удачно избегает,
Бросается направо и Арганту
Удар наносит спереди. Черкес
Вторично налетает: граф же снова
Отскакивает в сторону; однако
На этот раз меч достигает шлема,
Но шлем непроницаем, как алмаз.

89

Жестокий египтянин наконец
Теснит его и прижимает сильно:
Раймунд, боясь, чтоб не пришлось согнуться
Под тяжестью огромной, отступает,
Потом опять к противнику спешит,
Вперед, назад, как будто окрыленный;
Проворный конь послушен как дитя
Его руки малейшему движенью.

90

Так полководец осаждает башню
Среди болота или на горе:
Испытывает всякие подходы,
За хитростью изобретает хитрость.
Так вертится и кружится Раймунд:
Не прорубить ни лат его, ни шлема;
В противнике он ищет слабых мест,
Куда бы мог проникнуть меч свободно.

Доспехи египтянина уже
 Повреждены, уже алеют кровью;
 Его же — и не тронуты донине,
 Нашлемник даже вовсе не задет.
 Бесплодно сарацин в пустых ударах
 Свой гнев неукротимый расточает;
 Но устали не знает он и с каждым
 Лишь промахом становится ужасней.

Черкесу удастся напоследок
 Удар ответный графу нанести:
 При изворотливости всей от смерти
 Не в силах был бы конь его избавить;
 Но та же все незримая рука
 Над воином простерта неизменно,
 И на щите небесном угасают
 Все пылкие старанья сарацина.

Ударом сильным в щит небесной ковки
 Разбитый, разлетается со звоном
 В блестящие осколки меч Арганта:
 Тот смотрит и глазам своим не верит;
 Ошеломленный, взгляд он переносит
 На руку безоружную свою
 И стойкости, в Раймунде обретенной,
 Как чуду небывалому, дивится.

Он думает, что меч его о щит
 Раймунда раздробился; в том уверен
 И сам Раймунд: о помощи небесной
 Нет у него и подозренья даже;

Но, видя безоружного врага,
Он прерывает бой, пренебрегая
И низменной победой, и добычей,
Дающей легко и безопасно.

95

Готов уже он крикнуть сарацину,
Чтоб тот другой взял меч; но вспоминает,
Что у него в руках честь христиан
И что его позор их опозорит:
Хоть низкой он победы и не ищет,
Но рисковать не смеет общим делом.
Пока он так колеблется, Аргант
В него меча бросает рукоятку.

96

А сам коня пускает вскачь и хочет
Грудь с грудью поединок довершить.
Герою он удар наносит в щеку;
Но тот, не растерявшись, успевает
От пагубной ухватки увернуться
И в свой черед ударом ловким ранит
Ту руку, что, как коготь ястребиный,
В добычу уж вцепиться норовит.

97

То отступает он, то наступает,
И каждый раз при встрече с сарацином
Без промаха испытанным мечом
Ужаснейший удар ему наносит:
Пускает в ход всю мощь свою, всю хитрость,
Все свойства боевые, что явить
Способен гнев. И Небо и Фортуна
Поддерживают все его усилия.

Аргант, в броне опору находящий,
 Бесстрашно-недвижимым остается.
 Так посреди бушующего моря
 Без мачты, без руля, без парусов
 Корабль с волнами борется: его
 Бока из дуба крепкого, напору
 Седых валов не поддаваясь долго,
 Отсрочивают гибель экипажа.

Ты погибал совсем, Аргант, когда
 От смерти был избавлен Вельзевулом.
 Из облака, клубящегося в небе,
 Он образ человеческий выделяет:
 В доспехах и в чертах с Клориндой гордой
 Ему живое сходство придает;
 Ни в голосе, ни в стане, ни в осанке
 Нет от нее малейшего отличья.

Видение подходит к Орадину,
 Известному стрелку, и говорит:
 «О славный Орадин, ты, чья стрела
 Летит, куда твой взгляд повелевает,
 Что за несчастье было б, если б в этом
 Бою погиб оплот всей Палестины
 И если б враг его спокойно в стан
 С добычей драгоценной возвратился!

Яви свою нам ловкость в полном блеске
 И дай твоим стрелам упиться кровью
 Разбойника французского: за это
 И слава ждет тебя, и награжден

Ты будешь по заслугам господином». Соблазном увлеченный, Орадин Тотчас же вынимает из колчана Стрелу и лук натягивает крепко.

102

Дрожит от напряженья тетива,
Стрела летит по воздуху со свистом,
Насквозь броню Раймунда пробивает
И делает царапину на коже;
Но здесь ее кончается полет:
Раймунда охраняя и ослабив
Удар, небесный воин нанести
Стреле не позволяет рану глубже.

103

Отбрасывает граф стрелу и видит
На латах кровь; и, гневом весь пылая,
Громоподобным голосом он шлет
Черкесу обвиненье в вероломстве.
Готфрид, следя за боем зорко, глаз
С Раймунда не спускает: эта рана
Ему смертельной кажется, и ужас
Струей холодной в сердце проникает.

104

И взглядами и голосом к отмщенью
Он поощряет воинов своих.
Внезапно опускаются забрала,
Все копы — вверх, и кони вскачь несутся;
Мгновенно на обеих сторонах
Приходит все в движенье: исчезает
Равнина под густой завесой пыли,
Взлетающей клубами к небесам.

Щиты и шлемы, сталкиваясь, копья,
 Ломаясь, наполняют воздух гулом;
 Полуживыми грудами лежат
 Свалившиеся всадники и кони;
 Там испустили дух, здесь умирают;
 Лишь крики, стоны, вздохи всюду слышны;
 Все яростней, все жарче смертный бой:
 Теснят друг друга, сваливают, режут.

Аргант, освободившись от врага
 И палицей чужой вооружившись,
 Врывается в средину схватки, бьет
 И топчет христиан, не разбирая,
 И путь себе широкий пролагает;
 В безумном озлоблении он ищет
 Раймунда одного: как лев голодный,
 Пожрать его он, кажется, готов.

Но, тесно окружив его кольцом,
 Ему преграду ставят христиане.
 Орман, Рожер де Бернавиль, два брата
 Гюи, Герарды — все его теснят;
 Работает он палицей все так же:
 Препятствия его лишь разжигают.
 Из помещения тесного наружу
 Так рвется разрушительный огонь.

Орман кончает дни свои; из братьев
 Гюи один лишь цел, другой же ранен;
 Рожер упал на мертвые тела
 И силы уж последние теряет.

Теснее и плотнее все меж тем
Становится кольцо вокруг сарацина:
Один он все выдерживает натиск,
Один судьбу сраженья он колеблет.

109

Готфрид за Балдуином посылает
И отдает ему приказ: «С отрядом
Ступай на левый фланг, где битва жарче,
И окружи врага!» Тот поспешает:
Ленивый азиатец, наконец,
Перед напором мощным подается;
Ряды его расстроены; и кони
И всадники — все падает без сил.

110

На правом фланге — полное смятение:
Один Аргант там держится; в то время
Как все вокруг стремительно бежит,
Один он угрожает христианам.
Таким, хоть и не столь ужасным, был бы
Сторукий великан, что полусотней
Мечей разил бы сразу и при том
Столькими же щитами прикрывался б.

111

Незыблемо выдерживает натиск
Он и коней и воинов; с отрядом
Сражается один; раздроблены
Давно его доспехи, тело в ранах;
Кровь льется вместе с потом, он же словно
Не замечает этого: в конце
Концов его свои же окружают
И в бегстве увлекают за собою.

112

Подхваченный стремительным потоком,
 Ему он отдается поневоле;
 Но взглядами и голосом врагу
 Шлет вызовы надменные все так же.
 Глаза его наводят смертный ужас;
 Слетает с губ угроза за угрозой;
 И все же он пытается напрасно
 Остановить бегущую толпу.

113

Вся хитрость, все усилия его
 Бегущих удержать уже не могут:
 Они, забыв от страха дисциплину,
 Не слушают ни просьб, ни приказаний.
 Готфрид же, убедившись, что судьба
 Ему благоприятствует, намерен
 Использовать победу и отряды
 Шлет новые на помощь христианам.

114

Когда б иначе Небо не решило,
 То стал бы этот день для христиан
 Днем торжества и полным увенчаньем
 Всех трудностей их славного похода.
 Но силы преисподней, опасаясь,
 Что власть их поколеблет эта битва,
 Скопляют вмиг громады черных туч
 И на простор с цепей спускают бурю.

115

И солнце, и лучи его скрывает
 От взоров смертных темная завеса;
 Все небо черным пламенем горит,
 Черней, чем пламя адских подземелий.

И гром гремит, и град посевы губит,
И затопляет низменности ливень;
Деревья сокрушая, ураган
Дубы, утесы, горы потрясает.

116

И дождь, и град, и молнии, и ветер —
Все сразу поражает христиан.
От ужаса внезапного ненастья
Колеблется их стойкая отвага:
Немногие к знаменам робко жмутся,
Клоринда же, смятение это видя,
Благоприятным пользуется мигом
И скакуна во всю пускает прыть.

117

«Друзья, — кричит она, — теперь за наши
Права вступились сами Небеса;
Их гнев минует нас благополучно
И наших лишь врагов разит нещадно.
Лишенные оружия и света,
Они дрожат и уж готовы сдаться:
Вперед! Вперед! За мной, друзья, куда
Судьба нам путь указывает славный!»

118

Так воинов она воспламеняет
И нападает вдруг на христиан;
Над жалким их бессилием смеется,
И рубит их неистово, и гонит.
Воспрянувший Аргант усугубляет
Смятение победителей своих:
И кажут тыл они врагам и буре,
Поспешно покидая поле битвы.

Бегущие, гонимые и Адом
 И смертными, они мешают кровь
 Из ран своих с ручьями дождевыми,
 Обильно наводнившими долину.
 На груды умирающих и мертвых
 Безжизненными падают телами
 Рудольф, рукой Арганта пораженный,
 И Пирр, погибший от меча Клоринды.

Так в ужасе бежали христиане:
 Неверные с нечистыми в союзе
 Преследуют их злобно по пятам.
 Один Готфрид бесстрашно подставляет
 Ударам вражьи, молниям и буре
 Свое лицо, журит вождей и, стоя
 У входа в стан, как неусыпный страж,
 Встречает их смятенные отряды.

Двукратно устремляясь на Арганта,
 Он преграждает путь ему двукратно;
 В сплоченные ряды врагов, как вихрь,
 Двукратно он влетает: напоследок
 Он сам и остальные за окопы
 Скрываются, победы не изведав.
 Спешат обратно в город сарацины,
 А христиане в стан едва бредут.

Но все еще убежища они
 От разъяренной бури не находят:
 Преследует ненастье их и там.

Вода свободно проникает в ставки,
А ветер раздирает их на части,
Срывает и по воздуху разносит.
Вой ветра, шум дождя, и гром, и крики
В ужаснейший сливаются аккорд.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

1

Гром перестал греметь, утихла буря,
И замерло дыхание ветров:
Вся в золоте и в розах выходила
Аврора из небесного чертога.
Но злобные зачинщики ненастья
Еще не унялись. Один из них,
Что Астаротом звать, своей сестре
Дискордии такое молвит слово:

2

«Ты воина там видишь, что от мести
Борца за нашу славу ускользнул.
Остановить его уж мы не в силах:
Латинянам расскажет он, какой
Его начальник участи подвергся;
Важнейшие он тайны выдаст им,
И это их принудит, может стать,ся,
Бертольдова обратно вызвать сына.

3

Возврат для нас опасный мы должны
Предупредить иль хитростью, иль силой.
Сойди же к христианам: что им вестник
На благо скажет, обрати во зло;

Пролей в сердца латинян, гельветийцев
И англичан могучую отраву
Разноплеменной розни, посели
В отрядах недовольство и раздоры.

4

Тебя вполне достоин подвиг: ты же
Властителю его и обещала.
Сказал он, и чудовище тотчас же
Летит исполнить замысел коварный.
А вестник между тем, достигнув стана
Воителей Христовых, говорит:
«Я должен видеть вашего вождя;
Меня к нему, прошу вас, проводите».

5

К Готфриду любопытная толпа
Его ведет; почтительно склонившись,
Целует он ту доблестную руку,
Что заставляет Азию дрожать,
И говорит: «Герой, от океана
До звезд своими подвигами славный,
Хотел бы я порадовать тебя
Вестями!» И со вздохом продолжает:

6

«Единственный сын датского монарха,
Свенон, опора старости его,
Горел мечтой стать под твои знамена
В ряды отважных мстителей Христовых:
Ни трудности похода, ни наследство,
Ни нежность к престарелому отцу —
Ничто в его великодушном сердце
Унять не в силах было это рвенье.

7

Он под твоим главенством знаменитым
 Хотел войны искусство изучить;
 Его душа безвестностью томилась;
 Исполнен был он зависти к Ринальду,
 Сравнившемуся в возрасте столь юном
 С храбрейшими воителями мира.
 Но больше всех соблазнов возбуждал
 В нем рвение венец небесной славы.

8

Становится, пылая нетерпением,
 Он во главе отряда молодежи
 И прямо через Фракию идет
 Почти без остановок в Византию;
 Там император греческий радушно
 Его в своих палатах принимает;
 Туда ж к нему является твой вестник
 С последними военными вестями.

9

Рассказывает он о том, как пала
 Антиохия и каким позором
 Окончилась для персов их попытка
 Обрато город взять; и о тебе
 Рассказывает он, и о Ринальде,
 О том, как этот юноша в порыве
 Великодушном скрылся и в каких
 Он подвигах являл свою отвагу.

10

А напоследок вестник прибавляет,
 Что вы уже у стен Иерусалима,
 И приглашает принца разделить
 Последние хотя бы лавры с вами.

Воспламеняют юношу рассказы;
Ему веками кажутся часы:
С неверными сразиться полный рвенья,
Омыть он жаждет руки в их крови.

11

Как будто ваша доблесть боевая
Упреком служит трусости его;
Снедаемый стыдом, он и советы
И просьбы все упорно отвергает.
Страшит его одна опасность только:
Не разделив опасностей твоих,
Не разделить с тобой и славы бранной;
И ничего не слушает он больше.

12

Сам ускоряет он свою судьбу;
Едва, чтоб в путь скорей пуститься, первых
Лучей авроры в силах он дожждаться:
Кратчайшую дорогу избирая,
Он даже не пытается ни трудных
Проходов, ни враждебных стран избегнуть;
Он нас ведет неведомо куда,
И мы ему покорны, как слепые.

13

Здесь голод нас подстерегает, там
Природа заграждает нам дорогу:
Вести борьбу приходится повсюду,
Но мы одолеваем все препоны,
Врагов уничтожая там и здесь.
Победы в нас поддерживают бодрость,
И мы, гордясь успехами своими,
Пределов Палестины достигаем.

Тут наши скороходы нам доносят,
 Что слышен шум оружия и видны
 Распущенные по ветру знамена;
 А это заставляет их бояться,
 Не войско ли идет на нас большое.
 Бледнеют лица воинов, Свенон же
 Бесстрашно и спокойно озирает
 Испуганный отряд и говорит:

„Нас пальмы победителей, друзья,
 Иль мучеников пальмы ждут сегодня!
 Надеюсь я на первые, но славу
 Нам бóльшую еще сулят вторые.
 Когда-нибудь здесь в память нас воздвигнут
 Потомки храм; сюда стекаться будут
 Народы, чтоб почтить могилы наши
 Иль чтоб трофеи наши увидеть“.

Сказав, он расставляет часовых,
 Распределяет должности, работы,
 Велит всем при оружии остаться
 И сам ни лат, ни шлема не снимает.
 И вот среди полночной тишины,
 Когда вокруг все мирным сном объято,
 Внезапно страшный рев пронзает воздух
 И судорогой землю потрясает.

„К оружию!“ — кричат, и королевич
 Летит, чтоб во главе отряда стать;
 Его глаза отваги мечут искры,
 Лицо горит. Нас бурно атакуют:

Враги непроницаемым кольцом
Охватывают нас; мечи и копья
Вздываются вокруг дремучим лесом,
И сыплются дождем обильным стрелы.

18

На каждого из нас в бою неравном
По двадцати приходится врагов;
Немало уж сраженных и немало
Во мраке при последнем издыханье.
Но в том же мраке и число убитых,
И раненых число погребено;
И подвиги и беды наши ночь
Под черной пеленой таит ревниво.

19

Меж тем Свенон являет неустанно
И силу рук, и тяжесть их ударов:
Вокруг него течет ручьями кровь,
И груды тел ему оплотом служат;
Куда он на коне в разгаре схватки
Ни обернется, всюду он несет
В своих глазах лучистых смертный ужас
И смерть в своей руке вооруженной.

20

Сражаемся мы так, пока авроры
Лучи не озаряют небосклон;
Рассеяв тьмы все ужасы, они же
Все ужасы нам смерти открывают.
Столь вождественный день приносит нам
Лишь зрелище смятенья и печали:
Весь стан телами мертвыми усеян
И нашими останками покрыт.

21

Две тысячи нас было, а осталось
 Не больше сотни. Дрогнуло ли сердце
 Геройское от ужаса, не знаю;
 Но светел был и ясен вид Свенона.
 И говорит он нам, возвысив голос:
 „Пойдемте же, товарищи, и к счастью,
 И к славе по пути, что указали
 Нам павшие бойцы своею кровью“.

22

Он говорит и, улыбаясь смерти,
 Что быстро приближается к нему,
 Перед потоком хлынувшим отвагу
 И стойкость беспримерную нам кажет.
 Нет лат таких, хотя бы из алмаза,
 Чтоб меч его могучий не пронзил,
 Невдолге тело юное собою
 Одну сплошную рану представляет.

23

В неукротимый труп уже не жизнь,
 А храбрость лишь одна влагает душу:
 Он на удар отвечает ударом;
 Чем глубже рана, тем он сам страшней.
 Но вдруг, глазами яростно сверкая,
 Поддержанный товарищами воин
 Свирепо нападает на него
 И после долгой схватки побеждает.

24

И падает царевич благородный,
 И некому за павшего отмстить.
 О кровь великодушно пролитая!
 О властелина лучшего останки!

Свидетелями будьте вы, что жизни
Я не берег! Я презирал опасность,
И если б дни мои решило Небо
В тот миг пресечь, я умер бы достойно.

25

Среди своих товарищей умерших
Свалился я, один еще живой,
Но уж и чувств лишенный, и сознания:
Глаза завеса черная покрывала.
Так я лежал и вдруг очнулся; веки
Мои раскрылись вновь; мне показалось,
Что это — ночь; в пространстве темном слабый
Колеблющийся свет увидел я.

26

Я был еще не в силах различать
Ближайшие предметы: я как будто
И бодрствовал, и спал; то открывались
Глаза мои, то закрывались снова.
От влажности земли, моей постели,
А также и от свежести ночной
Я ощущал такие боли в ранах,
Что, думалось, пересчитать их мог бы.

27

А свет все приближается меж тем;
Уже я различаю тихий говор.
С усилием приподнимаю веки
И вижу: надо мной два человека
В одеждах длинных с факелом стоят.
„О сын мой, — слышу, — не теряй надежды
На Господа! Он помощью Своею
Предупреждает чистые молитвы“.

Протягивает руку говорящий
 И с видом вдохновенным произносит
 Вполголоса неясные слова,
 Которых смысл мне вовсе непонятен,
 И прибавляет: „Встань!“ Я поднимаюсь
 Внезапно, полный бодрости и силы,
 И ран уже не чувствую, как будто
 Мне кто-то жизнь иную даровал.

На них я в изумлении гляжу;
 И говорит мне старец: „Маловерный,
 Ты все еще в сомнении! Где мыслью
 Блуждаешь ты? Не призраки ты видишь;
 Служители Христовы, мы ушли
 От мира и от всех его соблазнов
 И, чтоб заветам следовать Господним,
 Не ведая людей, живем в пустыне.

Предвечный Бог, что правит всей вселенной
 И, в чудесах великих проявляясь,
 Не отвергает низменных орудий,
 Тот Бог меня послал тебя спасти;
 Не хочет Он, чтоб почестей высоких
 Лишилось тело, бывшее жилищем
 Столь доблестной души, с которой ждет
 Его соединенье в вечной славе.

Свенону уготована могила,
 Достойная его деяний славных;
 И к ней веков грядущих племена
 Придут почтить с молитвой прах героя.

Взгляни на небосклон: увидишь ты
На нем звезду, блестящую, как солнце;
Она тебя и приведет к священным
Останкам господина твоего“.

32

Внезапно из звезды, что затмевает
Собою все светила, иль точнее
Сказать, из солнца этого на землю
Нисходит луч; подобно золотой
Черте он продолжается до тела,
На нем все раны ярко освещая:
И в клочьях окровавленного мяса
Я признаю почившего вождя.

33

Лежал он не ничком, а было к небу
Прекрасное лицо обращено,
Куда при жизни все его желанья
Стремилась неуклонно. Как живая,
С угрозой смертной правая рука
Меча еще сжимала рукоятку;
А левая, покоясь на груди,
Безмолвную молитву выражала.

34

Печали неизбывной предаваясь,
Обильными слезами орошаю
Я эти раны; старец между тем
Освобождает меч, в руке зажатый,
И говорит: „Ты знаешь, эта сталь,
Пролившая сегодня столько крови,
Есть чудное создание искусства,
И равного ему нет в целом мире.

Желает Небо, чтоб оно без пользы
 Не оставалось тут, а перешло бы
 Из этих рук в счастливейшие руки,
 Не менее достойные притом:
 Пусть с ловкостью и силою такой же
 Они владеют им в бою, но дольше
 Пусть сохранят его и посвятят
 Отмщению за прежнего владельца.

Свенона Сулейман убил, так пусть же
 Погибнет сам он от меча Свенона.
 Возьми его и с ним в стан христианский
 К стенам Иерусалима поезжай;
 Не бойся, что в странах попутных встретишь
 Ты новые препятствия; десница,
 Блюдущая твой путь, все сокрушит,
 Что задержать тебя на нем могло бы.

Желают Небеса, чтоб голос твой,
 С твоею жизнью ими сохраненный,
 Народам возвестил о благочестье
 И об отваге павшего; они
 Желают, чтоб его пример дал новых
 Воителей и мстителей за веру
 И чтоб, когда минует наше время,
 Воспламенил он будущих героев.

Теперь тебе открыть я должен, кто
 Свенона меч наследует: то юный
 Ринальд, что всех отвагой превосходит;
 Ему вручишь ты этот меч и скажешь,

...на землю
Нисходит луч; подобно золотой
Черте он продолжается до тела,
На нем все раны ярко освещая...

Что Небо и земля лишь от него
Ждут должного возмездья за героя“.
Пока его я слушаю безмолвно,
Мой взор уж новым чудом привлечен.

39

На месте, где покойся усопший,
Встает великолепная гробница,
Охватывает тело и его,
Смыкаясь вновь, в своих хоронит недрах;
Незримая рука меж тем уж чертит
На ней Свенона имя и деянья.
Я памятник и надпись созерцаю
И взор от них не в силах оторвать.

40

„В гробнице этой, — старец говорит, —
Почиет прах его среди друзей,
Чьи праведные души, слившись с Богом,
Блаженством вечным будут упиваться.
Останкам дань ты заплатил слезами;
Мое уединение послужит
Убежищем тебе, пока заря
Тебя опять в дорогу не погонит“.

41

Сказав, меня ведет то по холмам,
То по долинам старец; через силу
Я следую за ним: так достигаем
Мы каменной пещеры наконец.
Там со своим учеником спокойно .
Он и живет среди лесных чудовищ;
Невинностью одной вооруженный,
В иной он не нуждается защите.

Он предлагает мне простую пищу,
 И тело утомленное мое
 Вкушает мирный сон на жестком ложе;
 Но чуть заря блеснула в небе, оба
 Отшельника встают уже: втроем
 К Предвечному возносим мы молитвы.
 Прощаюсь я со старцем и, запомнив
 Его советы, в путь пускаюсь новый».

Смолкает вестник. «Воин благородный! —
 Готфрид ему в ответ, — ты нам приносишь
 Ужаснейшую новость; на нее
 Слезам лишь мы можем отозваться.
 В мгновение одно утратить столько
 Героев и друзей! И где их прах?
 Как молния, твой повелитель славный
 Блеснул лишь для того, чтоб вновь исчезнуть!

Но смерть им в честь! Падения такого
 Не стоят ни победа, ни добыча;
 Столь благородных лавров никогда
 В своих стенах не видел Капитолий.
 В селениях небесных, в храме славы
 Бессмертия венец их ожидает:
 Там раны показав свои, они
 Похвалятся геройским пораженьем.

Но ты, что пережил их, ты, что должен
 Невзгод войны еще изведать много,
 Их торжеству порадуйся и горя
 Морщины на лице своем изгладь.

Ринальда спрашиваешь ты: далеко
Блуждает он от нас, и мой совет —
Здесь ожидать о нем известий верных
И уж потом на поиски пуститься».

46

Готфридовы слова у всех в сердцах
К Ринальду сразу нежность пробуждают;
Все говорят они: «Герой наш юный
Блуждать среди неверных обречен!»
И все наперерыв спешат поведать
Датчанину о подвигах его,
Все шире перед взором изумленным
Развертывая ткань геройской жизни.

47

Чем больше вспоминают о Ринальде,
Тем все сердца растроганы сильней.
И вот среди чарующих рассказов
Внезапно возвращается отряд,
Из стана незадолго перед этим
Приманкою добычи увлеченный:
Стада, у неприятеля успешно
Отбитые, перед собой он гонит.

48

И он же слишком явное приносит
Свидетельство нагрянувшей беды:
Разбитые, раздробленные, кровью
Покрытые Ринальдовы доспехи.
Тревожнее один другого слухи
По стану разлетаются тотчас;
При имени героя с громким плачем,
Сбегается толпа к останкам славным.

Их сразу узнают: и эти латы
 Огромные, и этот шлем блестящий,
 И эту птицу с молнией в когтях,
 Со взором, вечно к солнцу устремленным.
 Их видели и в славе, и в почете,
 И вот они валяются в пыли:
 Ужасный вид обломков загрязненных
 Во всех сердцах и гнев и скорбь рождает.

Пока идет по стану смутный говор
 И сыплются со всех сторон догадки,
 Начальника отряда, что привез
 Кровавую находку, Алипранда,
 Готфрид зовет к себе и задает
 Прямой вопрос: «Где ты нашел все это?
 Скажи по правде, доброй ли, худой ли».
 Тот, как солдат и рыцарь, отвечает:

«В двух днях отсюда, у пределов Газы,
 Лежит уединенная долина;
 Со всех сторон она оцеплена
 Холмами, а с холмов ручей стекает
 И вьется резвой змейкой по траве,
 Древесною листвою осененный:
 Едва ли где, я думаю, найдется
 Удобнейшее место для засады.

Разыскивая скот, что там пасется,
 Мы видим вдруг кровавые следы;
 А у ручья тотчас же замечаем
 Труп рыцаря. Мы узнаем доспехи,

Хотя и кровь и пыль их покрывает,
И замираем в трепете зловещем;
Черты лица хочу я разглядеть,
Но головы не нахожу у тела.

53

И правой также не было руки,
А тело в ранах, с тылу нанесенных;
Поодаль, крылья белые раскинув,
Лежал орел, со шлемом неразлучный.
Пока вокруг я взглядами ищу,
Кто мог бы свет пролить как очевидец,
Является крестьянин перед нами;
Но, нас едва приметив, исчезает.

54

За ним спешат в погоню, настигают,
И на расспросы он дает ответы:
Увидев накануне, как из леса
Внезапно вышел воинский отряд,
И спрятавшись поспешно, он приметил
У одного из воинов в руке
Отрезанную голову; погибший
Был рус и юн по признакам наглядным.

55

Ужасную добычу завернув,
Ее к седлу привесил тот же воин;
Отряд же, как рассказчик по одежде
Мог заключить, из нашего был стана.
Доспехи с тела сняты; я его
Горячими слезами орошаю,
Предать земле приказываю с должным
Почетом и беру с собой доспехи.

Но если это — юного героя
 И вправду тело, то оно иных
 И почестей достойно, и гробницы».
 Рассказ окончив, Алипранд уходит.
 Готфрид вздыхает тяжело и не может
 С ужасной мыслью в сердце примириться:
 По признакам вернейшим хочет он
 И труп узнать, и отыскать убийцу.

Ночь настает и темными крылами
 Небесное пространство покрывает;
 Желанное забвение сердцам
 Приносят сна обманчивые грезы.
 Ты, Аргиллан, один, лютейшей скорби
 Стрелою пораженный, в глубине
 Своей души не ведаешь покоя,
 И сон бежит от глаз твоих открытых.

В речах отважный, пламенный, мятежный,
 Родился Аргиллан в долине Тронто:
 Среди борьбы и войн междоусобных
 Питал себя он злобою и мстью.
 Подвергнутый изгнанию потом,
 Он кровью наводнил родную землю;
 И в Азию как воин напоследок
 Для подвигов достойнейших был призван.

Лишь на заре глаза его закрылись;
 Но это был не сон-успокоитель,
 А сонная Дискордии отравы.
 В оцепененье тяжком и в бреду,

Он не вкушал желанного покоя:
Безжалостная фурия, меняя
Один ужасный образ на другой,
Ему на миг забыться не давала.

60

И напоследок воина он видит
С отрубленной рукой и головой;
А голову рука другая держит.
Прерывистая речь из уст багровых
Со вздохами и кровью вылетает:
«Беги же, Аргиллан... беги скорее
Из стана, оскверненного убийством...
Беги от нечестивого вождя!

61

Друзья, кто защитит вас от Готфрида,
Которого я стал невинной жертвой?
Меня сгубив предательски, злодей
Теперь и вашу гибель замышляет.
Но если ты еще стремишься к славе
И в мужестве своем еще уверен,
Тогда бежать не должен ты: тогда
Пусть кровь тирана смерть мою искупит.

62

Последую я тенью за тобою,
Гнев буду разжигать в тебе и в руку
Твою вложу неотразимый меч».
Сказала так и в сердце Аргиллана
Вливает новый яд. Он, вне себя,
Вращает изумленными глазами;
Потом вооружается и в диком
Неистовстве сзывает итальянцев.

Сзывает их в то место, где Ринальда
 Развешаны доспехи, и в таких
 Словах свою им ярость изливает:
 «Так скопище тиранов вероломных,
 Которые насытиться не могут
 Ни золотом, ни кровью, так они
 Давить нас будут скипетром железным
 И шеи наши гнуть упряжкой рабской!

Обиды и жестокости той власти,
 Что семь уж лет мы терпим над собой,
 Еще тысячелетие могли бы
 В Италии питать негодование.
 Не буду говорить о Киликии,
 Танкредом завоеванной, потом
 Французами присвоенной обманно
 И ставшей мздой коварства в их руках.

Не буду говорить, что, чуть где нужно
 Явить отвагу, мужество и твердость,
 Всегда уж против тысячи смертей
 Один из нас идет на битву первым;
 Но на досуге мирном, лишь настанет
 Черед делить и лавры и добычу,
 Французы все сумеют захватить:
 И славу, и богатство, и трофеи.

В былое время, может быть, такие
 Обиды уязвляли нашу гордость:
 Что говорить теперь о том, когда
 Совершено ужасное злодейство!

Они убили юного Ринальда,
Поправ законы Бога и природы,
И молний Небеса на них не шлют,
Земля не расступается под ними!

67

Они убили юного Ринальда,
Опору и защиту нашей веры!
Герой не отомщен еще, да что:
Не преданы земле его останки!
Вы спросите, пожалуй: „Кто убийца?“
О, кто ж, друзья, кто ж этого не знает!
Завидуют не явно ли для всех
Готфрид и Балдуин отваге нашей?

68

Зачем и доказательства искать?
В свидетели я Небо призываю,
Что нынче утром видел я Ринальда
Блуждающую тень. Ужасный образ!
Сколькими преступлениями вскоре
Нам это преступление грозит!
Да, я не спал; воочию я видел:
Он и сейчас везде передо мною.

69

Что делать нам? Терпеть ли над собой,
Как было до сих пор, все ту же руку,
Сочащуюся кровью неповинной?
Бежать ли прочь, на берега Евфрата?
Вступить в борьбу с изнеженным народом,
Настроившим цветущих городов?
Все города, конечно, станут наши:
С французами делить мы их не будем.

Уйдем, и пусть, коль надо, без возмездья
 Останется прославленная кровь;
 Но если б наша чахлая отвага
 Пылала так, как ей пылать прилично,
 О, скоро эта гнусная змея,
 Пожравшая красу и гордость нашу,
 Под нашими ударами себе
 Нашла бы смерть тиранам в назиданье.

Хотел бы я, да, если б вы такой же
 Отвагой обладали, как и силой,
 Хотел бы я карающий свой меч
 Вонзить в то сердце, где живет измена». —
 Так говорит фанатик Аргиллан;
 Он яростью все души заражает.
 «К оружию!» — кричит он в исступленье,
 И юноши: «К оружию!» — кричат.

Дискордия, мечом средь них сверкая,
 Льет яд в воспламененные сердца;
 Негодование, ярость, жажда крови
 Растут не по часам, а по мгновеньям.
 Везде распространяется зараза:
 Отрядом итальянским овладев,
 Захватывает ставки гельветийцев,
 От них же шаг один до англичан.

Не случай скорбный только, не утрата
 Любимого товарища-героя
 Поддерживает вспыхнувший мятеж:
 И старая вражда его питает;

Забытые припоминают счеты,
Французов нечестивцами зовут.
Уж ненависть в угрозы переходит,
И удержать ее ничто не в силах.

74

Так, на огонь поставленная сильный,
Вода шумит, кипит и, наконец
Поднявшись, выливается наружу.
Немногие с рассудком трезвым люди
Не в состоянье правду ослепленной
Толпе внушить. Танкред, Камилл, Вильгельм
Имели и значенье и влиянье
Среди своих, но были все далеко.

75

В неудержимом рвении спешат
К оружию восставшие отряды;
Нежданно мирный воздух потрясают
Трубы мятежной звонкие раскаты.
Меж тем со всех сторон бегут к Готфриду,
Крича ему, чтоб он вооружался:
И, первым появившись, Балдуин
Бок о бок с ним становится тотчас же.

76

Услышав обвинение, герой
Возносит к небу взор и восклицает:
«О Боже! Ты, что ведаешь тот ужас,
Какой питаю я к кровопролитью,
Сорви Своей десницей всемогущей
Повязку, что глаза их закрывает,
И пусть они, слепцы, прозрев, увидят
Мою невинность так, как видишь Ты!»

Воскликнув так, он чувствует в своей
 Крови уж новый пыл. С надеждой в сердце,
 С отвагой на лице идет навстречу
 Он воинам, вообразившим, будто
 Им подобает мстить за смерть Ринальда:
 Звучит кругом оружие, он слышит
 И ропот и угрозы; но ничто
 Остановить шаги его не может.

На нем сверкают латы; он одет
 В пышнейшие свои одежды; руки
 Свободны от оружия; лицо
 Озарено величием небесным.
 Лишь скипетром он машет золотым,
 В котором вся и власть его, и сила.
 Он держит речь, и голос у него —
 Сильнее, чем у смертного бывает:

«Что значат эти дикие угрозы
 И этот шум бессмысленный? В чем дело?
 Вы так-то уважаете меня?
 Иль я вам недостаточно известен?
 Готфрид в убийстве гнусном заподозрен?
 Не ждете ль вы, что я сейчас смиренно
 Оправдываться стану, защищаться?
 Что я до просьб унижусь перед вами?

Нет, никогда вселенная, где имя
 Мое гремит из края в край, меня
 Не упрекнет в бессилии постыдном.
 Защитников иных я не желаю,

Как этот жезл и подвиги мои.
Пусть милости уступит правосудье;
Виновных не постигнет кара: в память
Усопшего я всех прощаю вас.

81

Один лишь Аргиллан ответить должен
За общую вину своею жизнью:
Столь слабым подозрениям поддавшись,
И вас в свою ошибку он вовлек».
Так говорит, и пламенные взгляды
Величием и ужасом сверкают;
Виновный же, подавленный, дрожащий,
Не смеет на него поднять свой взор.

82

Дрожавшая от гнева и от злобы,
Пылавшая кровавой мести жаждой,
Безумно потрясавшая мечами
И дротиками, дерзкая толпа
Теперь, понутив головы, с безмолвной
Покорностью внимает властной речи;
Она спокойно сносит, что при ней
Заковывают в цепи Аргиллана.

83

Так лев великолепный, что сейчас
Ревел, ужасной гривой потрясая,
Едва увидит руку, что смиряла
Его, еще детеныша, свирепость,
Склоняется надменной головой
Под гнетом хорошо знакомой цепи,
Дрожит перед угрозой и опять
И мощь свою, и гордость забывает.

Толкуют, будто в это же мгновенье
Крылатый вида грозного воитель
Покрывл благочестивого Готфрида
Щитом небесным и держал он будто
В руке еще алевший кровью меч.
То кровь была тех стран и тех народов,
Чьи грешные деянья, наконец,
Возмездие Творца воспламенили.

Так бурное восстанье утихает:
Оружие долой, и страсти гаснут;
Готфрид идет к себе, весь поглощенный
Намереньем великим. Третьей ночи
Дождавшись, хочет он идти на приступ;
Исследует он страшные снаряды,
Что сокрушить должны оплот Солима,
Неся в него и гибель и разгром.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

1

При виде ненавистного покоя
И стихшего смиренно мятежа,
Бессильная бороться против рока
И Неба изменить предначертанья,
Дочь преисподней в злобе улетает
Иные сеять козни и бичи.
Где явится, везде бледнеет солнце,
Везде трава, зачахнув, умирает.

2

Известно ей, что знаменитый сын
Бертольда из Христовой рати изгнан;
Что больше ни Танкреда уж, ни прочих
Опаснейших воителей в ней нет.
И говорит она: «Чего ж еще
Мне ждать? Теперь черед за Сулейманом;
Врасплох напав, он без труда захватит
Ослабленный и разделенный стан».

3

Сказала и летит к ордам бродячим,
Которых стал главою Сулейман,
Считавшийся ужаснейшим из смертных,
Восстание поднявших против Неба;

Тот Сулейман, что, по сказанью, был
Рожден Землей Олимпу на погибель:
Над турками царил он, и Никея
Столицею была его владений.

4

Соприкасаясь с Грецией, она
Лежала меж Сангаром и Меандром:
Их населяли в древности мидяне,
Фригийцы и лидийцы, а равно
И Понта и Вифинии народы;
Латиняне, однако же, престол
Тирана опрокинули, и слава
Его померкла после двух сражений.

5

Напрасно он противился судьбе;
Подвергнутый изгнанию из своих же
Владений, вынужден он был в Египте
Искать себе приюта наконец.
Его радушно принял сам властитель,
Обрадовавшись случаю такую
В лице неустрашимого героя
Иметь подмогу против христиан.

6

Но, прежде чем намеренья свои
Осуществить, снабдил он Сулеймана
Достаточными средствами, чтоб помощь
Со стороны арабов обеспечить:
Пока он сам сзывает под знамена
И Азии и Африки народы,
Наживою прельщенные толпы
Разбойников спешат за Сулейманом.

7

Объединив их под своим главенством,
 Опустошает он Святую землю
 И христиан от моря отрезает:
 Тая глубоко в сердце жажду мести
 И память о падении своем,
 Он весь свирепым рвением пылает;
 Но в хаосе изменчивых решений
 Теряется мятежная душа.

8

Дискордия является ему
 Под видом старца тощего: в глубоких
 Морщинах бледное лицо; густые
 Усы висят над подбородком бритым;
 Окутана чалмою голова;
 До самых пят спускается одежда;
 Кривая сабля сбоку; лук в руках,
 Колчан, звенящий глухо, за плечами.

9

И говорит она устами старца:
 «Среди равнин безлюдных по пескам
 Безводным и бесплодным мы блуждаем;
 Меж тем Готфрид солимскую твердыню
 С угрозою колеблет, и она
 Готова уступить его напору:
 Еще промедлив, скоро мы увидим,
 Как в пламени былой погибнет город.

10

Не в том твои победы и трофеи,
 Чтоб сёла жечь и угонять стада:
 И так ли Сулейману подобает
 Мстить за свои обиды и потери?

Дискordia является ему
Под видом старца тощего...

Воспрянь же вновь и под покровом ночи
Тирана одолей в его окопах;
Верь старому Араспу, что тебе
Не изменял ни в славе, ни в изгнание.

11

Враг нас не ждет: в кичливости своей
И мысли он не допускает даже,
Чтоб варвары, привыкшие лишь грабить,
Дерзнули на такой отважный шаг;
Но варвары, тебя вождем имея,
В уснувший стан проникнут без боязни».
Так говорит она и, Сулеймана
Воспламенив, становится незримой.

12

Султан, воздевши руки, восклицает:
«О божество, явившееся мне
В телесной оболочке, чтобы гневом
И злобою мое наполнить сердце!
На твой призыв лечу я; да, лечу,
Горами тел равнину всю покрою
И всю ее залью реками крови,
Лишь руку бы мою ты направляло».

13

Умолкнув, он сзывает безотсрочно
Бездейственные полчища свои,
Остывшие сердца их распаляет
И будит в них уснувшую отвагу.
Чудовище само трубит сигнал
И страшное разворачивает знамя:
Покорная султану, за ордою
Орда летит быстрее людской молвы.

14

Дискордия сперва летит за ними,
 Потом преображается в гонца.
 В тот миг, когда и день и ночь над миром
 Владычествуют будто бы совместно,
 Она уже в Солиме: возвещает
 Тирану о походе Сулеймана,
 О цели нападения и о том,
 Когда и как оно должно свершиться.

15

Сгущаются уж тени над природой
 Зловредных испарений пеленою,
 Взамен ночного инея роса
 Кровавая обильно кроет землю;
 Виденьями наполнен воздух сонный;
 Слух ловит шорох крыльев исполинских:
 Разверзлась бездна черная и все,
 Что в ней живет, наружу извергает.

16

Среди всех этих ужасов надменный
 Султан подходит к ставкам христианским;
 Но в час, когда уже за половину
 Пути перевалила ночь, привал
 Он делает поблизости от места,
 Где сладким сном покоятся французы.
 Там речью смелой воинов своих
 Одушевляет он и ободряет:

17

«Вы видите перед собою стан,
 Обогащенный сотнями разбоев;
 Всей Азии сокровища пожравший,
 Прославлен больше он, чем страшен вправду.

Его теперь вам Небо предает:
И кони, и доспехи дорогие
Быстрее вам достанутся в добычу,
Чем недругам защитой послужат.

18

Не та уж эта рать, что силы персов
Сломить могла и овладеть Никеей:
Столь долгая и тяжкая война
Ущерб ей нанесла неисчислимый;
Да будь она и та же, сном теперь
Объятая, на что она способна?
Мгновения довольно, чтобы этот
Сон временный в сон вечный обратился.

19

Вперед! Я сам по их телам бессильным
Дорогу проложу для вас в их стан.
Пусть каждый меч разит, как мой; пусть каждый
Из вас, как я, пылает злобной местью.
Сегодня упадет престол Христа,
И Азии вернете вы свободу». —
Так воинов воспаляет варвар
И втихомолку к стану их ведет.

20

Меж тем при первом проблеске рассвета
Сверх чаянья он видит часовых,
Расставленных Готфридом осторожным
В охрану от внезапных нападений.
Приметив неприятеля, они
К передовым отрядам отступают
И криками их будят; те, поспешно
Вооружившись, к битве уж готовы.

21

Когда не остается и сомнений
 Для варваров, что их набег открыт,
 Военных труб вдруг раздаются звуки:
 Весь воздух содрогается от лязга
 Оружия и ржания коней,
 И бездны отклик шлют зловещим гулом.
 Дискордия, зажегши адский факел,
 Предупреждает жителей Солима.

22

Быстрее бури лютый Сулейман
 На стан, еще смятенный, налетает:
 Поток, несущий в море и деревья
 И хижины, внезапно города
 Сжигающая молния, вулкан,
 И ужаса и трепета источник,
 Лишь слабыми подобиями могут
 Служить безумной ярости султана.

23

Не ведает он промаха, сражаясь:
 Что ни удар, то рана или смерть.
 Десятки рук его разить готовы,
 Мечей его касаются десятки;
 Шлем стоны издает и сыплет искры:
 Не чувствует он будто ничего
 Иль, подавляя боль от ран тягчайших,
 Как легкие царапины, их терпит.

24

Один со всею удалью и мощью
 Наносит он отряду поражение:
 Арабы устремляются за ним;
 Спасенья ищут в бегстве христиане.

В одну толпу смешавшись, за окопы
И те и эти вместе проникают;
Весь стан собой являет в этот миг
Уныние, развалины и ужас.

25

На шлеме Сулеймана с головой
Приподнятой и с загнутым хвостом
Ужасная змея кольцом свернулась:
Из пасти заостренные три жала
Сквозь пену синеватую торчат;
И слышится как будто свист змеиный,
И мнится, что она в пылу сраженья
Сама и дым и пламя извергает.

26

И в этом устрашающем уборе
Еще страшнее кажется султан:
Такой же вид при грозном блеске молний
Имеет океан для морехода.
Лишь явится, одни бегут, дрожа,
Другие же заносят меч отважно;
И каждый миг во тьме ночной тревога
И скрытые опасности растут.

27

В Италии родившийся Латин
Одним из первых в жаркий бой вступает:
Усталость сил его не истощила,
И храбрости не победили годы.
Пять сыновей его, из детских лет
Чуть вышедшие, рядом с ним дерутся;
Тяжелые доспехи угнетают
Их нежные и хрупкие тела.

Пример им подавая, разжигает
 Он бранный пыл в сердцах их и в руках
 И говорит: «Вперед, на нечестивца,
 Что бегством наших воинов кичится!
 Пусть зрелище погибших от него
 Препоной вашей удали не служит;
 Не забывайте: лавры тем дешевле,
 Чем с меньшею опасностью достались».

Так юных львов воспитывает мать:
 Еще у них и гривы нет на шее,
 Еще вполне их силы не окрепли
 И не сложилось тело; но уже
 Она через опасности их учит
 Добычу находить, бросаться смело
 На всякого, кто их покой нарушит,
 И робкое преследовать зверье.

От юношей не отстает старик;
 Они султана разом окружают
 И, как один, в одно и то же время
 Шесть копий устремляют на него.
 Но старший и храбрейший вслед за тем,
 Копье отбросив в сторону, к султану
 Вплотную приближается, чтоб меч
 В его коня вонзить по рукоятку.

При полной неподвижности неверный
 Глядит на нападающих с презреньем:
 Так в бурю одинокая скала,
 В самой себе опору обретая,

И небу и волнам бросает вызов.
Одним ударом череп рассекает
Султан тому из братьев, кто хотел
Его свалить, убив коня сначала.

32

С любовью к умирающему брату
Протягивает руку Арамант:
Бесплодная и роковая нежность,
Влекущая лишь новую гибель!
Султан, мечом ударив по руке,
Обоих братьев друг на друга валит.
И падают вдвоем они, мешая
И кровь свою, и вздохи перед смертью.

33

Сабин заносит издали копье;
Но миг один — и уж оно в осколках,
А сброшенный с седла воитель юный
Уж на земле и под конем врага.
С трудом земные узы порывая,
Душа его прощальный шлет привет
И небу лучезарному, и жизни,
Так много светлых дней ему дарившей.

34

Из пятерых живыми остаются
Два брата-близнеца Пик и Лаврентий;
Лицо в лицо, они давали часто
Родителям к ошибкам милый повод.
Но Сулейман впервые и навеки
Их разницей жестокой отмечает:
С плеч голову он сносит одному,
Другому же насквозь пронзает сердце.

Отец — иль нет! — скорее, тот несчастный,
 Что был отцом, всех сыновей своих
 И всех своих надежд погибель видит:
 Как может и дышать он, и сражаться!
 Иль взгляда он не бросил на черты,
 Покрытые уже теньями смерти?
 Иль не приметил он, как простирались
 К нему уже в последних корчах руки?

Часть горестей его под пеленою
 Скрывает благодетельная ночь;
 Но для него цены уж не имеет
 Победа, если сам он не погибнет.
 Так явно не щадит своей он крови,
 Так явно жаждет крови Сулеймана,
 Что не решить, чего он больше хочет:
 Убить иль быть убитым самому.

Кричит врагу он напоследок: «Варвар!
 Ты презираешь возраст мой и слабость?
 И все мои усилия не могут
 Привлечь ко мне оружие твое?»
 И с этими словами он наносит
 Ему такой удар, что пробивает
 Насквозь броню: струей широкой кровь
 Стремится из пробоины наружу.

В ответ на крик и на удар султан
 Со злобой устремляется на старца,
 Пронзает и его доспехи также
 И меч ему в утробу погружает.

Короткий вздох лишь испустив, несчастный
Уж без дыханья падает с коня,
И вытекает кровь попеременно
То изо рта, то из глубокой раны.

39

Так мощный дуб на Апеннинах, долго
Налеты бурь с презрением встречавший
И бурей же поваленный внезапно,
Соседние деревья валит сам;
Так и несчастный воин за собою
Противников ближайших увлекает:
Боец неустрашимый и не мог
Иначе, как с толпою жертв, погибнуть.

40

Пока султан неукротимой сечей
Питает злобу алчную, арабы,
Вождя воспламененные примером,
Нешадно избивают христиан.
И Генрих-бритт, и Олоферн-баварец,
Сраженные Драгутом, погибают;
Гильберту и Филиппу из земель
Прирейнских смерть в мече Ариадена.

41

Бьет палицей Эрнеста Альбазар,
И гибнет Ангерран от Альгазеля.
Но кто бы мог в кровопролитной свалке
Пересчитать неведомо погибших?
Меж тем Готфрид, проснувшийся от криков,
Срывается с постели: он уж в латах,
Уж воинов кольцом он окружен,
Уж во главе отряда он несется.

Переполох ужасный, с каждым мигом
 Все больше возрастающий, наводит
 Готфрида на догадку, что на стан
 Арабы неожиданно напали;
 Ему известно было, как они
 Равнину разоряют; но и мысли
 Не мог он допустить, чтоб дерзость этих
 Разбойников простерлась так далеко.

Пока он поспешает к месту битвы,
 «К оружию!» — внезапно раздается
 Тревожный зов с другой уж стороны,
 И воздух потрясает рев ужасный:
 То во главе отряда осажденных
 На христиан Клоринда налетает;
 Аргант при ней. И говорит тогда
 Готфрид с ним рядом скачущему Гвельфу:

«Ты слышишь эти яростные крики,
 Что от солимских стен несутся к нам?
 Необходимо, чтоб твоя отвага
 И ловкость помешали нападению.
 Возьми с собой часть нашего отряда,
 Спеши туда и защищай окопы;
 А я сейчас на варваров ударю,
 Чтоб отразить нечаянный набег».

Сказал, и в направлениях различных
 На зов своей судьбы стремятся оба:
 Гвельф против осажденных, а Готфрид —
 Туда, где упиваются победой

Отпора не нашедшие арабы.
В пути его отряд все возрастает,
И наконец, могущественный, грозный,
Является на пир кровавый он.

46

Так Эридан, смиренно ниспадая
С родных высот, лишь узкое сперва
Прокладывает русло; но чем дальше,
Тем и воды и гордости в нем больше.
В конце концов мятежной пеленой
Победно затопляет он равнину
И с морем в бой вступает, не дары
Ему неся как будто бы, а вызов.

47

Готфрид при виде христиан бегущих
Им путь перерезает, угрожая:
«Куда и от кого бежите вы?
Взглянули бы, кто гонится за вами;
Вы перед шайкой варваров дрожите,
Что раны наносить и получать
Открыто не умеют. Возвратитесь!
Один ваш взор вселит в сердца их ужас».

48

Сказав, бока сжимает он коню,
И вот уже он в пламени пожара,
Зажженного султаном, презирая
И пыль и кровь, и копы и мечи;
Ломает он крепчайшие преграды;
Теснейшие ряды он прорывает.
Взмахнет мечом, и валятся вокруг
И пешие, и всадники, и кони.

Наскакивает он на груды тел
 Полуживых и мертвых; Сулейман же
 Отнюдь не уклоняется от битвы:
 Напротив, сам готовится мечом
 Разить благочестивого Готфрида.
 Воителей каких, каких героев
 Судьба со всех концов земли собирает,
 Чтоб силами померяться могли!

Отвага будет с яростью бороться,
 Всей Азии решен здесь будет жребий.
 Чей взгляд бы все удары уследил?
 И всякое движение чей наглядно
 Язык изобразил бы? Бой ужасный!
 Молчаньем обхожу я сотни дел,
 Что скрыла ночь, но что достойны были
 Свидетельства и солнца и вселенной.

Готфриду повинуюсь, христиане
 Возобновляют натиск с прежним пылом;
 А варвары, султана окружив,
 Толпой непроницаемой теснятся.
 Латиняне, неверные, все землю
 Кровавыми ручьями орошают;
 И смерть от победителей летит
 На крыльях-невидимках к побежденным.

Так северный и южный ветры делят
 Воздушное и водное пространства,
 С упорством равносильным посылая
 На тучу — тучу, на волну — волну.

Так в этой страшной схватке не сдается
Врагу ни та, ни эта сторона:
Щит в щит, меч в меч, шлем в шлем, все
впереमेжку,
Сшибаются и режутся друг с другом.

53

Со стороны Иерусалима битва
Кипит с такой же яростью и мощью.
Невидимые сонмы адских сил,
Киша, простор воздушный наполняют
И варваров поддерживают бодрость;
Об отступление нет ни в ком и мысли,
И пламя преисподней раскаляет
Арганта, что горит и сам собой.

54

Уж в бегство обратил он аванпосты,
Уж с маху перепрыгнул он окопы,
И мертвыми телами рвы наполнил,
И путь себе широкий проложил.
Отряд не отстает и первых ставок
В резне кровопролитной достигает;
Клоринда, не желая занимать
Второе место, шествует с ним рядом.

55

Бежали христиане уж в то время,
Когда к ним Гвельф с отрядом подоспел;
Он вновь их созывает, собирает
И вражьих скопищ сдерживает ярость.
Сражаются повсюду, и повсюду
Потоки крови льются. Между тем
На это царство ужаса бросает
Владыка мира взгляд с высот небесных.

В святилище сидит Он недоступном,
 И праведный и милостивый; миру
 Законы жизни Он дает, Свое
 Создание наряжает, украшает
 И каждый миг движеньем каждым правит.
 В торжественном величии на вечном
 Престоле всемогущества и славы
 Единый свет тройным сияет блеском.

У ног Его Судьба, Пространство, Время,
 Движенье и Фортуна, что, мольбам
 Не внемля нашим, прахом рассеивает
 И славу, и богатства, и короны.
 Чистейшие глаза ослеплены
 Сияньем лучезарным; славословя
 Царя царей, бесчисленные духи
 Вокруг Его престола тихо реют.

Дары блаженства равные вкушая,
 Они в своем блаженстве не равны.
 Из них зовет Предвечный Михаила
 В алмазных, искры мечущих доспехах.
 «Ты видишь, — говорит, — как Мой народ
 Одолевают силы преисподней,
 И сколько во вселенную они
 Из смертоносных бездн смятенья вносят.

Скажи, чтоб предоставили сражаться
 Они бойцам и чтоб не отравляли
 Жилище смертных бешенством своим:
 Удел их — тьма, и пусть в нее вернутся;

И на самих себе, и на других,
Такой же каре свыше обреченных,
Пусть там свою испытывают злобу:
Я так хочу, Я так повелеваю».

60

Небесный воин, голову склонив,
Вдруг крылья распускает золотые:
Быстрей, чем мысль, он пролетает область
Огня и вечно-блещущих шаров,
Где пребывают слава и блаженство.
Без остановки пересек он небо
Хрустальное и этот звездный круг,
Движением обратным уносимый.

61

Юпитера, Сатурна и другие
Планеты видит он в неравном беге;
Из этих же пространств благополучных,
Дня вечного сверкающих красою,
Спускается он в страны гроз и бурь,
Где в войнах бесконечных беспрерывно
То умирает мир, то из развалин
Своих же возрождается опять.

62

Стремительным полетом рассеивает
Он мрак густой и тайны все его;
Попутно золотится ночь от света,
Что от себя бросает лик небесный.
Так солнце после бури облака
Расписывает дивными цветами;
С небесной тверди так в земные недра,
Как бы срываясь, падает звезда.

И вот он там, где силы преисподней
 В сердцах неверных распаляют ярость;
 На крыльях распростертых между тем
 Повиснув, потрясает он копьем
 И говорит: «Несчастные, среди
 Мучений адских всю свою гордыню
 Сумевшие сберечь, должны вы знать,
 Какие стрелы шлет Судья Предвечный.

На небесах начертано, что стены
 Сиона, перед знаменем склонившись,
 Ворота христианам распахнут.
 Зачем еще бороться против рока?
 Зачем и гнев усиливать небесный?
 Проклятый род! Вернитесь в ваши тюрьмы,
 Жилище кар и смерти: там во тьме
 Ведите войны и стяжайте лавры.

Там упражняйте ярость вашу, там
 На грешниках исчерпывайте злобу;
 Их крики, стоны их и лязг мечей,
 И звон оков пусть вечно слух ваш тешат».
 Сказал он и копьем неотвратимым
 Ленивейших торопит беспощадно.
 Со скрежетом зубовным покидают
 Они простор и неба и земли.

Летят они обратно, чтоб на душах,
 Им обреченных, выместить всю злобу.
 Так в теплые края перелетают,
 Едва почуяв зиму, стаи птиц.

Так листья осыпаются с деревьев,
Когда от стужи нечем им питаться.
И небо, омраченное толпами
Нечистых сил, становится ясней.

67

Дискордия уж змеями своими
Не разжигает больше пыл Арганта;
Однако же ни ярость, ни отвага
От этого не угасают в нем:
В ряды бойцов и славных, и безвестных
Он грозный меч все так же погружает;
Смиренные и гордые все так же
С плеч головы летят в единый миг.

68

Неподалеку от него Клоринда
Такое ж совершает истребленье:
Мечом ударив Беренгара в грудь,
Она ему насквозь пронзает сердце,
И острое, дымящуюся кровью
Покрытое, выходит меж лопаток.
Альбину перервав гортань, она
Тотчас удар в лицо наносит Галлу.

69

Сама Герньером раненная, часть
Его руки она в отместку сносит,
И шевелится кисть в пыли, как будто
На старое вернуться место силясь.
Так перерубленное тело тщетно
Соединить старается змея.
Еще одним ударом отрубает
Воительница голову Ахиллу.

Облитая вся кровью голова,
 Взрывая землю, катится далеко,
 А тело, возбуждая страх и жалость,
 Не движется, как бы к коню приросши.
 Животное, почувствовав свободу
 От сдерживавшей пыл его узды,
 И кружится и прыгает, пока
 Печальный груз не сбрасывает наземь.

В то время как ретивая Клоринда
 Уничтожает христиан, другая
 Воительница в ужас сарацин
 Мечом своим приводит. То — Джильдиппе.
 Один в лице обеих пол являет
 Отвагу равносильную; но им
 Не суждено между собой сразиться:
 Для них готовит рок врагов страшнейших.

Одна другую издали завидя,
 Одна к другой не раз они стремятся;
 Но не пробиться им через толпу,
 Что разделяет их преградой плотной.
 Нежданно налетает на Клоринду
 Маститый Гвельф и бок слегка ей ранит;
 Она же, обернувшись, в свой черед
 Разит его свирепю между ребер.

Вновь меч заносит Гвельф, но палестинец
 Озмид под не назначенный ему
 Судьбой удар случайно попадает
 И тут же испускает дух от раны.

Меж тем тесней сплочаются вокруг
Героя христиане; и Клоринду
Кольцо своих охватывает так же:
Все жарче бой, все больше льется крови.

74

Румяная аврора понемногу
Примешивает золото своих
Лучей к лазури неба. В это время
Кипучий Аргиллан, освободившись
От вражьих пут, без выбора хватает
Оружие, что под руку попало,
И подвигами новыми спешит
Сугубо искупить свою ошибку.

75

Таков скакун, воспитанный для битв:
Постылую он обрывает привязь
И к табуну летит, чтоб освежиться
В струях прохладных или по равнине
Набегаться и всласть и вволю; гордо
Он голову несет под гривой пышной,
Копытом землю бьет и, весь горя,
Веселым ржаньем воздух потрясает.

76

Таков и Аргиллан с горящим взором
И видом безбоязненным. Почти
Следов не оставляя за собою,
Могучими скачками он несется.
И вот он, наконец, среди врагов;
Кричит им: «Человечества отбросы,
Арабы тупоумные, откуда
Вы смелости такой набрались нынче?

Носить броню, щитом обороняться,
 Разбойники, равно вы неспособны;
 Вы воздух поражаете мечом
 И ищите спасенья только в бегстве.
 Деянья ваши темные известны
 Лишь ночи, что скрывает вашу трусость:
 А ночь пройдет, где вам найти приют?
 День требует и мужества и силы».

Еще он говорит и в то же время
 Перерубает горло Альгазелю:
 Бессвязные слова лепечет тот;
 Глаза его смыкает ужас; в жилы
 Нежданно смертный холод проникает;
 Он падает и, в бешенстве бессильном
 Глотая отвратительный песок,
 Ему передает и вздох последний.

Потом и Саладин, и Агрикальт,
 И Милеас убиты Аргилланом;
 Одним ударом он Альдиазила
 Перерубает надвое; глубоко
 Ариадину в грудь вонзает меч
 И, повалив, наносит оскорбленье.
 Тот сомкнутые веки открывает
 И голосом чуть слышным говорит:

«Кто б ни был ты, жестокий победитель,
 Торжествовать тебе недолго! Ждет
 Тебя судьба такая же, и скоро
 Повергнут будешь ты рукой сильнейшей». —

«Моя судьба во власти Неба; ты же
Умрешь и станешь пищею собакам
Да ястребам», — ответив так и меч
Освободив, с ним Аргиллан кончает.

81

Среди неверных воинов есть отрок,
В бою сопровождающий султана:
Пылают розы детства на щеках,
На лбу блестят жемчужные росинки;
Покрыты пылью шелковые кудри,
Но это их красу усугубляет;
Надменная осанка придает
Лишь новое ему очарованье.

82

Конь юного бойца белее снега,
Что вечно покрывает Апеннины;
А на бегу и на скаку быстрее,
Чем молния, и легче, чем огонь.
Оружием подростку служит дротик
И ятаган, которого ножны
И золотом и пурпуром расшиты:
Здесь Азии вся роскошь, все искусство.

83

Томимый жаждой славы, уж прельстившей
Блаженством новым юную отвагу,
Везде он поспевает и везде
Расстройство и смятенье производит.
Давно его приметив, Аргиллан
Его коня неожиданно поражает
И самого хватает в то мгновенье,
Когда с земли тот приподняться хочет.

Лесбин напрасно молит о пощаде:
 Рукой неукротимой над его
 Лицом заносит меч жестокий воин.
 От цели уклоняется железо,
 Как будто сострадательней оно,
 Чем тот, кто им владеет; но вторичный
 Удар наверняка уже разит
 Природы образцовое создание.

В опасности любимца своего
 Приметив, Сулейман к нему на помощь
 Стрелою полетел, все сокрушая,
 Что бешеной его мешает скачке.
 Но помощь опоздала: остается
 Ему лишь мстить! И видит дорогого
 Лесбина он, лежащего в пыли,
 Как лилия, сраженная косою.

Он видит истомленные глаза,
 Готовые сомкнуться, на плечах
 Повиснувшую голову и бледность,
 К пленительной красе придасток скорбный.
 Смягчается безжалостное сердце,
 И плачет Сулейман, тот Сулейман,
 Что ни одной не выронил слезинки,
 Когда лишился власти и престола.

Но меч врага еще дымится кровью,
 Что так была султану дорога;
 Чувствительность в нем также быстро гаснет,
 И вспыхивает гнев; на Аргиллана

Наскакивает он и раздробляет
И щит, и шлем, и голову ему.
Во власти злобы пламенной, он даже
Терзает окровавленное тело.

88

Так в злобном исступлении собака
Кусает камень, брошенный в нее.
Негодное, бесплодное лекарство
Для раненного скорбью тяжелой сердца!
Что Аргиллан собою представляет,
Как не земли бесчувственной комок?
Тем временем Готфрид благоразумный
Не тратил сил в попытках бесполезных.

89

Сражается броней и щитами
Прикрытый турок тысячный отряд;
Тела их и бодрит и закаляет
Неугасимый пыл отваги бранной.
Взращенные в боях, они служили
Опорою престолу Сулеймана
И оставались верными ему
И в счастье, и в несчастье неизменно.

90

Сплоченные ряды их всю отвагу,
Все силы войск Христовых отражают;
На них и устремляется Готфрид:
В лицо разит Коркута, в бок Рустема,
Селиму сносит голову, Россена
Обеих рук одним лишает взмахом.
Немало и других подобных жертв
Телами устилают путь героя.

Приходится пока поочередно
 Ему то нападать, то защищаться:
 Судьба еще все держит в равновесье
 Надежду и боязнь свирепых шаек.
 Но вдруг на место битвы наползает
 Неведомо откуда туча пыли.
 И молнии из недр ее летят,
 Неверных поражая изумленьем.

И пятьдесят воителей неожиданно
 Являются с крестом на стягах. Нет,
 Будь у меня сто уст, сто языков,
 Из стали грудь, неутомимый голос,
 Не смог бы никогда я сосчитать
 Всех павших от ударов этой рати.
 Арабы гибнут, не противясь; турки
 Встречают смерть лицом к лицу с врагом.

Царят повсюду ужас и жестокость,
 Печаль и страх; ликующая Смерть
 Себя повсюду кажет в разных видах;
 Струится кровь, равнину затопляя.
 На вышке в то же время Аладин
 Нетерпеливо ждет победы верной.
 Отчетливо он видит поле битвы
 И эту беспощадную резню.

Но лишь арабы стали подаваться,
 Велит он отступление трубить.
 Настойчиво Арганта и Клоринду
 Упрашивает он в Солим вернуться.

В кровавом опьянении сначала
Они его не слушают; потом,
Вняв просьбе, устремляют все заботы
На то, чтоб сохранить порядок в войске.

95

Но варвары уже увлечены
Сильнейшей властью трусости и страха:
Тот щит бросает, этот — меч; им в тягость
Оружие теперь, а не в защиту.
Долина между городом и станом
На запад ввысь идет, склоняясь к югу:
Туда они бегут; песчаный вихрь
Их под покровом гонит к укрепленьям.

96

В низине их настигнув, христиане
Им новое наносят поражение;
Но скоро поднимаются они,
И уж готов помочь им повелитель.
Предвидя гибель верную, за ними
Не двигается Гвельф; сам Аладин
Ворота отворяет сарацинам,
Зловещими предчувствиями полным.

97

Меж тем, что было в силах человека,
Султан свершил: и кровь и пот текут
Со всех сторон; бока дрожат; дыханье
С трудом из легких стиснутых выходит.
Одна рука едва уж держит щит,
Другая меч едва уж поднимает:
И самый меч настолько притупился,
Что никому не угрожает больше.

Бессильем угнетаемый, воитель
Колеблется, на что ему решиться:
Не должен ли он умереть? Своею
Рукою у врага отнять добычу?
Иль должен пережить потерю войска
И дни свои печальные сберечь?
И молвил наконец: «Пусть так! Пусть бегство
Мое, судьба, твоим трофеем будет!

Пусть враг бегущим видит Сулеймана
И над его несчастьем пусть глумится:
Чтоб снова потрясти его престол,
Я возвращусь еще во всеоружье;
Я не сдаюсь; нет, ненависть моя,
Как память и обид моих, бессмертна:
Еще ужасней я из гроба встану,
Чтоб покарать его возмездьем должным».

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

1

Султан вдруг примечает скакуна,
Без всадника блуждающего в поле:
Ослабленный и ранами и боем,
Он вскакивает все же на него.
Нашлемник устрашающий потерял;
Разбитые и кровью залитые
Доспехи не являют в этот миг
Следа великолепия былого.

2

Так, из овчарни прогнанный с позором,
Спешит в лесу убежище найти
Свирепый волк: еще в его утробе
Проглоченные жертвы шевелятся,
Но лижет окровавленные губы
Добычи вечно жаждущий язык.
Так Сулейман пускался в путь, весь кровью
Насыщенный, но все ее искавший.

3

Вокруг него летают тучи стрел,
Мечи и копья сотнями сверкают
Со всех сторон; но, видно, от ударов
Смертельных он еще храним судьбою.

Неузнанный никем, он по безлюдным
Тропинкам исчезает, и его
Мятежная душа напрасно ищет
Просвета в бездне помыслов неверных.

4

В конце концов, однако же, приходит
Он к непоколебимому решению
Вернуться в те места, где повелитель
Египта рать готовит для войны.
Он под его знамена стать намерен
И под главенством новым вновь отдаться
Случайностям войны. И, так решив,
Коня он направляет прямо в Газу.

5

Чем дальше, тем сильнее ноют раны
И тело истомленное болит;
Но отдыхать не думает он вовсе.
Он едет целый день без остановки:
Лишь черной мглой окутанный, с коня
Слезает, перевязывает раны
И голод нестерпимый напоследок
Плодами дикой пальмы утоляет.

6

В изнеможенье бросившись на землю
И голову склонив на щит, он ищет
Во сне забвенья от телесных мук
И от тревожных дум успокоенья.
Но долго он в усилиях напрасных
Желанного не обретает сна.
И коршуны незримые — досада
И скорбь — его и гложут и терзают.

7

В конце концов, когда уж нераздельно
 Повсюду ночь безмолвная царит,
 Он, страшную усталостью сраженный,
 Глаза отяжелевшие смыкает.
 Тяжелый, беспокойный сон тогда
 Ему покой обманчивый приносит.
 Он спит, но в то же время ясно слышит
 Суровый чей-то голос над собой:

8

«О Сулейман! О Сулейман! До лучших
 Времен свой сладкий отдых отложи:
 И родина и подданные стонут
 Под игом чуждым, ты же спишь! Несчастный!
 Ты спишь, а тени воинов блуждают
 Среди своих разбросанных останков!
 И ты в объятьях сна способен ждать,
 Чтоб твой позор аврора озарила?»

9

В испуге пробуждается султан
 И видит старика перед собою:
 Стоит под гнетом лет в дугу согнутый,
 На посох узловатый опершись.
 «Кто ты, докучный призрак, что покоя
 Измученного путника лишаешь?
 Что за нужда тебе до моего
 Позора и отмщенья за обиды?» —

10

«Намеренья твои, — ему на это
 Старик в ответ, — небезызвестны мне:
 Твоей судьбой я больше озабочен,
 Чем можешь ты предполагать. Явился

Я для того, чтоб возвратить твоей
Усталой, притупившейся отваге
И остроту и силу. Эту вольность
Ты, государь, в вину мне не поставь!

11

Ты хочешь к повелителю Египта
Пристать теперь: поверь, султан, моим
Предчувствиям и откажись от этой
Поездки многотрудной и бесплодной;
И без того египетское войско
С вождем державным скоро будет здесь.
Зачем тебе искать далеко места,
Где проявить и мужество и смелость?

12

И если ты меня в проводники
Захочешь взять, тебе я обещаю,
Что утром без опасности малейшей
Проникнешь ты в Солим через осаду.
С оружием в руках ты можешь там
По выбору охотиться за славой.
Твердыню защищай, пока на помощь
Не явится могучий египтянин».

13

И голосом и взором незнакомец
И гнев и спесь султана укрощает;
Смирненно говорит он старику:
«Лишь прикажи, отец мой, за тобою
Готов бежать, готов лететь я всюду.
Нет лучшего совета для меня,
Чем тот, где обретаю я возможность
Подвергнуться напастям и невзгодам».

14

Старик, его решение одоблив,
 Ему бальзамом смачивает раны,
 Сильнее разболевшиеся за ночь,
 И быстро заживляет их. Цветы,
 Раскрытые лобзанием авроры,
 Украсило уже лучами солнце,
 И незнакомец молвит: «Нам пора;
 Наставший день к трудам нас призывает».

15

Поблизости ждала их колесница;
 Они в ней помещаются. Старик
 Конями правит твердо и умело,
 Бежать их побуждая непрестанно.
 Колеса с шумом катятся в пыли,
 Следы на ней едва лишь оставляя;
 С коней струится пот: их удила
 Покрыты белой пеной в изобилье.

16

Внезапно окружающий их воздух
 Становится и гуще и плотней,
 И, наконец, их облако от мира
 Стеной непроницаемой скрывает:
 Для путников обоих лишь оно
 Естественно-прозрачным остается;
 Из недр его они и небо видят,
 И все, что им встречается в пути.

17

Султан уж морщит лоб и хмурит брови;
 Все в большее приводит изумленье
 И облако его, и колесница,
 Что с быстротою молнии летят.

Душевное смятение в неподвижных
Чертах прочтя, старик его тотчас
Выводит из задумчивости; он же,
Волнуясь и тревожась, восклицает:

18

«О, кто бы ни был ты, что подчиняешь
Своим законам силы естества,
Чей взгляд в сердцах читает невозбранно
И, может быть, грядущее провидит,
Прошу тебя, скажи, какой конец
Предназначает Небо тем волнениям,
Что Азии колеблют все основы;
Какой нам ждать развязки напоследок?

19

Но имя мне свое скажи сначала;
Потом скажи, каким искусством столько
Чудес творишь. Ни слушать, ни понять
Тебя я не могу без ободренья».
Старик ему с улыбкой: «Без труда
Отвечу я на часть твоих вопросов.
Зовут меня Исменом; по искусству
Слыву я у сирийцев чародеем.

20

Но, чтобы для тебя снять покрывало
С грядущего, чтоб взору твоему
Открыл судьбы я вещие скрижали,
Превыше сил моих желанье это.
Наш путь земной лежит средь бед и нужд;
От них защита — мужество и разум.
Герой и мудрый зачастую сами
Свое благополучье создают.

21

Ты сердцем непреклонным наделен;
 Твоя рука спасти способна стены,
 Которым угрожают христиане,
 И нанести врагам удар могучий.
 Железу и огню спеши навстречу:
 Дерзай, страдай, надейся! А пока,
 Чтоб ты не горевал, тебе из мрака
 Грядущего я кое-что открою.

22

Через десятки лет, как я предвижу
 Иль кажется лишь мне, родится тот,
 Чьи подвиги всю Азию прославят.
 И доблести героя, и блестящий
 Расцвет Египта под его правленьем
 В тумане я едва лишь различаю;
 Но ты доволен должен быть уж тем,
 Что с игом христианским он покончит.

23

Неверных власть решительным ударом
 Он сокрушит. Остатки их найдут
 Убежище на острове пустынном.
 И тот герой твоим потомком будет».
 Тут старый соблазнитель умолкает;
 Султан же произносит: «Счастлив смертный,
 Кому готовит Небо жребий славный!»
 Он рад, но сердце ревность уж грызет.

24

И добавляет: «Я судьбы причудам
 Не подчинюсь; дары ль ее, удары ль,
 Я буду принимать равно спокойно.
 Скорей луна сорвется с высоты,

Скорей свой вечный ход нарушат звезды,
Чем Сулейман сойдет с тропинки правды».
И светится лицо его при этом,
И смелостью горят его глаза.

25

Вот, наконец, и ставки христиан.
Каким ужасным зрелищем их взоры
Поражены! В каких различных видах
Является им смерть! Глаза султана
Вдруг облако печали застилает,
И слезы по щекам его текут.
Еще недавно грозного отряда
Он видит лишь кровавые останки.

26

Победу торжествуя, христиане
Снуют по изувеченным телам
Его друзей вернейших и ближайших,
Снимая с них доспехи и одежды;
Другие же, платя последний долг,
Своих со всею пышностью хоронят,
А дальше на одном костре пылают
И турки и арабы попережку.

27

Увидя это, Сулейман на землю
С мечом в руке соскакивает вмиг,
Но чародей зовет его обратно
И яростный порыв его смирят.
Взойдя с султаном вновь на колесницу,
Старик коней тородит, чтоб вершины
Холма достичь, и христианский стан
Скрывается за ними понемногу.

Окончен путь, и колесницы нет.
 За облаком укрытые все так же,
 Извилистой тропинкой по равнине
 Они идут до места, где Сион
 Обрывистые склоны подставляет
 Лучам прощальным дня. Здесь чародей,
 Остановившись, гору зорким взглядом
 Исследовать пытается как будто.

Внутри утеса крепкого находит
 Он темную пещеру наконец,
 Века уж существующую; доступ
 В нее закрыт травой и кустами.
 Исмен, раздвинув ветви и согнувшись,
 Пытается проникнуть в глубину:
 Одна его рука во мраке шарит,
 Другую же он манит Сулеймана.

Тот восклицает: «Небо! Для чего
 Скрываться должен я в таких потемках?
 Моя рука, когда бы ты позволил,
 Мне более достойный путь открыла б». —
 «Великодушный воин, — отвечает
 Ему Исмен, — не презирай дороги,
 Что проложил великий Ирод, царь,
 Прославившийся столь в военном деле.

Велел он вырыть это подземелье,
 Когда задумал подданных своих
 Держать в узде. Он пользовался этой
 Тропинкой для того, чтоб незаметно

Переходить из башни в храм еврейский:
Неведомый никем, он покидал
Иерусалим, войска по произволу
Вводя в него и выводя обратно.

32

Но я теперь — единственный из смертных,
Которому проход известен тайный.
Он прямо проведет в то место нас,
Где Аладин, судьбою уstraшенный,
Из граждан и старейших и мудрейших,
Быть может, собирает уж совет.
Ты там же должен быть; безмолвно слушай:
В свой час явить успеешь всю отвагу».

33

Сказав, старик смолкает. Сулейман же
Покорно подвигается за ним
Ползком, едва протискиваясь в тесном
И мрачном без просвета подземелье.
Меж тем нора, их скрывшая, чем дальше,
Тем шире все становится и выше:
И вскоре удается середины
Таинственной пещеры им достичь.

34

За узкой дверью — лестница; ступени
Лишь частью сохранились; слабый свет
Идет через отдушину. Поднявшись,
Исмен с султаном входят в помещение,
И роскошью и светом залитое.
Там Аладин со скипетром в руке,
С алмазом на тюрбане восседает,
И мрачен взор его от думы скорбной.

За облаком незримый, Сулейман
 Торжественное видит заседание
 И слышит, как властитель удрученный
 С престола держит речь: «Друзья мои
 И слуги верноподданные! День
 Истекший был для нас днем злополучий;
 Рассеялись все наши упования,
 И остается нам один Египет.

Но помощь далека еще от нас,
 Опасность же у самого порога!
 Я вас созвал сегодня, чтоб советов
 Послушать ваших». Так сказал, и ропот
 Глухой вокруг престола раздается,
 Подобно шуму ветра в чаще леса.
 В сиянье бранной доблести Аргант
 Тогда встает и требует вниманья.

«Зачем, великодушный государь,
 Испытываешь ты отвагу нашу?
 Что есть, то есть; но, говорю я, будем
 Надеяться лишь на самих себя.
 Для мужества нет страшного на свете,
 И им-то мы должны вооружиться;
 Лишь на него положимся: дороже,
 Чем стоит жизнь, ценить себя не будем.

Отчаиваться в помощи Египта
 Не смею я; иначе б усомнился
 Я в слове господина моего,
 А это было б тяжким преступленьем.

Но в некоторых воинах твоих
Я доблести хотел бы видеть больше;
Хотел бы, чтоб они, стремясь к победе,
Опасности в лицо смотрели прямо».

39

Аргант на том кончает. Убеждать
Других ему не позволяет гордость.
Оркан его сменяет, выделяясь
Величием и властью осанки.
Потомок знатных предков, в битвах славу
Он ранее стяжал, но, привязавшись
К красавице жене и детям, скоро
Стал, неженка, лишь мужем и отцом.

40

И говорит: «Не в силах, государь,
Я осуждать ту гордость, что, возникнув
Из храбрости, здесь вылилась в словах
Не в меру уж заносчивых, быть может.
Аргант перед тобою и советом,
Бесспорно, проявил избыток пыла;
Но он в речах, как и в делах, отважен,
И в этом оправдание его.

41

Тебе же, повелитель мой, чья мудрость
От опыта и возраста созрела,
Тебе нетрудно будет удержать
Уж чересчур заносчивое рвенье,
С опасностью наличной соразмерить
Далекую надежду и увидеть,
На что способен враг и какова
На деле прочность нашего оплота.

Искусством и природою равно
 Наш город защищен; но христиане
 Ему грозят во всеоружье бранном.
 Что нам судьба готовит, я не знаю;
 Скорее к страху склонный, чем к надежде,
 Случайностей возможных я боюсь:
 Меня пугают длительность осады
 И голода неотвратимый ужас.

И стад, и всех припасов, что вчера
 Так счастливо достались нам в то время,
 Как недруг упивался нашей кровью,
 Для населения хватит ненадолго.
 Напрасно египтянин, верный слову,
 В назначенный им день придет на помощь:
 Оружие его не защитит
 Нас от невзгод и бедствий неминучих.

Что будет, если помощь опоздает?
 Но пусть придет она и раньше даже:
 Не вижу я перед собой победы
 И с ней освобожденного Солима.
 Придется нам сражаться с тем Готфридом
 И с воинами теми, что не раз
 Рассеивали по полю и турок,
 И персов, и арабов, и сирийцев.

Их знаешь хорошо и ты, Аргант
 Великодушный, ты, что поле битвы
 Им часто уступал, ты, что спасался
 От них лишь бегством. Знает также

Клоринда их, как знаю я и сам.
Терпели все от них мы в равной мере,
И никого я здесь не обвиняю:
По силам проявил отвагу каждый.

46

Я это говорю, хотя Аргант
И мечет негодующие взгляды,
Суля мне смерть; неотвратимый рок
Ведет неверных к цели неизменной:
Потока уж ничто не остановит.
Лишь рвением верноподданного я
И к родине любовью побуждаем:
Свидетелем пусть Небо мне в том будет.

47

Властитель мудрый, ты сумел и мира
Добиться, и престол свой сохранить!
Султан же непокорный, может стать,
Теперь уж мертв иль стонет в рабских узах.
Изгнанником, быть может, беглецом
Влачит вдали он свой плачевный жребий;
А мог бы он сберечь ценою дани
Хоть часть своих утраченных владений.

48

Так речью изворотливой Оркан
Искусно прикрывал свои советы:
Не смел он прямо высказать, что надо
Просить смиренно мира у врагов.
Султан в негодование от обиды
Себя уж больше сдерживать не в силах.
«Потерпишь ли, — Исмен ему тогда, —
Чтоб трус тебя и дальше так бесчестил?» —

«Ах, почему, — султан в ответ, — не властен
 Я это покрывало отстранить!
 Горю я весь и гневом и досадой!»
 Едва сказать он это успевает,
 Как облако, внезапно разорвавшись,
 Бесследно тает в воздухе. Отвагой
 И гордостью сияющий султан
 Является, как призрак, с восклицаньем:

«Вот он, султан! Вот он, беглец трусливый!
 Тому, кем оскорблен я, этот меч
 Сумеет доказать, что он-то первый
 И трус, и клеветник еще к тому же!
 Беглец трусливый! Кто же вражьей крови
 Ручьи на землю пролил? Кто усеял
 Телами всю равнину? Кто лишился
 Всех воинов? Беглец трусливый я!..

Коль этот трус иль трус ему подобный,
 И вере и отечеству изменник,
 О мире гнусном смеет говорить,
 Дозволь мне с ним покончить, повелитель.
 В овчарне уживется с волком агнец,
 Голубку со змеей в гнезде увидят
 Скорей, чем христиан и мусульман
 Соединит под этим небом дружба».

Пока он говорит, мечом все время
 Его рука с угрозой потрясает;
 И вид его ужасный, и слова
 Приводят весь совет в оцепененье.

Отвагой
И гордостью сияющий султан
Является, как призрак, с восклицаньем...

Поостудив свой гнев и к Аладину
Приблизившись, боец ретивый молвит:
«Да возродится снова, государь,
В тебе надежда; Сулейман с тобою».

53

На это восклицает Аладин:
«О благородный друг, с каким восторгом
Тебя я обнимаю! Все утраты
Забыты мной, исчезли все тревоги.
Коль Небо снизойдет к молитвам нашим,
Ты сможешь и мою упрочить власть,
И возратить свою одним ударом».
И к сердцу прижимает он султана.

54

Потом, чтоб оказать ему достойный
Прием, на свой престол его сажает,
А сам вторым довольствуется местом
На левой от престола стороне;
Имена же зовет с собой сесть рядом.
Клоринда от себя спешит герою
Заслуженные почести воздать;
Ее примеру следуют другие.

55

В числе их Сулейман Ормусса видит,
Арабского вождя: в разгаре битвы
Под кровом тишины и тьмы ночной
Сумел он по неведомой дороге
Ввести в Солим отряд ему подвластный,
Доставив и припасы заодно,
Чем оказал существенную помощь
На голод обреченному народу.

Заносчивый черкес один стоит
 С досадою и завистью во взорах,
 Подобный льву, что алчными глазами
 Намеченную жертву пожирает;
 А сумрачно-задумчивый Оркан
 Не смеет обратить лицо к султану.
 Так повелитель турок обсуждает
 Союз на смерть с тираном Палестины.

Готфрид благочестивый между тем,
 Остатки полчищ вражеских рассеяв,
 Все почести, какие подобало,
 Воздал отважным воинам своим;
 Потом приказ он отдает по войску
 Для приступа в два дня все приготовить.
 Торжественный и грозный вид его
 Сулит невольную гибель осажденным.

Отряд блестящий тот, что христианам
 Помог в разгаре битвы, составляли
 Ушедшие с Армидою герои;
 А в их числе был также и Танкред.
 Желая знать, что с ними приключилось,
 Готфрид их всех зовет в свою палатку,
 Куда Петра-пустынника еще
 Да воинов мудрейших допускает.

И говорит: «Теперь вы расскажите
 О вашем заблуждении недолгом;
 Как Небо возвратило вас туда,
 Где ждали вас и где вы были нужны».

С раскаяньем и со стыдом на лицах
Они стояли, головы склонив;
Но, наконец, британский королевич,
Подняв свой взор, молчанье нарушает:

60

«По правде, государь, любовной страстью
Прельщенные, в цепях красы коварной,
Презрев свой долг и приговор судьбы,
Ушли мы за опасной проводницей.
Нас ревность разделяла; чародейка
И взглядами своими, и речами
(Ах, слишком поздно мы узнали это!)
Взаимную питала злобу в нас.

61

Доходим, наконец, мы до страны,
Где тлеет до сих пор возмездья пламя
И почва, плодоносная когда-то,
Покрыта нынче озером обширным;
Из вод его безжизненных, смолистых
Нечистые исходят испаренья:
Зловредные, они нам говорят
И о грехе, и о небесной каре.

62

Так воды эти густы, что на них,
Как дерево, легко держаться могут
И человек, и камень, и железо;
А посредине озера стоит
С землей мостом соединенный замок:
В него-то нас и привела царевна.
Все праздничным весельем там полно
И дышит упоительным блаженством.

63

Под ясным небом в воздухе прозрачном
 Деревья тень и свежесть разливают
 На зелень и цветы лужаек; мирты
 Склоняются над чистыми водами.
 И ручеек журчащий, и зефир,
 Играющий листвою, и вся природа
 С искусством и богатством в сочетанье
 Питает чувство грезой сладострастной.

64

Где тени было больше, на лужайке
 У ручейка Армида приказала
 Для нас, проголодавшихся в пути,
 Раскинуть стол роскошный: все там было,
 Что обещает лишь весна, а осень
 Вполне уж зрелым предлагает, все
 Дары земли и моря; сто красавиц
 Прислуживали нам и угождали.

65

И речи и улыбки вероломной
 Пьянили, чаровали. Забывая
 Самих себя, глотаем мы отраву.
 „Сейчас вернусь!“ — вдруг говорит она;
 И точно возвращается, но взгляды
 На нас не столь уж нежные кидает.
 С жезлом в руке, по книге нам она
 Вполголоса прочитывает что-то.

66

От чтения, я чувствую, во мне
 Меняются и помыслы и чувства,
 И вкусы и наклонности; внезапно
 Бросаюсь в воду я и погружаюсь

В нее совсем; конечности исчезли,
И весь внутри я будто бы сплочаюсь:
Я в рыбу чародейством превращен,
И кожа вся покрыта чешуею.

67

Товарищи мои со мною вместе
В струях прозрачных играм предаются;
Лишь смутное, похожее на сон,
Об этом я храню воспоминанье,
Но чары исчезают: онемели
От изумленья мы и от испуга;
Армида же в унынье повергает
Зловещим взором нас и нам грозит:

68

„Могущество мое теперь, надеюсь,
Известно вам; испытана моя
Над вами власть! Могу единым словом
Я в вечный мрак вас погрузить отныне;
Могу единым словом превратить
В пернатых вас, в растения и в гадов,
И каждого могу скалою сделать,
Фонтаном иль чудовищем морским.

69

Но избежать вам гнева моего
Легко беспрекословным послушаньем:
От веры отрекитесь и восстаньте
За нас на нечестивого Готфрида!“
Все как один возмущены таким
Условием: один Рамбальд согласен;
А нас она тотчас же заключает
В тюрьму, куда не проникает свет.

Судьба же в это пагубное место
 Приводит и Танкреда; но невольно
 Вдруг наша открывается тюрьма,
 И, если верить к нам проникшим слухам,
 По просьбе повелителя Дамаска
 Армида отправляет нас в Египет
 Под стражею, которой отдает
 Оружие все наше, и в оковах

В пути уж находились мы, когда
 Навстречу нам послало Провиденье
 Отважного Ринальда. Этот воин,
 Готовый новым подвигом прославить
 Себя в любое время, нападает
 На стражу, часть закалывает, часть
 Рассеивает в страхе и доспехи
 Отбитые вручает нам обратно.

Все видели воочию его,
 Все доблестные руки пожимали
 И голос милый слышали; не верьте,
 Что наш герой погиб: он жив донныне.
 Всего три дня прошло, как он с себя
 Доспехи окровавленные сбросил
 И, с ними распрощаясь, в Антиохию
 Отправился под видом богомольца».

Сказал. Пустынник поднимает к небу
 Слезами орошенные глаза;
 Лицо неузнаваемо: какими
 Сияет весь он дивными лучами!

Душа его, проникшись Божеством,
К селениям бессмертных воспаряет:
Ему открыто будущее; в бездну
Времен уж погружается он мыслью.

74

Но, наконец, становится свободным
Его язык, и открывает тайны
Грядущего величественный голос.
И смотрят все, и слушают в немом
Их властно охватившем изумленье:
«Так жив еще Ринальд! Пусть чародейкой
Обмануты мы были; Небеса
Блестящую ему готовят славу.

75

Дивящие всю Азию дела —
Лишь детские забавы и предтеча
Величия. Я вижу, как смиряет
Он дерзость нечестивца; как его
Орел и Рим и церковь под защиту
Свою берет, у коршуна исторгнув;
Как в детях, своего отца достойных,
Он вновь как бы рождается на свет.

76

Идет за ним потомков вереница,
Орудия насилья сокрушая:
Религия с святейшими отцами
Покоится под сенью их щита.
Смирять гордыню, облегчать страданья,
Невинных защищать, карать виновных:
Вот их удел; и воспарит далеко
За солнце дома Эстского орел.

Его когтям лишь молнии войны
 Держать предначертало Провиденье:
 Крылами торжествующими будет
 Святейший Рим он вечно прикрывать;
 Его когтям лишь вверена и участь
 Священнейшего нашего похода,
 И Небеса желают, чтобы он,
 Победоносный, вновь был призван нами».

Рассеивает Петр своею речью
 Все опасенья гибели Ринальда;
 И радуются все; один Готфрид
 В глубокую задумчивость повергнут.
 Тем временем ночь кроет землю тьмою;
 Расходятся воители, чтоб сладость
 И негу сна вкусить: Готфрид один
 От дум своих покоя не находит.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

1

Готфрид, отдавшись мыслям и заботам
О предстоящем приступе, велел
Заготавливать снаряды боевые;
Пустынник между тем к нему подходит
И речь такую держит с глазу на глаз
Торжественно и строго: «Государь,
Вооружаешь ты земные силы,
Но начинать не с этого ты должен.

2

О Небесах подумай, призови
На помощь рать небесную сначала:
Лишь с нею ты стяжать победу можешь.
Пусть с пением и в праздничных одеждах
Священники идут перед войсками;
Вы, главари священного похода,
Пример подайте воинам простым
И к подвигам следы им проложите».

3

Готфрид, вполне с благочестивым старцем
Согласный, говорит ему на это:
«Любимец смертный Неба, я намерен
Последовать совету твоему;

Пока с вождями толковать я буду,
Ты повидай епископов обоих,
Вильгельма с Адемаром, и втроем
Молитвенное шествие устройте».

4

Наутро, чуть восток побагровел,
Епископов и с ними всех церковных
Служителей пустынный собирает
В особом месте, Богу посвященном;
И в длинные из полотна одежды
Священники уже облачены,
Епископы же в митрах и уборах
Из шелка с золотым шитьем, по сану.

5

Пустынный открывает путь, держа
В руках то устрашающее знамя,
Что, как святыню, чтят и силы Неба;
Священники за ним двумя рядами,
Склонив смиренно головы и в гимнах
Всевышнему молитвы воссылая.
Епископы Вильгельм и Адемар
Процессию отдельно замыкают.

6

Потом идет Готфрид, а за Готфридом
Начальники попарно; напоследок
Отряды их в порядке боевом.
Так, общей верой связанные, вышли
Защитники ее из-за окопов
Во всеоружье доблести и мести.
Труба молчит, и в воздухе звучат
Одни благочестивые напевы.

7

К Отцу, и Сыну, и Святому Духу
 Они взывают, к Троице, предвечно
 Соединенной узами любви!
 К Тебе, родившей Богочеловека
 Пречистой Деве! К вам, бесплотной рати
 Бессмертные вожди! К тебе, Креститель,
 Омывшему Невинного водой,
 Назначенной, чтоб мир омыть от скверны!

8

О помощи на поле брани молят
 Тебя, что основал престол, откуда
 Преемники твои, спасая нас,
 Нам двери милосердия отворяют!
 И вас, что проповедовали смертным
 О Боге, смерть поправшем на земле,
 И вас, что это чудо подтвердили,
 И кровь и жизнь свою принеся в жертву!

9

«Явите милость нам и вы, что людям
 К спасенью указали путь, и ты,
 Любимица Христа, что всех счастливей
 Себе избрать земной сумела жребий!
 И вы, себя в затворничестве мирном
 Лишь Господу обрекшие невесты,
 И вы, великодушные сердца,
 Презревшие и гнев и месть тиранов!» —

10

Так пели христиане. Их ряды
 Растут в длину и ширину все больше,
 И медленно к горе они подходят
 С оливковою сенью на вершине

И с именем, что стало дорогим
Для всей вселенной; в стороне восточной
Она лежит и от Солима только
Отделена равниной Иосафата.

11

В равнинах, на холмах, во тьме пещер
Святые песни громко раздаются;
Отзывчивое эхо ловит их
И повторяет в сотнях отголосков.
Незримая гармония как будто
Ущелья и леса одушевляет:
И всюду Иисуса и Марии
Звучат победоносно имена.

12

Неверные с валов и стен своих
В безмолвном изумленье созерцают
Невиданное зрелище: дивятся
Они и шагу мерному, и пенью,
И пышности обрядов, и убранства.
И, наконец, кощунственные крики,
Вдруг вырвавшись из множества грудей,
Окрестность оглашают диким ревом.

13

Но эти богохульства, эти крики
Теряются в пространстве без следа,
Как птичьих голосов бесплодный щебет;
Напрасно рассекают стрелы воздух:
Достигнуть христиан они не могут.
Ничто уже не в силах ни смутить
Напевов чистых плавность, ни расстроить
Торжественного шествия порядок.

14

И вот сооружают на вершине
 Горы алтарь, где совершиться жертва
 Великая должна; лампы блещут
 И золотом и светом с двух сторон.
 Вильгельм переменил облаченье
 В благоговейной тишине; потом,
 Возвысив голос, с самоосуждением
 Молитвы ко Всевышнему возносит.

15

Священники и воины-вожди
 У алтаря колена преклоняют;
 Войска стоят вдали, но глаз не сводят
 С епископа. По окончании службы
 Вильгельм «изыдем с миром» говорит
 И общее дает благословенье;
 Исполненные доблестного пыла,
 Войска в обратный двигаются путь.

16

Солдаты разбредаются по стану;
 Готфрид же направляется к себе,
 Сопутствуемый свитой многолюдной
 До самой ставки. Там он, обернувшись,
 Благодарит соратников за рвенье;
 Потом вождей к столу он приглашает
 И первое, почетнейшее, место
 Предоставляет мудрому Раймунду.

17

С гостями после скромного обеда
 Прощаясь, говорит хозяин: «Завтра,
 Едва блеснет рассвета первый луч,
 Должны уж быть вы к приступу готовы;

То будет день трудов великих, нынче ж
Мы отдохнем и сборами займемся.
Идите ваши силы подкрепить
И воинов воспламенить отвагу!»

18

Расходятся вожди к своим отрядам,
И вскоре уж военная труба
Вещает приказание по стану
Всем быть вооруженными наутро.
Работают, готовятся повсюду;
Но, наконец, ночная тьма приносит
И тишину и сон, и прекратить
Приходится работы поневоле.

19

Еще заря боролась в небе с ночью,
Еще не бороздил равнины вол,
Еще спала в листве зеленой птица,
И спал пастух, спало и стадо также;
Безмолвия ночного ни охотник,
Ни гончие еще не нарушали,
Когда трубы вдруг звуки раздаются
И потрясает воздух бранный клич.

20

Разносятся тотчас по стану крики:
«К оружию! К оружию!» Готфрид
Разбуженный встает; не надевает
Брони привычной он и не берет
Тяжелого щита: вооруженьем
Своим на пехотинца рядового
Походит он теперь; в таком-то виде
Его Раймунд внезапно застает.

21

Он проникает в замысел Готфрида
 И спрашивает: «Где же, государь,
 Твоя броня и все твои доспехи?
 И почему полуоткрыто тело?
 Я не могу одобрить, что желаешь
 Ты в бой вступить, столь слабо защищенный:
 Лишь слава заурядного бойца,
 Как вижу я, тебя прельщает нынче?

22

Лишь этих домогаешься ты лавров?
 Э, лучше предоставь уж их другим;
 Пускай они своей рискуют жизнью,
 Не столь полезной, как твоя, и ценной,
 А ты возьми свое вооруженье
 И хоть для нас себя побереги;
 Душа похода нашего, в себе же
 Таишь ты и залог успехов наших».

23

Раймунд умолк; Готфрид ему на это:
 «Мой дорогой, мой благородный друг!
 Когда Урбан, святой отец, в Клермоне
 Меня мечом вот этим опоясал,
 Отнюдь не обещал я Небесам,
 Что на войне начальником лишь буду;
 Я тайный дал еще обет при этом
 И рядовым быть воином за веру.

24

Когда я разверну все наши силы
 И все свершу, к чему обязан вождь,
 Тогда отправлюсь я под эти стены,
 Чтоб менее священный долг исполнить:

От этого Раймунд уже, конечно,
Не станет отговаривать меня.
Я жизнь свою вверяю Небу; сам же
О данных клятвах только буду помнить».

25

Сказал, и все французы как один
Его примеру следуют тотчас же;
И прочие воители за ними
Себя преобразуют в пехотинцев.
Неверные меж тем уже собрались
На стороне слабейшей укреплений,
Где стены загибаются на запад
И где их бьет свирепый Аквилон.

26

Спокойные за прочие места,
Самой уж защищенные природой,
Все силы, как свои, так и чужие,
Они сосредоточивают здесь.
Сюда спешат и старики и дети
И для работ, и для борьбы с судьбою;
Каменьями, смолой, стрелами, серой
Снабжают тех из них, кто посильней.

27

Снарядами, орудиями весь
Унизан вал: там страшным великаном
Султан с грозящим видом выступает;
Подалее черкес надменный виден,
Как бастион среди стенных зубцов.
Клоринда помещается на башне,
Откуда наблюдать ей осажденных,
Равно как осаждающих, удобно.

Колчан у ней подвешен за плечами;
 Стрела дрожит в руке нетерпеливой,
 И туго лук натянут: наготове,
 Она живой лишь цели ожидает.
 Так некогда, по верованиям древним,
 Божественная ловчая Диана
 Из облаков невидимо на землю
 Пускала смертоносную стрелу.

Солима престарелый повелитель
 К воротам от ворот перебегает:
 Там новое орудие поставить,
 Там часовых прибавить на посту;
 Все видит он, за всем следит он зорко
 И воинам внушает бодрость; тут же
 Растерянные женщины спешат
 В мечетях вознести мольбы пророку.

«О Магомет, — кричат они, — десница
 Твоя да раздробит копье француза!
 Срази под наши стены нечестивых
 Врагов и поносителей твоих!»
 Но царства тьмы и смерти вечной эти
 Бесплодные мольбы не достигают.
 Тем временем, знамена распустив,
 Готфрид войска уж двигает на приступ.

Перед его глазами, в две колонны
 Развертываясь, наискось к стенам,
 Солима направляется все войско;
 В его ядре — машины, что скрывают

В себе и разрушение и смерть,
А конница в тылу охраной служит:
Волной по всей равнине разливаясь,
Она предупреждает нападение.

32

И приступ начинается: со всех
Сторон летят и стрелы и камня;
Из недр машин убийственных, как будто
На волю вырываясь из темницы,
На осажденных смерть сама летит.
Защитники валов иль погибают,
Иль в страхе разбегаются оттуда,
Где подобало им стоять оплотом.

33

В нетерпеливом рвенье христиане
Бегут и устремляются ко рву.
Одним ряды щитов, над головами
Сомкнутые, пока защитой служат;
Другие же от вражеских камней
Прикрытые за таранами находят:
И наконец, достигнув рва, они
Стараются скорей его засыпать.

34

Ров сух: нет ни воды на дне, ни грязи,
И вскоре он уж доверху засыпан
Фашинами, камнями и ветвями.
Тогда Алькаст неустрашимый вниз
Соскакивает первый и тотчас же
Прилаживает лестницу; не могут
Остановить его в пылу работы
Ни стрелы, ни кипящая смола.

Уж гордый гельветиец достигает
 Зубцов стены: для сотен стрел служа
 Мишенью, он пренебрегает ими;
 Но падает на шлем его внезапно
 Огромный камень, пущенный черкесом.
 Удар хоть не смертелен, но Алькаста
 Он оглушает так, что тот без чувств
 Всей тяжестью в ров падает обратно.

И с яростной угрозой египтянин
 Кричит: «Один упал, кто ж заменить
 Его дерзнет? Что ж медлите вы, трусы?
 Дорога вам проложена, влезайте!
 Я жду вас и не прячусь. Прикрываться
 Щитами и машинами напрасно
 Вы будете; обречены вы здесь,
 Как в логовищах звери, верной смерти».

Возмущены обидой христиане,
 Но это их рассудка не темнит:
 Заботливо себя оберегая
 От стрел и всяких тяжестей, что сверху
 На них летят, они в конце концов
 Перед стеной таран ужасный ставят;
 И уж дрожит твердыня от ударов
 Окованных железом мощных бревен.

Неверные не дремлют в свой черед:
 Десяток рук громадный камень катит;
 Он падает и, с грохотом, каким
 Горы сопровождается крушенье,

Щиты и шлемы вдребезги ломая,
Все сплющивает массою своею:
В кровавой груди смешаны останки
Оружия и человеческих тел.

39

Охваченные пылом, христиане
В открытую уже бросают вызов
Угрозам и опасностям. Одни
По лестницам взбираются на стену,
Другие подрывают основание:
Твердыня начинает разрушаться,
И путь для осаждающих уже
Проложен через скважины развалин.

40

Все шире под ударами тарана
Становится отверстие в стене;
Какие только есть у осажденных,
Все средства применяются к защите.
Где действует губительно машина,
Они мешки подвешивают с шерстью,
И сила разрушительная в них,
Задерживаясь, будто утопает.

41

Клоринда между тем спустить успела
Семь раз уж тетиву свою; семь раз
Ее стрела уж рассекала воздух
И напивалась кровью христианской.
И не случайно жертвы амазонка
Себе в громаде войска выбирает:
Нет, головы прославленные только
Влекут к себе ее зловещий взор.

И первую стал жертвою ее
 Наследник-королевич Альбиона:
 Едва лишь из рядов он появился,
 Как страшною стрелою был настигнут;
 Она ему впиалась глубоко в руку,
 Хотя и защищенную металлом,
 И, немощный, он покидает бой,
 Дрожа от боли меньше, чем от гнева.

В страданиях вздох последний выпускает
 На гребне рва граф д'Амбуаз; Клотарий
 На лестнице уже смертельно ранен;
 В то самое мгновение, когда
 Граф Фландрский сам орудует тараном,
 Вдруг боль в руке он ощущает. Тщетно
 Он силится извлечь стрелу из раны:
 Пернатая засела прочно в ней.

Как зритель, Адемар неосторожный
 Присутствует при бое: роковая
 Стрела ему вонзается в лицо;
 Подносит руку быстро он, чтоб вырвать
 Стрелу долой, но уж летит вторая,
 И уж к лицу пригвождена рука.
 Он падает и утоляет жажду
 Двух женских стрел епископскою кровью.

Отважный Паламед, зубцов стены
 Достигнув, на нее заносит ногу;
 Но в тот же миг Клоринда в правый глаз
 Ему седьмой подарок посылает,

И, голову пронзив насквозь, выходит
Стрела через затылок вся в крови.
К подножию стены, его взманившей,
Летит назад он телом бездыханным.

46

Тем временем Готфрид уж порождает
Средь осажденных новую тревогу:
Страшнейшую из всех своих машин
Велит он подкатить к одним воротам.
То башня деревянная такой же,
Как стены, вышины; по сторонам
Оружие и воины в ней скрыты,
Внизу же к ней приделаны колеса.

47

И дротики и стрелы смертоносным
Дождем наружу сыплются из башни:
Похожая на судно, что стремится
Другое взять на абордаж, она
Старается к стене примкнуть вплотную;
Но, кольями и пиками ее
Встречая, осажденные упорно
Ей не дают к ним подкатиться близко.

48

От стрел темнеет воздух. Сарацины
Летят долой, как листья иль плоды,
Сбиваемые бурей; потери
Они несут сильнее, чем христиане.
От бегства Сулейман неустрашимый
Удерживает тех лишь, кто храбрее;
Аргант, бревно из башни вырвав, им же
Отталкивает башню от стены.

Клоринда к ним подоспевает также,
 Чтоб с ними все опасности делить.
 Тем временем другие христиане,
 И длинные и острые взяв косы,
 Перерезают ими те веревки,
 Что служат шерстяным мешкам поддержкой:
 Тогда неприкрепленные мешки
 Все валятся и обнажают стену.

Вся в трещинах, колеблется стена;
 Готфрид, щитом прикрытый, к ней подходит
 И видит Сулеймана, что поспешно
 Спускается, чтоб защитить пролом;
 Клоринда же и с ней черкес на тех же
 Местах, где были раньше, остаются.
 И пламя благородное в тот миг
 Готфридово охватывает сердце.

И, к верному Сигьеру обернувшись,
 Что лук его и щит не столь тяжелый
 Несет за ним, он говорит: «Дай мне
 Оружие полегче, я желаю
 Через пролом ступить на стену первым;
 Пришел мой час, пора и мне начать
 И подвигом каким-нибудь блестящим
 Явить свою отвагу в этой битве».

Едва сказал, как уж стрела летит
 По воздуху к нему с зловещим свистом
 И, впившись в ногу, нервы разрывает
 Ему со страшной болью. О Клоринда,

Твоя рука разит, тебе и честь;
И если этот день для сарацинов
Не стал еще днем гибели и рабства,
Тебя они должны благодарить.

53

Герой, пренебрегая тяжелой раной,
Отнюдь не замедляет наступленья:
Он всходит на развалины стены
И воинов зовет вслед за собою;
Но каждый шаг ему трудней дается:
В конце концов от боли нестерпимой
Невольно подгибается нога,
И вынужден он прекратить атаку.

54

Он Гвельфа благородного к себе
Рукою подзывает. «Перед раной, —
Он говорит, — я немощен, как видишь;
На время заступи меня: вернусь
К тебе я скоро». С этими словами
Он на коня садится через силу,
Но отступление скрыть ни от своих,
Ни от врагов ему не удастся.

55

С ним и латинян счастье исчезает.
В неверных пробуждается отвага,
И окрыляет их надежда снова;
А в то же время смелость христиан
Опору под собой теряет быстро:
Не так уже стремителен их натиск,
Не так проворен меч в руках и даже
Как будто замирают звуки труб.

Вновь на валах являются отряды,
 Которых страх опасности прогнал:
 При виде ужасающей Клоринды
 И женщины оружие хватают.
 Бегут они, как фурии, туда же
 И дротики и стрелы мечут сверху;
 Чтоб стены отстоять, они готовы
 И головы свои на них сложить.

Сам Гвельф, отважный Гвельф, повален наземь:
 Судьба его избрала среди бойцов,
 В него издалека направив камень.
 Меж христиан все крепнет смертный ужас,
 А меж неверных все слабеет он.
 За Гвельфом вслед тотчас же и Раймунда
 Удар такой же точно поражает,
 И на земле он так же распростерт.

Не ведающий трепета Евстахий
 Уже готов подняться изо рва;
 Но в эти злополучные мгновенья
 Ударов не наносят сарацины
 Иных, как насмерть или с тяжкой раной.
 Совсем уж опьяненный от успеха
 И вдвое возгордившийся черкес
 Обиды полный голос возвышает:

«Здесь не Антиохия вам, не ночь,
 Что к воровским проделкам благосклонна;
 Здесь ясный день, народ здесь пробужденный,
 Иная здесь война, иные схватки.

И где ваш пыл, где алчность ваша, трусы?
Как баб, морит вас первая усталость;
Едва начать вам приступ удалось,
Уж вы его и прекратить готовы».

60

В нем ярость разгорается: пространство
Обширное, что он обороняет,
Как поприще для подвигов ему
Уж тесным кажется. Через обломки
Стены он устремляется наружу
И голосом кричит громopodobным:
«Вот, Сулейман, и место нам, и время
Явить перед врагами нашу мощь.

61

Удерживает что тебя? Чего
Боишься ты? За этими стенами
Иду искать я славы в чистом поле:
Иди за мной, коль смелости хватает».
Сказал; и вот уже наперегонку
В открытый бой спешат и тот и этот:
Один снедаем яростью, другой
Задет пришельца вызовом обидным.

62

Они на изумленных христиан
Нежданно нападают, колют, рубят,
Щиты и шлемы вдребезги разносят,
Перерубают лестницы, тараны
Ломая, опрокидывают наземь
И укрепление новое взамен
Разрушенного вала воздвигают
Из мертвых тел, обломков и остатков.

Те воины, которых побуждала
 Отвага одолеть твердыню вражью,
 Уж более не льстят себя надеждой
 Войти как победители в Солим.
 Нет сил у них и защищаться даже,
 И ярости безумной двух героев
 Они в добычу отдают машины,
 Как ни на что теперь не нужный хлам.

Соперники неистовые бурной
 Свиристости своей препон не знают;
 Зовут они себе на помощь пламя
 И факелы горящие несут,
 Осадную поджечь желая башню.
 Так некогда изображали фурий,
 Со змеями и факелами в мир
 Из Тартара несущих истребленье.

Танкред бесстрашный видит наконец
 Разгром, произведенный грозной парой,
 И пламя, угрожающее башне.
 Как вихрь он налетает на обоих:
 Стремительная смелость заставляет
 Их отступить, искать спасенья в бегстве
 И ужас испытать самим такой же,
 В какой они повергли христиан.

Пока, весы колебля, чередует
 Удачи с неудачами судьба,
 Готфрид в сопровожденье Балдуина
 И верного Сигьера входит в ставку.

Спешат к нему друзья. Он в нетерпенье
Из мяса вынуть силится стрелу;
Но дерево ломается, и в ране
Железный наконечник остается.

67

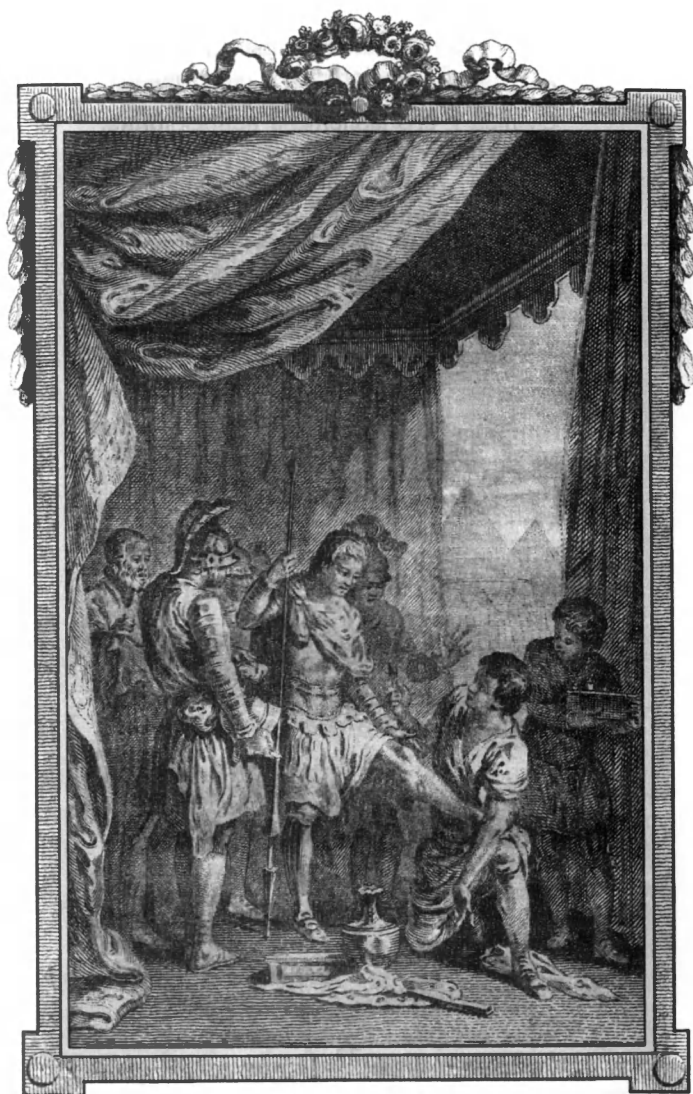
Немедленно пустить он хочет в ход
Все средства, чтоб скорей извлечь железо;
Чтоб рану развернули острой сталью
И все ее исследовали складки.
Он говорит: «Верните в бой меня;
Я должен завершить его сегодня».
И, на копьё всем телом опираясь,
Под нож он подставляет ногу смело.

68

И старец Эротим стал применять
К нему свое врачебное искусство:
Он изучил и свойства трав целебных,
И свойства вод, и их употребленье.
Любимец муз, он воспевал героев
И славные деянья их бессмертил:
Но все же больше склонен был к тому,
Чтоб силы возвращать недужным смертным.

69

Готфрид стоит недвижно с твердым взглядом,
Не помраченным болью; Эротим же,
По локоть руки обнажив, то травы
Прикладывает к ране, чтоб стрелу
Понудить выйти, то ножом покрепче
Старается ее прижать и вынуть:
Но все его усилия бесплодны,
Как бесполезны средства все его.

...старец воду
На рану льет, и вдруг стрела выходит...

Стрела его стараний знать не хочет,
 Судьба к его молениям непреклонна;
 А между тем, разбережая рану,
 Доводит боль он до смертельных мук.
 В конце концов тот ангел, что герою
 В охрану дан, летит на гору Иду
 И ясенец собирает там, растение
 Целебное с пурпуровым цветком.

Природа указала диким козам
 На средство благодетельной травы;
 Они себе в ней исцеленье ищут,
 Когда стрела вонзается в их тело
 И разрывает мясо. Ангел эту
 Траву приносит и рукой незримой
 Выдавливает соки из нее
 В ту воду, что припасена для раны.

Туда потом он прибавляет также
 Святой струи лидийского фонтана
 С душистой панацеей; старец воду
 На рану льет, и вдруг стрела выходит:
 Ни крови нет, ни боли; снова бодр
 И свеж Готфрид. И восклицает лекарь:
 «Не моему искусству ты обязан,
 Не смертного рукой ты исцелен.

Я в этом чуде вижу помощь свыше,
 К тебе слетел, бесспорно, ангел Божий;
 Теперь свободен ты, бери свое
 Оружие и возвращайся к славе».

Готфрид, пылая рвением, уже
Надел свою пурпуровую обувь,
Уже схватил копье и меч, и воздух
Уже на шлеме перьями колышет.

74

Сопутствуемый тысячным отрядом,
Он к городу идет; от тучи пыли,
Что поднимают воины с земли,
Темнеют небеса; дрожит земля.
Издалека героя примечают
И узнают враги: внезапный ужас
Охватывает их и леденит.
Готфридов голос трижды раздается.

75

От этих гордых звуков, этих криков,
Что призывают к битве, воскресает
Отвага в христианах, и они
К оставленным стенам спешат обратно;
Но Сулейман с черкесом уж засели
В развалинах, чтоб не пустить в пролом
С отрядом налетевшего Танкреда.

76

Готфрид, в броню закованный, подходит
И с видом, наводящим страх и трепет,
Молниеносный дротик, размахнувшись,
В черкеса вдруг бросает: и таран
Такую быстроту не мог придать бы.
Оружие летит, как вестник смерти,
С ужасным шумом, но Аргант бесстрашный
Спокойно щит уж держит наготове.

77

И щит пронзен, и латы; равнодушный
 К царапине, Аргант Готфриду дротик
 Назад шлет с криком: «Получи свое
 Обратно!» Но герой, пригнувшись низко,
 Удара избегает; дротик в глотку
 Вонзается Сигьеру: умирая,
 Являет радость преданный слуга,
 Что спас своею смертью господина.

78

И в то же время камнем Сулейман
 В вождя невстрийцев попадает метко;
 Вокруг себя не раз перевернувшись,
 Тот падает на землю бездыханным.
 Готфрид, пылая мщением, хватает
 Оружие его, бежит к стене,
 Врывается в развалины, как буря,
 И бой ведет лицом к лицу с врагами.

79

В ожесточенной схватке расточает
 Удары он один страшней другого;
 Но ночь, исподтишка подкравшись, землю
 Окутывает темной пеленой:
 Смиряющие тени, наконец,
 Кладут предел смертельной распре смертных;
 Приходится Готфриду завершить
 Кровопролитный день и в стан вернуться.

80

Но, прежде чем уйти, велит туда
 Перенести он раненых, а также
 От ярости врагов, насколько можно,
 Сберечь машин остатки и обломки;

Осадная же башня, этот ужас
Неверных, хоть повреждена немало,
Но держится еще и может снова
На гибель осажденным послужить.

81

Она катилась по полю и скоро
Была уж под защитою окопов;
Но как ветра и бури победив
И к пристани идя, вдруг судно на мель
Садится или гибнет на скале,
Как бездны и потоки одолевший
Штатается и падает неожиданно
Совсем у дома конь изнеможенный,

82

Так на бок наклоняется вдруг башня,
С которой столько связано надежд:
Два колеса ломаются под нею
И, подгибаясь оба, заставляют
Ее в пути на воздухе повиснуть
И неизбежно быстро разрушаться;
Тотчас ее подхватывают, ставят
И держат в ожидании починки.

83

Желательно Готфриду, чтобы к утру
Она была приведена в порядок,
И страже, к ней приставленной, герой
Беречь ее приказывает строго;
Стук молотков, однако же, и крики
Работающих слышат с укреплений,
И сразу сотни факелов зажженных
Врагам работы тайну выдают.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Несется ночь на черной колеснице;
Но вовсе не смыкают глаз и стан
И город. Христиане под надежной
Охраной все работы продолжают;
Неверные восстанавлиют также
Разрушенные стены и валы.
И в то же время рабами своими
И те и эти заняты прилежно.

2

Все раны перевязаны. Текут
Часы, не прерываются работы;
Но рвение к ним гаснет понемногу:
И тишина и тьма зовут к покою.
Одна лишь амазонка, в вечной жажде
И подвигов и славы, неустанно
Рабочих побуждает. С ней Аргант,
И говорит она себе неслышно:

3

«Аргант и повелитель турок нынче
Явили чудеса отваги оба:
Одни дерзнули выйти из-за стен
И обратить в куски снаряды вражьи,

А я вдали от боя, под прикрытьем,
Искусною стрельбою отличалась,
И в этом слава вся моя: ужель
На это только женщина способна?

4

Ах, лучше бы, среди стольких героев
Души своей ничтожной не являя,
Ушла в леса и в горы я и там
В зверей бы диких стрелы запускала!
Иль, в женские одежды облачившись,
Скрывалась бы в убежище надежном!»
Вдруг, мыслью озаренная, Клоринда
Выходит из раздумья, восклицая:

5

«Давно уж, государь, моя душа
Томится жаждой подвига такого,
Что дерзостью затмил бы все другие;
И вот что мне, не знаю, Провиденье ль,
Гордыня ли моя, сейчас внушает:
Пойти с мечом и с факелом к врагам
И башню сжечь; мой подвиг будет в этом,
А остальное все — во власти Неба.

6

И если мне не суждено вернуться,
Тебе своих я спутниц поручаю,
А также и того, кто был ко мне
Отечески и нежен и заботлив.
Отправь в Египет и сироток бедных,
И старца, удрученного годами.
Молю, будь милосерд к ним, государь:
И пол и возраст этого достойны».

7

Арганта изумленного пронзает
 Из сердца амазонки жало славы,
 И говорит он: «Ты пойдешь туда,
 Меня же бросишь здесь, как рядового?
 И мог бы я издалека спокойно
 Огнем, тобой зажженным, любоваться?
 Нет, нет! Доныне я делил твои
 Опасности и до конца желаю
 С тобой остаться в славе или в смерти.

8

Не меньше твоего вот это сердце
 Опасность презирает; как прекрасно
 Жизнь выменять на честь, я знаю так же».
 Клоринда же ему: «Ты доказать
 Сумел нам это вылазкой бессмертной;
 Но что потеря женщины Солиму?
 В тебе ж (да отвратит несчастье Небо)
 Какую он утрату понесет!» —

9

«Напрасно ты пытаешься умерить
 Мой пыл пустыми доводами, — так
 Ей воин возражает, — за тобой
 Пойду я, если хочешь; а не хочешь,
 Пойду один вперед». Согласной парой
 Царя они находят средь старейших,
 И говорит Клоринда: «Государь,
 Дозволь нам некий замысел исполнить.

10

Аргант берется вражью башню сжечь,
 А что он говорит, то исполняет;
 Я с ним пойду: дожидаться только надо,

Чтоб стража от усталости заснула».
Вздевает к небу руки Аладин
И восклицает, слезы проливая:
«Хвала Тебе, что, на рабов смиренных
Склоняя взор, мое спасаешь царство!

11

Нет, не падет оно, пока еще
В таких бойцах опору обретает;
Но вам, великодушные, какая
Награда возместить заслугу может?
Пусть Слава обессмертит ваше имя
И им весь мир наполнит; я же только
Вознагражу вас вполовину, если
Вам часть своих владений предложу».

12

Так молвил повелитель престарелый,
Арганта и Клоринду обнимая.
Султан, пылая ревностью высокой,
Не может скрыть ее и говорит:
«Мечом и я не тщетно опоясан;
Я с вами отправляюсь иль за вами».
Клоринда возражает: «Как? Втроем?
А на кого же мы Солим оставим?»

13

Аргант ему другой ответ готовит,
Но Аладин его предупреждает:
«Твою отвагу знают, Сулейман;
Все ужасы бессильны перед нею;
Последнего ж защитника лишившись,
Встревожился б народ еще сильнее,
И этих бы двоих я удержал,
Когда б их заменить возможно было.

14

Меж тем у башни сильная охрана:
 Чтоб одержать над нею верх, сильнейший
 Отряд должны мы были бы послать,
 А это запрещает осторожность.
 Пусть действуют вдвоем; им не впервые
 Случайностям подобным подвергаться.
 Их пара стоит тысячи бойцов:
 Вернутся к нам они с победой только!

15

И сан державный твой, и твой венец
 Обязывают здесь тебя остаться;
 Когда ж Клоринда и Аргант исполнят
 Свой замысел (а что они исполнят,
 Я в глубине души не сомневаюсь)
 И станут их преследовать, тогда
 Ты выйдешь к ним на помощь». Аладину
 Султан с досадой явной уступает.

16

«Постойте, — говорит Исмен, — постойте:
 Еще теперь не время; подождем,
 Пока восторжествует сон над стражей,
 Поставленной у гибельной махины.
 Я снадобье горючее меж тем
 В достаточном запасе приготавлию». —
 С ним оба соглашаются и часа
 Удобнейшего ждут нетерпеливо.

17

Чтоб не привлечь вниманья христиан,
 Роскошные одежды и доспехи
 Клоринда заменяет черным платьем,
 Беды грядущей предзнаменованьем.

Без блеска щит она берет и шлем
Без перьев и нашлемника; лишь евнух
Арзет при ней, тот евнух престарелый,
Что вынянчил ее со дня рожденья.

18

Повсюду за воительницей смелой
Он следует, на возраст не взирая:
При виде снаряжения ее
Тревогою сжимается в нем сердце.
Своими сединами, старой службой,
Всей нежностью ее он закликает
От пагубной затеи отказаться;
Она ж внимать не хочет ничему.

19

«Жестокая, — так заключает он, —
Уж если ни года мои, ни просьбы,
Ни слезы преклонить тебя бессильны,
Тогда тебе открыть я должен тайну.
Узнаешь ты свое происхождение,
И уж решай сама, как поступить».
Он требует настойчиво, Клоринда,
Дыханье затаив, ему внимает.

20

«Сенап был Эфиопии царем;
Быть может, он там царствует донныне;
Он сам и с ним все эфиопы Сына
Марии, Иисуса, почитают.
На женской половине во дворце
Я жил и там прислуживал царице:
Хотя она была и черной кожи,
Но цвет ее красы отнюдь не портил.

21

Сенап ее неистово любил
 И ревновал с не меньшим пылом также;
 Терзаемый губительною страстью
 И от людей жену скрывая, он
 Равно хотел бы скрыть ее от Неба.
 Разумная и скромная царица
 Жила в уединенье неизменном
 И счастье обретала в счастье мужа.

22

Картина у нее была в покоех
 Священного значения: как снег,
 Сверкая белизной, в цепях, под стражей
 Дракона дева юная томится;
 Чудовище копьём пронзает витязь,
 И плавает оно в своей крови.
 Перед картиной часто в умиление
 Молитвенном царица преклонялась.

23

Невдолге забеременев, царица
 Рождает дочь такой же белизны:
 То ты была... До глубины сердечной
 Она поражена неожиданным чудом;
 Потом ей стало страшно, чтобы в белом
 Ребенке доказательство измены
 Не увидал ревнивый муж, и скрыть
 От глаз его она тебя решилась.

24

Тогда ей предложили заменить
 Тебя новорожденной эфиопкой:
 Служанка лишь да я имели доступ
 В ту башню, что служила ей жилищем;

И мне она с доверием вручила
Сокровище свое. Осталась ты
Не погруженной в воду по обряду:
У эфиопов он бывает позже.

25

Печаль несчастной матери кто мог бы
Воочию представить! Сколько раз
Она тебя в объятиях сжимала!
Прощалась сколько раз она с тобою!
Слезами орошенные глаза
Она возводит к небу напоследок
И молвит: „Боже! Сердца моего
Ты видишь глубочайшие изгибы!

26

И знаешь Ты, что я не осквернила
Ни помысла, ни ложа своего...
Не о себе Тебя я умоляю:
Во многом я грешна... Но, Боже правый,
Спаси малютку чистую! Пусть будет
Она, как я, строга в законах чести,
А находить пути к земному счастью
Научится уже пусть от другой.

27

И ты, небесный воин, что от змия
Избавил эту девственницу, ты,
Чей образ я дарами золотыми
Украсила в мерцании лампы,
Будь ангелом-хранителем для той,
Что не познает материнской ласки“.
Страдалица смолкает и от скорби
Лицо бледнеет сразу, как у мертвой.

28

Взял на руки тебя я, оросил
 Слезами и унес в корзине, сверху
 Для виду положив цветов и листьев.
 Не выдав никому заветной тайны,
 Я из дворца ушел переодетый.
 Меня под сень густую принял лес;
 И вдруг идет ко мне тигрица с пастью
 Открытой и горящими глазами.

29

Я в ужасе на дерево взбираюсь,
 Тебя же оставляю на траве:
 Тигрица приближается и взором
 Заранее тебя уж пожирает.
 Но в миг один меняется картина:
 Чудовище тебя любовно лижет,
 А ты с улыбкой радостной его
 Рукой невинной гладишь и ласкаешь.

30

В конце концов животное ложится
 С тобою рядом и свои сосцы
 Твоим губам, давно уж пересохшим
 От голода и жажды, подставляет.
 Ошеломленный, я смотрю на это
 Невиданное чудо; между тем
 Тигрица, накормив тебя, спокойно
 Встает и исчезает в темной чаще.

31

Я с дерева схожу, беру тебя,
 Пускаюсь снова в путь и напоследок
 В деревню прихожу: там воспитал
 Тебя я под немym покровом тайны;

Там первые произнесла ты звуки
И первые же сделала шаги.
Исполнило свой круг светило ночи
Шестнадцать раз, пока мы там скрывались.

32

Уже склонялись дни мои к закату;
Я был богат: царица при разлуке
Меня снабдила средствами с избытком.
Устал блуждать я по чужим краям;
Любовь к отчизне в сердце пробудилась;
Друзей мне захотелось повидать,
А также и места, где я родился,
И век дожить у очага родного.

33

В Египет направляюсь я, где свет
Впервые увидал, с тобою вместе;
На берегу потока вижу шайку
Разбойников: передо мною — гибель,
За мною — разъяренная стихия.
Что делать? Я предпочитаю воду:
Одна рука мне служит плавником,
В другой держу я ношу дорожную.

34

Поток несется быстро; посредине —
Водоворот и пропасть: к ней меня,
Я чувствую, неудержимо тянет.
Тогда тебя бросаю я... О, чудо!
Вода уходит под тебя, и волны
Тебя качают нежно; вместе с ветром
Они тебя выносят на песок,
Куда едва я доплываю тоже.

Я на груди тебя отогреваю.
 Ночь вскоре нас окутывает тьмою
 И погружает в сон, и воин мне
 Является величественно-грозный;
 Приставив меч к лицу, он говорит:
 „Исполни повеление царицы
 И окрести немедленно малютку;
 Она — Небес любимое дитя,

А я — ее хранитель и защитник,
 Я для нее смирил в лесу тигрицу
 И чувство к ней внушил волнам бездушным:
 Страхись не верить сну, что в этот миг
 Небесную тебе вещает волю!“
 Рожденный мусульманином и к вере
 Приверженный, я далее пускаюсь,
 Считая сон лишь грезой пустою.

Забыв свои обеты и мольбы
 Царицыны, тебя магометанкой
 Я воспитал и вырастил; и вскоре
 В тебе отвага женщину сломила;
 Оружием ты добыла себе
 И славу и богатство. О дальнейшей
 Судьбе своей ты знаешь; я ж повсюду
 Сопровождал тебя в деяньях бранных.

Вчера я впал в неодолимый сон,
 И тот же воин снова мне явился;
 Глядел он на меня еще грознее
 И голосом ужасным говорил:

„Неверный, близок час, когда Клоринда
Моею станет; ты же предавайся
Бесплодному отчаянью тогда“.
И улетел, с земли поднявшись быстро.

39

Тебе, предмет моих забот нежнейших,
Бедою угрожает этот сон;
И вера Эфиопии, быть может,
Есть истинная вера, я не знаю.
Ах, сбрось доспехи эти и сдержи
Кипучую отвагу!» Он рыдает,
Клоринда же полна тревожной думой:
Такой же сон привиделся и ей.

40

Очнувшись, говорит она спокойно:
«Одну я веру знаю; с молоком
Ее всосав, я с нею и останусь,
И то, что мной задумано, исполню.
Оружия не положу я; трусость
Такая опозорила б Клоринду.
Меня остановить бы не могла
И смерть, приняв чудовищнейший образ».

41

И старика старается утешить.
Но время приближается; спешит
Она примкнуть к герою, что намерен
В одну опасность ринуться с ней вместе.
Ее чрезмерно пылкую отвагу
Исмен еще сильнее разжигает;
Приносит ей он и состав горючий,
И спрятанный в сосуде медном факел.

42

Под кровом ночи парой неразлучной
Они шаг в шаг спускаются с холма.
Как грозное виденье, перед ними
Внезапно вырастает вражья башня.
Сердца их пламенеют, и готовы
Они тотчас же броситься вперед,
Чтоб кровью христианскою омыться;
Но бдительная стража уж в движенье.

43

Они меж тем подходят молча ближе;
А стража прибывает постепенно
И наконец: «К оружию!» кричит.
Они уж не скрываются. Внезапно
Напав на христиан, приводят их
В смятенье, опрокидывают, гонят.
Так молния и вспыхивает в небе,
И падает на землю в то же время.

44

Прорвавшись сквозь мечи и сквозь удары,
Они махины страшной достигают;
Уж в их руках зловещий слышен треск;
Уж пламенем объят состав горючий;
Уж пламя лижет башню языками;
Столб дыма поднимается вокруг:
Темнеет от него прозрачный воздух,
И звездный блеск, тускнея, будто гаснет.

45

И башня загорается, а ветер
Способствует пожару и тревоге.
Объятые смятеньем, на бегу
Оружие хватают христиане;

Но грозная, вся в пламени, громада
Вдруг падает, кусками разлетаясь:
Разрушило мгновение одно
Плоды упорной длительной работы.

46

На крики часовых и на огонь
Два конные отряда прилетают;
Аргант грозит, лицом к лицу их встретив:
«Пожар я вашей кровью затушу!»
И между тем с Клориндой шаг за шагом
К холму он отступает; христиане
Потоком устремляются тотчас же
За ними вслед и окружают их.

47

Тем временем Ворота Золотые
Отворены, и Аладин уж там,
Отрядом сильным защитить готовый
При отступленье доблестную пару.
И те спешат укрыться за твердыню;
Спешат и христиане: Сулейман,
Отбросив их, ворота запирает,
Клоринда же снаружи остается.

48

Несчастливая, чтоб не ушел от кары
Тебе удар нанесший Аримон,
За ним стремишься ты, его караешь,
Но в этом и свою найдешь погибель!
Во тьме горячей схваткой увлеченный,
Не думает Аргант об амазонке:
Он видит лишь опасности одни
И ими лишь одними озабочен.

С намеченною жертвою покончив,
 Клоринда возвращается и видит
 Ворота на запоре, а вокруг
 На гибель ей теснятся христиане.
 Никто ее не примечает, впрочем;
 Тогда вдруг окрыляется надеждой
 Душа ее: скользнув в толпу, она
 На время в ней бесследно исчезает.

Потом, смятением пользуясь и мраком,
 Она тайком уходит с поля битвы.
 Так волк, овечьей кровью упитавшись,
 Скрывается от злобы пастухов.
 Танкред, однако, видел, как Клоринда
 Несчастливого пронзила Аримона;
 Он видел это ясно и теперь,
 Не отставая, следует за нею.

Искусного бойца в ней усмотрев,
 Он силами померяться с ней хочет.
 Пока она другого входа ищет,
 Как тень он от нее не отстает.
 Клоринда, обернувшись, восклицает:
 «Кто ты такой? Зачем меня так пылко
 Преследуешь и что приносишь мне?» —
 «Войну и смерть!» — Танкред ей отвечает.

«Войну и смерть! Что ищешь, то получишь», —
 Сказала и уже готова к бою;
 Танкред желает драться также пешим
 И спрыгивает на землю с коня:

Вмиг оба нападают друг на друга,
И гордостью пылая, и враждою.
Так бьются два быка, когда ревнивой
И яростной любовью возгорятся.

53

Вам поприще обширней было нужно,
Противники-герои! Хоть бы солнце
Дела отваги вашей озарило!
О ночь, что скрыла их в своих тенях,
Дозволь поднять мне плотную завесу
И показать их племенам грядущим!
Пусть славу их увидит свет и пусть
Живет в воспоминаньях смертных вечно!

54

Нет отступленья им и нет прикрытья:
Ни к хитрости, ни к ловкости прибегнуть
Они во тьме и в ярости не могут;
Их ноги неподвижны и тверды,
А руки их в движенье непрерывном;
Мечи их сыплют искры, друг о друга
Со звоном ударяясь: что ни взмах,
То колет или рубит меч противный.

55

Глумленье месть влечет, а месть — глумленье,
И пуще распаляются сердца;
Все уже, уже место поединка,
Противник же к противнику все ближе.
Они уже не думают о том,
Чтоб лезвиями лишь мечей сражаться:
Пускают в ход они и рукоятки,
И шлемами сшибаясь, и щитами.

Сжимал три раза мощными руками
 Танкред Клоринду, и освобождалась
 Три раза из жестоких уз она,
 Неведомо Амуром услажденных;
 И за мечи они берутся снова,
 И снова их окрашивают кровью.
 В конце концов приходится на миг
 Им разойтись, чтоб с силами собраться.

Найдя себе в мечях опору, оба
 Один другого молча созерцают.
 Заря уж обагрила восток
 И звезд ночных ослабила сиянье.
 Танкред гордится тем, что на его
 Доспехах меньше крови, чем на вражьих:
 Безумные, как слепо предаемся
 Мы сладостно-обманчивым надеждам!

Победой злополучной обольщенный,
 Не рано ль торжествуешь ты, несчастный?
 За каплю крови каждую врага
 Твои глаза потоком слез заплатят!
 Бойцы стоят сначала неподвижно
 И взглядами пытаются лишь друг друга;
 Но тягостно молчанье для Танкреда,
 И первый нарушает он его:

«По праву от судьбы мы ждать могли бы,
 Что поединок наш произойдет
 На поприще, достойном нашей славы;
 Но так как этой милости она

Лишила нас, то удостой хотя бы
Открыть свое мне имя и рождение,
Чтоб я узнал теперь же, кто почитит
Меня в победе или пораженье». —

60

«Ты у меня исторгнуть хочешь тайну,
Которой я ни одному доныне
Врагу не открывал. Что значит имя?
Довольно знать тебе, что я один
Из воинов, огню предавших башню». —
Танкред приходит в ярость и кричит
Клоринде: «Варвар! И твоя утайка,
И речь твоя равно вызывают к мести».

61

И снова гнев владеет их сердцами,
И снова бой пылает: что за бой!
Уж ими управляет не искусство,
А бешенство слепое; без расчета
Удар наносят руки за ударом.
От ног до головы в крови и в ранах,
Не падают они лишь оттого,
Что ярость в них поддерживает бодрость.

62

Так бурные в Эгейском море волны,
Хоть ветры, их поднявшие, давно
Спокойно улеглись в свои пещеры,
Вздываются еще горами долго,
Покорные начальному движенью.
И так же два воителя, хотя
Их силы истощились, остаются
Во власти злобы, их воспламенившей.

Из недр земли с журчанием певучим
Ручей неподалеку вытекает;
Его водой наполнив шлем, Танкред
Спешит назад исполнить долг священный.

Но вот настал тот неизбежный час,
 Когда Клоринды жизнь должна пресечься:
 Танкред ей в грудь прекрасную наносит
 Удар мечом; железо входит в тело
 И кровью упивается, и вся
 В крови ее наружная одежда.
 Колена подгибаются под нею,
 И чувствует она, что умирает.

Танкред победу хочет довершить
 И снова меч заносит над Клориндой;
 Но падает она, и озаряет
 Ее внезапный луч, упавший с неба:
 Он входит в сердце к ней, и христианкой
 Неверная становится мгновенно.
 И голосом, уж гаснущим, она
 Последние слова чуть произносит:

«Победа, друг, осталась за тобой;
 Прости меня, как я тебя прощаю!
 О теле уж покончены заботы,
 Нуждается душа лишь в сострадании;
 Водой, твоей молитвой освященной,
 Покой и чистоту ей возврати».
 От этих скорбных слов глаза Танкреда
 Слезами орошаются невольно.

Из недр земли с журчанием певучим
 Ручей неподалеку вытекает;
 Его водой наполнив шлем, Танкред
 Спешит назад исполнить долг священный.

Дрожа, снимает шлем он с головы
Неведомого воина и видит
И узнает, и нем и неподвижен:
О, страшный вид! О, роковая встреча!

67

Готовый умереть, он собирает
Свои все силы вдруг, чтоб поскорее
Возлюбленной бессмертную жизнь дать
Взамен земной, что у нее он отнял.
При звуке слов молитвенных лицо
Клоринды озаряется улыбкой,
Как будто говорит она: «Открылись
Передо мной небесные врата».

68

Уж с бледностью фиалки белизна
Лилеи на ее щеках в предсмертный
Сливаются налет; глаза на небо
Упорно устремив, она герою
В знак мира холодеющую руку
Протягивает с нежностью безмолвной,
Все в том же положении испускает
Последний вздох и кажется уснувшей.

69

Все силы, что Танкреду удалось
Собрать в себе, его вдруг покидают:
Беспомощно он отдается скорби,
Сжимающей и холодящей сердце.
Смерть — на лице его, и та же смерть —
Во всех его и помыслах и чувствах.
Оцепенелый, бледный и безмолвный,
Являет он отчаянье живое.

Последние из нитей, что в его
 Истерзанном и изнемогшем теле
 Бессмертную удерживали душу,
 Одна вслед за другою разрывались:
 Последовал тотчас же за своей
 Возлюбленной и он бы неизбежно,
 Когда б туда отряда христиан
 Не привела случайность иль потребность.

Начальник по доспехам узнает
 Танкреда; узнает он и Клоринду,
 И скорбь ему стрелой пронзает сердце.
 Не зная, что Клоринда — христианка,
 Не хочет он, однако же, ее
 На растерзанье хищникам оставить
 И воинам велит, подняв обоих,
 Снести их на руках к шатру Танкреда.

При медленном и бережном движенье,
 Хотя и не приходит воин в чувство,
 Но вздохи чуть заметные, однако,
 На жизнь еще указывают в нем.
 Зато его возлюбленной останки
 Застыли уж в оцепененье смутном.
 Достигнув стана наконец, кладут
 Обоих под различными шатрами.

Уход оруженосцев верных к жизни
 Танкреда возвращает: он уж в силах
 Открыть глаза и говор слышит он,
 И рук прикосновение ощущает;

Приходит он в сознание напоследок
И, взгляды изумленные вокруг
Бросая, различает понемногу
И внутренность шатра, и лица близких.

74

«Еще живу я, — шепчет он печально, —
Дышу еще и свет дневной я вижу,
Что озаряет совести упреки
В ужасном злодеянье темной ночи?
Мой меч, жестокий меч, носитель смерти,
Орудие победы, почему
Теперь ты трусишь и не порываешь
Последних нитей жизни ненавистой?»

75

Пронзи вот эту грудь! И это сердце
Злосчастное на части разорви!
Но ты умеешь быть жестоким только,
А твой удар мне благостыней был бы!
И бедственной любви живым примером
Я на земле останусь: для такого
Преступника влачить в позоре дни —
Поистине единственная кара.

76

Отныне жить средь палачей своих,
Средь угрызений совести я буду;
Бояться буду ночи одинокой,
Напоминая гибельной ошибки;
И буду ненавидеть это солнце,
Что грех мой осветило: самого
Себя боясь, себя я буду бегать
И снова находить везде себя же.

Но где, увы! в каком остались месте
 Печальные бесценные останки?
 Быть может, жертву ярости моей
 Теперь уж звери дикие терзают?
 Несчастный! Тьма тобой руководила,
 Но ты свою возлюбленную отдал
 Чудовищам ночным; тебе они
 Обязаны столь благородной пищей.

Останки обожаемые! К вам
 Пойду и, если целы вы доньше,
 Вас соберу и сохраню навеки.
 Но если вас уже пожрали звери,
 Их ярости отдамся я и сам:
 Утроба их могилою мне станет,
 Как и моей возлюбленной, и наши
 Останки в прах единый обратятся».

Так говорил любовник безутешный;
 Когда же узнает он, что предмет
 Его печали рядом с ним, тьму скорби
 С лица его луч радости сгоняет:
 Так молния вдруг прорывает тучу.
 Едва изнеможенье поборов,
 Встает он через силу и, шатаясь,
 Плетется к обожаемому телу.

Когда он на груди прекрасной видит
 Зияющую рану, а в лице,
 Хотя уже поблекшем, — ясность неба
 Без облака в глубоком мраке ночи,

Теряя силы вновь, он восклицает:
«О красота небесная! Ты можешь
Смягчить своим сияньем ужас смерти,
Но жребий мой смягчить не можешь ты.

81

Прекрасная рука, что, умирая,
В знак мира протянула мне она!
В каком тебя я вижу состоянье,
И что я сам собою представляю!
Моей безумной ярости, увы!
Вот следствие печальное! О варвар!
С жестокостью нанес ты эти раны,
С жестокостью на них ты и глядишь!

82

Иссякли и в глазах жестоких слезы!
Но вместо слез, бесценная, тебе
Я отдаю всю кровь свою!» Внезапно
Он раны обнажает, рвет повязку
И, кровью истекая, нанести
Себе удар готовится последний;
Но тут же чувств лишается, и этот
Избыток скорби жизнь его спасает.

83

Тотчас его в постель кладут и душу
Удерживают в теле помертвелом;
Но уж молва распространила слух
О случае ужасном. Поспешает
Готфрид благочестивый, а за ним
И верные друзья к Танкреду в ставку;
Ни доводы, однако, ни советы
Не служат для героя утешеньем.

Сочится кровь из обнаженных ран,
 И боль еще усиливают руки,
 Что принести желают облегченье;
 Но всеми почитаемый пустынный,
 Как христианин, лишь в грядущей жизни
 Танкреда озабоченный судьбою,
 И строго и сурово упрекает
 Его за обнаруженную слабость:

«Танкред, Танкред, как изменился ты!
 Куда девал ты разум и отвагу?
 Какая туча взор твой затемнила?
 Небесной благодати, как несчастья,
 Не должен ты оплакивать: иль свыше
 Не слышишь ты призыва к чувству чести?
 Иль ты не узнаешь руки, что вновь
 Тебя на путь оставленный наводит?»

Из рыцаря, из мстителя за веру,
 Завещанную Богом, ты позорно
 Становишься рабом на своего
 Создателя восставшего созданья.
 Карает заблуждение твое
 И к доблестям забытым возвращает
 Тебя благополучная развязка,
 А ты отвергнуть хочешь эту милость?

Отвергнуть хочешь ты, неблагодарный,
 Заботливость Небес! Куда ж, несчастный,
 Влечет тебя отчаянье слепое?
 Ведь ты уже над бездною повис

И все ее не видишь? Заклинаю,
Проснись ты наконец, открой глаза
И овладей печалью, неизбежно
Готовящей тебе двойную гибель!»

88

Сказал и смолк. Танкреда повергает
В священный ужас мысль о вечной смерти,
И сердце в нем смягчается: но стонет
По-прежнему и жалуется он;
То сам с собой заговорит о чем-то,
То заведет с Клориндою беседу,
Ее как будто видя в небесах,
К его речам склонившуюся свыше.

89

Зовет ее с вечернею зарею
И с утренней зарей ее зовет:
Так скорбными ночами филомела
Тоскует о птенцах своих любимых,
Похищенных жестоким птицеловом
И нежным пухом чуть еще покрытых.
В конце концов глаза он закрывает,
И на него нисходит краткий сон.

90

Тогда ему является Клоринда
В сверкающем венце из звезд небесных;
Но в блеске ослепительном черты
Знакомые он узнает тотчас же.
И кажется ему, что осушает
Она его глаза и говорит:
«Пусть этот образ радости небесной,
Мой верный друг, тебя утешит в горе.

Обязана тебе я этим счастьем:
 Нечаянно ты жизни скоротечной
 Меня лишил, но пребываю в сонме
 Бессмертных я на лоне Божества.
 Здесь, чистым наслаждениям предаваясь,
 Я жду тебя, и здесь-то наши души
 Сольются, чтоб блаженство обрести
 Одна в другой и вместе — в славе вечной.

Да, здесь я жду тебя, Танкред, лишь сам
 Не заграждай себе дороги к Небу
 И низменным не поддавайся чувствам:
 Верь, что тебя я так люблю, как только
 Дозволено мне смертного любить». —
 И речью, и улыбкою, и взором
 Героя сердце сладостно утешив,
 Клоринда тает в блеске лучезарном.

Танкред, с душою чистою проснувшись
 И вверившись заботливым рукам,
 Велит земле предать с почетом должным
 Бесценный прах. Воздвигнуть он не может,
 Какой желал бы, памятник над ней:
 Достойного резца здесь не нашлось бы;
 Но, мраморную глыбу разыскав,
 Обделывает ей края искусно.

В сопровожденье длинной вереницы
 Факелonosцев гроб несли; доспехи
 Воительницы были на сосне
 Укреплены как смертные трофеи.

Наутро же герой, преодолев
И слабость и печаль, с благоговеньем
Пришел на место, где навеки были
Погребены бесценные останки.

95

При виде этой насыпи ужасной
Бледнеет он; язык и чувства стынут;
Глаза остановившиеся видят
Лишь мрамор злополучный. Наконец,
Обильных слез потоком разрешившись,
Он скорбно восклицает: «О могила!
Сокровищница сердца моего,
Возлюбленной моей приют последний!

96

Нет, ты не смерть таишь; моя Клоринда
Жива еще, и с ней жива любовь.
Я чувствую, ах! чувствую все то же
В крови неугасающее пламя.
Мой каждый вздох и каждый поцелуй,
Слезами орошенный, о могила!
Я посылаю праху дорогому,
К которому припасть уж не могу.

97

Возьми их от меня! Души, я знаю,
Прекраснейшей они не оскорбят.
Там, где она, ни гнева нет, ни злобы;
Она простила мне, и это служит
Единственным теперь мне утешеньем.
Моей вины здесь не было, и мне
Любить себя она не запрещает,
Пока не испущу я вздох последний.

Да, буду я любить ее до смерти!
 Блаженный день стократ блаженней был бы,
 Когда б мой прах с ее соединился
 И в недрах бы твоих нашел покой:
 От смерти б мы тогда стяжали счастье,
 Которого обоих жизнь лишила.
 Ах, этому не сбыться никогда,
 И лишь мечтой могу себя я тешить!»

Меж тем молва зловещая Солим
 Встревожила насчет судьбы Клоринды:
 А вслед за тем точнейшими вестями
 В отчаянье и скорбь повергнут город:
 И плач и вопль такой повсюду в нем,
 Как будто победитель иступленный
 Его до основанья разрушает
 И предает огню дома и храмы.

Особенно не знающий утехи
 Арзет к себе все взоры привлекает:
 Глубокая, замкнутая в душе
 Печаль не выражается слезами;
 Посыпав пеплом волосы седые,
 Лицо и грудь он раздирает в кровь.
 Аргант, узнав о гибели Клоринды,
 Спешит в толпу вмешаться со словами:

«Клоринды нет! А я ли не пытался
 Ее спасти! Едва мне стало ясно,
 Какая ей грозит опасность, я
 Хотел за ней бежать и с ней погибнуть,

Как заклинал я вашего владыку
Ворота отворить! Но он отверг
Все просьбы, все мольбы, и перед силой
Мне оставалось только преклониться.

102

Увы! когда б дозволено мне было,
Из рук бы смерти вырвал я ее
Иль рядом с ней достойно завершил бы
Я жизненный свой путь, по крайней мере.
Но что еще мог сделать я? И люди
И Небеса судили ей иное.
Она мертва! Но знаю я, какой
Исполнить долг она мне завещала.

103

Так слушай же, Солим, в чем поклянусь я!
И ты, о Небо, слушай! Если ж клятвам
Я изменю, пусть молния твоя
Стрелой меня пронзит и уничтожит.
Клянусь отмстить злодею-кровопийце,
Клянусь с мечом не расставаться этим,
Пока Танкреду сердца не пронжу
И коршунам его не брошу мертвым».

104

И клятвы вызывают в легковерном,
Изменчивом народе ликованье:
Обманута всеобщая печаль
Надеждой на грядущее возмездье.
Но тщетная надежда! В этом скоро
Придется убедиться им: Аргант
И сам не устоит перед ударом
Того, кому удар готовил смертный.

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

1

Едва упала кучей пепла башня,
Что разгромить должна была Солим,
Как чародей Исмен готов пуститься
На новые уж хитрости, чтоб прочность
Валов и стен вернее обеспечить,
В латинянах отвагу обуздать
И помешать им вновь построить башню
Иль что-нибудь соорудить иное.

2

Недалеко от ставок христианских
Растет в ложбине старый темный лес:
Как мир, такого ж возраста деревья
Пространство наполняют мрачной тенью.
Как пламенно бы солнце ни сияло,
Там сумраки царят, как в те часы,
Когда иль ночь у дня, иль день у ночи
Оспаривают облачное небо.

3

Но при закате солнечном в лесу
Становится темно, как в преисподней;
Глаза не видят ничего, сердца же,
Охваченные страхом, холодеют.

Ни стадо, ни пастух, ни путник в эту
Трущобу отдохнуть не забредут:
Ее обходят издали как место,
Таящее проклятье и гибель.

4

И там-то, прилетев на облаках
С любовниками гнусными своими,
Справляют ведьмы пиршества ночные;
Там в образах причудливых один
Другого омерзительней, ужасней,
Держа совет лукавый, непотребством
Бесстыднейшим природу и любовь
Насилуют они и оскорбляют.

5

Никто из местных жителей и ветку
Сломать в лесу ужасном не дерзал;
Но для своих снарядов христиане
Бестрепетно рубили в нем деревья.
И вот Исмен во тьме безмолвной ночи
Украдкой проникает в эту чащу;
Там круг тотчас описывает он
И знаки в нем таинственные чертит.

6

Снимает обувь он, в круг ногу ставит
И мощные бормочет заклинанья:
К востоку и к закату по три раза
Лицо он поворачивает, машет
Три раза чудодейственным жезлом,
Ногой три раза в землю ударяет
И, наконец, ужасные слова,
Как будто сил набравшись, произносит:

7

«Внимайте мне, внимайте, что из света
 Низвергнуты во тьму огнем небесным;
 Что носитесь по воздуху и в нем
 То бури порождаете, то грозы;
 Вас, ада обитатели и слуги
 Отчаянья и смерти, вас зову;
 Равно зову тебя, кому подвластно
 Тебя же пожирающее пламя.

8

Блюдайте этот лес и все деревья,
 Которые вверяю вам по счету:
 Как с телом человеческого душа,
 Пусть каждый с каждым деревом сольется;
 И каждый в лес вступивший христианин
 От каждого пусть в ужасе отпрянет».
 Добавил он еще слова другие,
 Но их ничей язык не повторит.

9

При этих заклинаньях меркнут звезды
 И, облаком прикрывшись, тускнет месяц;
 Но демонов не слышно и не видно.
 Тогда Исмен выходит из себя
 И восклицает яростно: «Мой голос
 Уж не страшит вас больше, духи ада?
 И заклинаний, может быть, еще
 Ужаснее из уст моих вы ждете?

10

Искусства моего еще я самых
 Могущественных тайн не позабыл
 И языком, искусанным до крови,
 Еще произнести сумею слово,

Которое заставит побледнеть
И вашего владыку на престоле.
Внемлите же! Я... я...» Он продолжал бы,
Но чары между тем уж совершились.

11

Летят к нему толпами злые духи,
И те, что реют в воздухе, и те,
Что населяют бездны преисподней.
Трепещут все еще от повеленья
Не вмешиваться вовсе в распри смертных;
Но доступ в лес им не был воспрещен,
И здесь, не нарушая воли Неба,
Они жильем избрать деревья могут.

12

Исмен, гордясь успехом чародейства,
В Солим идет обратно к Аладину
И говорит: «Отныне, государь,
Ты можешь быть вполне спокоен сердцем
За свой престол; враги возобновить
Бессильны разрушительную башню».
И вслед за тем рассказывает он
О чудесах, в лесу произведенных.

13

И прибавляет: «Небо нам сулит
Еще одно отрадное явление.
Пройдет немного времени, как с Солнцем
Сойдется Марс в созвездье Льва; на землю,
Двойными опаленную лучами,
Дождя не упадет тогда ни капли;
Не всколыхнется ветром знойный воздух:
Вещает все ужасную засуху.

14

Немало бед произойдет от зноя.
 Опасности для воинов твоих
 В нем нет: в тени, на кровлях, у фонтанов
 Они найдут желанную прохладу;
 Но христиане будут задыхаться
 В своей бесплодной, высохшей равнине:
 И, Небом побежденных, египтянин
 С лица земли сотрет их без следа.

15

События спокойно созерцая,
 Стяжаешь ты победу без войны;
 Но если все ж черкес высокомерный,
 Одной резни лишь ведающий славу,
 Испытывать твою отвагу станет,
 Его необходимо укротить:
 Все те бичи, что нам враги сулили,
 На них же и падут по воле Неба».

16

Словами чародея убежденный,
 Уж больше не боится Аладин
 Вчера еще его страшившей рати.
 Растут меж тем вокруг Солима стены;
 Неутомимо-деятельный сам,
 Усиленно торопит он работы:
 В движение непрерывном пребывают
 Равно и гражданин и чужеземец.

17

Тем временем Готфрид благочестивый
 Предпринимать не хочет приступ тщетный:
 Успеха ждет он лишь от новой башни
 И шлет рабочих в тот же самый лес,

Где добывалось дерево и раньше;
Идут они туда с зарей и вдруг,
Едва достигнув цели, цепенеют,
Охваченные ужасом мертвящим.

18

Так робкое в тиши и мраке ночи
Дитя тех самых призраков боится,
Что созданы его воображеньем
И уж везде мерещатся ему.
И вот в такой неодолимый трепет
Повергнуты рабочие, которым
Чудовища навстречу вырастают
Ужаснее и Сфинкса и Химеры.

19

Смятенные, растерянные, в стан
Они бегут обратно в беспорядке,
И сыплются забавные рассказы
О чудесах, привидевшихся им;
Однако же никто рассказам этим
Не верит, и Готфрид рабочих снова
Туда же прогоняет под охраной
Испытанных в бесстрашии людей.

20

Идут и те и эти; но едва
Густые тени чащи мрачной видят,
Как их сердца от ужаса и страха
Неудержимо биться начинают.
И все-таки они без остановки
Идут вперед, испуг свой прикрывая
Отвагой напускной; и наконец
Подходят к очарованному лесу.

21

Вдруг раздается страшный шум: так ревом
 Вулкан земные недра оглашает;
 Таков и ветра шум, и стоны волн,
 О камни разбивающихся в море.
 И слышатся еще в смешенье диком
 Рыканье львов, свист змей, медвежьи крики,
 И волчий вой, и переливы труб,
 И грозные раскаты громовые.

22

Рабочие и воины бледнеют;
 Приметы несомненные весь ужас,
 Их души обуявший, выдают.
 Не в силах поддержать в них смелость, разум
 Не может их самих сдержать покорность:
 Перед незримой силой отступая,
 Они бегут, и эту слабость так
 Один из них Готфриду объясняет:

23

«О государь, едва ль из нас найдется,
 Кто б в этот лес осмелился проникнуть;
 Весь Ад вооружился для его
 Защиты, и лишь тот бы мог глядеть
 На это безбоязненно, чье сердце
 Оковано тройной броней алмазной:
 Бесчувственным созданием надо быть,
 Чтоб вынести все тамошние звуки».

24

Внимательно прислушивался к этим
 Признаниям Алькаст, Алькаст тот самый,
 Чья дерзость безрассудная и смерть,
 И смертных презирает в равной мере:

И языки огня, и клубы дыма
Стеною восстают...

Чудовища страшнейшие, вулканы,
И молнии, и бури, все, что есть
Ужаснейшего в мире, все бессильно
Перед его отвагой загроубелой.

25

С презрительным движеньем и усмешкой
Он говорит: «Так я пойду туда,
Куда идти не смеет этот воин,
И вырублю один весь лес с его
Химерами и снами; не послужат
Препоной мне ни призраки, ни вопли:
Не побоюсь и Ада я, хотя бы
Он выставил все силы на защиту».

26

И, получив согласие от Готфрида,
Пускается он в путь. Уже доходит
До рокового леса он, уже
Его встречает грозный рев, но, страха
Не ведая, он наконец ступает
Ногой на очарованную землю:
И вдруг остановиться поневоле
Он должен перед огненной преградой.

27

И языки огня, и клубы дыма
Стеною восстают и, окружив
Весь лес непроницаемым оплотом,
К нему Алькасту доступ возбраняют.
В причудливейших образах огонь
Является растерянному взору
И там и здесь: то башнею, то замком,
То грозно-сокрушительным снарядам.

А сколько в самом пламени чудовищ
И призраков ужаснейших! Одни
Зловещие косые взгляды мечут,
Другие угрожают прямо смертью.
Алькаст бежит, бежит неторопливо,
Как по пятам преследуемый лев;
Но все же это — бегство, и впервые
Он страх перед опасностью изведal.

Дивится чувству новому Алькаст,
В душе им обретенному нежданно;
Сам на себя досадуя за это,
Он мучится раскаянием поздним.
Подавленный и омраченный, он
На свет уж не глядит высокомерно
И, от людей спеша уединиться,
Свою печаль и стыд скрывает в ставке.

Готфрид зовет его к себе: он ищет
Предлогов уклониться от свиданья;
Но, повинуясь наконец, идет,
Все так же головы не поднимая.
По сбивчивым ответам на расспросы
С трудом добившись истины, Готфрид
В недоуменье молвит: «Что же это?
Соблазн иль чудеса?» И продолжает:

«Средь вас найдется ль воин, что посмел бы
Проникнуть в удивительную тайну,
Пойти туда посмел бы и оттуда
Доподлинные вести принести?»

Прошли и день, и два, и три: пытались
Отважнейшие воины проникнуть
В ужасный лес; но все бежали прочь,
Охваченные страхом и смятеньем.

32

Тем временем Танкред успел воздать
Все почести возлюбленной Клоринде:
Подавленный и скорбью и тоскою
И не вполне окрепший, он готов,
В тяжелые доспехи облачившись,
В опасное пуститься предприятие.
Душа бодрит измученное тело,
И в силу превращается отвага.

33

В безмолвии идет он, на угрозы
Неведомые глаз не закрывая:
Выдерживает зрелище спокойно,
Без удивленья слушает весь шум
И чувствует подземные удары.
На миг его охватывает трепет;
Но все ж он входит в лес, где вдруг ему
Стена огня дорогу преграждает.

34

Колеблется Танкред и рассуждает:
«К чему мне здесь оружие послужит?
И должен ли я ринуться туда,
Где ждет меня заведомая гибель?
Бесспорно, если честь велит, не вправе
Я кровь свою щадить, но голос чести
Всегда я чутким сердцем отличу;
Меж тем оно его теперь не слышит.

Но если я вернусь, что скажет войско?
 Где для работ мы дерева достанем?
 Готфрид преодолеть желает все
 Препятствия во что бы то ни стало,
 И, может быть, другой найдется воин,
 Отважнее Танкреда?.. Может быть,
 Лишь видимость одна передо мною?..
 Вперед!..» — и путь он продолжает смело.

В таком ужасном пламени, однако,
 Не чувствует он жара никакого
 И сам себе отчета дать не может,
 Действительно ли призрак перед ним.
 Пожар вдруг под его ногами гаснет:
 Взамен нисходит облако густое,
 Наполненное ином и мраком;
 Но вскоре исчезает и оно.

Танкред, хоть изумленный, но бесстрашный,
 По-прежнему уверенно и твердо
 Вступает в нечестивый этот лес,
 Все уголки исследуя попутно;
 Но никаких он больше ни чудовищ,
 Ни призраков перед собой не видит:
 Вперед его движенье затрудняет
 Лишь полная извилин гущина.

Так шаг за шагом, наконец, поляны
 Он достигает, посреди которой
 Величественный в виде пирамиды
 Растет уединенно кипарис.

Он к дереву идет и на коре
Таинственные знаки примечает,
Такие же, как некогда взамен
Письмен употребляли египтяне.

39

Средь чуждых начертаний он неожиданно
Сирийские находит и читает:
«О воин безрассудный, что дерзнул
Свои шаги направить в царство смерти,
Будь милостив и не тревожь приюта
Несчастных, что навеки лишены
Сияния небесного; войною
Живым идти на мертвых не пристало».

40

Пока Танкред пытается проникнуть
В значенье слов загадочных, с шуршаньем
Вдруг пробегает ветер по листве;
А вслед за тем, сливаясь в хор унылый,
Из тайников лесных к нему и вздохи
И стоны, как от лютых мук, несутся:
И в сердце вызывает этот хор
То ужас, то печаль, то состраданье.

41

В конце концов он вынимает меч
И кипарис разит что есть в нем силы.
О, чудо! Из коры струей тягучей,
Окрашивая землю, льется кровь.
Герой дрожит; но, вскрыть желая тайну,
Удар он повторяет с той же мощью:
Тогда к нему протяжные стенанья,
Как будто из могилы, долетают.

Потом он слышит голос: «Ах, Танкред!
 Остановись! Жестокой раной, варвар,
 Недавно разлучил меня ты с телом,
 Которое так дорого мне было;
 Зачем еще и дерево терзаешь,
 Судьбою мне назначенный приют?
 Иль хочешь ты, жестокий, и в могиле
 Над прахом ненавистным надругаться?»

Клоринда — я; и не одна я в этом
 Лесу теперь живу: и христиане
 И мусульмане — все, что под стенами
 Солима пали, силой тайных чар
 Сюда заключены; здесь все деревья,
 Что видишь ты кругом, живут и дышат;
 Во всем лесу не сможешь ты срубить
 И ветки, чтоб не сделаться убийцей».

Больной, когда драконы и химеры
 Приснятся вдруг ему, хоть в них не верит,
 Но все ж боится их и в глубине
 Души, наполовину убежденный
 В обмане чувств, все ж делает усилия
 Бежать от наводящих страх чудовищ:
 Так бредням поддается и герой,
 Хоть борется рассудок здравый с ними.

Под властью чувства мощного его
 Встревоженное сердце холодеет;
 В невольном, непредвиденном движенье
 Меч из руки дрожащей выскользает,

И чудится ему уже Клоринда
С упреком на губах похолодевших:
Не в силах он на кровь ее смотреть
И скорбные ее стенанья слушать.

46

Так мужество, которое не только
Опасности страшнейшие, но даже
И смерть была не в силах возмутить,
Сдалось перед обманчивою тенью,
Прикрывшеюся именем заветным.
Далеко отнесло порывом ветра
Упавший меч: владелец побежденный
Его, из леса выйдя, поднимает.

47

Не смеет возвратиться он, не смеет
Вновь посягнуть на пагубную тайну.
К Готфриду он является тотчас же
И, с силами собравшись, держит речь
Такую: «Государь, тебе по чести
Все чудеса я подтвердить обязан;
И адский шум, и призраки — все это,
Хотя невероятно, так и есть.

48

Передо мною вдруг возникло пламя,
Весь лес как бы стеною охватив,
Чудовища мне преградили доступ,
Но я преодолел препоны эти:
Орудия, чудовища, огонь —
Все сгнуло; потом еще я видел,
Как зимний иней и ночная тьма
Внезапно днем сменились лучезарным.

Сказать ли мне? Живут и говорят
 Во всех деревьях души человечьи;
 Я слышал, да, я слышал эти звуки,
 Что сердце мне терзают до сих пор.
 Когда мечом ударишь, как из раны
 Телесной, кровь оттуда льется... Нет,
 Я в слабости своей сознаться должен.
 Нет... я и ветки там сломать не мог бы».

Сказал. Меж тем Готфрид благочестивый
 Среди наплыва мыслей сам не знает,
 На что решиться: самому ль вступить
 В бой с чарами лесными напоследок,
 Иль разыскать подальше лес, в котором
 Деревьев нарубить бы можно было;
 Но тут его пустынный извлекает
 Из глубины раздумья, говоря:

«Брось смелые намеренья! Иная
 Рука в деревьях чары одолеет.
 Уж судно роковое паруса
 Спускает на пустынном побережье;
 Тот воин, что победу нам доставит,
 Постыдные уж цепи разорвал:
 Сион под нашей властью будет скоро,
 И сарацин испустит вздох последний».

Лицо его все в пламени, и голос
 Сильнее, чем у смертного, звучит;
 Готфрид надежде новой предается,
 В душе пылая рвением небывалым.

Меж тем, вступив в созвездье Рака, солнце
Жжет землю нестерпимыми лучами;
От зноя изнемогшие, к труду
Уж никакому люди не способны.

53

Бессильно звезд, земле благоприятных,
Влияние спасительное; звезды,
Несущие лишь беды и напасти,
Одни преобладают в небесах:
Живое все становится добычей
Нещадно пожирающего зноя;
За днем горючим ночь гнетет и давит,
И новый, злей, ее сменяет день.

54

Восходит солнце утром не иначе,
Как скрытое кровавыми парами,
Предвестниками гибельного дня,
И не иначе вечером заходит,
Как в пятнах красноватых, предвещая
Такой же день ужасный и на завтра.
Так день за днем насущная беда
Уверенность дает в беде грядущей.

55

Под жгучими лучами засыхая,
Со стебля осыпается цветок,
Желтеет лист, трава, сгорая, чахнет,
Земная разрывается кора
И родники живые иссякают.
Небесный гнев карает всю природу,
И даже облака — не что иное,
Как лишь воспламененные пары.

56

Зияет черной печью свод небесный,
 И не на чем остановиться глазу;
 Прохладный ветер, скованный, притих
 В своих пещерах; воздух неподвижен:
 По временам лишь знойное дыханье
 Пустыни африканской донесется
 И, всколыхнув его слегка, лишь пуше
 Удушливой струей воспламенит.

57

Бесследно сожжены ночные тени
 Палящим блеском дня: ночной покров
 Насыщен вредоносными парами
 И пламенем комет, скиталиц мира.
 О бедная земля! Тебе в росе
 Жестокое отказывает небо;
 Твои цветы и травы, умирая,
 Напрасно ждут Авроры чистых слез.

58

На крыльях ночи к смертным не слетает
 И мак на них не сыплет сладкий сон;
 Они к нему вызывают голосами
 Угасшими, но глух он к их мольбам.
 Из этих всех бичей страшнейший, жажда,
 Нещадно пожирает христиан:
 Отравленные варваром фонтаны
 Болезни лишь приносят им да гибель.

59

Сокровищница вод кристально-чистых,
 Теперь уж оскудевший Силоам
 В беспомощно-медлительном течение
 Едва свой путь песчаный орошает.

Что в нем! И Эридана в половодье,
И Ганга, даже Нила самого,
Дарящего Египту удобренье,
Едва ли бы для христиан хватило.

60

И в их воображенье воспаленном
Видения былого воскресают
И те ручьи, что, серебром сверкая,
Струились в мураве, и родники,
Змеившиеся резво по полянам;
Но радостные некогда картины
Питают в них отчаяние только
И жалобы усугубляют их.

61

Те воины, что до сих пор природу
Во всех ее препонах побеждали,
Не гнули спин под тяжестью доспехов
И смело вызывали смерть на бой,
Теперь отягощают землю сами,
Лишенные и мощи и отваги:
Неведомый огонь течет в их жилах
И злобно жжет и пожирает их.

62

Скакун, утратив гордость, изнывает
Над жалкою безвкусною травою;
Нетверд он на ногах, и голова
Беспомощно на стройной шее виснет.
Не чувствует он больше жала славы
И собранных не вспоминает лавров;
Его как шелк лоснившаяся кожа
Теперь — лишь груз постылый для него.

Хозяина и дома знать не хочет,
 Как будто и забыл их, верный пес;
 В пыли бессильным телом разметавшись
 И не переставая задыхаться,
 Старается он тщетно успокоить
 Внутри его сжигающее пламя:
 Тяжелый воздух вместо освеженья
 Сильнее только легкие гнетет.

От зноя так земля изнемогала,
 И гибли смертные на ней. Забыв
 И думать о победах, христиане
 Последних опасаются несчастий.
 Со всех сторон в их стане раздаются
 Лишь жалобные возгласы: «На что ж
 Надеется Готфрид? Чего он ждет?
 Чтоб и следа от нас тут не осталось?

Где силы он возьмет, чтоб одолеть
 Твердыни вражьи? Где на то снаряды?
 Иль мало было знамений? И гнева
 Небесного он видеть не желает?
 А между тем все эти чудеса,
 Чудовища и призраки все эти,
 И пламенное солнце напоследок
 Нам на него указывают ясно.

Презренный, низкий сброд, каким он нас
 Считает, без сомнения, должны ли
 Мы все до одного погибнуть, лишь бы
 Ему сберечь и скипетр и корону?

Он упоен своей верховной властью;
Однако стоит ли она и счастья
И жизнью тех народов, что ему
Обязаны покорностью безмолвной?

67

Э, вот он, муж благочестивый, вот
Прославленное милосердье! Варвар!
Чтоб суетным почетом наслаждаться,
Соратников своих он забывает.
Фонтаны и ручьи для нас иссохли;
К нему ж течет вода из Иордана,
И с ней мешая критское вино,
Среди друзей он за себя спокоен».

68

Латиняне так ропщут; в то же время
В уме своем решает грек коварный:
«Зачем мне гибнуть здесь? Зачем мне ждать,
Чтоб никого из наших не осталось?
Пусть, если хочет, роет здесь могилы
Себе и всем латинянам Готфрид!»
Решил и под покровом ночи темной
Украдкой удаляется из стана.

69

Побег его наутро уж не тайна,
И многие прельщаются примером:
Пришедшие сюда за Адемаром,
Клотарием и прочими, кого
Нет более в живых, теперь считают
Себя освобожденными от клятв:
Все думы их направлены к побегу,
И некоторых нет уже с рассветом.

Готфрид и слышит все, и видит. Мог бы
 Вооружиться он верховной властью,
 Но строгих мер душа его не терпит;
 Он руки поднимает к небесам,
 В них взор, горящий рвением, вперяет
 И с верою, что двигает горами
 И обращает вспять движенье рек,
 Смиренную мольбу возносит Богу:

«О Господи и Отче мой! В пустыне
 Ты ниспослал росу народу с неба,
 Дал смертному Ты власть извлечь из камня
 Струю воды: яви же мощь Свою
 И нам! Прости нас, духом ослабевших,
 И голосу лишь милосердья внимли!
 Мы — воины Твои, и хоть за это
 Нас, грешников, помилуй и спаси!»

Мольба взлетает быстро к небесам.
 Предвечный внимлет ей и благосклонно
 На воинов измученных взирает;
 Он хочет положить предел напастям
 И говорит: «Сражаясь за Меня,
 Они уж испытали бед немало.
 И Ад и мир, соединясь, и силу
 И хитрость проявляли против них.

Повелеваю Я: да воцарится
 Отныне в той стране порядок новый
 И да откроет воинам Моим
 Судьба отныне путь к одним удачам.

Пусть дождь польет; пусть возвратится в стан
Из стран чужих непобедимый воин
И явится затем лишь египтянин,
Чтоб довершить его триумф и славу».

74

И задрожал от голоса Его
Небесный свод, и всколыхнулся воздух,
И дали отклик трепетом покорным
И океан, и пропасти, и горы;
И молнии заискрились внезапно,
И гулко пронеслись раскаты грома:
Восторженными криками весь стан
Приветствует ниспосланную милость.

75

А тучи все сгущаются; уж это —
Не плотные земные испаренья:
Они на землю сходят прямо с неба,
Открывшего все родники свои.
Нежданно ночь вселенную объемлет,
Малейший проблеск света поглощая;
Неудержимый дождь ручьи поит
И быстро всю равнину заливаает.

76

Так знойным летом птицы водяные
На берегах иссохших ждут дождя:
Неистовыми криками как будто
Зовут его и крылья расстилают,
Чтоб первых даже капель не лишиться.
И хлынул дождь, и птицы уж в воде
Ныряют, выныряют, вновь ныряют
И сладкой упиваются прохладой.

И так же христиане с ликованьем
 Сбирают дар небес, струю живую:
 Спешат наполнить ею чаши, шлемы
 И жадными ее глотками пьют.
 Одни лицо окатывают ею,
 Другие в ней полощутся руками;
 А кто предусмотрительнее, те
 Ее запасы делают в кувшинах.

Иссохшая, бесплодная земля
 В раскрывшиеся недра столь же жадно
 Живительную впитывает влагу
 И ходами, сокрытыми для взора,
 Ее распространяет в глубине;
 Она же, там круговращаясь, вскоре
 Питательной струей былую свежесть
 И жизнь вливает в травы и в цветы.

Природа возрождается и краше
 Становится, чем ранее была:
 Так юная красавица, лекарством
 Спасенная от угрожавшей смерти,
 Вновь розы видит на своих щеках
 И, быстро забывая о болезни,
 Уборы за уборами меняет,
 Сама собой и тешась и любуясь.

Иссякли наконец потоки неба:
 Вновь солнце появляется на нем
 И кроткими весенними лучами
 Ласкает к жизни вызванную землю.

О вера, добродетелей царица!
Порядок изменяешь ты времен,
Мятежный успокаиваешь воздух
И над судьбой враждебной торжествуешь.

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Часы бегут. Ночная пелена
Взвивается, вся влажная от пара,
И каплями алмазными на землю
Роса обратно падает, цветов
И зелени усугубляя свежесть;
Царят в прозрачном воздухе зефиры
И нежным дуновением своим
Зовут к покою сладостному смертных.

2

Уже в объятьях сна они успели
Забыть труды и беды все, когда
От вечности не дремлющее око
На землю устремил Владыка мира.
Остановив с отеческой любовью
Свой взор на добродетельном вожде,
Ему ниспосылает Он виденье,
Небесную вещающее волю.

3

Недалеко от золотых ворот,
В которые лучом стучится солнце,
Хрустальная есть дверь: через нее-то
Перед восходом солнечным слетают

На землю сны, селений горних дети,
Вливающие в чистые сердца
И радость и надежду; сон Готфрида
На крыльях золотых слетел оттуда ж.

4

От века сны еще видений людям
Столь радостно-прекрасных не являли.
Глазам Готфрида все открыты тайны
Обителей и областей небесных:
Он истину в ее истоке видит
И существа в действительности их;
Он мнит себя в тот миг перенесенным
В безбрежно-светозарное пространство.

5

Пока дивится он картине мира
В гармонии и красоте движений,
Является вдруг воин перед ним,
Увенчанный искристыми лучами,
И голосом, которому он равных
По нежности не слышал, произносит:
«Иль ты не узнаешь меня, Готфрид?
Не узнаешь Гуго, чьим был ты другом?» —

6

«Прости, мои глаза ослеплены
Твой образ окружающим сияньем;
Я разглядеть черты твои не в силах», —
И с этими словами троекратно
Пытается он друга сжать в объятьях;
Но троекратно тень, как сновиденье,
Как воздух, от объятий ускользает
И с ласковой улыбкой говорит:

7

«Уж я теперь не в смертной оболочке;
 Я — дух неосязаемый теперь,
 Божественных чертогов обитатель:
 Здесь все твои, и для тебя там место».
 Готфрид его перебивает: «Скоро ль
 Соединюсь я с вами? Ах, когда б
 Смерть порвала те узы, что блаженство
 Мое немилосердно отдаляют!»

8

Гуго в ответ ему: «Разделишь скоро
 Ты наше торжество и нашу славу;
 Но поприще земное оросить
 Еще и потом должен ты, и кровью.
 Священный город должен ты избавить
 От ига нечестивого и в этих
 Стенах свою державу учредить;
 Тебя же после смерти брат заступит.

9

Но, чтоб еще разжечь любовь святую,
 Которою твое пылает сердце,
 Останови свой взор на этих солнцах,
 Что правят всем движеньем мировым,
 И слух твой для гармонии небесной,
 Для музыки божественной раскрой;
 А после опусти свой взор на эту
 Песку и пыли низменную груду.

10

Вот жалкое ристалище для ваших
 Честолюбивых помыслов и дел!
 Вот та теснина, где являть вы властны
 Все нищенское чванство и величье!

И эта-то песочная крупинка
В несчастном тонет озере, что вы
Зовете Океаном иль Пучиной,
Себя же громким именем прельщая».

11

Презренья полный взгляд Готфрид бросает
На землю: море, реки, государства —
Все перед ним сливается в одну
Для глаза неприметную пылинку.
Не надивится он, что наша гордость
Гоняется за этими тенями,
О Небе, нас зовущем, забывая
Из-за пустой и рабски лживой славы.

12

И говорит: «Коль Господу еще
Порвать мои оковы не угодно,
То укажи, по крайней мере, верный
Мне путь средь окружающих обманов». —
«По верному пути ты шел доньше,
Держись его и впредь; один тебе
Совет я дал бы: доблестного сына
Бертольдова скорей верни из ссылки.

13

Вождем Христова воинства тебя
Избрало Провидение, а этот
Герой твоих предначертаний свыше
Указан исполнителем; и если
Ты — голова, то он — рука похода.
Никто бы заменить его не мог,
И преступленье б совершил ты, славу,
Ему принадлежащую, похитив.

14

И одному ему лишь суждено
 Проникнуть в лес и сокрушить те чары,
 Что доступ преграждают христианам;
 Утративший отвагу и надежду,
 Воспрянет с новой бодростью твой стан,
 Едва его любимец возвратится:
 Разрушит он солимскую твердыню
 И весь Восток в бессилие повергнет».

15

Готфрид же восклицает: «О, когда бы
 Я мог его увидеть снова! Сердце
 Мое открыто; знаешь ты,
 Как я его люблю и уважаю;
 Но где его найти и что мне делать?
 Просить ли я, приказывать ли должен?
 И разве возвращение его
 Не будет нарушением дисциплины?» —

16

«Всевышний, изобильно на тебя
 Щедроты изливающий, желает,
 Чтоб те, кем избран ты в вожди всей рати,
 Тебе почет оказывали должный:
 Не можешь ты, не унижая власти
 Начальника, до просьбы снизойти,
 Пусть за него тебя другие просят,
 А ты лишь слушай их и не противься.

17

Самим Всевышним вдохновенный, Гвельф
 Перед тобой ходатайствовать будет,
 Чтоб ты простил Ринальду заблуждение;
 Не сомневайся: юноша-герой,

Хотя сейчас от стана и далеко,
И одержим притом безумной страстью,
Но явится немедленно, едва
Услышит, что его нужна вам помощь.

18

Пустыннику доступны тайны неба,
И он руководить сумеет теми,
Кого ты по избранию захочешь
На поиски Ринальда снарядить.
Путями неизведанными скоро
Они его убежища достигнут,
И снова все соратники твои
Сберутся под знаменами твоими.

19

А напоследок радостную тайну
Тебе открою: кровь твоя сольется
С Ринальдовою кровью, и плодом
Слиянья будет славное потомство», —
И с этими словами исчезает
Гуго, как пар от ветра иль от солнца;
Готфрид же пробуждается, тая
В душе и удивленье и утеху.

20

Уже светило дня, взойдя на небо,
Пустилось в путь по ясной синеве;
Готфрид, покинув ложе, надевает
Свои тяжеловесные доспехи.
Спустя немного времени к нему
В шатер вожди приходят остальные
И тут же приступают к обсуждению
Совместному, что надо делать дальше.

21

И начинает Гвельф; по вдохновенью,
 Ниспосланному свыше, он с такими
 Словами обращается к Готфриду:
 «Решаюсь, государь, я к твоему
 Прибегнуть милосердию; быть может,
 Другой военачальник, а не ты,
 Мою к тебе почтительную просьбу
 Нескромной, преждевременной нашел бы.

22

Но просит за Ринальда, просит Гвельф
 И просит богоносного Готфрида:
 Не для меня лишь милость; за нее
 Горячую разделит благодарность
 Со мной все наше доблестное войско.
 Дозволь, молю, племяннику вернуться
 И, кровь за дело общее пролив,
 Смиренно искупить свою ошибку.

23

Да кто ж другой осмелится проникнуть
 С оружием в ужасный этот лес?
 И кто другой способен обнаружить
 Бесстрашие такое перед смертью?
 Увидишь ты, как быстро одолеет
 Твердыню он и вторгнется в ворота.
 О государь, верни же нам того,
 В ком все надежды наши и желанья!

24

Племянника верни мне, а себе —
 Послушное орудие велений;
 Освободи его от мрачной неги
 И призови на лоно славы бранной:

Пусть под твои знамена станет он;
Пусть на твоих глазах в кровавых битвах
Достойные его отваги лавры
Он подвигами новыми стяжает».

25

И шепотом живого одобренья
Все воины поддерживают просьбу;
Как будто уступая настояньям,
Готфрид свое решение произносит:
«Как в милости я мог бы отказать,
Когда о ней вы просите так пылко?
Сегодня пусть молчит закон; лишь вашим
Желаньям я хочу повиноваться.

26

Итак, пусть возвращается; но должен
Он страсти обуздать свои и наше
Доверие делами оправдать.
Гвельф, извести его: уж он, надеюсь,
Засиживаться там теперь не станет;
Кого послать, сам выбери и сам же
Направь его в то место, где Ринальд,
По мненью твоему, в плену томится».

27

Тогда встает датчанин. «На меня, —
Он говорит, — вы это возложите;
Я ничего не убоюсь, чтоб волю
Вождя великодушного исполнить».
Его отвагу зная хорошо,
Согласен Гвельф послом его отправить
И в спутники дает ему Убальда,
Разумного и опытного мужа.

28

Еще от ранней юности Убальду
 Пришлось в далеких странах побывать:
 С полярных льдов судьба его бросала
 В горючие пустыни эфиопов;
 Он много знал народов разных, знал
 Их языки и нравы; в зрелых летах
 Его к себе приблизил Гвельф и скоро
 Считал его среди своих любимцев.

29

Обманутый молвой упорной, Гвельф
 Готов обоих воинов отправить
 К стенам, где Боэмунд странною правит,
 К стенам, где укрывается донине,
 По убеждению общему, Ринальд;
 Пустынник же, которому известно,
 Что Гвельф введен другими в заблуждение,
 Явившись вдруг, беседу прерывает.

30

И говорит: «Обманутые мнением
 Толпы, вы лишь блуждали бы напрасно,
 Разыскивая верные пути.
 Шаги направьте прямо к Аскалону;
 Там, у речного устья, человека
 Вы встретите: он — христианам друг,
 Его словам без опасенья верьте
 И следуйте его советам слепо.

31

Имеет светлый ум он от природы;
 А к посещенью вашему давно
 Его я подготовил: вы найдете
 В нем доброты не меньше, чем рассудка».

На этом речь свою кончает Петр;
И на его не посягая тайны,
Послушны оба воина наказам,
Что им как бы вещают волю Неба.

32

Так, в путь собравшись, скачут без помехи
Они туда, где стены Аскалона
Омыв, течение воды прекращают;
Но, прежде чем услышать плеск волны,
Они принуждены остановиться:
Разлившись пеленой необозримой,
Бурливая и быстрая река
Внезапно преграждает им дорогу.

33

Пока Убальд с датчанином глазами
Разлива измеряют глубину,
Является вдруг старец перед ними.
Величием и кротостью сияют
Его черты; одежда — словно крылья;
На голове — венок из листьев бука;
С жезлом в руке, он по равнине водной,
Как будто по сухой земле, идет.

34

Так жители полярных стран зимою
Перебегают скованные реки,
И волны неподвижные их тел
Выдерживают тяжесть невозбранно.
И так же старец к воинам подходит
И, пораженным, говорит: «Друзья,
Вы в трудное пустились предприятие
И вам нужна испытанная помощь.

От здешних мест соратник ваш далеко,
 В неверной и безлюдной стороне.
 О, если б только знали вы, как много
 Трудов вам предстоит еще! Как много
 Морей и рек вам переплыть придется!
 Там, где пределы ведомого мира
 Дальнейший смертным преграждают путь,
 Там в этот миг предмет исканий ваших.

Не погнушайтесь лишь за мною вслед
 Направиться к пещерам потаенным,
 Где я себе устроил пребыванье:
 Там важные поведаю я тайны,
 Которые вам знать необходимо».
 Потом повелевает он, чтоб волны
 Двумя стенами стали, разделившись,
 И волны повинуются ему.

Взяв за руки, ведет обоих старец
 В глубокую пещеру под рекою.
 Колеблющийся бледный свет в нее
 Извне путем незримым проникает;
 Но и при этом слабом освещенье
 Они водохранилища все видят,
 Откуда сетью резвых ручейков
 Вода стремится в реки и озера.

Они находят тайные протоки
 Волн Иордана, Ганга и Евфрата,
 Истоки Танаиса, а равно
 Питомники неведомые Нила;

Потом реку такую открывают,
Что серно-ртутной жидкостью струится:
От жара уплотняясь, образует
Металлы драгоценные она.

39

По берегам редчайшие каменья
Сверкают разноцветными огнями
И подземелья тяжкий полумрак
Пленительным мерцаньем озаряют:
Сапфир в небесной нежится лазури;
Топаз, алмаз, пироп слепят глаза;
Но манят и влекут их переливы
Ласкающих оттенков изумруда.

40

Подавленные зрелищем чудесным,
Идут они в молчании глубоком.
И молвит, наконец, Убальд: «Скажи,
Почтенный старец, что за место это;
Скажи, куда ведешь нас; удостой
Открыть, маститый, кто ты. С каждым шагом
Все больше поражаясь, я не знаю,
Во сне все это вижу или вправду». —

41

«В земной утробе вы теперь, среди
Источников земного процветанья;
Проникнуть в эти сумрачные бездны
Могли вы лишь со мной; веду же вас
Я в свой дворец, который перед вами
Сейчас в чистейшем явится сиянье.
Родился я в грехе, но после душу
Волною благодатною омыл.

Не темные мной руковóдят силы;
 Прочь от меня кощунственные чары,
 Которыми возможно исторгать
 У ада сокровеннейшие тайны!
 Природу я пытаю; в недрах вод
 И трав ищу спасительные свойства;
 Законы изучаю мировой
 Гармонии и хода звезд небесных.

Я не всегда живу вдали от неба;
 Нередко поселяюсь на вершинах
 Ливана и Кармела я, и там
 Открытое лицо мне и Венера
 И Марс являют; там я изучаю
 И медленный и быстрый ход светил
 И взоров их, для нас благоприятных
 Иль пагубных, исследую влиянье.

Я вижу, как, меняя краски, тучи
 Скопляются и тают надо мной;
 Дождей и рос образование вижу;
 Слежу за переменчивым полетом
 Ветров и за излучинами молний;
 Смотрю на небо звездное над вами
 И, знаньями своими упоенный,
 Я некогда дивился сам себе.

В тщеславии безумном верил я,
 Что истинной, непогрешимой мерой
 Могущества Создателя владею;
 Когда ж благочестивый ваш пустынный

Мне голову с молитвой оросил
Водою освященною, внезапно
Как бы прозрел душою я и понял,
Что свет мой был глубокой тьмой ошибок.

46

Не нашим слабым, понял я, глазам
На истину взирать в предвечной славе;
И надсмеялся я над суетою,
Питавшею мое высокомерье.
Послушный наставленьям мудреца,
Я склонностям не изменяю прежним;
Но, о себе самом уж забывая,
Лишь в нем руководителя я вижу.

47

Властитель дум моих, он направляет
Мои шаги и просветляет сердце;
Порой соизволяет он явить
Через меня какое-либо чудо.
Так из цепей исторгну я героя,
Которого вы ищете; Петром
Даны мне указания на это,
И я уже давно вас поджидаю».

48

С такою речью воинов к пещере,
Жилищу своему, приводит старец
И пышные, обширные чертоги
Их взорам изумленным открывает.
Здесь недр земных все собраны богатства,
Но между украшений драгоценных
Нет ничего, что создало б искусство:
Природы лишь одной везде дары.

49

Здесь оба гостя новые находят
 К своим услугам сотни ловких рук.
 Великолепный стол и серебром,
 И золотом, и хрусталем сверкает.
 По окончании пышного обеда
 К пришельцам обращается хозяин:
 «Теперь настало время для меня
 Исполнить то, что вам всего дороже.

50

Знакомы вам Армида и ее
 Коварные деянья; вам известно,
 Как лучших ваших воинов в тенета
 Свои она искусно завлекла;
 И, наконец, вы знаете, что замок
 Неверной стал для них тюрьмой, что в Газу
 Она отправить узников хотела
 И что герой от стражи их отбил.

51

Но неизвестно вам, что было дальше,
 И это вы узнаете сейчас же.
 Когда из уз неверной ускользнула
 Добыча драгоценная, она
 Разодрала себе от горя руки
 И в ярости сама себе сказала:
 „Не потерплю, чтоб он, меня лишив
 Невольников, еще хвалился этим.

52

Разбил он цепи пленников, так пусть же
 Их носит сам! И пусть познает те
 Удары, что другим я назначала!
 Мне этого для мщенья не довольно:

Всех истребить клянусь“. И в сердце черном
Готовятся уж новые злодейства.
Летит она туда, где одержал
Ринальд победу над ее отрядом.

53

Герой оставил там свои доспехи
И для того, чтоб узанным не быть,
Переоделся в платье иноверца.
Коварная тотчас среди убитых
Находит обезглавленное тело,
В Ринальдовы доспехи облекает
И у реки кладет, где христиане
Должны в недолгом времени пройти.

54

Она все рассчитала без ошибки;
Ей каждый шаг ваш был всегда известен:
В равнине, где расположились вы,
Довольно соглядатаев шныряло,
Переносивших ей все тайны ваши.
И Ад, ее велениям послушный,
Заботы прилагал свои к тому,
Чтоб для нее у вас все было ясно.

55

Потом недалеко от тела ставит
Она порасторопней человека
В пастушечьей одежде и наказ
Дает ему, что говорить и делать.
Тот, выйдя вашим воинам навстречу,
В сердца их подозрение зароняет,
Рождающее ссоры и едва
К кровавой не приведшее развязке.

Пошли по стану толки, что Готфрид
 К Ринальду подослал убийц наемных:
 Чудовищная мысль, легко и быстро,
 Как мрак ночной, рассеянная слабым
 Лучом блеснувшей правды! Такова
 Была Армиды первая удача;
 Но новую ловушку лиходейка
 Готовила уж юному герою.

На берегах Оронта, где река,
 Раздвояваясь, омывает остров,
 Армида ждет наверное Ринальда,
 И он туда является невдолге.
 Там у воды колонну видит он
 И рядом приготовленную лодку;
 Колонна вся из мрамора, и надпись
 На ней сверкает ярко золотая:

„О путник! Кто бы ни был ты, случайность
 Иль выбор твой привел тебя сюда,
 Узнай, что на пути своем по небу
 Таких чудес не озаряет солнце,
 Какие ты на острове найдешь“.
 Героя побеждает любопытство;
 Оруженосцев бросив, он садится
 В чуть-чуть его вмещающую лодку.

И вот уж на другой он сходит берег.
 По острову скользит он жадным взором,
 Но видит воду лишь вокруг, пещеры,
 Лужайки да цветы и своего

Стыдится легковерия; однако ж
Незримых чар он чувствует влиянье,
Снимает шлем тяжелый с головы
И воздух восхитительный вдыхает.

60

Вдруг слышится журчание воды;
Ринальд глядит и видит: посредине
Реки волна вздымается, кружится,
И вскоре из нее наверх всплывает
Сначала темя русое, потом
Вся голова, и грудь, и плечи нимфы,
И напоследок будто бы Амуром
И Грациями созданное тело.

61

Так в зрелищах ночных мы часто видим,
Как облако, спускаясь постепенно
И медленно, являет нам богиню;
Так некогда сирен изображали,
Коварных обитательниц тех вод,
Что к берегам Этрурии ласкались:
Так эта дева взор красой пленяет,
Так песнями она пленяет слух.

62

Она поет: „О нежные сердца,
Не обольщайтесь лживыми лучами
Суровой добродетели! Счастливыцы —
Кто следует всегда своим желаньям!
Счастливыцы — кто собирает те плоды,
Какие предлагает каждый возраст!
Останетесь ли глухи вы к тому,
Что говорят и мудрость и природа?

Безумные, зачем даете вянуть
 Цветам, что сыплет молодость на вас?
 И слава и отвага, это все —
 Пустые лишь слова, пустые бредни.
 Молва, что слух гордыни вашей тешит, —
 Не более как отголосок, сон,
 Тень сна; и, чтоб как дым исчезла,
 Малейшего довольно дуновенья.

Спокойно наслаждайтесь: пусть душа
 Не ведает упреков в увлечениях,
 И пусть ее, что вам ни предстояло б,
 Зловещие предчувствия не мучат.
 Пусть молнии и громы мечет Небо,
 Над тщетными усилиями смейтесь
 И, нежась в удовольствиях беспечно,
 Лишь мудрости внимайте и природе“.

Мелодиями нежными Ринальда
 Пленительница-нимфа усыпляет,
 И сладкий сон овладевает им;
 Страшнейшие удары громовые
 Извлечь его, казалось, не смогли бы
 Из этого глубокого покоя,
 Похожего на смерть. И вот Армида
 Спешит к нему для совершенья мести.

Когда ж она перед собою видит
 Лицо в оцепененье мирном, губы,
 Согретые улыбкой, и глаза,
 Сверкающие даже через веки,

В ней гаснет гнев: она, не отрываясь,
Красе его дивится, как Нарцисс,
Склонившийся над родником зеркальным,
Дивился своему же отражению.

67

Она со щек героя оттирает
Росистый пот прозрачным покрывалом,
Любовным дуновеньем освежая
Вдыхаемый им воздух; это сердце,
По твердости подобное алмазу,
До той поры холодное, как лед,
Вдруг тает и смягчается, покорно
Огню мятежной страсти отдаваясь.

68

Потом из всех цветов, что в изобилие
Растут на этом острове чудесном,
Она неразрываемые узы,
Хотя и очень нежные, сплетает,
Опутывает ими, как цепями,
Ринальда по рукам и по ногам
И, положив его на колесницу,
На воздух поднимается с ним вместе.

69

Не в том, однако, замке близ Дамаска,
Что гибелен так был для христиан,
Она теперь с добычей скрыться хочет;
Сжигаемая пламенем ревнивым,
И слабости своей стыдясь, она
Приют себе готовит в океане
На острове безвестном и пустынном
Из тех, что мы „Счастливыми“ зовем.

Потом из всех цветов, что в изобилие
Растут на этом острове чудесном,
Она неразрываемые узы,
Хотя и очень нежные, сплетает.

Там, наверху горы, под вечной тенью
 Деревьев густолиственных велит
 Она, сначала пруд обширный вырыв,
 На берегах его воздвигнуть замок;
 Под действием ее могучих чар
 По склонам вся гора покрыта снегом,
 И лишь одна вершина исчезает
 Под зеленью, пестреющей цветами.

И там, в неувядающей весне,
 Армида и Ринальд вкушают негу;
 Из этой-то тюрьмы в пустыне водной
 Вам предстоит освободить героя.
 Убежище влюбленной охраняют
 Чудовища: их победить придется;
 Но будет проводник у вас надежный
 И верное оружие в руках.

Покинув русло, встретите тотчас
 Вы женщину уже в годах преклонных,
 Но юности сберегшую всю свежесть:
 Узнать ее легко по многоцветной
 Одежде и по длинным волосам.
 Через моря вы с ней перелетите
 Быстрее орлов иль молнии; она же
 Назад вас в безопасности доставит.

Внизу горы увидите вы змей,
 С угрозой шевелящих головами,
 Увидите клыки точащих вепрей,
 Медведей, львов, вас растерзать готовых;

Но, этого жезла лишь свист слышав,
Они и шевельнуться не посмеют.
Опасности страшнейшие вас ждут
У самого жилища, на вершине.

74

Там ручеек течет: неотразимо
К себе он манит жаждущих; меж тем
В его струях прозрачных и прохладных
Губительная кроется отрава.
Кто только их отведаст, того
Охватывает сразу опьяненье:
Неудержимый смех его терзает
И в радости безумия он гибнет.

75

Бегите, ах, бегите струй ужасных!
Бегите яств, расставленных на сочной
Траве у ручейка! Спешите дальше,
Не слушайте призывных голосов
Красавиц вероломных; пусть они
Вам нежные шлют взгляды и улыбки:
Пренебрегите ими и в чертог
Волшебницы входите, не колеблясь.

76

Тотчас же в лабиринт вы попадете,
Где сбились бы, наверное, с пути;
Но я чертеж вручу вам, на котором
Извилины все точно обозначу.
Итак, до очарованного сада
Дойдете вы: там все любовью дышит;
На бархатной траве там со своей
Возлюбленной герой ваш пьет блаженство.

Как только он останется один,
Явитесь перед ним без замедленья
И покажите щит ему алмазный,
Который я тотчас вручу вам также.
Увидит он себя в нем разодетым,
Как женщина: тогда и стыд и гнев
В его замороженном сердце вспыхнут
И смоят все следы позорной страсти.

Ничто теперь вас задержать не может:
Все пасть должны препоны перед силой,
Что к цели вас незримо поведет;
И для самой Армиды даже будет
Вполне неожиданным ваше появление.
Рука, в пути хранительница ваша,
И вам троим уже обратный путь
С заботливостью той же обеспечит.

Но надо, чтобы с первыми лучами
Отправились вы завтра, а сейчас
Пора уже вам отдыху предаться».
И с этими словами он обоих
В покой, им приготовленный, отводит,
А после удаляется к себе,
Вдвоем их до рассвета оставляя
Исполненными чувств и мыслей новых.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Уж наново аврора призывает
Людей к труду. Гостям приносит старец
Обещанные жезл, чертеж и щит
И говорит обоим: «Отправляйтесь,
Пока прохладой веющего утра
Не обратило солнце в знойный день;
Примите от меня залого эти
Моей любви и ждущей вас победы».

2

А воины тем временем уж встали
И облачились в бранные доспехи;
С надеждою в сердцах они идут
За старцем теми ж мрачными путями,
Какими он же вел их накануне.
Так достигают русла напоследок,
И воинам, прощаясь, молвит старец:
«Счастливого пути, мои друзья!»

3

Под ними пригибается волна,
Потом их поднимает, словно были б
Они двумя древесными листками,
И вскоре ставит на сухую землю.

Едва они успели оглядеться,
Как видят уж корабль перед собою,
А на корме ту женщину, которой
Они в пути довериться должны.

4

Кудрявые на лоб спадают пряди;
Благоволение кроткое сулят
Спокойные, приветливые взоры;
Небесной чистотой лицо сияет.
Живая, непрерывная игра
Бесчисленных цветов ее одежды
Глазам остановиться не дает
На прихотливой смене переливов.

5

Так в озаренье солнечного блеска
Неуловимо-быстрой чередой
Сменяется оттенок за оттенком
На нежной шее горлицы влюбленной:
То вспыхнет вдруг рубиновое пламя,
То яркий изумруд зазеленеет;
Один с другим несхожие, они
Равно пленяют взор красой чудесной.

6

И воинам неведомая молвит:
«Счастливейшие смертные, взойдите
На мой корабль, которому не страшен
В себе таящий беды океан;
Мой господин и ваш доброжелатель
Приказывает мне отныне вашей
Быть проводницей». Так сказав, она
К земле подводит судно без усилий.

7

На зов радушный оба поспешают,
 Ветрила надуваются, и судно,
 Послушное руке искусной кормчей,
 Подобно птице в воздухе, летит;
 Летит легко и быстро, оставляя
 Едва заметный след на половодной
 Реке, способной бóльшие гораздо
 Суда снести на раменах своих.

8

Сверкают волны пенной белизной
 И, в брызги разлетаясь, глухо ропщут;
 Чем дальше, русло делается шире,
 Течение становится спокойней.
 И, наконец, сама река, как будто
 Устав от продолжительного бега
 И вожденный отдых обрета,
 Теряется в просторе океана.

9

Едва они лишь в море выплывают,
 Как небо очищается от туч,
 И грозный свист стихает аквилона,
 Что бури вызывал из недр пещерных;
 Взамен его зефир на легких крыльях
 Чуть-чуть рябит улегшиеся волны:
 И на престол лазури светозарной
 Восходит торжествующий покой.

10

Уж Аскалон из глаз их исчезает,
 И, словно из пучины, на поверхность
 Всплывают перед ними стены Газы:
 Так город называется, что был

Основан на развалинах другого,
Которому служил он только портом;
Теперь же берега его шатрами
Покрыты и солдатами кишат.

11

На зрелище зловещее с невольной
Тревогой смотрят воины: они
И всадников и пехотинцев видят,
То в город, то из города снующих.
Верблюдов тоже видят и слонов,
Вздымающих ногами тучи пыли;
И видят грозный ряд судов военных,
На якоре еще стоящих в порте.

12

Другие паруса уж распускают,
А третьи, весла в воду опустив,
Уж пенят волны. Воинам обоим
Тогда путеводительница молвит:
«Войска и корабли, что перед вами
На суше здесь и на море, — лишь часть
Тех сил, что против христиан властитель
Египта собирает торопливо.

13

Из глубочайших недр своих земель
Он сильных поджидает подкреплений;
Но я питаю сильную надежду,
Что к войску христианскому вернуться
Удастся раньше вам, чем соберется
Египетское войско под его
Главенством личным или под начальством
Того вождя, что будет им назначен».

14

А судно легкокрылое меж тем
 Бесстрашно и спокойно режет волны
 Среди вражеских судов и их невольно
 Далеко оставляет за собою.
 Так мощный царь воздушного простора
 Высоко над землей и над другими
 Пернатыми из низменных пород
 Вздвигается отважным взмахом крыльев.

15

Уже они и Рафию минуют,
 И полосу египетских песков,
 Унылую бесплодную пустыню;
 И мыс они перед собою видят,
 Прославленную ту скалу, что в море
 Нависшею вершиною своею
 Бросает тень далекую: она
 Хранит в себе Помпеевы останки.

16

И Дамьетта мимо, а за нею
 И устья знаменитые, где Нил
 Обратно морю отдает те воды,
 Что им самим получены от неба.
 Вот стены, возведенные для греков
 Победоносным греческим вождем;
 Вот и Фарос, соединенный с сушей,
 А раньше с ней водою разлученный.

17

Родос и Крит не видны им: они
 Вдоль Африки плывут, страны, у моря
 Старательно возделанной, внутри же
 Пустынной и чудовищ страшных полной;

Проходят и Мармарику, и земли,
Где древле пять цветущих городов
Килены было, и Птолемаиду,
И баснословной Леты берега.

18

Плывут они и от Большого Сирта,
И от его опасных скал далеко;
Из глаз их пропадает скоро мыс
Джудекка и за ним ущелье Магры.
Там Триполи подымлет берег свой,
Здесь Мальту чуть не заливают волны;
Минуя Малый Сирт, минуют вместе
Они Альзерб, где жили лотофаги.

19

По берегу залива, меж двух гор,
Раскинулся Тунис богатый, гордый
Тунис, краса ливийских городов;
Сицилию колышут будто волны
И Лилибей заносчиво свою
Вершину, как иглу, вонзает в небо.
«Глядите, — проводница произносит, —
Вон место, где был Карфаген когда-то».

20

Где он теперь? Развалин лишь его
Последние останки здесь находят.
И города и царства умирают;
И памятников пышных, и дворцов
Лежат в траве и под песком обломки.
А человек на смертность негодует!
Плывут в виду Бизерты, а подальше
Любуются Сардинией скалистой.

21

Проходят берега, где пастухи
 Блуждали нумидийские когда-то;
 Вот Бугия, Алжир, пиратов грозных
 Бесславные притоны; вот Оран.
 Мелькает край слонов и львов, где будут
 Основаны потом Фец и Марокко;
 Гренаду видят вправо, но она
 За горизонтом скоро исчезает.

22

Мелькает и ущелье, по сказанью,
 Проломленное будто бы Алкидом.
 Когда-то, вероятно, море в гнев
 Разрушило препоны, что ему
 Поставила природа в этом месте;
 Оно проливом узким прорвалось
 И разлучило Африку с Европой:
 Так времени все в мире уступает.

23

Уже четыре раза в небесах
 Над путниками солнце поднималось;
 Огромное прошли они пространство,
 Но кораблю их, чтимому волнами,
 Искать приюта не было нужды:
 И вот они уж в океан вступают,
 В тот океан, что водами своими,
 Как поясом, охватывает мир.

24

Не видно уж и Гадеса с его
 Цветущею долиною, не видно
 И берегов: вода и небо только.
 «Божественная, — говорит Убальд, —

Ты, что ведешь к широкой нас пучине,
Скажи, бывали ль смертные здесь раньше?
За этой многоводной пеленой
Находятся ль создания живые?»

25

Она в ответ на это: «Геркулес,
В Испании и в Африке чудовищ
Всех истребив и покорив Европу,
Смирился на пороге океана.
Он тесные пределы положил
И мужеству, и гению людскому;
Но, любопытству дань платя, решился
Улисс разумный их переступить.

26

Он миновал опасные столбы
И в океан полет направил смелый;
Но опытность ему здесь изменила,
И он погиб в пучине океана.
Судьба его для нас осталась тайной,
С ним вместе погребенной: и, его
Последовав примеру, может статься,
Там многие нашли себе могилу.

27

Неведом океан: в нем нет числа
Ни островам, ни царствам; там — и люди,
И земли плодоносные, как ваши.
Природа не скупится на дары,
И под лучами солнца зреют жатвы». —
Тогда Убальд с вопросом к ней: «Какие ж,
Поведай нам, там действуют законы
И вера там господствует какая». —

28

«У каждого народа там свои
 Обычаи, обряды и наречья:
 Одни зверей боготворят, другие
 За божества чтут землю, солнце, звезды;
 А у иных на пиршествах гнуснейших
 От страшной пищи ломаются столы.
 В конце концов, и нравов первобытных,
 И нечестивой веры все народы». —

29

«Так, значит, Бог, свет истины принесший
 С небес на землю нашу, хочет скрыть
 Его лучи от этих стран злосчастных?» —
 «Нет, правая там вера воцарится,
 И процветут искусства и законы.
 Придет пора, и рушатся преграды,
 Что оба полушария пока
 Стеной неодолимой разделяют.

30

И станут Геркулесовы столбы
 Тогда пустой для морехода сказкой.
 Далекие моря и страны имя
 В Европе достославное стяжают:
 Из кораблей отважнейший прорежет
 Весь океан и, сокрушив препоны,
 Соперничая с солнцем, посетит
 Все страны, что лучам его доступны.

31

Из глубины Лигурии на свет
 Тот человек появится, что первый
 Морям недружелюбным бросит вызов;
 Ни ярость волн и ветров, ни боязнь

Опасностей и бед под небом чуждым,
Ни ужасы нечаянных напастей,
Ничто его бестрепетной души
Отважного порыва не удержит.

32

То ты, Колумб, нам новый мир откроешь,
И за тобою вслед едва поспеет
Стоглазая молва, едва хоть часть
Твоих скитаний ей воспеть удастся.
Пусть Бахуса с Алкидом прославляет
В их сказочных деяньях; до тебя
Довольно ей коснуться, чтоб наполнить
Поэта и историка досуги».

33

На запад правит женщина корабль,
А после поворачивает к югу,
И, в волны перед ними погрузившись,
Из волн восходит солнце перед ними ж.
Уж новая заря сияньем влажным
По небу разлилась, когда вдали
Туманным взорам путников явилась
Гора с вершиной, скрытой в облаках.

34

К горе они все ближе подплывают;
Вокруг нее становится яснее:
Как пирамида, высится она,
И черный дым клубится из вершины.
Такою представляется глазам
Громада огнедышащая эта,
Что под своею тяжестью стонать
Бессильно Энцелада заставляла.

35

Другие острова, другие горы
 Не так свои вершины уж возносят;
 То — острова, что в древности седой
 Блаженнейшими в мире почитались.
 Там, говорили некогда, под небом,
 Всегда благожелательным, земля
 Родит сама, и гроздья винограда
 На лозах созревают без ухода.

36

Там не обманет маслина цветами;
 Стволы деревьев медом все сочатся;
 Живые родники по мураве
 Текут с неумолкаемым журчаньем.
 И ветерки и росы постоянной
 Прохладой умеряют летний зной:
 Там царство безмятежного покоя
 И сумрака под сенью благотворной.

37

«Вот, наконец, — вещает проводница, —
 Мы у венца желаний ваших жарких;
 Вот острова Счастливые, так много
 Воспетые, известные ж так мало.
 Под ласковой улыбкой небосклона
 Их красит плодородие; но сколько
 Скрывает правда сказок за собой».
 И к первому из островов подходят.

38

«О ты, что руководишь нами! — юный
 Датчанин восклицает, — разреши
 Мне здесь сойти, чтоб изучить поближе
 И жителей, и веру их, и нравы;

С каким я удовольствием потом
Рассказывать об этих дивах буду
И слушателям жадным в подтвержденье
Рассказов повторять: „Сам, сам все видел!“» —

39

«Желание, достойное тебя;
Но указанье свыше непреложный
Запрет твоим намерениям ставит;
Далек еще тот день от нас, когда
Откроются для мира эти страны;
Вам не дано для родичей своих
Те тайны обнаружить, что доньше
Скрывает океан от человека.

40

Счастливей вы обычных мореходов:
Проникнуть вам позволено в места,
Где благородный ваш Ринальд томится,
И отвезти его в свой стан обратно.
Желать иного значило бы против
Решения Небесного бороться». —
И кажется, что первый остров тонет,
Второй же поднимается из волн.

41

Чрез промежутки равные за ними
Еще всплывает восемь островов;
И на семи из них приметны ясно
Постройки, обработанные нивы
И населения мирного следы.
Три острова пустынные и безлюдны:
Леса и горы их пока что служат
Убежищем для дикого зверья.

Из этих трех последних на одном
 К воде идет уклоном низкий берег;
 Два мыса, закругляясь и как будто
 Охватывая остров, образуют
 Залив, где волны бьются о скалу.
 На двух концах крутые два утеса
 Издалека заманивают в эту
 Самой природой созданную гавань.

Под их широкой сенью море тихо;
 Залив венчают темные леса;
 Чернеет в нем, завешанная плößем
 Глубокая и мрачная пещера.
 Там люди никогда не приставали,
 На якоре корабль там не стоял;
 И в этой-то пещере проводница
 Высаживает воинов обоих.

«Вы видите, — им говорит она, —
 Огромное жилище на вершине:
 Там в праздности и неге изнывает
 Опора и защита христиан.
 Едва забрезжит день, туда по этой
 Тропинке вы взберетесь; с нетерпением
 Бороться нужно вам, но лишь рассвет
 Вам может принести успех желанный.

Вы засветло еще, коль поспешите,
 Дойдете до подножия горы!»
 Сказала. Оба воина немедля
 На берег устремляются желанный

И быстрыми шагами достигают
Назначенного женщиною места:
Чтоб на ночь погрузиться в океан,
Путь солнцу предстоял еще немалый.

46

Среди развалин и обломков видят
Они тропинку, вьющуюся к замку:
Подножие горы покрыто снегом,
А дальше весь в цветах зеленый луг;
Над ними тень развесистой листвы,
А между льдин и лилии и розы.
Здесь, видимо, таинственные силы
Победу одержали над природой.

47

Охваченные мраком, ночь проводят
В пустынном месте воины; но с первым
Блеснувшим в небе солнечным лучом
«Вперед! Вперед!» — уж восклицают оба
И, рвением пылающие новым,
Пускаются в дорогу торопливо;
Но страшный вдруг дракон подъем дальнейший
Нежданно загораживает им.

48

Весь в желтой чешуе, высоко держит
Он голову; раздулась шея злобно;
В глазах сверкает пламя, а из зева
Выходят ядовитые пары.
То свертываясь в клуб, то выпрямляясь,
Хвост в кольцах за собой он всюду тащит;
Но воины бесстрашны, и ничто
Их на пути остановить не может.

Датчанин меч выхватывает быстро
 И поразить чудовище уж хочет.
 «Остановись, — кричит Убальд, — на что
 Дерзаешь ты? Иль думаешь, что можешь
 Победу одержать над гадом страшным?»
 И так сказав, он взмахивает сильно
 Жезлом, подарком старца; в тот же миг
 Дракон от них в испуге убегает.

Идут они опять и вскоре слышат
 Рыканье угрожающее льва;
 Еще идут, и вот он перед ними:
 Вздымая гриву, сам себя же хлещет
 Концом хвоста для возбужденья гнева.
 Раскрыта пасть кровавая, и сделать
 Скачок уж лев готов; но вид один
 Жезла его вдруг обращает в бегство.

Гурьба иных чудовищ их сменяет
 Уродливей гораздо и ужасней:
 С тех пор как Нил течет, он не видал
 На берегах своих подобных тварей;
 Гиркания в своих лесах дремучих
 И Африка в своих пустынях знойных
 С начала мирозданья не рождала
 Такого безобразного исчадья.

И все, однако, с трепетом бежит,
 Все очищает воинам дорогу,
 Едва не только грозный свист слышит
 Волшебного жезла, но чуть на солнце

Блеснет он ярко золотом своим;
И путникам, стяжающим победы,
Преградами являются в подъеме
Лишь пропасти глубокие да льды.

53

Суровые, тяжелые тропинки
Минуют, наконец, и наверху
Горы под лучезарным небосклоном
Цветущую долину обретают;
Там воздух напоен благоуханьем
Цветов и освежен дыханьем нежным
Зефиров, что, не ведая времен,
Спокойно, ровно веют над землею.

54

Там лето стрел не мечет огневых,
Зима себя не защищает льдами:
Там вечно ясны небеса и вечно
Сменяются цветы в лугах зеленых,
Листва не увядает на деревьях.
И в этих-то местах чудесный замок
Воздвигнут очарованный, и мнится,
Что это — их властителя престол.

55

Дорогою, усеянной цветами,
Два воина идут, не торопясь
И часто останавливаясь даже;
Из камня вытекающий родник
Их жажду утоляет чистой влагой;
На сотни рукавов делясь, путями
Неведомыми он питает щедро
Роскошные деревья и цветы.

Но скоро вновь они в поток глубокий
 Сливаются и с ласковым журчаньем
 Струятся под пленительную тенью
 Их густо осеняющей листвы.
 Отчетливо, как в зеркале, в них все
 Предметы оставляют отраженье;
 По берегам зеленые лужайки
 Зовут на отдых путников усталых.

«Вот, — говорят они себе, — ручей
 Тот самый, что течет на гибель смертным.
 Должны мы обуздать свои желанья,
 Отнюдь обману чувств не поддаваясь.
 Закроем же, закроем наши уши
 Для песен соблазнительниц подводных».
 Так говоря, они подходят к месту,
 Где озером становится ручей.

На суше стол накрыт великолепный,
 И горы яств прельщают алчный взор;
 Две нимфы, возбуждая сладострастье,
 В волнах веселых играм предаются,
 Друг дружку подзадоривают плавать,
 Ныряют с головою иногда
 И, каждый раз всплывая, снова обе
 Всё новые сокровища являют.

Тревожно бьются воинов сердца:
 Они стоят и смотрят. Напоследок
 Одна из нимф глазам их восхищенным
 Являет алебастровую шею

И разные приманки потайные.
А в нижней части лишь наполовину
Прикрыто тело жидкой пеленою,
И с прядей русских падает вода.

60

Так, от росы вся влажная, выходит
Звезда, земле вещающая утро;
Такою же видали древле мать
Амура, выходящую из пены.
Рассеянные взгляды нимфы бродят
По берегу и падают как будто
Впервые на неведомых пришельцев:
Вмиг заливают краска ей лицо.

61

Завязанные в узел распускает
Она по телу волосы свои:
На белизну слоновой кости будто
Завеса золотая ниспадает.
О, скольких сразу прелестей не стало!
Но новая готова уж на смену:
Стыдливостью и радостью полны
На воинов бросаемые взгляды.

62

Смеется и краснеет, и румянец
Смущенья красит нежную улыбку;
И трогательным голосом, что мог бы
Сердца и жесточайшие смягчить,
Вдруг нимфа восклицает: «Чужеземцы
Счастливые! Не случай прихотливый
Привел вас в этот край благополучный,
А правящая смертными судьба.

Под небесами этими найдете
 Вы и покой желанный, и забвенье:
 Здесь ждет вас то блаженство, что когда-то
 Вкушал от пут свободный род людской.
 Так бросьте же оружие, и пусть
 Оно украсит стены храма Счастья;
 Здесь властвует одна Любовь, спешите
 Стать под ее победные знамена.

Зеленые лужайки бранным полем
 Послужат вам: царица здешних мест
 Охотно исполняет все желанья
 Тех смертных, что ее покорны воле.
 В своих объятьях пламенных она
 Вас упоит всей негой сладострастья;
 Но раньше погрузитесь в эти воды
 И силы подкрепите за столом».

Улыбками и взглядами словам
 Подруги вторила другая нимфа:
 Так с музыкою в пляске согласует
 Свои движенья юная пастушка.
 Но воины выдерживают стойко
 Уловки вероломные: и вид
 И речи дев прелестных только чувства
 Щекочат их, не проникая в души.

Приманка наслаждений знойных будит
 Желанья сладострастные в крови,
 Но разум, против них вооружившись,
 Удерживает их и заглушает.

Но воины выдерживают стойко
Уловки вероломные: и вид
И речи дев прелестных только чувства
Шекочут их, не проникая в души.

Победу над собою одержав,
К иной победе войны стремятся,
А нимфы, обреченные презрению,
В воде скрывают стыд свой и досаду.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Великолепный замок в виде круга
Сооружен. Обширною своею
Окружностью он обнимает сад,
Красою все сады превосходящий;
В нем множество предательских ловушек
Убежищами дивными прикрыто,
И через эту демонскую сеть
Нет доступа к волшебному чертогу.

2

Там сто ворот, и в те, что больше прочих,
Из серебра, на гнездах золотых,
Вступают оба воина. Людские
Подобия их взоры привлекают;
Не столь дивит их ценность, как работа:
Им кажется, что люди эти дышат,
И слух они заранее готовят,
Чтоб речи изваяний уловить.

3

Алкид у ног Омфалы: победитель,
Аида и гроза чудовищ скромно
Орудует веретеном и прялкой,
Амур же улыбается ему;

Красавица все силы напрягает,
Чтоб палицу поднять, и львиной шкуры,
Что на себя набросила она,
Ей легкое претит прикосновенье.

4

Подалее взволнованное море
За гребнем белый гребень поднимает:
На нем во всеоружии два флота
Ожесточенный бой ведут за власть.
Судов уж много в пламени, и мнится,
Что волны загораются от них;
Там — римляне и вождь их Август, здесь же —
Антоний и восточные народы.

5

Сказали б, что Циклады, оторвавшись
От дна, свободно плавают иль горы
Воюют против гор: наполнен воздух
Губительным железом и огнем.
Обломками судов покрыто море,
Окрашенное кровью. Жаркой битвы
Исход еще сомнителен, но там
Бежит уж чужеземная царица.

6

Бежит и сам Антоний, забывая
Про власть над Римом и над миром!.. Нет...
Он не бежит... не ведает он страха...
За Клеопатрой следует он только.
Охвачен он в одно и то же время
И яростью, и страстью, и стыдом:
То смотрит он на бой, то провожает
Глазами уплывающее судно.

7

И наконец, в изгибах Нила он
 В объятиях возлюбленной ждет смерти;
 И кажется, как будто созерцанье
 Его воспламеняющей красы
 Смягчает в нем печаль ее утраты.
 Налюбовавшись, воины от чудных
 Изображений взоры отрывают
 И входят в заповедный лабиринт.

8

Таков Меандр в причудливом течение:
 Стремится то к истоку он, то к морю,
 И волны, что бегут вперед, с волнами
 Встречаются, бегущими назад.
 И таковы же, прихотливей даже,
 Таинственного замка извороты;
 Но старцем заготовленный чертеж
 Все скрытые проходы отмечает.

9

Достигнут, наконец, и сад волшебный:
 Там сонный пруд, здесь ручеек живой;
 Цветы, кусты, лужайки и пригорки
 Все в золоте от солнечного блеска;
 Долины под пленительною тенью
 И вечно зеленеющие рощи.
 Искусство тем разительнее здесь,
 Что скрыть оно себя повсюду хочет.

10

Обманутые взоры видят в этом
 Природы созидательную руку;
 Подумается разве, что она
 За образец взяла себе искусство.

Армиде повинующийся воздух
Теплом повсюду веет плодотворным;
С цветами вечно свежие деревья
Приносят вечно зрелые плоды.

11

Там под одним листком две фиги рядом:
Одна уже созревшая, другая
В зародыше еще; здесь над зеленым
В румянце нежном яблоко повисло;
Изогнутые ветви на пригорке
Раскинул виноград, и возле грозди,
Еще в цветах, уж тяжелеет гроздь,
Божественным наполненная соком.

12

Любовью пламенеющие птицы
Колышут изумрудные навесы
И о своих, понятных только им,
И радостях и горестях вздыхают;
И волны и листва, невинным ласкам
Зефилов шаловливых отдаваясь,
И ропот свой, и шелест гармоничный
Сливают в стройном хоре с пеньем птиц.

13

Среди певич пернатых есть одна
С разнообразно-пестрым опереньем;
Клюв у нее пурпурового цвета,
Язык же издает такие звуки,
Что человечесью речь напоминают:
Едва она свой голос подает,
Смолкает все вокруг, и даже ветры
Дыханьем легкий воздух не колышут.

14

«Вот роза, что готова распуститься.
 Чем меньше лепестки ее раскрыты,
 Тем больше обаянья в ней; но вот
 Она в расцвете полном перед нами,
 А за расцветом сразу и отцвет;
 И это уж не тот цветок, что зависть
 В сердцах красавиц возбуждал и взоры
 Их пылких обожателей манил.

15

Дня одного довольно, чтоб увял
 Цветок всей нашей жизни: ежегодно
 Весною обновляется природа,
 Но молодости нашей нет возврата.
 Сорвем же розу утром: день пройдет,
 И к вечеру она уже поблекнет;
 Сорвем скорей цветок любви и будем
 Любить, пока любить самих нас могут!»

16

Певунья умолкает, и тотчас же
 Вновь полон воздух птичьим щебетаньем;
 Голубки умножают поцелуи,
 И все объято пламенем весны:
 И дуб и лавр, кустарники и травы,
 Сама земля, земные воды — все
 Одной любовью дышит, все ее
 Могущественной власти отдается.

17

Внимая сладкогласному напеву,
 Срежь множества пленительных приманок
 Два воина идут своей дорогой:
 Соблазнам доступ в души их закрыт;

Сквозь сеть листвы их взоры проникают
И видят нечто новое как будто...
Армиду и Ринальда видят, да:
Она лежит, а он — в ее объятьях.

18

Лебяжья грудь уже без покрывала;
Зефир играет прядями волос;
Лицо покрыто потом сладострастья,
И оттого оно еще прекрасней.
Глаза горят истомой наслажденья;
Так светлый луч в воде кристальной блещет.
Она к нему склонилась головой,
А он в ее глаза глазами впился.

19

Он пожирает взглядами ее
И, пожирая, сам истаевает;
Она же поцелуями своими
Глаза и губы жжет его бессчетно;
И кажется ему, как будто душу
Она всю выпивает из него.
Два воина, незримо притаившись,
Весь этот хмель любовный видят ясно.

20

Взяв зеркало висячее, как скромный
Поверенный, хранившее в себе
Все сладостные тайны их, Армида
Любовнику его вложила в руки:
Ее зрачки, подернутые влагой,
Отыскивают в нем Ринальда образ;
Ринальду ж служат зеркалом его
Любовницы пленительные очи.

Взяв зеркало висячее, как скромный
Поверенный, хранившее в себе
Все сладостные тайны их, Армида
Любовнику его вложила в руки...

21

Горда своим могуществом Армида,
 Ринальд же горд оковами своими;
 Она его лишь видит, он — ее.
 «Ах, обрати же на меня, — влюбленный
 Так говорит, — те взгляды, что блаженством
 Мне душу опьяняют! Ты свои
 Черты увидишь в сердце, где яснее,
 Чем в зеркале, их страсть запечатлела.

22

Меня чуть терпишь ты, пренебрегаешь
 Ты мной, жестокосердная, я знаю,
 Презренное создание твоих
 Ни помыслов, ни взглядов не достойно;
 Не в зеркало смотришь, а в это небо,
 Что прелести твои лишь пуще красят,
 В завистливые звезды, что в лучах
 Красы твоей, как в блеске солнца, меркнут».

23

Его с улыбкой слушая, Армида
 Нарядом занимается своим:
 В порядок должный волосы приводит,
 Сбирает их и заплетает в кольца;
 Цветы ее прическу изошряют,
 Как вправленная в золото эмаль.
 Свои лилеи с розами смешав,
 Она скрывает грудь под нежной тканью.

24

Павлин великолепный не с таким
 Самодовольством хвост свой распускает.
 Не так прекрасна радуга, играя
 На солнце переливами своими.

Но затмевает все блестящий пояс,
Работа рук ее: ничья другая
Рука все составные части слить
В одно произведение не смогла бы.

25

Там нежные увертки, там отказы
Призывные и сладострастный хмель,
И знойная истома, и улыбки,
И недомолвки, слезы счастья, вздохи;
Все это на огне волшебном ею
Претворено в пленительную ткань,
Которая и для Амура служит
Источником лишь новых наслаждений.

26

И вот она дает Ринальду нежный...
Последний поцелуй; наставший день
Ее зовет уж в замок, где предаться
Она должна обычным чародействам.
За ней любовник следовать не может:
Нет доступа ему в покой заветный;
Один по очарованным садам
Он бродит целый день среди животных.

27

Когда же сумрак с тишиной готовы
Мирволить снова ласкам потаенным,
Соединяет тот же их приют,
Поверенный безумного блаженства.
Едва из глаз Армида исчезает,
Два воина выходят из засады
И сразу предстают перед Ринальдом
В доспехах ослепительных своих.

Как бы сверканьем стали озаренный,
 Ринальд перерождается мгновенно:
 Былое пламя вспыхивает в нем,
 И рвением боевым он весь уж полон;
 Бессилья и дремоты наслажденья
 Следа не остается в юном теле.
 Таков скакун, стяжавший в битвах славу
 И на постыдный отдых обреченный.

Блуждает он по пастбищам, питаюсь
 И нежась рядом с милой кобылицей;
 Но, чуть трубу военную слышит
 И чуть завидит блещущую сталь,
 Веселым ржаньем сразу пробуждает
 В себе отвагу прежнюю: уже
 Нетерпеливо рвется он в равнину
 И воина-хозяина зовет.

Меж тем Убальд, приблизившись к Ринальду,
 Показывает щит ему алмазный;
 Герой в него глядит и видит в нем
 Постыдно разукрашенный свой образ:
 И кудри в беспорядке сладострастья,
 Обильно умащенные, и меч,
 Орудие когда-то бранной славы,
 Теперь же лишь простое украшение.

С трудом он узнает себя. Проснувшись,
 Но все еще под властью сновидений,
 Так человек в себя прийти не может.
 И наконец упала пелена:

Ринальд к земле в смятенье клонит взоры;
Он ринулся бы в море иль в огонь,
Сквозь землю провалился бы он, только
Позор бы свой похоронить навеки.

32

И держит речь тогда к нему Убальд:
«Вся Азия пылает, вся Европа;
Кто ради битв, кто за Христа, но каждый
Льет кровь свою на пажитях сирийских.
Ты, сын Бертольда, ты один, скрываясь
В неведомых местах, вкушаешь негу!
Рабом презренным женщины, один
Спокоен ты средь треволнений мира.

33

Что усыпить могло твою отвагу?
Проснись, идем! Готфрид тебя зовет;
Готовят и фортуна и победа
Тебе неувядающие лавры.
Спеши, воитель доблестный, спеши
Свершить тобою начатое дело!
Пусть этот люд, твой меч уже познавший,
С лица земли исчезнет навсегда!»

34

Смолкает он. Ринальд одно мгновенье
Недвижным и безгласным остается;
Но вслед за тем и разум и отвага
Его душой овладевают вновь.
Румянцем ярким вспыхивают щеки,
И разрывает он в негодование
Свои уборы суетные, знаки
Неволи омерзительной своей.

В сопровожденье воинов обоих
 Предательский приют бросает он.
 Тем временем Армида видит стража
 Ужасного во прахе распростертым;
 Охваченной предчувствием зловещим,
 Приходится наглядно ей в утрате
 Возлюбленного скоро убедиться:
 Увы, увы! Он вне ее владений.

Она ему вдогонку хочет крикнуть:
 «На что меня покинул ты, жестокий!»
 Но сковывает горе ей уста.
 И оттого страдает пуше сердце.
 Несчастливая! Твоей сильнее власть
 Тебя лишает счастья и утечи.
 Нет для нее сомнений в том, и тщетно
 Она пускает в ход свое искусство.

Известны ей те страшные слова,
 Что на горах бормочут фессалийки;
 Известны заклинания, что в силах
 Остановить движение светил
 И вызвать из гробов умерших тени.
 Но отклика ей нет уж в преисподней:
 Тогда она пытается мольбами
 Смиренной красоты вернуть утрату.

Не внемля чести голосу, она
 Бежит вслед за Ринальдом. Где ее
 Триумфы? Что с ее гордыней случилось?
 Увы! Еще недавно колебала

Она единым взглядом власть Амура;
Сердца воспламеняя и тщеславясь
Победной красотой, она в своих
Поклонниках рабов искала только.

39

Теперь она преследует того,
Кто ею пренебрег, неблагодарный,
И уж ее ни снежные сугробы,
Ни пропасти остановить не могут.
Предшествуют ей верные гонцы,
Неся Ринальду жалобы и слезы;
И наконец героя настигает
Она уже на самом берегу.

40

Здесь вне себя кричит она: «О ты,
Что отнимаешь у меня полжизни,
Возьми и остальную половину,
Иль возврати мне эту, иль покончи
С обеими! Остановись! Мне нужен
Не поцелуй последний твой; его
Отдать другой избраннице ты можешь.
Хоть выслушай! Чего же ты боишься?»

41

Тогда Убальд Ринальду: «Государь,
Тебя уж недостойно ей в последнем
Прощании отказывать. Явилась
Она во всеоружье красоты;
Какую бы победу над собою
Ты одержал, в лицо взглянув ей прямо!
Так чувствами повелевает разум,
И так он очищается в борьбе».

Ринальд стоит и ждет. Едва дыша
 И вся в слезах, Армида прибегает,
 От тяжелой скорби став еще прекрасней.
 С возлюбленного глаз она не сводит:
 Досадуя ль, мечтая, иль робея,
 Она молчит; а он как бы случайно
 Бросает исподлобья на нее
 Медлительно-застенчивые взгляды.

Хоть горем и подавлена Армида,
 Но все ж верна коварству своему
 И вздохами чуть слышными стремится
 Для жалоб путь открыть к Ринальду в сердце.
 Так, прежде чем залиться звонкой песней,
 Настраивая слушателей души,
 В задумчивости будто бы, певец
 Напев слегка наигрывает только.

И льется вдруг отчаянная речь:
 «Не жди молений пламенных, жестокий;
 Слова любви для нас уж отзвучали...
 Но если ты и памятью о ней
 Гнушаешься, то выслушай, как враг
 Выслушивать врага моленья должен.
 Что я прошу, то можешь ты исполнить,
 Ко мне в душе презренье сохраняя.

Нашел себе ты в ненависти счастье,
 И я не посягаю на него;
 Ты, без сомненья, прав: доньше так же
 Мне христиане были ненавистны,

И ты был ненавистен в их числе.
Погибели твоей лишь помогаясь,
Тебя перенесла я в эти страны,
Далекие от мира и от битв.

46

И к этим преступлениям прибавь
Еще одно, ужаснее всех прочих:
Тебя я напоила ядом страсти...
Вине моей нет имени и кары!
И честь и стыд я отдала тебе;
Покорною рабою став твоею,
Тебе тот рай открыла, о котором
Вздыхали тщетно тысячи влюбленных.

47

Мечь ждет тебя; спеши, покинь места,
Столь милые тебе еще недавно!
Ниспровергай повсюду веру нашу:
Сама же меч в твои вложу я руки.
Ах, не моя уж больше эта вера!
Ты, сердца моего кумир жестокий,
Один лишь ты владеешь им отныне:
Один ты мне и господин и бог!

48

И об одной лишь милости прошу я:
Последовать позволь мне за тобой!
Как пленных победитель к колеснице
Приковывает, так включи в число
Своих трофеев славных и Армиду
На торжество и радость христиан;
Пусть гордая краса перед лицом
Соратников твоих влечет оковы.

Презренная раба! Э, для чего
 Отныне эти волосы мне холить?
 Я косы бесполезные отрежу;
 Пусть все во мне изобличает рабство.
 В пылу кровавых битв, среди врагов
 Я от тебя не отойду; довольно
 И храбрости и силы у меня,
 Чтоб послужить тебе оруженосцем.

Конюшим буду я твоим; коль хочешь,
 Отдам я жизнь, чтоб защитить твою:
 Пусть меч врага пронзит мне прежде сердце,
 Чем твоего достигнет. Не найдется
 Ни одного, быть может, между ними,
 Чтоб дни твои купить ценой моих;
 Краса, тобой презренная, быть может,
 Забыть заставит каждого о мщенье.

Несчастливая — увы — мне ль надмеваться
 Красой, что преклонить тебя не в силах!»
 Она хотела продолжать, но слезы
 Рекой текут из глаз ее; схватить
 Героя руку, только лишь колена
 Обнять его хотела бы, но тщетно:
 Любви к нему нет доступа уж в сердце,
 И замкнуты для слез его глаза.

Но если прежним пламенем любовь
 В нем не могла уж больше разгореться,
 Живым теплом его, по крайней мере,
 Смягчает целомудренная жалость:

Душа его растрогана; однако,
Естественное чувство обуздав,
Под внешностью бесстрастной он искусно
Движение участия скрывает.

53

«Я скорбь твою, Армида, разделяю, —
Так говорит он ей, — зачем в тебе
Не в силах погасить я пламя страсти!
Я не таю ни злобы, ни презренья;
Не помню я обиды и о мщенье
Не думаю. Не враг и не раба,
Ты и в любви, и в ненависти меру
Нарушила, поддавшись заблуждению.

54

Простительные слабости! Тебя
Оправдывают вера, пол и возраст.
Могу ль я осуждать твои ошибки,
Когда их разделял с тобою вместе?
Нет, в счастье ли, в несчастье ли, но память
Твоя мне будет вечно дорога,
И рыцарем твоим я все ж останусь,
Насколько мне позволят честь и вера.

55

Покончим навсегда с позором нашим
И погребем его в пустынях дальних.
О, если б я из цепи дней моих
Мог вырвать эти звенья роковые!
О, если б миру эта часть моей
Истории неведомой осталась!
И ты стрелу исторгни, что пятнает
И доблесть, и красу, и блеск рожденья.

56

Расстанемся, и пребывай здесь в мире:
 Ни шагу дальше сделать ты не смеешь;
 На этой иль иной стезе найди
 Усладу в недрах разума и воли». —
 Пока Ринальд так говорит, Армида,
 Едва собой владея, на него
 Бросает угрожающие взгляды;
 И наконец громит его словами:

57

«Нет, ты — не сын Софии, и кичиться
 Тебе геройской кровью не пристало:
 Ты морем в гнев выброшен со дна,
 Кавказом ты рожден, тигрицей вскормлен.
 К чему еще притворство? Хоть одним
 Движением ты проявил ли жалость?
 В лице ты изменился ли? На вопль
 Отчаянья ответил ли хоть вздохом?

58

И ты, мою печаль поправший, хочешь
 Быть рыцарем моим, а сам бежишь!
 И ты, великодушный победитель,
 Охотно все обиды забываешь!
 Советы мне даешь, мудрец суровый!
 Журишь мою любовь, благоразумный!
 О Небо! Терпишь ты таких злодеев,
 А наши храмы и твердыни рушишь!

59

Иди, мне мира твоего не надо;
 Беги, неблагодарный! За тобою,
 Как фурия, вслед полетит моя
 Со змеями и факелами ярость.

И если суждено тебе вернуться
В проклятый стан, своею кровью скоро,
Могильными тенями окруженный,
Искупишь ты отчаянье мое.

60

Тогда-то, вздох последний испуская,
Ты призовешь Армиду... я услышу...»
Пытается она договорить;
Но скорбь ее слова вдруг прерывает,
И звуки их теряются в пространстве!
И падает как мертвая она:
На теле выступает пот холодный,
Смыкаются в изнеможенье веки.

61

Смыкаются, Армида! Утешенья
Последнего тебя лишает Небо:
Открой глаза, несчастная, взгляни,
Как плачет тот, кто от тебя уходит!
Ах, если бы могла его ты слышать!
Как усладили б душу эти вздохи!
Дает тебе он все, что может: взор
Прощальный полон жалостливой ласки.

62

Что делать? Вправе ль он на берегу
Пустынном злополучную оставить?
Велит ему остаться состраданье,
Но в путь его влечет необходимость.
И вот уж судно легкое несется
Вразрез волнам; на берег устремлен
Ринальда взор, но берег постепенно
Из глаз его в пространстве исчезает.

Придя в себя, глядит вокруг Армида
 И всюду одиночество встречает.
 «Уехал! — говорит она, — уехал
 И мог меня здесь бросить бездыханной!
 И ни на миг отъезда не отсрочил!..
 Не оказал мне помощи малейшей...
 А я еще люблю его... и вместо
 Того, чтоб мстить, по нем же слезы лью...

Но разве нет оружия другого?
 О, по пятам за ним, неблагодарным!
 Ни Небо не спасет его, ни Ад.
 Вот он в руках, я сердце вырываю...
 И пусть лежат кровавые останки
 На страх другим таким же смельчакам...
 Сам научил меня он быть жестокой...
 Но где же я? Что говорить дерзаю?

Несчастливая Армида! Лишь в оковах
 Он мог еще твою изведать ярость;
 Теперь твой гнев уж опоздал, и ты
 Бесплодным изливаниям предаешься,
 Нет... если и мольбы мои, и чары
 Над ним бессильны, есть иное средство:
 Ты, красота, отвергнутая им,
 Послужишь мне орудием возмездья.

Да, красота тому наградой будет,
 Кто принесет мне голову его.
 Поклонники мои! Я предлагаю
 Вам тягостный, но благородный искус...

И самое себя, и все богатства
Вам отдаю... Но если я не стою
Такой цены, пустая красота,
Какой ты бесполезный дар природы!

67

Дар гибельный, гнушаюсь я тобою;
Гнушаюсь и венцом своим, и жизнью,
Гнушаюсь днем рожденья своего...
Живу я лишь надеждою на мщенье».
Так, в возгласах прерывистых свое
Отчаянье излив, с безумным взором
И косами, разметанными дико,
Она пустынный берег покидает.

68

В свой замок возвратившись, духам ада
Она шлет вызов в громких заклинаньях:
От страшных туч темнеют небеса;
Светило дня, бледнея, угасает;
Дрожат от ветра горы и утесы,
Ревет и стонет бездна, а чертог
Уж полон и свистящих, и шипящих,
И воющих, и лающих чудовищ.

69

На здание нисходят тени тьмы
Ночной черней; они еще ужасней
От молний, что насквозь их прорежают.
Потом светлеет снова; снова солнце
Бросает с неба бледные лучи.
Еще не ясен воздух, но уж видно,
Что замка больше нет: исчез бесследно,
Как будто бы и не было его.

Так в блеске дня иль от дыханья ветра
 Ночные исчезают испаренья;
 Воображеньем вызванный больным,
 Так исчезает призрак бестелесный.
 И остается там теперь лишь то,
 Что создано природою от века:
 Громады голых скал да дикий ужас;
 Армиду же уносит колесница.

Вся в облаках и шумных вихрях, режет
 Она своим полетом воздух; видны
 Ей берега под чуждыми звездами
 И с чудным населением края.
 Вот и столбы Алкида: Гесперия
 И земли мавров уплывают мимо.
 Над морем держит путь она, пока
 Сирийских берегов не достигает.

И не Дамаск ее влечет: к отчизне,
 Когда-то милой ей, остыло сердце;
 Она несется к замку роковому,
 Что одиноко высится средь волн.
 Там, от придворных скрывшись, предается
 Она мятежным помыслам, что душу
 Волнуют ей; но вскоре над стыдом
 Одерживает верх желанье мести.

И говорит она: «Туда полет мой,
 Где войско собирает египтянин:
 Под образом, неведомым доньше,
 Я силу чар еще раз испытаю.

Орудя мечом и луком, буду
Чужому государю я служить
И заручусь его к себе участием:
Что в чести мне, когда меня ждет мщенье!

74

Меня винить ты, Хидраот, не должен:
Вини себя; ты первый побудил
В моей душе отвагу и девичьей
Стыдливости разбил на мне оковы.
Заблудшая, твоим советам внимля,
Я мирных добродетелей чуждалась:
За все те преступления, что Амур
Подскажет мне, один лишь ты ответишь».

75

Так говорит она; потом немедля
Всех слуг своих зовет и всех служанок
И, в пышные облекшись одеянья,
Весь блеск красы и роскоши являет.
Покинув замок, отдыха она
Не ведает, пока не доезжает
До пламенных песков, что египтяне
Усеяли шатрами в изобилье.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

1

У грани Палестины, на пути
В Пелузиум, смиряют стены Газы
Свирепость волн морских; за ними ж знойных
Песков далеко стелется равнина.
Тот ветер, что господствует над морем,
В своей же власти держит и пустыню:
Не видя ни дороги, ни следа,
Себя причудам бурь вверяет странник.

2

Турецкий город, некогда достался
Властителю египетскому Газа
Как дар войны: покинул царь тогда
Мемфис и в нем дворец великолепный,
Чтоб здесь свое устроить пребыванье
И средоточье замыслов своих.
Из недр земель обширных в этот город
Стянул теперь огромные он силы.

3

И вот теперь нужна мне помощь, Муза!
Какие там стеклись войска, поведай,
И сколько дали воинов отдельно
Египет и подвластные цари;

Скажи, как Юг соревновал с Востоком:
Одна лишь ты напомнить можешь мне,
Кто над каким отрядом был главою
В неисчислимой рати полумира.

4

Когда, восстав на Бога своего,
Египет сверг с себя ярмо неволи,
В нем воин из потомков Магомета
Под званием калифа воцарился;
К наследникам его уже потом
Переходило с властью это званье.
Так старый Нил за рядом фараонов
Ряд Птолемеев видел на престоле.

5

С годами укрепилось это царство
И возросло; от киринейских стен
До крайних граней Сирии все земли
Оно своим могуществом покрыло.
Нил, в недрах Эфиопии скрываясь,
Боялся за источники свои;
И Савские пустыни, и долина
Евфрата под его стопой стонали.

6

Аравией богатой с Красным морем
Владея безраздельно, простиралось
Оно до золотых ворот Авроры.
Могущество его не в силах лишь
Морских и сухопутных, но и в самом
Властителе: рожденный на престоле,
Калиф и государем образцовым
Является, и доблестным вождем.

7

И с Персией, и с Турцией он долго
 Боролся, побеждая зачастую,
 Порою же, притом с гораздо большим
 Величием, терпя и пораженья.
 Отяжелев от старости, его
 Рука мечом владеть уже не в силах;
 Но жажда бранной славы и побед
 Поддерживает в нем былое пламя.

8

Сражается он через слуг усердных;
 И мысли и слова его горят
 Отвагою, и бремя царской власти
 Не угнетает старости его.
 Всю Африку он именем своим
 Приводит в трепет; чтит его индиец;
 Обязаны ему соседи помощь
 Оказывать солдатами и данью.

9

Таков был государь, что угрожал
 Державе нарождавшейся латинян
 И тщательно обдумывал препоны
 Тревожным и зловещим их успехам.
 Когда Армида в Газе появилась,
 Он занят был подсчетом сил своих
 И, выведя за стены городские
 Отряды все, им делал смотр в равнине.

10

Сидел на возвышенье он, куда
 Вели сто ступеней слоновой кости:
 Над головой его раскинут был
 Серебряный навес, а под ногами

Лежал ковер из золота и шелка.
Его одежды пышные блистали
Всей роскошью Востока, а чело
Охватывал тюрбан великолепный.

11

В руке державный скипетр; на груди
В волнистых прядях борода седая;
Глаза еще былою мощью блещут:
Достоинством и возраста и власти
Проникнута осанка вся его.
С такою же наружностью в своих
Созданиях и Апеллес и Фидий
Изображали Зевса-громовержца.

12

Направо и налево от калифа
Стоят, как изваянья, два сатрапа:
Один с мечом карающим, другой же
С печатью государственной в руке.
Второй законы ведает и в царстве
Блюдет покой и мир, а первый всеми
Начальствует войсками и вокруг
Распространяет ужас и возмездье.

13

Вокруг престола верные черкесы:
В руках сверкают дротики, броней
Прикрыта грудь и длинные кривые
Висят с боков мечи. Глаза калифа
Скользят по многочисленному войску;
И стройные в движении отряды,
Перед вождем державным проходя,
Оружие склоняют и знамена.

И египтяне первыми идут;
 Начальников у них четыре, по два
 От Верхнего и Нижнего Египта.
 Последняя страна, создание Нила,
 Морской лишь грязью бывшая когда-то,
 Со временем вся стала плодоносной.
 Там плуг изборонил и взрыл ту гладь,
 Что флагами судов пестрела раньше.

Калиф сначала видит те народы,
 Что населяют край Александрии,
 А также берега, которым шлет
 Последние свои улыбки солнце.
 Начальствует отрядом тот Арасп,
 Чей ум врагам меча его страшнее:
 Все хитрости, все вероломство мавров
 Постиг он и усвоил в совершенстве.

За ними чередой Авроры дети,
 Явившиеся с крайнего востока:
 Ведет их Аронтей. Неведом миру
 Ни доблестью, ни подвигами он;
 Доспехи в нем не вызывали пота,
 Труба его с зарею не будила:
 Нескромным честолюбием оторван
 От неги он и ввергнут в приключения.

Огромнейший отряд проходит следом;
 Казалось бы, не столько надо рук,
 Чтоб жатву со всего собрать Египта.
 Меж тем представлен здесь один лишь город;

Соперничать, однако, с целым краем
Способен он, зовется же Каиром.
Толпой несметной этой, в бранном деле
Неопытной, начальствует Кампсон.

18

Газель проводит жителей страны,
Что место занимает от Каира
До нильского второго водопада.
Оружия не знает египтянин
Иного, кроме лука и меча,
И тяжести доспехов не выносит:
Богатые одежды обличают
Не воина, стяжателя скорее.

19

А дальше Аларкон с его кой-как
Вооруженной шайкой оборванцев,
Тех, что пустыни Барки населяют
И впроголодь разбоями живут.
За ними показались уж не столь
Негодные отряды из Заморы
И Триполи: наездники лихие
Взад и вперед без перерыва скачут.

20

Прошли потом народы Каменистой
Аравии; за ними уроженцы
Аравии Счастливой, той страны,
Где солнце не палит лучами землю,
Зима ж ее не покрывает снегом:
Там ладан; там благоуханья; там
Бессмертный феникс, на костре цветочном
Сгорая, возрождается из пепла.

21

Блестящие не столь, как египтяне,
 Они вооруженьем с ними сходны.
 Арабы к ним другие примыкают:
 Кочевники без прочных очагов,
 Они с собой свои жилища возят;
 У них и женский рост, и женский голос,
 И черные, как уголь, волосы
 На смуглые их лица ниспадают.

22

В руках у них метательные трости
 С железными и острыми концами,
 И едут на конях они, быстрее,
 Чем молнии, несущихся в пространстве.
 Над первыми начальствует Сифак;
 Альдину повинуются вторые;
 У третьих вождь Альбиазар, стяжавший
 Не война известность, а убийцы.

23

Сменяет их отряд людей, прибывших
 С тех островов, что окружает море,
 Где падкий до наживы рыболов
 Со дна собирает жемчуг драгоценный;
 Начальник их зовется Агрикальтом.
 Осмид, чужих религий сокрушитель,
 Сам ни во что не верующий, черных
 Туземцев с моря Красного ведет.

24

Вот эфиопы с острова Мероз,
 Что омывают Нил и Астрабон;
 В своих больших пределах этот остров
 Три царства и две веры заключает:

Канар и Ассимир, магометане
И данники калифовы, явились
С подмогою к нему, а третий царь,
Христовой церкви сын, остался дома.

25

В сопровожденье конницы еще
Двух данников там видит египтянин.
Один царит в Ормусе, плодородной
Стране у вод Персидского залива;
Другой в Бекане властвует; когда
Прилив поверхность моря поднимает,
Бекан водой, как остров, окружен;
В отлив же там, как посуху, проходят.

26

И ты здесь, Альтамор: не удержали
Тебя жены возлюбленной объятья;
Она напрасно плакала, напрасно
Терзала грудь и волосы рвала.
«Жестокий, — говорила, — иль меня
Тебе милей бушующее море!
Иль слаще бремя лат, чем бремя сына,
Что за тебя так нежно ухватился!»

27

Царит над Самаркандом Альтамор;
Венец его сияет полным блеском,
Но не венцу он славою обязан.
Искусный в бранном деле, он к тому ж
Из воинов храбрейший: христиане
Уж и теперь должны его бояться.
Закованы в броню его солдаты,
И целый арсенал у них при седлах.

28

Оттуда, где конец уже вселенной
 И где Авроры зиждутся ворота,
 Является Адраст свирепый; латы
 Его обиты кожей змеи,
 А сам сидит он на слоне огромном.
 Его сопровождают племена,
 Тела свои купающие в море,
 Что Инда насыщается струями.

29

За ним отряд воителей отборных,
 В войне и в море служащих калифу;
 Он осыпает почестями их
 И льет на них щедроты в изобилие.
 Они искусно правят скакунами;
 Багрянцем их одежд сияет небо;
 Их плотно облегающая сталь
 Издалека блесит угрозой смертной.

30

Видны в отряде Аларкон жестокий,
 Омар благоразумный, Хидраорт
 И Римедон, в отваге дерзновенной
 Ни смертных не боящийся, ни смерти.
 Тигран, Рапольд, корсар неустрашимый,
 Морей недавний ужас, и Ормонд,
 И Марлабуст, арабов покоривший,
 За что и был «Арабским» прозван сам.

31

Оринд еще там виден, Аримон,
 Пирга, Бримарт, в прах мечущий твердыни,
 Сифант, коней известный укротитель:
 И ты, Аридамант великодушный,

Лицом к лицу с врагом неодолимый,
И Тизаферн, и на коне, и пеший,
С копьем, с мечом, достойного себе
Противника доныне не нашедший.

32

Главенствует отрядом армянин,
В ислам из христианства перешедший;
Как христианин Климентом он звался,
Теперь же носит имя Эмирена.
Всех воинов дороже он калифу:
Искусный вождь и доблестный боец,
Своим благоразумием он так же
Известен, как и храбростью и силой.

33

А после всех героев появилась
С блестящей конницей своей Армида
В роскошной колеснице; за плечами
Колчан был у нее и лук в руке.
В лице с природной нежностью мешаясь,
Гнев придавал ей вид неустрашимый:
И угрожает будто бы она,
И, угрожая, тем сильнее чарует.

34

Армиды колесница вся сверкает
Рубинами и золотом; ее
Попарно запряженные четыре
Везут единорога, а вокруг
Сто юношей и сто юниц несутся
С пучками стрел, бряцающих в колчанах:
Они коней белее снега гонят,
А те быстрее, чем молния, летят.

35

За конницей Армиды Арадин
 Ведет отряд наемников сирийских.
 Так феникс возрожденный эфиопам
 Являет снова прелести свои:
 И оперенья пестрого богатства,
 И блеск лучистый горла золотого;
 Его глазами люди провожают,
 И птицы от него не отстают.

36

Так воинов Армида ослепляет:
 Как ни были бы яростны, при виде
 Ее воспламеняются все души.
 И с гневом на лице уж все сердца
 Она приводит в трепет: что же будет,
 Когда ей радость взгляды оживит,
 Подернутся глаза истомной влагой
 И на губах засветится улыбка!

37

Калиф за Эмиреном шлет: он хочет
 Ему вручить военной власти знак
 И замысел блистательный доверить.
 Уже предназначеньем славным полный,
 Воитель приближается, собой
 Достойного избранника являя;
 Ряды свои черкесы размыкают,
 И он по ступеням восходит к трону.

38

Колена преклонив перед калифом,
 Он слышит: «С этим скипетром тебе
 И власть свою, и участь я вручаю;
 Возьми его и за меня начальствуй.

Да сокрушат врага твои удары,
Да не познает ига данник мой!
Кому же избежать удастся смерти,
Пусть мщенье обретет в оковах наших!»

39

Эмблему принимает Эмирен
С почтительным поклоном и словами:
«Напутствуемый милостью твоею,
Лечу я на призыв желанной славы.
Я именем твоим сражаться буду
И отомщу за Азию; вернусь
К тебе я победителем иль смертью,
Но не стыдом покрою поражение.

40

Ах, если нам грозит небесный гнев,
Пусть на меня падут его удары!
Пусть с торжеством к тебе вернется войско,
А вождь его свидетелем победы
Останется лежать на поле брани».
Сказал; и клики воинов, и звуки
Военных труб вещают тот восторг,
Что вызван этим выбором блестящим.

41

Калиф среди приветствий сходит с трона
И в ставку возвращается свою.
Там к трапезе вождей он приглашает
И, на своем почетном месте сидя,
Им рассылает кушанья с приправой
Из слов благоволения и вниманья.
Армида и в утехах между тем
Намерений не забывает злобных.

По окончанье трапезы все взоры
 Устремлены упорно на Армиду,
 И по известным признакам она
 В заразе убеждается всеобщей.
 И в голосе являя, и в осанке
 Суровую надменность, но при этом
 Почтительность стараясь соблюсти,
 К калифу речь она такую держит:

«О царь царей, намерена я также
 За веру и за родину сражаться.
 Я — женщина, но родилась в венце;
 Руке ж, которой подобает скипетр
 Властительный держать, равно приличен
 И бранный меч. Моя рука сумеет
 Врагов разить без промаха и кровь
 Из ран их извлекать струей обильной.

Не думай, государь, что я свою
 Отвагу под знаменами твоими
 Впервые подвергаю испытанью.
 Сражалась я уже за нашу веру
 И за твое владычество; ты слышал
 О подвигах моих: тебе известно,
 Что я одна сумела положить
 Славнейших из героев христианских.

Закованных, в неволю обращенных,
 Отправила я их в твои владенья;
 Теперь уже стонали бы они
 В твоих недостижимых темницах,

Колена преклонив перед калифом,
Он слышит: «С этим скипетром тебе
И власть свою, и участь я вручаю...»

И сам бы ты в успехе своего
Оружия сильнее был уверен,
Когда б Ринальд спесивый, их оковы
Разбив, не истребил моей охраны.

46

Ринальда знаешь ты: тебя достигла
Молва о приключениях его;
Жестокий, он нанес мне оскорбленье...
И до сих пор еще мной не наказан!..
Давно я ненавижу христиан,
Но ненависть во мне кипит иная.
Когда-нибудь я все тебе открою,
Теперь же занята я только местью.

47

И месть свершится: ни одна стрела
Не полетит по воздуху напрасно;
Но если кто из воинов твоих
Снести сумел бы голову злодею
И мне ее кровавую принес бы,
Считала бы себя я отомщенной,
Хоть для меня и слаще и славней
Была бы месть, исполненная мною.

48

За эту благородную услугу
В награду предлагаю, что могу:
Сокровища мои и самое
Себя. Я это обещаю, в этом
Клянусь перед людьми и небесами.
И если бы нашелся воин здесь,
Которого прельстила бы награда,
Пусть выступит и пусть себя объявит».

Адраст, пока Армида говорила,
 С восторгом пожирал ее глазами.
 «Небесная краса, — он восклицает, —
 Не твой удар злодея поразит.
 Для сердца вероломного большая
 Была бы честь пасть от руки прекрасной;
 Я буду мстить и голову его
 Я положу к ногам своей богини.

Ему я сердце вырву; из останков
 Для коршунов устрою пир кровавый». —
 Так говорил индеец; Тизаферн,
 Бахвальством возмущенный, восклицает:
 «Да кто же ты, что смеешь на глазах
 Калифа и моих так величаться?
 Есть воин, может быть, что все свершил бы,
 Чем хвастаешься ты, но он молчит».

Адраст ему в ответ: «Мои слова
 Моих же дел неизмеримо ниже;
 И если бы не здесь мы находились,
 Ты смертью бы за дерзость мне ответил». —
 Калиф их заставляет замолчать
 И говорит, к Армиде обращаясь:
 «Прекрасная царевна, ты, бесспорно,
 Душой и сердцем воина владеешь.

Достойна ты, чтоб эти два героя
 Тебе и гнев и мщенье посвятили;
 Сама уже направить их отвагу
 Ты против оскорбителя должна.

Есть поприще, где могут, соревнуя,
Они себя бойцами проявить».
Сказал и смолк: и воины царевне
Свои мечи тотчас же предлагают.

53

За ними восхваляют и другие
И рвение и мужество свое:
И обещают все, и все клянутся
Мстить до конца. Пока она искусно
Готовит столько злобы на героя,
Что был еще недавно ей так дорог,
На корабле волшебном по волнам
Благополучно путь он продолжает.

54

Благоприятный ветер неизменно
И крепко надувает паруса,
И океан подкатывает волны
Под легкую, знакомую уж ношу.
Ринальд глядит на небо и на звезды,
Что путникам указывают цель;
Порою видит реки он и горы,
С угрозою нависшие над морем.

55

То спрашивает он о христианах,
То изучает нравы чуждых стран.
С тех пор, как судно их отплыло, солнце
Четыре раза в небо восходило;
И погрузилось вновь оно в пучину,
Когда земли они коснулись. «Здесь, —
Им говорит неведомая, — берег
Святой для вас земли; ваш путь окончен».

Высаживает их она на землю,
 Сама ж быстрее мысли исчезает;
 Тем временем с небес нисходит ночь
 И темной пеленой природу кроет.
 Среди их окружающих пустынь
 Три воина ни стен нигде не видят,
 Ни признаков живого человека:
 Ничто пути им указать не может.

Колеблются они одно мгновенье,
 Потом идут, от моря удаляясь;
 И вот им неожиданно в глаза
 Бросается светящаяся точка:
 Из серебра и золота сиянье
 Пронзает ночь и озаряет тьму.
 Они идут на светоч неизвестный,
 И вскоре разъясняется загадка.

По дереву развешаны доспехи,
 И лунный свет в них прямо ударяет;
 На шлеме золоченом ярче звезд
 Сверкают драгоценные камни;
 Пониже щит с трофеями, а возле
 Сидит почтенный старец, как бесценных
 Сокровищ этих страж; поднявшись с места,
 Он к воинам идет навстречу сам.

Датчанин и Убалд в нем узнают
 Того, кто их на верный путь направил,
 И раскрывают мудрому объятья;
 Ринальд же на него глядит безмолвно.

И старец говорит тогда герою:
«Тебя лишь я разыскивал повсюду,
Тебя лишь одного я ожидал
В своем уединенье с нетерпением.

60

Меня не знаешь ты, но я — твой друг,
У спутников своих спроси об этом;
Я научил их одолеть те чары,
В которых ты влачил свой жребий жалкий.
Внемли моим речам: они не будут
Так нежны, как твоей сирены речи,
Но в сердце все ж их сохрани, пока
Наставника достойней не достигнешь.

61

Не под прохладной сенью, не в истоме
Сладчайших нег найдешь свое ты счастье:
На непорочном ложе, на вершине
Крутой горы покоится оно;
Его достичь возможно, лишь презрев
И зной, и стужу, и улады жизни.
Ты спустишься ли, житель поднебесья,
В долину, чтоб во прахе пресмыкаться?

62

В твоей груди горит отваги пламя,
И поднято чело твое высоко;
Внемли природы голосу, иди
На зов Небес к величию и славе.
Твой гнев неукротимый дан тебе
Не для того, чтоб истреблял ты братьев
И слепо предавался побуждениям,
Что отвергает разум неподкупный.

Да не остынет мужество твое:
 Сильнее будь своих страстей и ужас
 Умей внушать врагам, что, в недрах сердца
 Найдя приют, его же и терзают.
 Смири себя и покорись руке —
 Наставнице твоей на утре жизни:
 Готфрид благоразумный знает лучше,
 Когда твой пыл разжечь иль погасить».

Ринальд, пылая краскою стыда,
 Со взглядами опущенными слушал
 И в сердце хоронил советы старца.
 Тот в глубь души героя проникает
 И говорит: «Оправься от смущенья
 И подними свой взор, мой сын! Взгляни
 На этот щит; на нем увидишь ясно
 Ты славных предков славные деянья.

Увидишь ты, как смелыми шагами
 Они одолевают те препоны,
 Что смертному простому не сломить...
 Они тебе дорогу проложили.
 Иди по ней! Проснись! Картины эти
 Пусть для тебя послужат вдохновеньем».
 Так старец благородный говорит,
 И уж к щиту прикован взор героя.

На месте ограниченном художник
 Сумел расставить множество фигур,
 Одну другой не заслоняя: в должном
 Порядке здесь все Акция потомки.

Их кровь берет начало из того
Источника, что скрыт в останках Рима;
О войнах их и о победах, славой
Увенчанных, рассказывает старец.

67

Среди обломков царства Кай бразды
Правления рукой хватает смелой
И в сане государя над народом
Воинственным приобретает власть;
Его не столь могучие соседи
Его же подчиняются законам.
Тогда на зов Гонория страну
Опустошать приходит гость суровый.

68

В том пламени, что злобно пожирает
Объятый скорбью край, меж тем как Рим
Под бременем оков бессильно стонет
И рокового ждет конца, Аврелий
Отбрасывает иго от народов,
Его руке подвластных, а Форест
Вождю завоевавших север гуннов
Преграду угрожающую ставит.

69

По мрачному огню, которым блещут
Глаза, по омерзительной фигуре
Легко узнать свирепого Аттилу;
Рычанье будто слышится его.
Чудовище, понесши поражение,
Спасается среди подвластных полчищ;
Меж тем Форест, родного края Гектор,
Стремится Аквилею защищать.

Подальше — смерть героя и его
 Судьба, судьбою ставшая отчизны.
 Наследник добродетелей отцовых,
 Страну оберегает Акарин.
 Фортуной, а не гуннами гонимый,
 Альтин приют разыскивает новый:
 Из сотен хижин, что в долине По
 Рассеяны, он образует город.

Плотиною удерживая ярость
 Стремительной реки, выводят стены
 И на ином закладывают месте
 Основы для престола дома Эстов.
 Аланов победитель устоять
 Не может против силы Одоакра,
 И гибнет для Италии Альтин:
 Отца его достойная кончина.

С ним гибнет Альфориз; Аццон же с братом,
 Изгнанники, являются обратно,
 Чтоб бывшего властителя сменить.
 И Бонифаций здесь, Эпаминонд
 Из дома Эстов. Насмерть пораженный
 Стрелою, он находит в том утеху,
 Что одержал победу над Тотилой
 И уберег свой щит от вражьих рук.

Валериан, почти еще дитя,
 Идет уж по стопам отца, однако,
 И, мужественной смелостью пылая,
 Наносит поражение готским силам.

Поблизости Эрнест неукротимый
Словенцев заставляет трепетать,
И тут же Альдоард бесстрашный гонит
Ломбардского владыку из Монцельса.

74

И Генрих тут, и Беренгар — у Карла
Великого в рядах несокрушимых:
Отважный воин и разумный вождь,
Он расточает первые удары.
Становится он скоро под знамена
Людовика и совершает с ним
В Италию поход победоносный:
В цепях уже Людовика племянник.

75

Тут и Оттон, при нем пять сыновей;
И Альмерик, владеющий Феррарой:
Смиренно взоры к Небу обращая,
Всевышнему он строит храм за храмом.
Аццон борьбу заводит с Беренгаром,
Удачу с неудачей чередуя;
Но, наконец, одерживает верх
И на престол Италии садится.

76

Свою перед германцами отвагу
Показывает сын его Альберт;
В боях и на турнирах победитель,
Он в жены получает дочь Оттона.
За ним Гуго, гроза и ужас римлян
И их высокомерья бич нещадный:
Маркизом итальянским будет он,
И отдадут ему во власть Тоскану.

Вот Теодальд, а подле Бонифаций
 С супругою своею Беатрисой.
 Не оправдал надежд их Гименей
 И сына вожделенного им не дал.
 Взамен того всех доблестей геройских
 Наследницею женщина явилась:
 И храбростью, и ясностью ума
 Матильда превосходит венценосцев.

Чело ее мужской гордыней блещет,
 Огонь отваги искрится в глазах.
 Норманнов побеждая, там Гискара
 Она с позором в бегство обращает;
 У Генриха здесь вырывает знамя
 Имперское и ставит в храм его;
 А далее еще на ватиканский
 Престол первосвященника возводит.

При ней Аццон, и, кажется, вся нежность
 Ее сосредоточилась на нем.
 Потомство изобильное Аццона
 Четвертого раскинулось широко:
 Сын Кунигунды, благородный Гвельф,
 Летит на юг Германии и там
 На пажитях баварских процветает,
 Героев итальянских славный отпрыск.

Поддерживает, крепко охватив,
 Он дерево подточенное Гвельфов,
 И, гордое опорой столь удачной,
 Оно опять листвою зеленеет

И искрится венцов державных блеском.
Уже его надменная вершина
Теряется в небесной синеве,
И тень его Германию объемлет.

81

Меж тем всегда блестящий, плодоносный
Ствол процветал в Италии; Бертольд,
Брат Гвельфа и Аццон еще по роду,
Там воскрешал былую славу предков.
Таков был ряд героев, что на медь
Живыми будто перенес художник:
И честь в душе героя молодого
Воспламеняют доблестные тени.

82

Соревнованье праведное в нем
Угасшую отвагу распаляет;
Охваченный восторгом благородным,
Уж рухнувшие стены видит он,
И видит покоренные народы,
И смерть, и бой кровавый. В нетерпенье
Доспехи надевает он и мнит,
Что держит уж в руках своих победу.

83

Датчанин в этот миг ему вручает
Свенона меч и говорит: «Ты знаешь,
Как королевич наш погиб; возьми же
Оружие его, и пусть, всегда
Правдивое и страшное, приносит
Оно тебе удачу за удачей!
Будь мстителем за друга своего;
И свой и наш исполни долг священный!»

Ринальд в ответ на это восклицает:
 «Да будет же рука, что этот меч
 Берет, способна равною ценою
 Отмстить за смерть того, кто им сражался!»
 Датчанин, выражая благодарность,
 Отрадных слез не может удержать.
 Героя между тем торопит старец
 И говорит: «Пора тебе в дорогу:

Еще ни разу не было так нужно
 Присутствие твое на поле брани.
 Идемте же скорей, я вас сумею
 Под кровом ночи в стан ваш проводить».
 Так молвя, всходит он на колесницу,
 И следуют два воина за ним;
 Коней рукой и голосом он гонит
 И держит путь к востоку неуклонно.

Тенями ночи скрытые, они
 В молчанье путь урочный совершают;
 Вдруг старец обращается к Ринальду
 И речь ему торжественную держит:
 «Ты видел ствол и ветви своего
 Властительного дома; если раньше
 Рождал героев он, то плодородья
 Счастливого в нем время не ослабит.

Зачем я не могу во мрак глубокий
 Грядущего перенести твой взор
 И показать тебе твоих потомков,
 Как предков показал в веках минувших!

Зачем не в силах вызвать их из бездны
Небытия! Тогда бы ты увидел
Таковую же героев вереницу
И славные не менее деянья.

88

Увы! Не властно все мое искусство
У будущего тайны исторгать,
И в эту тьму его бессильный факел
Лишь робкие лучи бросать способен;
Но все же я поведаю тебе,
Что мне открыл однажды некто мудрый,
Которому по временам доступны
Божественного лона письма.

89

„Еще, — сказал он, — мир не видел рода,
Обильного героями настолько,
И не было еще ствола, что б дал
Так много славных отпрысков, какие
Появятся в Ринальдовом потомстве;
Их имена сравниваются по славе
С славнейшими навеки именами
Героев Рима, Спарты, Карфагена.

90

Меж них мои глаза Альфонса видят;
Второй по сану своему, но первый
По доблестям, родится он в то время,
Когда героями иссякнет мир.
Никто владеть мечом, никто державный
Поддерживать венец так не сумеет;
Оплот надежный дома твоего,
Во все века он кровь твою прославит.

Еще ребенком он отвагу в играх,
 Войну изображающих, покажет
 И ужас всем чудовищам внушит.
 Потом его турниры возвеличат;
 В боях же настоящих он стяжает
 И почести победные, и лавры.
 Такого нет венца, что не сиял бы
 На этой знаменитой голове.

Как зрелый муж себя он славой новой
 Покроет: меж союзников ревнивых
 Мир в государстве водворит; даст жизнь
 Искусствам; путь откроет дарованиям;
 Роскошными пирами жизнь наполнит;
 С работой заработок согласует;
 Проникнет зорким взглядом в глубину
 Времен и цепь событий в ней провидит.

Ах, если бы в злосчастную ту пору,
 Когда и по земле, и по морям
 Нечестье разольется и народы
 Законам покорит своим позорным, —
 Ах, если бы Альфонс тогда был избран,
 Чтоб отомстить за алтари и храмы:
 Какие бы он молнии метал!
 Как быстро бы расправился с тираном!

Напрасно за отрядами отряды
 И турок бы, и мавр вооружали:
 Евфрат к его ногам катил бы волны,
 И водрузил бы он на Тавре крест

Под сенью своего орла и лилий;
И вскоре темнокожие народы,
Живущие у колыбели Нила,
Признали бы распятого Христа“».

95

Так старец говорил. Герой, внимая
Торжественным словам, в сердечных недрах
Заранее уж радовался славе
Грядущего потомства своего.
Меж тем рассвет Аврора возвестила;
Окрасился восток ее огнями,
И над шатрами христиан вдали
Уже виднелись реющие флаги.

96

«Вы видите, — так молвил старец мудрый, —
Что солнце, вам светящее с небес,
Своими дружелюбными лучами
И стан, и дом, и горы озаряет.
Сопровождаемые мной, вы все
Препоны и напасти одолели;
Теперь одни дойдете вы до места:
Я следовать за вами уж не смею».

97

И всех троих, едва окончив речь,
Среди равнины старец покидает.
Они идут и достигают вскоре
Своих шатров; меж тем молва успела
О возвращенье их желанном весть
Отрадную распространить по стану.
Готфрид об этом первый узнает
И первый поспешает к ним навстречу.

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Покорно и почтительно Ринальд
К Готфриду приближается с такими
Словами: «Государь, из ложной чести
Восстал я на несчастного Гернанда.
Я твой закон нарушил и за это
Раскаяния муками наказан;
Теперь же возвращаюсь я, готовый
На все, чтоб искупить свою вину».

2

Готфрид к нему склоняется, сжимает
В объятиях и говорит: «Забудем
И о беде твоей, и об ошибке;
Ты быстро и легко ее искупишь,
Коль в прежнего Ринальда превратишься
И новыми прославишься делами.
Сразись за нас с врагом, ускорь его
Погибель, одолев чудовищ леса.

3

Старинный этот лес, доныне щедро
Нас деревом снабжавший для машин,
Стал адских чар гнездом, приютом страха
И ужаса; в него никто не смеет

Проникнуть для порубки; без машин же
Посмешищем в глазах врагов мы будем.
Пусть то, что наших воинов пугает,
Тебя победой новой возвеличит».

4

Готфрид сказал и смолк; герой же скромно
Себя на подвиг трудный отдает:
В словах его уверенности мало,
Но по лицу в успехе нет сомненья.
Вокруг него толпятся Гвельф, Танкред
И прочие вожди; он пожимает
Всем руки, обнимает их, уходит,
Спешит назад и обнимает вновь.

5

С приветливым, непринужденным видом
Ринальд к толпе собравшейся выходит,
И радостными кликами героя
Любимого встречает целый стан.
Подумать можно было бы, что это
С трофеями вернулся триумфатор,
Который все мятежные народы
И Запада и Юга покорил.

6

Сопутствуемый всеми, он доходит
До своего шатра и там садится
В кругу друзей. Беседуют они
И о войне, и о волшебном лесе.
Потом все удаляются; один
Пустынник остается лишь и молвит:
«Чудес ты нагляделся; злые чары
Тебя от нас далеко отклонили.

7

Чем не обязан ты Владыке мира!
 От уз волшебных Им освобожден;
 Родному стаду возвращен, откуда
 Был пагубным исторгнут заблуждением;
 Через уста Готфрида избран воли
 Его святой вершителем. Но, прежде
 Чем приступить к делам великим, ты
 Очиститься от скверны всякой должен.

8

Все на глазах твоих еще повязка,
 Душа еще все в тине пребывает;
 Ни Нил, ни Ганг, ни океан не могут
 Вернуть тебе былую чистоту.
 Одно лишь Небо смоет без остатка
 Следы постыдной слабости твоей;
 Открой ему смиренно тайны сердца
 И вознеси молитву со слезами».

9

Сказал; герой, в любви безумной каясь,
 Свой взор поднять на старца не дерзая
 И перед ним повергшись ниц, ему
 Истерзанное сердце открывает.
 Прощает Петр его во имя Неба
 И говорит: «При первых же лучах
 Рассвета поднимись на эту гору
 И вознеси Всевышнему молитву!

10

Оттуда возвращайся в населенный
 Обманчивыми призраками лес
 И одолей чудовищ всех, коль сможешь
 Бороться против новых искушений.

Ринальд, Ринальд, тебя я заклинаю:
Будь непреклонен к сладостным призывам
Прелестниц вероломных, не сдавайся
На взгляды их, улыбки и мольбы».

11

Воспламененный мудрыми речами,
Воитель весь отличьем лестным полон:
Весь день, всю ночь он только им и бредит
И, бурным нетерпением горя,
Аврору обвиняет в промедленье;
Рассвета не дождавшись, уж встает
С постели он, доспехи надевает
И к цели направляется бесшумно.

12

Со светом тьма еще боролась, звезды
Еще не все погасли в синем небе;
Но в мантию пурпурно-золотую
Облекся уж проснувшийся восток.
Невольно по пути залюбовавшись
Бессмертною, нетленною красою,
Блистающею на грани дня и ночи,
Так думал очарованный Ринальд:

13

«Как светлы небеса! На колеснице
Великолепный путь свершает солнце,
У ночи на челе сверкают звезды,
И к этим чудесам не рвемся мы
Ни думами своими, ни сердцами!
Нас ослепляет мрачный, тусклый блеск
Тех взглядов, тех улыбок, что в избытке
Прелестницы земные расточают!»

14

Тем временем он всходит на вершину
 И там, свой взор к востоку обратив,
 Коленопреклоненный, устремляет
 К престолу Вседержителя все мысли,
 Так восклицая: «Отче и Владыко!
 На первые мои ошибки в жизни
 Пролей росу прощения и в сердце
 Заразы семена искорени!»

15

Аврора, зарумянившись сильней,
 Ему лучи навстречу посылала;
 И шлем его, и латы, и вершина
 Горы тонули в золотом сиянье.
 Прозрачный, свежий воздух обвевал
 Его отрадным, сладостным покоем,
 А ветерок, играя облаками,
 Обрызгивал его росой душистой.

16

Как жидкие жемчужины, росинки
 Подобно белоснежной пелене
 Ринальдовы одежды покрывают:
 Так высохший цветок вновь оживает
 От лучезарных слез Авроры; так,
 Весеннею порою обновившись,
 В наряде из лучисто-пестрых блесток
 Красуется змея на солнцепеке.

17

И, видя это, чувствует воитель,
 Как мужество растет и крепнет в нем;
 Он к лесу направляется бесстрашно
 И вскоре до того доходит места,

Где в ужасе оружие слагали
Храбрейшие соратники его.
В лесу ничто не поражает взгляда:
Он полон весь пленительною тенью.

18

Прелестная гармония ласкает
Ринальда слух: и ручеек журчит,
И шепчется с листвою зефир крылатый,
И лебедь стонет, и тоскливый отклик
Из сумрака ему шлет соловей;
И чудится герою, что, рождаясь
В пространстве, разнороднейшие звуки
Сплетаются и льются, как один.

19

Он ожидал раскатов громовых
И многих разных ужасов; но слышит
Лишь пение сирен да щебет птичий,
Журчание воды и шепот ветра.
Он дальше не решается идти;
Потом опять идет, шаги замедлив.
Вдруг на пути встречается речку, волны
Прозрачные катящую без шума.

20

Ковром цветов и зелени той речки
Окаймлены береговые склоны;
Охватывая лес, она в него
Извивом прихотливым проникает.
В струях кристально чистых темный лес
Купается склоненными ветвями
И, как бы в воздаяние за это,
Их осеняет тенью и прохладой.

21

Ринальд глазами ищет переправы
И видит вдруг перед собою мост
На сводах золотых: по нем открыта
Широкая дорога через речку;
Но, лишь на берег противоположный
Герой ступает, волны с диким ревом
Вздымаются, и тонет без следа
В стремительном потоке мост волшебный.

22

И видит позади себя Ринальд,
Как волны, громоздясь на волны, сами
Себя венчают пеною жемчужной;
Меж тем его влечет неотразимо
В таинственную чашу любопытство:
В уединенье диком чуда
За чудесами сменой непрестанной
Героя пылкий взор ошеломляют.

23

Где ступит он, рождаются ручьи;
Здесь лилия свое вскрывает лоно,
Там роза расцветает, пламенея;
Ручей поит их чистыми струями,
И брызгами живет их водомет.
Повсюду старый лес в листву рядится,
Смягчается кора, и все деревья,
Как раннюю весною, зеленеют.

24

Сверкают от небесной манны листья,
Как от росы; с ветвей стекает мед.
Еще весельем дышащие песни
Сливаются со звуками печали,

И отличить людские голоса
От жалоб лебединых невозможно.
Чтоб слух пленить, здесь все соединилось,
Для взора же симфония незрима.

25

Тревожные вокруг бросая взгляды
И разумом холодным отвергая
Свидетельство обманчивое чувств,
Ринальд перед собою примечает
Растущую уединенно мирту;
Он к ней спешит. Господствуя над пальмой
И кипарисом видом горделивым,
Царицей леса кажется она.

26

Невиданное чудо созерцает
Ринальд в оцепенении. Из дуба,
Что раскололся вдруг сам по себе,
Выходит нимфа в возрасте весеннем,
Одетая в роскошнейшие ткани.
И то же совершается со ста
Деревьями другими, и выходят
Из них сто нимф, не менее прекрасных.

27

Обнажены вполне их руки; платья
Приподняты; полуобуты ноги;
На плечи ниспадают золотые,
Уздами не затянутые кудри.
На сцене так иль на картинах наших
Изображают нам лесных богинь;
И только вместо лука и колчана
У каждой лютня, цитра иль гитара.

Невиданное чудо созерцает
Ринальд в оцепенении. Из дуба,
Что раскололся вдруг сам по себе,
Выходит нимфа...

28

В круг заключив и мирту и героя,
 Пускаются они в веселый пляс
 И, голосами радостными в стройный
 Сливаясь хор, поют: «О, день блаженный,
 Что к нам под сень отрады и покоя
 Привел тебя, властительницы нашей
 Избранника, предмет ее любви,
 Предмет ее мучительной тревоги.

29

О, сжался же над нею, погаси
 Ее тоски губительное пламя;
 Пусть жизнь вернется к ней; пусть исцелятся
 Обидой нанесенные ей раны!
 Еще недавно мрачный и для скорби
 Приют вполне пристойный, этот лес,
 Едва ты появился в нем, вдруг ожил
 И в лучшие облекся одеянья».

30

Еще нежнее звуки вылетают
 Из мирты, раскрывающейся также.
 Такого чуда древность никогда
 В своих лесах волшебных не являла:
 То — нимфа уж иная, то — богиня;
 Ринальд глядит, глазам своим не верит
 И узнает знакомые черты,
 Черты очаровательной Армиды.

31

И говорит она: «О, наконец
 Тебя я вижу снова! Для чего же
 Ты к брошенной любовнице вернулся?
 Какое привлекло тебя желанье?

Рассеять ли печаль моих ночей?
От плена ль добровольного избавить?
Жестокий! Ты глаза свои скрываешь,
Оружие показывая только.

32

Любовника ль, врага в тебе я вижу?
Не для врага явился мост, цветы
Раскрыли недра, стали бить фонтаны
И пали все препоны на пути.
О, если я еще тобой любима,
Пусть вновь сольются губы в поцелуе;
Пусть грудь моя к твоей груди прижмется
Иль хоть моя рука пожмет твою!»

33

Армида нежно смотрит на Ринальда:
Ее лицо бледнеет; из груди
И вздохи вырываются, и стоны,
И слез полны прекрасные глаза.
Перед такой печалью не могло бы
И каменное сердце устоять;
Герой же против жалости на страже
И обнажает меч с угрозой явной.

34

На мирту наступает он; к стволу
Ее прижавшись, призрак восклицает:
«Нет, варвар, нет, ты дерева не тронешь;
Одно с ним существо мы составляем.
Брось, брось свой меч иль лучше уж пронзи
Им сердце злополучнейшей Армиды!
Лишь сталью растерзав мою утробу,
Ты можешь достигнуть до этой мирты».

Не слушая, Ринальд заносит руку;
 Армида ж вдруг свой образ изменяет.
 Во сне, в бреду виденье так одно
 На смену появляется другому.
 Она растет, ее лицо темнеет,
 Перед героем уж гигант сторукий:
 Пятьюдесятью он грозит мечами
 И столько же щитов в его руках.

Грозит, дрожит; и за Армидой вслед
 Все нимфы обращаются в циклопов,
 Закованных в железные доспехи.
 Ринальд свои удары учащает,
 И тяжело стонет дерево от них;
 Но для его защиты с каждым мигом
 Становится все больше и чудовищ:
 Весь Ад как будто в лес переселился.

Грохочут небеса, дрожит земля,
 Неистовствует буря; но героя
 Не дрогнет безбоязненное сердце,
 И меч в его уверенной руке
 Наносит неизбежные удары.
 Ствол мирты перерублен: прежней миртой
 Становится она; очарованье
 Разрушено, виденья исчезают.

И воздух снова тих, и небеса
 Лазурью лучезарною одеты,
 И лес, от темных чар освобожденный,
 Природную лишь мрачность сохраняет.

В успехе убедившись, победитель
С усмешкой произносит про себя:
«Бесплотные, пустые привиденья,
Какое безрассудство — вас бояться!»

39

Пускается тотчас он в путь обратный;
Пустынник восклицает между тем:
«Разрушены нечистой силы чары!
Ринальд идет... идет и торжествует!»
И видно, как вдали еще воитель
Величественно-гордо выступает;
Горят в сиянье новом и орел
Серебряный, и белые одежды.

40

Встречает победителя с восторгом
Весь стан; Готфрид, раскрыв ему объятия,
Приветствует его хвалебной речью,
Чему никто завидовать не смеет.
Герой же отвечает: «Государь,
Как ты велел, проник я в лес, очистил
Его от злых чудовищ, и для наших
Работ вполне теперь он безопасен».

41

Тотчас же устремляются туда
И вырубают сотнями деревья.
Первоначальные машины были
Построены рабочим неумелым;
На этот раз искуснее рука
Работы направляла и учила
Рабочих, уж не столь, как раньше, грубых,
Соединять разрозненные части.

Повелевавший некогда морями
 Под флагом гемузским, отступил
 Вильгельм перед напором сарацинов;
 И обратил в солдат своих матросов;
 Здесь он явил строителя искусство,
 Умы ошеломляя чудесами.
 Чтоб замыслы свои осуществить,
 Две сотни рук пустил он сразу в дело.

Тараны, стрелометы, стен солимских
 Бичи, без перерыва вырастают,
 И вскоре всех ужаснее машина
 Является испуганным глазам:
 То башня стенобитная; вся толща
 Огромная сколочена из ели
 И свежую еще обита кожей,
 Защитою от вражьего огня.

И разобрать, и вновь собрать всю башню
 Нетрудно по частям; для сокрушенья
 Твердынь внизу ее таран устроен,
 А посредине мост, который можно,
 Не мешкая, на стену перебросить.
 Венцом всего другая башня служит:
 Для спуска и подъема к ней снаряд,
 От праздных взоров скрытый, приспособлен.

На ста колесах катится машина;
 Хоть доверху наполнена она
 Оружием и воинами, это
 Отнюдь ее не замедляет хода.

Все войско удивляется работе
И мастерству, неведомому раньше.
По образцу ж ее потом еще
Построены такие же две башни.

46

От зорких глаз магометан, конечно,
Работы эти скрыться не могли:
Со стен своих высоких сарацины
За ними с напряжением следят.
Им видно, как огромные деревья
Выкатывают сотни рук в равнину,
Как строятся машины, но ни сущность,
Ни внешность тех машин им не известны.

47

И новыми работами они
Изобретательность являют сами:
Там башни укрепляют, здесь твердыням
Надежнейшую прочность придают.
Доходят до того они, что явно
Держают презирать старанья смертных:
Чтоб более уверить их, Исмен
Для них огонь особенный готовит.

48

Кудесник отвратительный сулится
Пожаром отомстить за тот позор,
Что потерпел он со своим искусством.
Он смешивает серу со смолою
Из озера Содомского иль даже
Из черных адских родников, быть может;
Рождает эта смесь такой огонь,
Который все нещадно пожирает.

Пока торопят приступ христиане,
 Неверные ж готовятся к защите,
 Является в лазурной выси голубь,
 К Солиму направляющий полет.
 Крылами плавно воздух рассекая,
 Парит уже гонец необычайный
 Над станом христианским и ясней
 Становится для взора с каждым взмахом.

Вдруг сокол с острым клювом и когтями,
 Не знающими жалости, на птицу
 Пугливую бросается с налета:
 Ее уж настигает он, готов
 Схватить и растерзать. Несчастный голубь,
 Как будто бы стрелою пораженный,
 Летит стремглав на землю и приют
 Находит на коленях у Готфрида.

Лаская неожиданного гостя,
 Воитель добрый видит у него
 На шее нитку, на конце же нитки
 Подсунутое под крыло посланье.
 Немедля он берет его, вскрывает
 И быстро пробегает содержанье:
 «От полководца египтян поклон
 Почтительный владыке Палестины.

Да не ослабнет, государь, твое
 Испытанное мужество; четвертый
 Иль пятый день избавит от осады
 Тебя и город твой, и ты увидишь,

Как мертвыми падут твои враги».
Вот важная какая заключалась
В послании иноязычном тайна,
Что осажденным нес гонец пернатый.

53

Готфрид пускает голубя на волю;
Но тот в Солим лететь не хочет, будто
Хозяина боится увидеть,
Нежданно обманув его доверье.
Готфрид вождей сзывает всех тотчас же
И важную передает им тайну.
«Благоволит к нам Небо, — молвит он, —
Намерения вражьи открывая.

54

Нельзя уж больше медлить, и на стены
Теперь ударить с юга надо нам:
Там доступ труден к ним, они скалами
Защищены, но смелость наша может
Преодолеть и скалы и природу.
В своей неуязвимости оттуда
Так твердо враг уверен, что едва ль
Препоны мы значительные встретим.

55

Туда для нападения, Раймунд,
Ты двинешься с машинами своими,
А я со всею видимостью грозной
Направлюсь явно к северным воротам.
Обманутый неверный будет в этих
Двух точках ожидать ударов главных;
Большую же я башню отошлю:
Она в другом понадобится месте.

Камилл, я поручаю третью башню
Тебе, кати ее за мною следом!»
Сказал и смолк. Его слова обдумав,
Раймунд, сидящий рядом, говорит:
«Намеренья вполне твои разумны;
Хотел бы только я, чтоб соглядатай,
Находчивый и преданный, проведаль
И замыслы и силы египтян».

«Есть у меня конюший, — говорит, —
Танкред — его я смело предлагаю,
Чтоб это дело трудное исполнить;
Благоразумный, сметливый, отважный,
Народов разных языки и нравы
Он знает превосходно и к тому же
Умеет изменять по произволу
И голос, и наружность, и движенья».

Зовут его и посвящают в тайну
Грозящего бедами порученья;
С улыбкой принимает он его
И говорит: «Немедля отправляюсь
И скоро между египтян уж буду;
Неузнанным хочу в их стан забраться
При полном блеске дня и сосчитать
Все конные и пешие их силы.

Подробнейший отчет я вам представлю
О том, что войско их собой являет
И каковы намеренья у них;
Я в душу полководца их проникну

И тайные все помыслы исторгну
Из недр его». И, так сказав, тотчас же
В одежды облакается до пят
И покрывает голову чалмою.

60

Колчан закинув за спину и в руки
Взяв лук, преображается он сразу
По голосу, движеньям и чертам
В сирийца настоящего; его же
Произношение слушая, могли бы
Сказать еще, что он — иль египтянин,
Иль финикиец. Он уж на коне,
И конь летит, едва земли касаясь.

61

Тем временем на южной стороне
Старательно уравнивают почву:
У своего же сна часы воруют,
Работу лишь окончить бы скорей.
В горячке нетерпенья христиане
Сил не щадят, отваге только внемля;
И вот уж все готово для того,
Чтоб замысел осуществить на деле.

62

Готфрид канун решительного дня
Молитве посвящает: по приказу
Его должны все воины смиренно
Покаяться в грехах и причаститься.
Потом велит придвинуть он машины
К местам, где наступать и не намерен;
Неверные, введенные в обман,
Заранее победу торжествуют.

Под пеленою ночи непроглядной
 Страшнейшую подкатывают башню
 К той части стен, где менее углов
 И выступов, удобных для защиты.
 Раймунд уже снарядами своими
 С холма грозит Солиму. Третья башня,
 Камиллова, направлена к срединной,
 Меж севером и западом, стене.

Зарделись в небесах огни авроры,
 Предтечи наступающего дня;
 При свете нарождающемся взгляды
 Неверных поражают три машины:
 Куда они ни взглянут, всюду видят
 Тараны, стрелометы и иные
 Снаряды смертоносные. И вот
 Объемлет их зловещая тревога.

Но вскоре столь же ревностно они
 Заботам о защите предаются
 И ставят на местах слабейших ими ж
 Самими снаряженные машины.
 Меж тем Готфрид, случайности предвидя,
 Шлет за двумя Робертами и Гвельфом
 И говорит: «Останьтесь на конях,
 Оружие ж держите наготове.

Пока громить я буду эти стены,
 За нашим тылом зорко наблюдайте,
 Чтоб новый враг неожиданным нападеньем
 Плодов победы нашей не исторг».

Сказал и с трех сторон идет на приступ.
Неверный стойко держится повсюду;
Сам Аладин на этот раз за меч,
Давно уж им оставленный, берется.

67

В забытые тяжелые доспехи
Он облакает тело, что ослабло
От тучности и возраста, и сам
Противником Раймунда избирает,
Готфрида предоставив Сулейману,
Камилла же Арганту отдает.
Предрешено судьбою, чтобы в третьем
Отряде был Танкред неустрашимый.

68

Пронзая со зловещим свистом воздух,
Летят уже отравленные стрелы,
И небо тучи дротиков темнят;
Но самые ужасные удары
Наносятся из недр осадных башен:
Здесь мраморные глыбы, там железом
Окованные бревна и разгром
И смерть несут твердыням устранным.

69

Не столь смертельны молнии удары.
Доспехи разлетаются в куски;
Нет трупов: от убитых остаются
Лохмотья окровавленные только.
Пронзают тело дротики насквозь:
Пронзают и летят еще далеко
От раненого воина, а в ране
Оставлено уж ими семя смерти.

Но ужасы кровопролитной сечи
 Нимало сарацинов не дивят:
 Они уже полотна и другие
 Податливые столько же препоны
 Раскинули, чтоб христиан заставить
 В усилиях чрезмерных истощаться;
 И где плотней ряды, туда они
 И стрелы и каменья направляют.

С неугасимым пылом христиане
 Свой приступ продолжают в трех местах:
 Одни от стрел скрываются за башни,
 Другие их подводят к укреплениям,
 А варвары все силы напрягают,
 Чтоб страшные снаряды оттолкнуть:
 Таран колеблет стены снизу, сверху ж
 На них мосты ложатся опускаемые.

Тем временем Ринальд вокруг себя
 Бросает неуверенные взгляды.
 Опасности простые презирая,
 Стяжать он хочет славу не иначе,
 Как для других запретными путями:
 Без помощи и без снарядов он
 Один задумал на стену взобраться,
 Где больше предстоит ему препятствий.

И говорит героям он, имевшим
 Главою благородного Дудона:
 «Не стыдно ли! Стена, что перед нами,
 Давно нас к новым подвигам зовет;

Опасности нет для сердец бесстрашных,
Судьба к ним благосклонна. Так идем же,
Прикрыв щитами головы, чтоб их
Оборонить от вражеских ударов».

74

Едва заслышав это, все к Ринальду
Сбегаются, вокруг него теснятся
И над собой из поднятых щитов
Устраивают кровлю, под которой
Их не достигнет буря боевая.
Стремительным, неудержимым шагом
Проходят под обломками они,
Что падают на них из рук неверных.

75

Они уж у подножия твердыни,
И лестницу Ринальд тут приставляет:
Огромная, она в его руках —
Как перышко, подхваченное ветром.
Стрелами осыпaeмый, камнями,
Взбирается он вверх без остановки;
Пусть на него свалилась бы гора,
Отвага бы его не ослабела.

76

Он из-за леса стрел не видит света,
И сам за градом каменным невидим;
Одна его рука колеблет стену,
Другая держит щит над головой.
Героя ободренные примером,
Вооружившись лестницами, вслед
Спешат за ним соратники; но участь
Их неравна, как неравна отвага.

Одни убиты, сброшены другие.
 Меж тем герой, почти уж победитель,
 Хватается руками за зубцы,
 Подбадривать своих не устывая.
 Неверные, вокруг него столпившись,
 Стараются его напрасно сбросить.
 О, чудо! Против всей толпы один
 Он держится, на воздухе повиснув.

Все выше поднимается бесстрашный,
 И силы в нем все больше нарастают:
 Так пальма выпрямляет гибкий ствол,
 Когда его к земле насильно клонят.
 Еще одно усилие, и он
 Уж на стене. Здесь нет ему препоны:
 Блестящая победа открывает
 Всем удалцам широкую дорогу.

И сам он торжествующую руку
 Готфридову протягивает брату,
 Спасая жизнь его и доставляя
 Ему вторую славу за собой;
 Готфрид меж тем, в другом сражаясь месте,
 Испытывает жребий переменный:
 Все силы человеческие там
 В ход пущены и все его искусство.

Неверные в числе других орудий
 Поставили высокий шест, когда-то
 На корабле служивший мачтой; сверху ж
 С железным наконечником бревно

Приделали с таким устройством хитрым,
Что, стоит только дернуть за канат,
Привязанный к нему, оно с шеста
С удвоенною скоростью слетает.

81

Огромное бревно наносит башне
Тяжелые удары, от которых
Слабеют скрепы в ней, и напоследок
Ее от стен откатывают прочь;
Но выступают вдруг из башни страшной
Две острые косы, канаты сразу,
Что двигают бревно, перерезают,
И с грохотом летит бревно с шеста.

82

Летит, в своем паденье увлекая
Оружие, камня и людей;
Два раза башня пошатнулась даже,
И гулко задрожали вражьи стены.
Подточенная временем иль бурей
Снесенная скала так, за собою
Повсюду оставляя разрушенье,
Уносит и жилище и стада.

83

Ликующий Готфрид уже мечтает,
Как водрузит он знамя на твердыне;
Вдруг пламени и дыма на него
Враг черные потоки направляет.
Из тайников своих горючих Этна
Огня еще не извергала столько,
И столько небо Индии еще
Паров воспламененных не скопляло.

84

Горящие летят повсюду стрелы;
 Кровавое струится всюду пламя:
 Насыщен будто молниями воздух,
 И слышится вокруг небесный гром.
 От туч густого дыма меркнет солнце,
 Огонь уже машины достигает;
 Заметно кожа морщится на ней,
 А в коже все теперь ее спасенье.

85

Готфрид, однако, с неизменно ясным
 Лицом и как всегда неустрашимый,
 И словом и примером бодрость духа
 Поддерживает в воинах, что льют
 На кожу башни воду; но уж скоро
 Запас воды, увы! иссякнуть должен.
 Вдруг ветер изменяет направление
 И с силой гонит пламя на Солим.

86

И пламя устремляется на те
 Полотна, что раскинуты неверным;
 Одни дотла сгорают, и огнем
 Уже объаты стены. О воитель
 Благочестивый! О любимец Неба!
 Сражается Предвечный за тебя:
 Тебе послушны ветры, и природа
 Сбирает силы на твою защиту.

87

Исмен, кудесник нечестивый, видя,
 Что пламя возвращается к нему,
 Над ветрами мятежными намерен
 Победу одержать своим искусством.

В сопутствии двух женщин-чародеек
Он на стене является народу.
От глаз косых и грубой бороды
Лицо его имеет вид ужасный.

88

Так некогда Харона или ада
Владыку меж двух фурий рисовали.
Слова уж раздаются, от которых
Дрожат и стонут бездны преисподней;
Уж солнце заволакивает туча,
Как вдруг из недр убийственной машины
Летит огромный камень в трех чудовищ
И сразу же раздавливает их.

89

На сотни окровавленных обрывков
Тела их раздробляются: так пылью
Становится зерно, когда его
Тяжеловесный жернов растирает.
Преступные их души царство света
Меняют на подземный вечный мрак.
Знай, смертный, есть Бог-мститель во вселенной,
Знай и Его законам повинуйся.

90

Меж тем, найдя себе защиту в буре,
Машина приближается к стене,
И мост с нее уж опустить готовы.
Но Сулейман бесстрашный, это видя,
Спешит туда, чтоб узкий переход
Перерубить. И в этом, может статься,
Успел бы он, когда б не появилась
Над башней неожиданно другая.

Строенья высочайшие она,
 Все больше поднимаясь, превосходит.
 На диво это глядя, изумленьем
 И ужасом объаты сарацины;
 Поста же своего не покидает
 Осыпанный камнями Сулейман:
 Солдат к себе зовет он, не боясь
 Последовать они его примеру.

Является тогда Готфриду ангел,
 Незримый для других, его хранитель;
 Своих доспехов блеском затмевает
 Он солнца блеск на чистой синеве
 И молвит так: «Готфрид, ударил час,
 Когда должны Сиона пасть оковы;
 Не жмурь же глаз, не жмурь, чтоб ясно видеть,
 Какую Небо шлет тебе подмогу.

Направь свой взор на полчища бессмертных,
 Что в воздухе сражаются; рассею
 Я облако природы человеческой,
 Которое окутало тебя
 И зренья духовного лишило.
 Ты в силах будешь выдержать на миг
 Одежд и ликов ангельских сиянье
 И существа бесплотные увидеть.

Как ты теперь, все это были раньше
 И воины и мстители за веру.
 Отныне небожители, с тобой
 Победу разделить они явились.

На груди тех развалин, в клубах пыли
И дыма — Гуг, с которым тесной дружкой
Ты связан был, сражается с твоими
Врагами, чрево им насквозь пронзая.

95

Подалее — Дудон огнем и сталью
Громит ворота в северной стене;
Он воинов оружием снабжает
И лестницы для них же ставит прочно.
А тот, другой, что на холме, ты видишь,
В епископской короне и одежде,
То — Адемар: еще его рука
Простертая вам шлет благословенье.

96

Теперь перенеси свой взор наверх;
Взгляни, как рать небесная готова
На нечестивых ринуться оттуда!»
Герой глядит и видит сонм несметный:
Из трех отрядов каждый образует
Три круга боевые; эти круги,
В окружности от центра расходясь,
Как тучи, разрастаются все шире.

97

Готфрид смыкает веки, ослепленный...
Но через миг вновь смотрит: все исчезло;
Зато, куда теперь ни взглянет, видит
Повсюду он победу христиан.
Стенами овладев, в сопровожденье
Своих Ринальд неверных избивает.
Готфрид в пылу святого нетерпенья
Сам в руки знамя грозное берет.

На мост он с торжеством вступает первым;
 Султан ему дорогу преграждает.
 На этом узком поприще должны
 Великие деянья совершиться.
 «Друзья, — так Сулейман кричит, — на ваших
 Глазах собой я жертвую; рубите
 За мною мост, чтоб мне, по крайней мере,
 Не дешево продать остаток жизни».

Но уж спешит Ринальд, и перед ним
 Все в ужасе смертельном убегает.
 «Что делать? — говорит султан, — погибель
 Моя здесь будет жертвой бесполезной».
 Решившись для защиты путь избрать
 Иной, он уступает мост герою,
 Который, наступая, на твердыне
 Креста изображение водружает.

И, развернувшись, в воздухе прозрачном
 Уж реет торжествующее знамя;
 Почтительно стихают ветры; солнце
 Его лучами ярко золотит.
 И дротики и стрелы облетают
 Его кругом иль вспять летят. Сион
 И холм пред ним склоняются, как будто
 И честь ему, и славу воздавая.

Ликующие крики христиан
 Сливаются в один могучий возглас,
 И горы откликаются, те звуки
 В приветственных раскатах повторяя.

Тем временем победу над Аргантом
Одерживает полную Танкред:
Он также опускает мост на стену
И водружает крест на ней с молитвой.

102

На южной стороне, где престарелый
Раймунд с тираном Палестины бьется,
Судьба еще колеблется пока.
С храбрейшими из воинов, с огромным
Числом машин, слабейшую твердыню
Там стойко защищает Аладин,
И воины Гасконии бесплодно
Пытаются к стенам приставить башню.

103

Огромное к тому ж сооруженье
Там встретило природные препоны:
Бессильно все искусство одержать
Победу над неровностями почвы.
Но крики торжества вдруг раздаются;
Для христиан и мусульман теперь
Сомнений нет уж никаких, что город
Со стороны равнины завоеван.

104

И громко восклицает граф Тулузский:
«Товарищи! Солим уж взят, и тот же
Солим еще упорствует! Одни ль
Мы не разделим славы наших братьев?»
В конце концов бесплодную защиту
Бросает Аладин: другого места
Искать он отправляется в надежде
Оттуда новый приступ отразить.

Врываются волнами христиане
В ворота и в проломы, все преграды
Под мощными ударами их пали,
И все горит, и рушится все в прах.
И смерть, и месть, и скорбь, и ужас рыщут,
Как звери, по развалинам Солима;
По улицам течет ручьями кровь,
И все пути заграждены телами.

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Послушные приказам Аладина
Иль ужасом гонимые, далеко
От стен ушли неверные: один
Аргант еще упорствует в защите.
Лицом к лицу с врагами так же храбро
И стойко он сражается, боясь
Не гибели, а плена; умирая,
Не хочет все же он быть побежденным.

2

Сильней всех прочих воинов его
Теснит и бьет Танкред. И по приемам,
И по доспехам в нем черкес того же
Противника узнал, что уж однажды
Прождать его заставил, и, узнав,
Ему бросает вызов: «Так-то слово
Свое ты держишь? Разве лишь сегодня
Условились мы встретиться с тобою?

3

Тебя я раньше ждал, ждал одного;
Я с воином сразиться думал, ты же —
Не больше, как машин строитель низкий.
Пусть так! Стеной солдат обороняйся

И новые снаряды измышляй;
Будь там хитер, где надо быть отважным:
Убийца женщин доблестный, готовлю
Тебе я неизбежную погибель».

4

С улыбкою презренья отвечает
Ему Танкред: «Я опоздал, тебе ж
Покажется, что поспешил, быть может.
Настанет скоро миг, когда, наверно,
Ты пожелаешь, чтобы между нами
Еще моря и горы находились.
Узнаешь ты сейчас, что не боязнь,
Не слабость мне задержкой послужили.

5

Так выходи ж на поединок страшный,
Гигантов и героев истребитель!
Тебя убийца женщин вызывает».
И всем своим велит он отступить:
«Никто не посягайте на Арганта;
Не ваш, а мой противник перед вами;
И Небеса, и данные мной клятвы
Его моим ударам предают».

6

«Вперед! — черкес на это, — одного ли,
Среди ль других, в Солиме ли, в пустыне ль,
Что ни грозило б мне, на что надежды
Я б ни питал, тебя я не оставлю».
И вызвавший и вызванный спешат
Окончить спор; один пылает злобой,
Другого жажда боя заставляет
Противнику защитником служить.

7

О славе и победе лишь ревнуя,
 Нарушенным Танкред считал бы мщенье,
 Когда б Аргант хоть каплю крови пролил
 Не от его руки. Врага щитом
 Он прикрывает и кричит всем встречным
 Издалека: «С дороги! Бить не смейте!»
 У христиан победоносных он
 Добычу вырывает напоследок.

8

Из города потом они выходят
 И разными обходными путями
 От стана христианского вдали
 В ущелье углубляются: под тенью
 Густою, у подножия холма,
 Укрытого от взоров посторонних,
 Там будто ждет противников площадка,
 Для поединка годная вполне.

9

Становятся здесь оба, и на город
 Тревожные Аргант бросает взгляды.
 Увидя, что противник без щита,
 Танкред и свой отбрасывает также
 И спрашивает: «Чем ты так встревожен?
 Не мыслью ль о своем последнем часе?
 Коль страх в тебя предчувствие вселяет,
 То знай, что это — слишком поздний страх». —

10

«Я думаю о городе злосчастном,
 Еще недавно первом в Палестине,
 Отныне ж разоренном и в моей
 Защите не нуждающемся больше;

Я думаю, что жизнь твоя для Неба
И для меня утратила уж цену».
Сказал, и друг на друга наступает
Противников достойная чета.

11

Проворный, изворотливый Танкред,
Как молния, разит неуловимо;
Аргант его и выше, и дородней
И раздавить его собой способен.
А тот все не дается, ускользает,
То наступать начнет, то отступать
И пользуется случаями всеми,
Чтоб отводить грозящие удары.

12

Как вкопанный, такое же искусство
Являет мусульманин, но иначе:
С протянутой рукою не меча
Он ищет у противника, а тела.
Один все изощряется в подходах,
Другой упорно меч к лицу подносит;
Остерегаясь хитрости, мечом
Грозит и защищается он всюду.

13

Так силы одинаковой, но разных
Размеров на спокойной глади моря
Два корабля ведут борьбу: один
И больше и грузней, другой проворней;
Тот и с кормы, и с носа налетает,
А этот неподвижен и, когда
Уж слишком приближается противник,
Грозит ему своею вышиною.

14

В то время как Танкред уловкой хитрой
 Пытается Арганта обмануть,
 Перед собой он острие вдруг видит;
 Готов он отразить удар, но сразу
 Ему неверный рану в бок наносит
 И, радуясь удаче, восклицает:
 «Великого искусника, тебя
 Твое ж теперь искусство победило».

15

Танкред, и негодуя и стыдясь,
 Уже не знает ярости предела:
 Он мщением горит. В победе поздней
 Позорное он видит поражение.
 Ответ на оскорбление у него
 Один — мечом; и меч он направляет
 Арганту на забрало, но черкес
 Удар предусмотрительно отводит.

16

Тогда рукою левою Танкред
 Хватает руку правую Арганта
 И в бок одну немедля за другую
 Глубокие ему наносит раны
 И восклицает: «Вот! Вот, победитель,
 Ответ от побежденного тебе!»
 Аргант дрожит и мечется, но руку
 Свою освободить никак не может.

17

В конце концов, мечом владея снова,
 Он яро нападает на Танкреда.
 Тогда они могучими руками
 Вцепляются друг в друга, крепко жмут

И наземь повалить один другого
Пытаются с удачей переменной.
Так видел мир в глубокой тьме времен
Боровшихся Алкида и Антея.

18

В стараниях напрасных истощившись,
Все так же вместе падают они;
Умышлено ль, случайно ль, остается
Свободной правая рука Арганта,
Тогда как он всей тяжестью своей
Налег на руку правую Танкреда.
Грозит герою гибель... напрягает
Последние он силы и встает.

19

Как более тяжелому, черкесу
Трудней подняться; пораженный страшным
Ударом, он свалился бы опять,
Когда б его не поддержала смелость.
Так, ветрами бичуемая, гнется
И тут же выпрямляется сосна.
Бой вновь горит, но ловкость и упорство
Жестокости уж место уступают.

20

Из многих ран кровь льется у Танкреда,
Неверный же ручьи ее теряет;
И силы в нем, и ярость быстро гаснут,
Как гаснет без питания огонь.
Его ослабевающей руки
Все медленней удары; видя это,
Танкред отходит в сторону и с речью
Спокойной обращается к нему:

21

«Признай же, воин доблестный, что мною
 Ты побежден, и покорись судьбе;
 Не нужно мне ни лавров, ни трофеев,
 И все права тебе я возвращаю».
 И ярости и бешенству дав волю,
 Черкес кричит: «Тщеславиться ты смеешь
 Победой надо мной? Ты смеешь мне,
 Арганту, предлагать такую низость?»

22

Твоя удача — пользуйся; я страха
 Не ведаю и наказать за дерзость
 Тебя сумею». Гнев воспаляет
 В нем безнадежно стынущую кровь;
 Последние свои мгновенья хочет
 Он доблестным усилием прославить.
 Готовый уж совсем погаснуть, так
 Вдруг вспыхивает факел ярким светом.

23

Обеими руками меч схватив,
 Аргант его заносит над Танкредом,
 Свой меч еще подставить не успевшим,
 И, разрубив сперва ему плечо,
 Потом и в бок неоднократно ранит.
 Коль страха ты не ведаешь, то этим
 Природе лишь обязан ты, Танкред,
 Тебя бесстрашным сердцем наделившей!

24

Неверный нападает вновь, удары
 Бесплодные на воздух расточая.
 Теперь Танкред следит за ними зорко.
 О, жертва ярости своей, Аргант

Неустрасимый! Тяжестью своею
К земле ты увлечен, счастливый тем,
Что самому себе сдаешься только,
А не ударам вражьи́м уступаешь.

25

Ключом бьет кровь из ран, что при паденье
Расширились. На землю опершись
Одной рукой и стоя на коленях,
Пытается еще он защищаться.
«Сдавайся же!» — кричит опять Танкред,
И жизнь ему даруя, и свободу;
Но быстрым, неожиданным ударом
Героя вероломный ранит в пятку.

26

«Предатель! Так-то злоупотребляешь
Ты жалостью моею!» — и герой,
Горя негодованием, двукратно
Вонзает меч неверному в забрало.
Теперь конец Арганту, и себе
Он верен остается даже в смерти:
Все та же ярость, гордость и отвага
В его словах и возгласах последних.

27

В ножны вложив свой славный меч, Танкред
Всевышнему возносит благодарность,
Но сам готов упасть от истощенья
На лавры, что его омыты кровью.
Бойтся он, что сил его остатка
Не хватит на обратный путь; но все же
Решается идти и, на ногах
Едва держась, плетется шаг за шагом.

Но много не пройти ему: с последним
 Усилием садится он на землю
 И голову, упавшую на грудь,
 Ослабшею рукою подпирает.
 Все вертится вокруг, мутится взор,
 И падает без чувств он напоследок:
 Теперь решить почти уж невозможно,
 Кто победитель здесь, кто — побежденный.

Пока своею кровью спор смертельный
 Противники решали, христиане
 Громили в исступлении Солим,
 И мечь народ преступный пожирала.
 Кто города погибшего бы мог
 Нарисовать печальную картину?
 И чей язык с наглядностью живою
 О зрелище ужасном мог поведать?

Все кровью истекает, все полно
 Резнею беспощадной; всюду груди
 Остывших тел в смешении с телами,
 Хранящими еще остаток жизни.
 Здесь мать простоволосая бежит,
 Дитя к груди в смятенье прижимая;
 Там воин, под добычею сгибаясь,
 За девушкой протягивает руку.

Меж тем к холму, увенчанному храмом,
 В той стороне, где солнечный закат,
 В пыли, в крови Ринальд неверных гонит,
 Тесня и убивая их без счета.

Его ужасный меч, как опьяненный,
Повсюду сеет смерть; щиты и шлемы
Под тяжкими ударами его
Дробятся на мельчайшие обломки.

32

Геройскому мечу равно доступны,
Кто защищен и кто не защищен;
Но безоружных жертв герой не ищет:
Лишь меч с мечом он бьется, не иначе.
И голосом и взглядами уж в бегство
Трусливые толпы он обращает.
Все гибнет под ударами его,
Все пред его угрозами трепещет.

33

Уже и чернь и воины искали
Убежища в том храме, что не раз
Разрушенный и снова возведенный,
Начального названья не утратил.
И золото, и кедр, и мрамор — все,
Что красило его, давно исчезло:
Остались из величия былого
Лишь башни да железные ворота.

34

Когда герой является, он доступ
В святилище находит уж закрытым,
И наверху поставлен уж снаряд,
В себе таящий смертную угрозу.
Молниеносным взором измеряет
Он дважды высоту сооружения
И дважды он вокруг него обходит,
Чтоб узкую лазейку отыскать.

Так в сумраке вечернем тощий волк,
 Кровавой пищи алчущий и в ярость
 От голода все больше приходящий,
 Вокруг овчарни бродит осторожно.
 В конце концов воитель принимает,
 По-видимому, твердое решение;
 Неверных вид его ввергает в трепет,
 И приступа они со страхом ждут.

Огромное бревно неподалеку
 Лежало там; могучею рукою,
 Которую тягчайшая бы ноша
 В сомнение повергнуть не могла,
 Герой берет бревно и начинает
 Раскачивать его перед воротами.
 Удары учащая, хочет он
 Их разгромить и в храм тогда проникнуть.

Ни мрамор, ни крепчайшие металлы
 Его усилий выдержать не могут:
 Крючки уже все вырваны, замки
 Все сломаны, и падают ворота;
 Так бьет таран; так страшные машины
 Звучат, неся с собой разгром и смерть.
 В открытый храм вступает победитель;
 Вторгаются за ним и христиане.

Величественный храм, когда-то Божье
 Вместилище, весь кровью затоплен.
 О суд Небес! Чем долее ты терпишь,
 Тем тягостней возмездие твое:

Ты гнев в сердцах воспламеняешь кротких,
Ты направляешь меч твоих сынов.
Нечестье оmyвает кровью ту
Святыню, что само же осквернило.

39

А Сулейман меж тем стремится к башне
Давида, увлекаая за собой
Остатки все рассеянного войска,
И тщательно все входы запирает;
Сам Аладин торопится туда же.
«Иди, иди! — кричит ему султан, —
Иди, великодушный повелитель!
Укроемся в убежище последнем.

40

От ярости врагов еще ты можешь
Спасти и жизнь и власть». — «Увы, увy! —
Так восклицает старец злополучный, —
Где город мой? Где мой престол? Я жил,
Я царствовал, все кончено отныне.
На свете нас не существует больше:
Последний день, неотразимый день
Настал для нас, никто же не спасется».

41

Султан же, опечаленный, на это:
«Что сталоcь с прежней храбростью твоей?
Пусть нас судьба венца лишает; слава
И честь переживут утраты наши.
Войди к нам, государь, войди и силы
Восстанови свои в тиши покоя!»
Сказал он, и, его совету внемля,
Властитель престарелый входит в башню.

Отбрасывает меч свой Сулейман
 И, палицу тяжелую взяв в руки,
 Становится у входа в башню с нею,
 Чтоб доступ христианам преграждать.
 Что ни удар, то ужас и погибель.
 Он убивает, сбрасывает; видя
 Оружие ужасное, все ищет
 Спасения лишь в бегстве от него.

С отрядом смельчаков Раймунд подходит.
 Ко входу старец доблестный спешит,
 Смертельные удары презирая;
 Он первый ударяет, но бесплодно.
 Удача помогает Сулейману
 Его ударить палицей с размаху:
 Ошеломленный, в трепете герой,
 Раскинув руки, падает на землю.

Отвага пробуждается в сердцах
 У побежденных. Силе уступает
 Одна часть победителей, другая ж
 Здесь для себя конец находит смертный.
 И Сулейман кричит тогда: «Друзья!
 Возьмите воина, что от моих
 Ударов распростерся перед вами,
 И пленником его считайте нашим».

Неверные выходят, чтоб приказ
 Исполнить Сулеймана; христиане,
 Напротив, защищать вождя готовы:
 Одни являют пламенную ярость

И нежную заботливость — другие.
Так рьяно обе стороны стремятся
К борьбе, где быть наградою должны
Жизнь и свобода славного героя.

46

Тем временем султан, упорный в мести,
Все приступы отбил победоносно:
И шлемы и щиты — все оказалось
Бессильным против палицы его.
Но грозные две силы христиан
Уже несут неожиданную поддержку:
Сюда без уговора поспешив,
Готфрид с Ринальдом сходятся у башни.

47

При виде бури, что ему грозит,
При шуме, что ее вещают близость,
Всех воинов султан сзывает в башню;
Потом и сам скрывается туда,
Но делает уж это напоследок:
Одерживает верх в нем осторожность,
Однако ж покориться ей вполне
Не хочет вызывающая храбрость.

48

Так в поле, чуть задуют с воем ветры
И грянет гром раскатами из тучи,
То темной, то светящейся от молний,
Заботливый пастух свои стада
Торопится собрать под кров спокойный:
И посохом и голосом усердно
Животных он к приюту погоняет,
А сам уж, ради них, идет последним.

Едва лишь Сулейман успел собрать
 Всех воинов и запереться в башне,
 Является Ринальд, неотразимо
 Попутные препоны сокрушая
 И жаждой новых подвигов горя.
 Себе он жертвы требует, той жертвы,
 Что памяти Свенона обещали
 И Небеса, и данные им клятвы.

Рука победоносная грозила
 Последнему оплоту нечестивых,
 И, может быть, султан в своем последнем
 Убежище обрел бы свой конец;
 Но, сумрака вечернего завесой
 Окутанный, уж кругозор темнеет.
 Тогда Готфрид велит трубить отбой,
 На утро назначая новый приступ.

И речь он держит к воинам, сияя:
 «Всевышний с высоты престола помощь
 Нам ниспослал незримую; теперь
 Лишь довершить победу остается.
 Мы завтра же покончим с этой башней,
 Последнюю надежду неверных.
 Тем временем иной нас долг зовет:
 Зовут о братьях раненых заботы.

Спасем, спасем тех воинов, чьей кровью
 Мы новую отчизну покупаем;
 Для христианских рук пристойней это,
 Чем злобствовать и мстить. Истекший день,

Увы! уж слишком много видел крови.
Довольно ненавистного разбоя,
Что лишь бесчестит нас! Я так хочу,
И пусть труба мою вещает волю».

53

Сказал, идет в то место, где Раймунд
От тяжкого еще удара стонет.
Тревогу затаив глубоко в сердце,
Султан поднять старался дух неверных
И говорил: «Товарищи-бойцы,
Назло судьбе восторжествуем завтра;
Хоть видимость и против нас повсюду,
На деле же легки потери наши.

54

Враг захватил лишь камни да обломки,
В его цепях лишь чернь; Солим же — наш:
Он в вашем повелителе, он в ваших
Лихих сердцах, в руках победоносных.
Среди храбрейших воинов ваш царь
Нашел защиту в башне неприступной;
Пустыней пусть владеют христиане:
Им жребий побежденных уготован.

55

Так и случится. В наглости удачи
Они упьются кровью, объедятся
Добычей и впадут в распутство; вот
Тогда среди разбоя и развалин
Мы нападём на них и уничтожим.
Порукою нам в этом — Небо, ваша
Отвага и обещанная помощь,
С которой египтянин к нам спешит.

Отсюда же господствовать мы будем
 Над городом: из высочайших зданий
 Посыплются камни на врагов,
 В то время как машинами своими
 Мы заградим проходы все ко гробу
 Того, в ком чтят Спасителя они».
 Такою речью он в сердцах увядших
 Вновь оживляет сладкую надежду.

Меж тем Вафрин меж египтян блуждает.
 Отправился он к ночи на разведки
 И под покровом тьмы, переодетый,
 Места уединенные проехал.
 Еще восток не заалел, когда
 За ним остались стены Аскалона;
 Когда же полпути свершило солнце,
 Огромнейшее войско он увидел.

Бесчисленное множество шатров
 И сотни стягов реющих он видит.
 Разноречивый говор режет ухо;
 Где — барабан, где — рог, там — крик верблюда,
 Здесь — крик слона; коней повсюду ржанье:
 Все звуки в хор сливаются нестройный.
 «Да, — думает Вафрин, — сюда стеклись
 И Африки и Азии все силы».

На стан бросает взгляд он, на окопы;
 Потом, путей побочных избегая,
 Не прячась, не таясь, в виду у всех
 Спокойно входит в главные ворота.

Вопросы задает непринужденно,
Охотно на вопросы отвечает
И, с хитростью соединяя смелость,
Себя не выдает он ни на миг.

60

От взгляда любопытного его
Ничто не ускользает. Он и пеших
И всадников сосчитывает точно,
Вождей всех имена запоминает
И узнает весь распорядок стана.
Все тайны он разоблачает скоро,
И ловкость под личиной простоты
Его приводит к ставке полководца.

61

В той части ставки, что ей служит кровлей,
Достаточная щель есть для того,
Чтоб можно было слышать все и видеть:
До уха тайна всякая достигнет,
От зоркого же взгляда ни одно
Не скроется движение Эмирена.
Вафрин там и становится открыто,
Как будто что-нибудь поправить хочет.

62

И видит он: в броне и в багрянице,
Еще простоволосый, полководец
Стоит, на дротик опершись; поодаль —
Два отрока со шлемом и щитом.
Допрашивал он воина-гиганта,
Смотревшего и яростно и грозно.
Готфрида имя услышав, Вафрин
Боится проронить хотя бы слово.

«Итак, вполне уверен ты, что можешь
 Убить Готфрида?» — молвит Эмирен.
 «Уверен и клянусь не возвращаться
 На родину иначе, как с победой.
 За это я одной прошу награды:
 Чтоб посреди Каира водружен
 Был столб с его доспехами, под ними ж
 Была бы надпись сделана такая:

„Сии доспехи вместе с жизнью отнял
 Ормонд у разрушителя Востока,
 Разбойника-француза, сей же столб
 На память о событии поставлен“». —
 «Нет, — Эмирен его перебивает, —
 Калиф тебя вознаградит иначе;
 К тому, чего ты просишь, жди по праву
 Прибавки в меру щедрости его.

Теперь готовь оружие и платье,
 Что скрыло бы тебя; день битвы близок». —
 «Готово все». И оба умолкают.
 Вафрин и изумлен и потрясен.
 Гадает он о замысле ужасном,
 О том, во что переодеться должен
 Убийца подсылаемый, и нет
 Просвета для него во тьме зловещей.

Отходит он, снедаемый тревогой,
 И, не смыкая глаз, проводит ночь.
 Наутро, развернув знамена, войско
 В поход всем станом бодро выступает.

Вафрин не отстает от египтян:
На каждой остановке неуклонно
От ставки к ставке бродит он в надежде
Хоть что-нибудь желанное услышать.

67

И под навесом пышным, наконец,
Армиду видит он среди служанок
И воинов; мрачнее черной тучи,
Рукой подперши голову и взор
К земле склонив, она сама с собою
Как будто говорит; Вафрин не мог бы
Сказать, что плачет, но в ее глазах
Прозрачные жемчужины он видит.

68

Адраст сидит напротив без движенья
И не дыша почти. Его глаза,
Истолкователи его желаний,
Царевну пожирают неотступно.
И тут же Тизаферн: поочередно
Глядит он на нее и на него;
Лица его изменчивые краски
То нежностью, то ревностью пылают.

69

Поодаль, между женщин, — Альтамор.
Не поддается он желаньям пылким,
И осторожный взгляд его скользит
По прелестям Армиды с нежной лаской.
То на руке прелестной, то на алых
Губах на время он его задержит;
Порою удается и в тайник
Ему забросить взгляд сквозь покрывало.

Но поднимает вдруг глаза Армида;
 Лицо ее уже светло; улыбка
 Небесная, как молния, пронзает
 Ее печали мрак: «Чуть о твоей
 Отваге вспомню я, Адраст бесстрашный,
 Как снова оживаю, и с души
 Спадает гнет: недолго ждать ей часа,
 Когда вкусит она всю сладость мести». —

«Царевна, проясни же от заботы
 Свое чело и скорбь свою развей;
 Ты голову врага увидишь скоро
 У ног своих иль, если пожелаешь,
 Я пленником тебе его доставлю.
 В том клялся я и подтверждаю клятву». —
 Внимая речи страстной, Тизаферн
 Молчит, но гложут гнев его и злоба.

Тогда на Тизаферна нежный взгляд
 Армида переносит: «Ты что скажешь?»
 И он в ответ: «Я робкими шагами
 Лишь издали последую за тем,
 Кого ты избрала себе в герои». —
 «Да, — восклицает яростный индеец, —
 Он по моим следам пойдет, со мной
 Соревновать открыто не дерзая». —

«Ах, отчего я не могу предаться
 Порыву! — восклицает Тизаферн, —
 С мечом в руке, я показал бы скоро,
 Кто первенства из нас достоин. Варвар!

Ни удалюю своею, ни бахвальством
Меня не испугаешь ты». Адраст
Уж ринуться готов ему навстречу,
Но распре их кладет конец Армида.

74

И говорит: «Отважные бойцы,
Не мне ль свои мечи вы обещали?
Зачем же взять хотите их обратно?
В одном бы чувстве слиться вы должны.
Меня лишь оскорбляет ваша ярость,
И на меня лишь падают угрозы».
Так говорит царевна, и враги
Смирятся под гнетом пут жестоких.

75

Вафрин и видел это все, и слышал;
Потом в другое место он идет
Расследовать мучительную тайну,
Что от него завесой плотной скрыта.
Расспросы не приводят ни к чему:
Чем больше затруднений он встречает,
Тем больше разгорается в нем рвенье
Исторгнуть эту тайну иль погибнуть.

76

Изыскивает он уж сотни новых
Путей и средств, неведомых уловок
И хитростей придумывает сотни;
Но все не то, все мало для него.
И вдруг судьба развязывает узел,
Которым он опутан, и ему
Воочию показывает сети,
Сплетенные Готфриду на погибель.

Скитаясь, возвращается он снова
 Туда, где видел ранее Армиду,
 Сидевшую среди своих героев
 И мстительной взволнованной толпы:
 Надежды не теряет он луч света
 Здесь обрести. И вот к красотке юной
 Подходит он с развязностью такою,
 Как будто с ней давно уже знаком.

«И мне бы, — говорит он ей, — хотелось
 К какой-нибудь красавице попасть
 В герои; предложить я тоже мог бы
 Ей голову Готфрида или Ринальда.
 Взгляни кругом и выбери любую
 Из варварских голов, я обещаю...»
 Он думает, что шутка приведет
 Ее скорей к беседе поважнее,

Но сам же выдает себя улыбкой.
 Другая из красоток на него
 Глядит, потом подходит со словами:
 «Я у нее отбить тебя желаю;
 Раскаиваться ты не будешь в том,
 Что сердце мне отдашь свое. Отныне
 Ты — рыцарь мой, и надо нам тотчас же
 Поговорить совсем наедине».

Они отходят в сторону. «Тебя
 Я узнаю, Вафрин; ты должен также
 Меня узнать». Он слышит и трепещет,
 Но скоро вновь собой овладевает

И говорит с улыбкой же: «Не помню,
Чтоб видел я тебя когда-нибудь,
Забыть же мудрено черты такие;
К тому же я ношу другое имя.

81

Родился я в песках Бизерты знойных,
Родитель мой — Лесбин, я — Альманзор». —
«Я знаю, кто ты и откуда родом.
Я — из твоих друзей, меня не бойся;
Готова жизнь отдать я, чтоб спасти
Твоих единоверцев: ты царевну
Эрминию перед собою видишь,
И господин у нас один и тот же.

82

Став пленницей Танкреда, под твоим
Участливым, заботливым надзором
Я пробыла два месяца; взгляни же!
Ведь это — я сама, а не другая!»
Вафрин глядит и скоро узнает;
Она же продолжает: «Этим солнцем,
Что светит нам, клянусь я, твоего
Не обману доверия, не бойся!

83

Я к жалости твоей сама взываю:
Верни меня к былым цепям; с тех пор
Как я свободу страшную познала,
Печальные влачу я дни и ночи.
Коль ты сюда разведчиком явился,
Удачней ничего не может быть:
Тебе такие тайны я открою,
Каких ни от кого ты не узнал бы».

Встревоженный Вафрин молчит сурово:
 Армидины он козни вспоминает.
 Непостоянна женщина, болтлива,
 И слепо доверяться ей — безумство!
 В конце концов он говорит: «Царевна,
 Твоим проводником я быть готов;
 Но уж терять в бесплодных разговорах
 Не будем драгоценные мгновенья».

Условившись бежать без замедления,
 Расходятся они. Еще немного
 Побыв среди своих подруг беспечных,
 Эрминия рассказывает им
 О рыцаре своем с шутливым видом
 И вскоре исчезает; а оттуда
 Спешит опять к Вафрину, чтоб из стана
 С ним вместе незаметно ускакать.

И вот они уже в безлюдном месте,
 И говорит Эрминии Вафрин:
 «Теперь скажи, какие ты хотела
 Открыть мне тайны? Что нам угрожает?»
 И с ужасом тогда он узнает
 О замысле убийственном: «Покончить
 С Готфридом восемь воинов решили
 И выбрали главой своим Ормонда.

В тот самый день, когда должна решиться
 На поле брани Азии судьба,
 Вмешаются они все восемь в схватку,
 Французами переодевшись раньше:

С крестами на оружии, под видом
Тех воинов, которым охранять
Поручено особу полководца,
Они его кольцом охватят тесным.

88

В отличие от прочих же, на шлемах
У них значки особенные будут,
Чтоб египтяне видеть их могли
Перед собою каждое мгновенье;
И под такой обманчивой личиной
Предатели должны в разгаре боя
Отравой напоенное смертельной
Оружие вонзить Готфриду в грудь.

89

И мне самой служить, увы! пришлось
Их замыслам преступным: эти руки
Чертить злодеям вынуждены были
Оружия и платья образцы;
Хотя и подневольно, под угрозой,
Загрязнена я тем же преступленьем.
И вот, Вафрин, причина, что меня
Теперь бежать отсюда заставляет.

90

Увы! и не одна еще...» Румянцем
Ее внезапно вспыхивают щеки,
И опускает взор она, неясно
Произнося последние слова.
«А, милая моя! — перебивает
Ее Вафрин встревоженный, — так значит,
Есть и другие тайны у тебя,
Которые открыть ты мне боишься?»

Вздых испустив глубокий, продолжает
 Она дрожащим голосом: «Беги же,
 Бессильная стыдливость, от меня!
 Зачем скрывать я дольше буду пламя,
 Что никаких преград уж знать не хочет?
 Должна была таить его я прежде:
 Разбитые оковы уважать
 Обязана ль, беглянка, я отныне?

Пережила я гибельную ночь
 И для себя, и для своей отчизны:
 Нет царства у меня и нет престола;
 Но это — лишь начало бед моих,
 И в их числе беды нет самой горшей.
 Я в эту ночь ужасную навеки
 Себя самой лишилась; отдала
 И сердце ей, и разум безвозвратно.

Вафрин, ты помнишь это; вся дрожа
 От ужасов резни кровопролитной,
 К Танкреду устремилась я навстречу
 В тот миг, когда входил он в мой дворец,
 И, пав к его ногам, я возопила:
 „Будь милостив, суровый победитель!
 Не о пощаде жизни я молю,
 А о спасенье девичьей лишь чести“.

Он, руку протянув мне благосклонно,
 Сказал: „Ты не обманута надеждой;
 Отныне я — защитник твой, царевна“.
 И вот тогда почувствовала я...

Что именно, сказать я не сумею,
Но сладостное нечто, неземное
Ко мне проникло в сердце, и душа
Моя была огнем объята вскоре.

95

Танкред меня вначале утешал,
Свои к моим примешивая слезы,
И вдруг сказал однажды: „Возвращаю
Тебе я и свободу и богатство“.
Увы! благоденье это было
Лишь видимым, Вафрин; разбив оковы,
Вернув богатство суетное, он
В тот миг стал сердца моего владыкой.

96

Как трудно скрыть любовь! С тобою часто
Беседы я вела о господине;
Я в слабости своей не признавалась,
Но ты, ее приметив, говорил:
„Эрминия, тебя снедает тайна“.
Отнекивалась я всегда упорно,
Но вздохи изменяли мне, глаза же,
Быть может, тайну выдали тебе.

97

Злосчастное молчанье! Ах, зачем
Тогда я избегала исцеленья!
Пришлось же мне впоследствии бесплодно
Порвать узду моих желаний страстных.
Уехала я со стрелою в сердце,
Что ранила его. Была близка
Я к смерти, но любовь, мне жизнь спасая,
Разбила все стыдливости оковы.

Пустилась я на поиски того,
 Кто, причинив мне столько мук, был властен
 Один их прекратить; мне угрожали
 Опасности от злых людей повсюду;
 Спасение от них в конце концов
 В пустыне я нашла уединенной,
 Где, посоха из рук не выпуская,
 Жила в лесу с простыми пастухами.

Однако вскоре гибельное пламя
 Вновь разгорелось в сердце у меня,
 И сделала еще раз я попытку
 С Танкредом увидаться; но вернула
 Нагрянувшая новая беда
 Меня ко всем пережитым печалям:
 Дорогой в руки египтян попавшись,
 Я с ними же и в Газе очутилась.

Представленная грозному вождю,
 Все о себе ему я рассказала;
 Он пожалел меня, и при Армиде
 Я обрела себе приют почетный.
 Вафрин, вот повесть скорбная моя:
 От воли к рабству и от рабства к воле
 Судьба меня бросала; но доныне
 Храню любовь я все же к первым узам.

О Небо! Неужели тот герой,
 Что вечными сковал меня цепями,
 Мне скажет: „Нет скиталице приюта!“
 И оттолкнет меня? Ах, если б только

Меня он с прежней ласковостью встретил
И возвратил мне прежнюю неволю!»
Так ехали они и ночь и день,
Беседой задушевной развлекаясь.

102

Вафрин по безопаснейшим тропинкам
Эрминии указывает путь;
Перед закатом солнца в океане
Они почти Солима достигают.
Кровавые следы их к луже крови
Приводят; посредине исполинских
Размеров виден воин: хоть и мертвый,
Он все ж хранит в лице угрозу, мнится.

103

Они в нем по доспехам узнают
Неверного, и путь к заветной цели
Вафрин без остановки продолжает;
Подальше он другое видит тело.
«А, это — христианин, — говорит, —
Здесь было бы грешно проехать мимо».
Приблизившись, лицо он обнажает.
«Танкред! Танкред! Мой господин! О, Небо!»

104

При этом крике горести душевной,
При драгоценном имени Танкреда
На части разрывается царевны
Несчастной сердце: все забыв, она
Спешит на крик в безумном исступленье;
Спешит, летит, соскакивает наземь
И припадает к бледной, помертвелой,
Но все еще прекрасной голове.

Из глаз ее ручьями льются слезы,
 Со вздохами мешаются слова:
 «Куда меня привлек мой жребий жалкий?
 Танкред со мной! Тебя я вижу снова,
 Но ты меня, увы! уже не видишь!
 Я у тебя перед глазами, ты же
 Закрыв их плотно! Я тебя нашла
 Лишь для того, чтоб потерять навеки.

Несчастливая! могла ли думать я,
 Что мне твой вид послужит лютой казнью?
 Зачем я раньше зренья не лишилась!
 Увы! где это пламя, что живило
 То гневные, то нежные глаза?
 Под вечной пеленой они сокрыты.
 Где розы щек твоих? Где твоего
 Чела небесный блеск? Что с ними случилось?

Но я люблю в тебе и эту бледность!
 О, если слышишь ты меня, прости,
 Прости мне дерзкий пыл моих желаний!
 С поблекших губ твоих я соберу
 Все, что любовь сулила, поцелуи.
 Пусть охладило их дыханье смерти:
 Хоть часть того огня, что я для них
 Лелеяла, им передам я все же.

Уста, которых речи облегчали
 Мою тоску неоднократно, дайте
 Мне усладить последним поцелуем
 Последние мгновения мои!

Случись иначе, может быть, и сам
Ты этот поцелуй мне подарил бы:
Позволь же, чтоб мои уста прижались
Теперь к твоим с последним вздохом вместе.

109

Тебе, Танкред, я душу отдаю:
Пусть вместе успокоится с твоею».
Теряются слова ее в стенаньях,
Слезами же своими орошает
Она лицо героя. Тот в себя
Приходит и едва приоткрывает
Сомкнутые уста! Глубокий вздох
Сливается со вздохами царевны.

110

Но он до слуха чуткого доходит
И в сердце зажигает луч надежды:
«О мой Танкред, возлюбленный Танкред!
Открой глаза, прими слезу прощанья,
Эрминия с тобою умирает!
Повремени, пока моя душа
С твоею не слилась! Повремени же,
Не отвергай моей последней просьбы!»

111

Глаза отяжелевшие на миг
Открыв, Танкред их закрывает снова.
«Он жив! — кричит Вафрин, — он жив! Поможем
Сперва ему, оплакать же успеем».
Уже доспехи сняты; вся дрожа,
Эрминия осматривает раны.
И знание и уменье обещают
Возлюбленного к жизни возвратить.

Но кроме покрывала у царевны
 Для перевязки ран в пустыне этой
 Нет ничего; однако же Любовь
 Указывает ей счастливый выход.
 Густыми волосами удается
 Ей быстро удержать потоки крови;
 Из этих же волос она тесьму
 Широкою и плотную сплетает.

Недостает целебных трав царевне,
 Но ей зато знакомы заговоры
 На боль и смерть. Чуть первые слова
 Она произнесла, герой выходит
 Из смертного уже оцепененья:
 Вокруг глядит он с любопытством, видит
 Вафрина верного перед собой,
 Эрминию ж узнать еще не может.

И говорит: «Вафрин, ты здесь? А ты,
 Прекрасная целительница, кто ты?»
 Деля еще и радость и тревогу,
 Эрминия в смущенье отвечает:
 «В покое ты нуждаешься пока;
 Я жизнь твою спасу, готовь награду».
 И, сев на землю, голову Танкреда
 Кладет себе царевна на колена.

Меж тем Вафрин изыскивает средства
 Доставить господина в стан, пока
 На землю тьма ночная не спустилась.
 Вдруг воины Танкредова отряда

Являются: при них на поединок
Черкеса вызвал он, но запретил
Им двигаться; встревожило, однако,
Их долгое отсутствие героя.

116

Приходят и другие и Танкреда,
Сплетясь руками, держат; он же молвит:
«А доблестный Аргант? Иль здесь хотя
Его в добычу хищникам оставить?»
Нет, воздадим усопшему герою
Все почести, какие подобают,
И похвалы надгробные от нас
Его отваге данью да послужат.

117

С кончиною его должна угаснуть
И ненависть моя; нам долг велит
Хоть в слабых выражениях восславить
Ушедшую из мира добродетель». —
Аргантовы тяжелые останки
С усилием подняв, вслед за Танкредом
С почетом все несут; как верный страж,
Эрминию Вафрин сопровождает.

118

И говорит герой: «В Иерусалим
Отправиться хочу я; если надо,
Чтоб светоч мой погас, пусть ближе к Гробу
Господню испущу я вздох последний.
Душе моей оттуда будет легче
На Небо вознестись, и я умру
Счастливый тем уже, что видел город,
Куда меня влекли мечты и клятвы».

Эрминия осматривает раны.
И знание и умение обещают
Возлюбленного к жизни возвратить.

Сказал он, и в Солим его относят,
 Где мирному он предается сну.
 Неподалеку от него царевне
 Вафрин приют устраивает тайный,
 А сам спешит увидеться с Готфридом,
 К которому свободно проникает,
 Хотя герой и занят в то мгновенье
 Расчетom опасений и надежд.

Среди вождей храбрейших и мудрейших
 Сидит военачальник на краю
 Постели, что Раймунду служит ложем.
 Отдав поклон почтительный герою
 И всем его советникам, при общем
 Молчании Вафрин так начинает:
 «Как было мне тобою, государь,
 Повелено, проник я в стан неверных.

Не жди, чтоб я тебе определил
 Их воинов число; равнины, горы,
 Ущелья сплошь покрыты их шатрами.
 Я видел на далекое пространство
 Поля без жатвы, реки и ручьи
 Без капли влаги; в Сирии нет столько
 Воды, чтоб утолить их жажду, столько
 Пшеницы нет, чтоб всех их прокормить.

Но эта вся бесчисленная рать
 Собою сброд являет бесполезный:
 Мечом владеть солдаты не умеют,
 И стрелы их не достигают цели.

У персов под знаменами, однако,
Найдутся добрые бойцы; да есть
Отряд еще страшней, быть может: это —
Калифова бессмертная дружина.

123

Бессмертной потому она зовется,
Что воинов число в ней неизменно:
Чуть выпадет из строя в ней солдат,
Его тотчас же новый заменяет.
Такого полководца в целом мире,
Быть может, не найти, как Эмирен;
Приказано ему калифом вызвать
Сражение во что бы то ни стало.

124

День нынешний и завтрашний пройдут,
На третий же здесь будет враг наверно...
Ринальд, прими возможные все меры,
Чтоб жизнь свою обезопасить, ибо
На волоске висит она: Армидой
Обещана рука тому, кто ей
Твою доставит голову, и в этом
Славнейшие бойцы ей дали клятву.

125

Находится меж них царь самаркандский,
Отважный Альтамор; потом Адраст,
Тот исполин Адраст, что до ворот
Авроры распростер свои владенья:
Бесчеловечно-яростный, он ездит
Не на коне, а на слоне огромном;
И Тизаферн еще, один из тех
Героев, чья неоспорима слава».

126

Умолк. Глаза Ринальда мечут искры:
 Хотел бы он уж быть среди врагов;
 Он ни сдержать, ни обуздать не в силах
 В нем вспыхнувшее рвенье боевое.
 Вафрин же продолжает: «Государь,
 Не все тебе успел сказать я; тайну
 Ужаснее еще открыть я должен:
 Предательский удар тебе готовят».

127

Весь заговор, вождю грозящий, он
 В подробностях мельчайших раскрывает
 Включительно до переодеванья;
 И сыплются расспросы на него,
 И всем охотно он дает ответы.
 Сначала водворяется молчанье;
 Потом Готфрид Ринальду молвит: «Граф,
 Хотел бы я твое сужденье слышать». —

128

«Не думаю, — Ринальд на то, — чтоб завтра
 Возобновлять нам надо было приступ:
 Обложим башню лишь, чтоб враг оттуда
 Не мог уйти; дадим передохнуть
 Войскам и приготовимся к той битве,
 Что Азии решит удел дальнейший.
 Идти ли египтянину навстречу,
 Иль ждать его, об этом сам подумай.

129

Для нас всего важнее жизнь твоя:
 С тобою мы уверены в победе,
 С тобою мы уверены во власти;
 А без тебя вождем кто будет нашим?

В ком верную поддержку мы найдем?
Дай новые доспехи и одежду
Своим телохранителям: злодейство
Тогда само себя же выдаст прямо». —

130

«И мудр и дружелюбен твой совет.
Я возвещаю то, что предоставил
Ты мне решить: идем врагу навстречу.
К лицу ль завоевателям Востока
За стены и окопы укрываться?
В открытом поле и при свете дня
Явить перед неверными всю нашу
И доблесть и отвагу подобает.

131

Одно воспоминание о наших
Победах трепетать заставит их;
Наш вид и блеск dokonчит поражение,
И на останках власти их зложим
Мы государства нашего основу». —
На этом речь свою Готфрид кончает;
Все по шатрам расходятся своим,
Чтоб отдыху в тиши ночной предаться.

ПЕСНЯ ДВАДЦАТАЯ

1

К труду уж призывает смертных солнце;
Уж полпути оно свершило в небе.
Неверные из башни видят вдруг
Далекую клубящуюся тучу,
Что движется к Солиму прямо; вскоре
Они распознают в ней египтян:
Бесчисленные полчища стеною
Вздывают пыль, окрестность затмевая.

2

Желанный этот вид у осажденных
Восторженные крики исторгает:
Так стаи журавлиные тепло
Приветствуют, к тем странам приближаясь,
Куда они летят от зимней стужи.
Надежда оживляет в их сердцах
И мужество и бодрость; христианам
Летят от них и стрелы и каменья.

3

Понять нетрудно было христианам,
Чем вызвано неистовство неверных;
Едва они взглянули на равнину,
Как возгорелись пылом боевым,

И крики уж: «К оружию!» несутся.
Вся молодежь Готфрида обступает
И восклицает, яростно дрожа:
«Дай, государь, дай нам приказ к сраженью!»

4

Однако же герой их нетерпению
Противится и сдерживает смелость;
И небольшими стычками он даже
Не разрешает счастья испытать.
Он говорит: «Так много потрудившись,
Хоть день еще передохнуть нам надо».
А также, может быть, внушить врагу
Он ложную уверенность желает.

5

Оружие готова, каждый ждет,
Чтоб, наконец, огни зажгла аврора.
Еще ни раза здешний воздух не был
И чист и ясен так, как в это утро.
Аврора, восходя, взяла у солнца
Как бы весь блеск для своего венца,
И зрелищем деяний славных небо
Без покрывала хочет любоваться.

6

Чуть день настал, в порядке боевом
Готфрид уж в поле войско высылает.
Раймунд следить за башнею обязан,
Не позволяя выйти осажденным.
Имеет он в своем распоряженье
Гасконцев и еще один отряд
Сирийцев-христиан, что под знамена
Своих освободителей явились.

7

Читается в лице Готфрида ясно
 Предчувствие победы несомненной;
 В его чертах сиянье неземное.
 Он войску никогда еще таким
 Величественно-мощным не являлся:
 Играет на щеках его румянец;
 Осанка, взгляд, все в нем изобличает,
 Что выше он обыкновенных смертных.

8

Перед его глазами вся картина
 Огромного египетского стана;
 Велит он холм занять, что от него
 По левой стороне назад уходит.
 Широкий, грозный строй перед врагом
 Развертывает он по всей равнине:
 Ядро в строю пехота образует,
 А конница размещена по крыльям.

9

Распределяя по местам отряды,
 Налево от себя он ставит двух
 Робертов, брату центр предоставляет
 И остается сам на правом фланге,
 Растянутом далеко по равнине.
 Здесь главная опасность предстоит:
 Сосредоточив силы, египтянам
 Здесь христиан замкнуть в кольцо нетрудно.

10

Сюда он помещает лотарингцев
 И с ними лучший цвет своих бойцов;
 При этом конных с пешими мешает,
 Привыкшими среди коней сражаться.

Неподалеку от него стоит
Отряд авантюрьеров и другие
Отвагою известные отряды:
Над этими начальствует Ринальд.

11

«В твоих руках победа, — говорит
Готфрид Ринальду, — и вся участь наша
От одного тебя теперь зависит.
Держи же свой отряд пока в засаде;
В тот миг, когда приблизится к нам враг,
Бросайся на него со всею мощью,
Чтоб замыслы его разрушить сразу.
Он окружить захочет нас, наверно».

12

Оттуда он на быстром скакуне
Летит по фронту с поднятым забралом.
Черты его и взор угрозой блещут:
Поддержит здесь смущенную отвагу,
Там слабую надежду подкрепит;
О подвигах напомним совершенных;
Одним награду посулит, другим же —
Почетное отличие за удаль.

13

В конце концов перед своею ратью
Он всходит на возвышенное место
И к воинам оттуда держит речь,
Отвагу в их сердцах воспламеняя;
И льется красноречие его,
Уподобляясь горному потоку,
Что, тающих снегов питаясь влагой,
Стремительно в равнину ниспадает!

«Востока победители, бичи
 Нечестья иноверного, внимайте!
 Пришел ваш день, так долго жданный день
 Последнего, решительного боя;
 Вы видите: все вражеские силы
 Здесь собраны сегодня Небесами,
 И собраны затем лишь, чтобы их
 Подставить под удары ваши сразу.

О, сколько здесь побед в одной победе!
 И от скольких трудов и от скольких
 Лишений нас Всевышний избавляет!
 Несметной этой рати не страшитесь:
 Без связи, без согласия, сама же
 Она себя в смятенье приведет;
 Ни мужества не хватит, ни порядка,
 Чтоб в пользу обратить все эти руки.

Их большинство, бессильных, неумелых,
 Оторвано от праздности иль низких
 Ремесел, и являются сюда
 Они с одною трусостью своею.
 Я вижу их дрожащие мечи,
 Щиты, знамена; в их нестройных звуках,
 В движениях нерешительных читаю
 Их гибель я и наше торжество.

И в золоте и в пурпуре, с таким
 Надменным взглядом их военачальник,
 Быть может, побеждал арабов, мавров;
 Но здесь бессилен он со всем искусством

И мужеством своим. Своих солдат
Не знает он, они его не знают;
И многим ли из них сказать он мог бы:
„Ты там-то был, и я там был с тобою“?

18

А у меня все на подбор солдаты:
Вчера товарищ ваш, сегодня вождь,
Я побеждал врагов бок о бок с вами.
Найдется ли меж вас один, кого бы
Не знал я по рождению? Следя
За вашими летящими стрелами,
Про каждую я не сказал бы разве:
„Вот ту пустил француз, а ту — ирландец“?

19

От вас мне новых подвигов не надо:
Лишь будьте тем, чем были до сих пор;
Да не покинет вас святое рвенье
И к общей нашей славе, и к Христовой.
Разите нечестивых и на смрадных
Останках их победу созидайте.
Что может нас удерживать? В глазах
Читаю я у вас: победа наша».

20

Смолкает он, и светлый луч вокруг
Его лица сиянье образует.
Так молния блесит; с ночного неба
Сорвавшись и прорезав бездну мрака,
Так в волны погружается звезда.
И христиане думали, что служит
Явление это предзнаменованием
Того венца, что ожидал Готфрида.

21

Быть может (если только взору смертных
 Небесные доступны тайники),
 Быть может, это из селений горних
 Слетел хранитель-ангел на героя
 И явно осенил его крылами.
 Не менее усердно в то же время
 И египтянин войско размещал,
 Солдат перед сраженьем ободряя.

22

Такого же порядка в размещение
 Он держится, как и Готфрид: пехоту
 Всю в центре ставит, конницу по флангам.
 Себе берет он правый фланг, вождем
 На левом назначает Альтамора,
 А центр Мулеазему поручает;
 Армида ж с ослепительным своим
 Конвоем остается в арьергарде.

23

Где Эмирен, там и отряд бессмертных,
 А также и Адраст и Тизаферн;
 Налево же, где Альтамор, четыре
 Властителя: персидский, африканский
 И эфиопских два. Пространство нужно
 Обширное для их несчетных полчищ;
 Оттуда полетят на христиан
 Каменья из пращей, из луков стрелы.

24

Ряды военачальник объезжает
 И держит речи к воинам, попреки
 Мешая с похвалами и посулы
 С угрозами. Так молвит одному:

«Что за унылый вид? Чего боишься?
Один что может сделать против ста?
Довольно нашей тени, наших криков,
Чтоб эта горсть в испуге разбежалась!»

25

Другому: «Воин доблестный, любя
Твоя отвага мне, так отбери же
Свое добро, насильно отнятое!»
Кой-где припоминает про отчизну;
Ее молящий образ представляя,
Картины обездоленных семей
Рисует в ярких красках: «Край родимый
Через меня к тебе вызывает слезно:

26

„Спаси святые храмы; не давай
Врагу их орошать моею кровью.
Избавь юниц дрожащих от позора;
От скверны защиты могилы предков“.
Взгляни на старца слабого, что кажет
Тебе седые волосы; взгляни
На ту, что с ложа брошенного молит
Тебя и к ней, и к детям возвратиться».

27

Иным же говорит: «И честь и месть
Вам Африка вручила, и суровой,
Но справедливой кары ожидает
Она от вас нагрянувшим злодеям».
В сердцах бойцов он разжигает пламя.
Но вот вожди умолкли; оба войска
Разделены лишь узкой полосой.

Что за величественный вид! Сигнал
 К сраженью дан — и все заколебалось.
 Пестреет воздух яркими значками;
 Широко развеваются знамена;
 Султанами играет ветер вольный;
 Как светочи, от солнечных лучей
 И золото и сталь горят, окрестность
 Сиянием и страхом наполняя.

Как лес дремучий, дротики и копья
 Укрыли все; натянутые луки
 Пустить готовы трепетные стрелы;
 Струной звенит взвивающийся пращ.
 И ненависть и ярость переходят
 От всадников к коням: взрывают землю
 Неистово копытами они,
 И пламенные ноздри их дымятся.

Насколько это зрелище ужасно,
 Настолько ж тайной прелести полно,
 И от него отвлечься взор не может;
 Нестройный хор рогов военных все же
 Ласкает слух. Меж тем у христиан
 Хотя и меньше воинов, но больше
 Величия: и ярче блеск доспехов,
 И звуки труб согласней и бодрей.

Готфрид вещает первый наступленье;
 Шлет Эмирен ему ответ тотчас же
 И принимает битву; христиане
 Смиренную мольбу возносят к Небу

И, на колена пав, целуют землю.
Мгновение, и нет уже равнины:
Все ринулось, сомкнулось и смешалось;
И всюду кровь, и всюду смерть и ужас.

32

Из христианских воинов удары
Кто первые нанес? И чья рука
Стяжала лавры первые в той битве?
Твоя, твоя, Джильдиппе! Было свыше
Так решено, чтоб женщина сразила
Гирканца, повелителя Ормусы:
Он падает и слышит, как враги
Удар, его лишивший жизни, хвалят.

33

Уже в кусках копье у амазонки,
Уже в ее руках сверкает меч,
И, налетев на персов, прорывает
Она за рядом ряд, как паутину.
Зопира, ухватив за пояс цепко,
Она перерубает пополам;
Вонзив железо в шею, Аларкону
Перерезает и гортань и глотку.

34

Без чувств летит на землю Артаксеркс;
Аргей, насквозь пронзенный, испускает
Последний вздох; беспомощная виснет
На коже кисть руки у Измаила.
Ослабшие поводья скакуна
По шее хлещут; чувствуя свободу,
Животное все далее несется,
Среди врагов смятение порождая.

35

И много-много воинов безвестных
 Повержены рукою амазонки.
 Враги уже теснят ее, грозя
 И споря, чьей она добычей станет.
 Но верный Одоард, вооруженный
 Всей нежностью, стремится к ней на помощь.
 Вдвоем супруги чувствуют, как в них
 И сила и отвага возрастают.

36

О доблестная пара! Ты в боях
 Невиданное зрелище являешь.
 Свою опасность забывает каждый,
 Чтоб защитить в опасности другого!
 Джильдиппе отражает те удары,
 Что Одоарду нежному грозят;
 А Одоард с Джильдиппе глаз не сводит,
 Ее своим щитом оберегая.
 Чтоб меч отвести от головы бесценной,

37

Он под него, как щит, без колебания
 Подставил бы свою нагую грудь.
 И вот уж сражены им и отважный
 Бекана повелитель, и Альвант,
 Дерзнувший нанести удар Джильдиппе;
 Джильдиппе же безглавит Аримонта,
 Что дням ее супруга угрожал.

38

Тем временем властитель самаркандский
 Средь христианских войск еще ужасней
 Производил разгром: вокруг него
 Все падает, все гибнет лютой смертью.

Кто ускользнет от страшного меча,
Того скакун копытами раздавит;
Блаженны находящие кончину
Не под ногами яростных животных!

39

Да, Альтамор свою собирает жатву:
Им сражены и мощный Брунеллон,
И исполинский Гардуин. Так череп
У первого разрублен, что на каждом
Плече внезапно будто вырастает
Придаток окровавленный. Второй
От действия причудливого раны
Не может, умирая, не смеяться.

40

Пощады меч воителя не знает.
Пав от его ударов смертоносных,
Гентон и Гваск, Гюи и Роземунд
Последние свои сливают вздохи.
Кто может сосчитать его все жертвы?
Кто назовет всех тех, что под конем
Его погибли? Сколько ран различных
Нанесено? И много ли убитых?

41

Боятся на глаза ему попасться,
Боятся пригрозить — одна Джильдиппе
С противником опасным рвется в бой
И на него бесстрашно нападает.
В долине Фермодонта амазонка,
Испытанная в битвах, никогда
Щита с такою мощью не держала
И не рубила храбро так секирой.

Она наносит первая удар
 Неверному и дивный венчик шлема
 Из золота с эмалью разбивает.
 На миг чело надменное невольно
 Склоняет перед нею Альтамор.
 И гнев и стыд в нем вспыхивают разом;
 Но мщением не медлит он, тотчас же
 Бесчестие смывая вражьей кровью.

Джилдиппе отвечает он ударом
 Таким ужасным, что, лишившись чувств,
 Она чуть не лишается и жизни;
 Но верный друг спешит уж к ней на помощь.
 Случайно ли, иль в доблестном порыве
 Вдруг жертву покидает Альтамор.
 Так от врага, поверженного наземь,
 Отходит лев с пренебреженьем явным.

Меж тем Ормонд, со многими грехами
 На совести, Ормонд переодетый
 Втирается меж христиан и с ним
 Участники в намеренье коварном.
 Так с приближеньем ночи темной волки
 Готовятся врасплох напасть на стадо
 Под видом неусыпных сторожей,
 Не знающих покоя до рассвета.

Они все продвигаются вперед;
 Уж варвар недалеко от Готфрида,
 Но, разглядев его наряд военный,
 Герой с негодованьем восклицает:

«Вот, вот он, под личиной вероломной
Несущий гибель мне, а вот его
Товарищи!» — и с этими словами
К предателю торопится навстречу.

46

Злодей смертельно ранен; недвижимый,
Бессилен он разить и защищаться.
Отвага стынет в нем; от одного
Готфридова он взгляда каменеет.
И все мечи уже грозят убийцам,
Уже все стрелы сыплются на них;
От тел их, рассеченных и пронзенных,
Кровавые куски лишь остаются.

47

Весь кровью нечестивою покрытый,
Бросается Готфрид в средину свалки,
Где перс высокомерный, Альтамор,
Теснейшие ряды опустошает.
Как ветрами взметаемый песок
Разносится в пустыне африканской,
Так исчезают быстро и бесследно,
Едва его завидят, христиане.

48

Угрозами и криками Готфриду
Увлечь их удастся за собою.
И все смешалось вдруг: ни Симоент,
Ни Ксанф на берегах своих от века
Не видели такой резни ужасной.
Пехота Балдуина уж сошлась
В бою с Мулеаземовой; налево ж,
Где Эмирен, все пламенем объято.

С одним из двух Робертов вождь неверных
 Ведет упорный бой: равны их силы.
 Другому же Роберту успевает
 Адраст и щит и латы раздробить.
 Достойного себе единоборца
 Все не находит Тизаферн: врываясь
 В сомкнутые, сплоченные ряды,
 Он и разгром и смерть повсюду вносит.

Колеблются тревоги и надежды,
 Обломками щитов, мечей и копий
 Покрыто все. Живых и мертвых тел
 Кровавые повсюду видны груды:
 Одни ничком повержены; другие
 Лицом к врагу, как бы еще грозят.
 Почти у всех насквозь зияют раны,
 Следы ударов, жизни их лишивших.

Там рядом с господином верный конь;
 Здесь друг бок о бок с другом христианин
 И сарацин, сраженный и сразивший,
 Еще живой и мертвый уж, все вместе.
 Неистовые крики, гневный ропот,
 Стенания, рыдания слились
 В нестройную громаду диких звуков,
 Рожающих в душе и страх и ужас.

Блестящее оружие отныне
 Являет вид и мрачный и печальный;
 Не мечет искры сталь, и яркий блеск
 Утратило убранство золотое;

Поблекли, как цветы под осень, краски,
Нашлемники разбиты, а одежды
Военные, в лохмотьях и клочках,
Покрыты кровью, смешанною с пылью.

53

Меж тем арабы, мавры, эфиопы
Развертывают строй, чтоб христиан
Все левое крыло отнять от центра,
Уж издали летят каменья, стрелы,
Как выступает вдруг Ринальд с отрядом:
Потоки и вулканы не влекут
Таких опустошений за собою
И ужаса такого не внушают.

54

Отважный Ассимир, вождь смуглолицых,
Становится перед Ринальдом первый;
Ударом мощным в шею тот его
На землю опрокидывает мертвым.
При виде крови, им же пролитой,
Он в бешенство приходит и упиться
Резнею жаждет: что за чудеса
Отваги! Что за славные деянья!

55

Смерть, под его рукою размножаясь,
По несколько зараз уносит жертв;
Сдается изумленным мусульманам,
Что он тремя орудует мечами.
Введенные в обман движеньем быстрым,
Так видим мы три жала у змеи.
Сердца их наполняя, смертный ужас
Со всех сторон являет им погибель.

Тираны Ливии и эфиопских два
 Властителя и кровь свою, и вздохи
 Последние сливают воедино.
 Вождя воспламененные примером,
 Ринальдовы бойцы крошат врагов,
 Что сами же ложатся перед ними:
 Удары их мечей у сарацинов
 Отчаянья лишь крики вызывают.

Рассеянные полчища такой
 В конце концов охватывает ужас,
 Что в бегстве беспорядочном они
 Должны искать спасения; герой же
 Их по пятам преследует упорно,
 Пока не довершает поражение:
 Погоню прекращает он тогда
 И чувствует, что бранный пыл в нем гаснет.

Так яростные ветры, что колеблют
 Холмы и опрокидывают рощи,
 Слабей и мягче дуют на равнине;
 Так мощные валы, что у камней
 Подводных и мнутся и грохочут,
 Стихают на просторе беспредельном;
 Ринальд, грозящий стойкому врагу,
 Перед врагом бегущим безоружен.

Отвага, презирающая жертвы,
 Что перед ней трепещут и бегут,
 Его к пехоте вражеской приводит.
 Арабы с африканцами служили

Ей верною поддержкою; теперь же
Осталась беззащитною она:
Готфрид с бойцами буйными своими
Ее ряды сметает без препоны.

60

Когда на ниву буря налетает,
Не с большей беспощадностью она
Покорные к земле колосья клонит.
Все плавает в крови, везде остатки
Оружия разбитого и в корчах
Предсмертного томления тела.
Что от ударов стали уцелело,
То гибель под копытами находит.

61

Так, наконец, за рядом ряд Ринальд
В то место проникает, где Армида
С оружием сидит на колеснице
Среди своих поклонников отважных.
Тотчас же узнает она врага:
В ее глазах и ненависть и нежность,
А в сердце кровь то стынет безнадежно,
То пламенною вспыхивает страстью.

62

Нежданный вид героя поражает:
На миг остановившись, хочет он
Уйти назад; но, связанные клятвой,
Соперники не медлят нападением,
И уж грозят ему мечи и копыя.
Стрела и у Армиды наготове:
Торопит гнев ее, но, споря с ним,
Любовь ее удерживает властно.

Восставшая в груди ее любовь
 Вновь зажигает пламя, что, казалось,
 Навеки там она похоронила.
 Пытается три раза натянуть
 Она свой лук; трепещущие руки
 Отказывают в этом ей три раза:
 И все ж в конце концов стрела летит,
 А вслед за ней раскаянье несется.

Хотела бы она, чтоб он ушел;
 Хотела б, чтобы он пронзил ей сердце.
 О, дивный плод отвергнутого чувства!
 Что ж было бы, когда б он победил?
 Но слабости она уже стыдится,
 И сердцем вновь овладевает ярость.
 Колеблясь меж боязнью и желаньем,
 Она следит глазами за стрелой.

Стрела герою в латы попадает,
 Пронзает их и остается там;
 Ринальд уходит молча, и Армида
 К себе одно презренье видит в этом.
 В бессильном иступлении она
 В него стрелу пускает за стрелою.
 Меж тем любовь ей растравляет раны,
 И оттого они зияют глубже.

И говорит она: «Мой уж, значит,
 Удары поражать его не могут?
 Как тело, так и сердце у него
 В алмазную броню одето, верно.

Была побеждена я безоружной;
С оружием в руках — еще скорее:
Любовница ли, враг ли, я равно
Презрения его служу предметом.

67

Бесплодны средства все! Бесплодны чары!
Несчастливая! Ах, уступает все
Могуществу его: и силы смертных,
И колдовства испытанные тайны.
Где все герои, что вооружались
Для мщения за меня? Одни ему
Покорность изъявили раболепно,
Другие под ударами погибли».

68

Одна, без обороны, на себя
Она уж как на пленницу взирает,
Носящую позорные оковы;
Под гнетом ужаса и лук, и стрелы,
И чародейство — все забыто ею.
Так лебедь робкий, увидав орла,
Что растерзать его готов, трепещет,
Заранее к земле уж припадая.

69

Но Альтамор летит стрелы быстрее
К возлюбленной на помощь; для нее
Своих он даже персов покидает,
И без того давно готовых сдать:
Присутствие его там бесполезно,
О славе не заботится он больше;
Вселенною пожертвовал бы он,
Чтоб лишь спасти предмет своих желаний.

Спешит он к незащитной колеснице,
 Мечом себе дорогу пролагая;
 Ринальдом и Готфридом между тем
 Отряд его бесследно уничтожен.
 Он это видит, он скорбит об этом;
 Но, более любовник, чем боец,
 Он для себя считает первым долгом
 Армиде отступление обеспечить.

Где был отряд, там только смерть и ужас
 Находит он; зато на правом фланге
 Победа за неверными пока.
 Рассеяны повсюду христиане:
 Один Роберт, в крови, в глубоких ранах,
 Едва спасает жизнь свою; другой же —
 В оковах у Адраста. Так судьба
 С удачами делила неудачи.

Потом Готфрид солдат своих собирает
 И сам ведет их в битву снова: два
 Крыла победоносные двух станов
 Свои ряды мешают в общей свалке.
 Покрытые дымящеюся кровью,
 В победном упоении они
 За лавры постоять готовы грудью;
 Судьба ж колеблет счастье между ними.

Меж тем с верхушки башни Сулейман
 Всех ужасов резни кровопролитной
 Картину созерцал: тревожным взглядом
 Следил он за движениями войск

И своего и вражьего, за каждой
Удачей там и здесь и неудачей,
За всей игрой изменчивой, за всеми
Нежданными причудами судьбы.

74

На миг он остается пораженным;
Но вспыхивает скоро в нем отвага:
Опасности он хочет разделить,
Стяжать он хочет лавры, что в награду
Сулит ему кровавая равнина.
И восклицает он: «Идем, идем
Немедленно! День наступил, в который
Нам победить иль умереть придется».

75

Быть может, Небеса, разбить желая
Последние пехоты сарацинов
И в жертву христианам их предать,
Внушают Сулейману эту ярость;
Иль тайное предчувствие, быть может,
Его на шаг безумный побуждает:
Стремительно бросает башню он
И на врагов летит с угрозой смерти.

76

Летит один и вызов шлет на бой
Один же сотням рук вооруженных;
И вот уж он среди врагов. Отвагой
Его воспламененный, весь отряд
За ним несется вместе с Аладином;
Трусливый забывает все боязни,
Выходит из себя благоразумный,
И не надежда гонит их, а злоба.

И сколько же бойцов Христовой рати
 Последнее дыханье испускало
 Под мощными ударами султана!
 Как молния небесная, насмерть
 Разит он неожиданно и быстро.
 Предтечею его несется ужас:
 Сирийцы-христиане, трепеща,
 Спасения искать готовы в бегстве.

Свой строй блюдя, испугу и смятению
 Не поддаются воины Раймунда:
 Опасности они не презирают,
 Но и бежать не склонны от нее.
 Не ведает пощады меч султана:
 Добычу ухватив, орел не столько
 Являет ярости; в овчарне волк
 Опустошений меньше производит.

Имея Аладина во главе,
 Не отстают бойцы от Сулеймана,
 Как он, неся с собою смерть и ужас.
 Однако же Раймунд великодушный
 Своих не оставляет без поддержки:
 Он видит Сулеймана, узнает
 Стяжавшего победу в поединке
 И отомстить готов за поражение.

О, старость роковая! От руки,
 Которою уж был сражен однажды,
 Он без сознания падает вторично.
 Вмиг сто щитов над ним простерты кровлей,

И сто мечей направлены в него;
Султан же удаляется внезапно,
Врага на произвол судьбы бросая:
В его глазах он мертв иль безопасен.

81

Свой меч всесокрушающий он с места
На место переносит постепенно,
И подвигов невероятных ряд
Везде его вещает появление.
Но вскоре жертв уж больше не хватает
Для ярости убийственной его;
Тогда он, жаждой крови опьяненный,
Без отдыха стремится к новым схваткам.

82

Через обломки стен на поле битвы
Он вылетает вихрем смертоносным;
Не остывая в рвенье боевом,
И воины его за ним несутся.
Вокруг себя распространяя ужас,
Неверный довершить победу хочет;
Хоть христиане держатся еще,
Но стойкость их напоминает бегство.

83

Гасконцы отступают в беспорядке;
Сирийцы же рассеянные ищут
Приюта, где Танкред вкушает отдых.
Их крики уж доходят до него;
Встает он, как ни слаб, глядит и видит:
Лежит в пыли сраженный граф Тулузский,
Из воинов же часть готова сдаться;
А часть в смертельном ужасе бежит.

Недремлющая доблесть оживляет
 Героя угасающие силы
 И кровь, еще оставшуюся в нем,
 Воспламеняет бодростью воскресшей.
 Тяжеловесный щит еще способен
 Поднять он ослабевшею рукою;
 Другою меч хватает он и в бой
 Несется, восклицая громогласно:

«Несчастные! Опомнитесь! Иль вы
 Хотите, чтоб Раймундовы доспехи,
 Украсив эти храмы, послужили
 Как памятник его геройской славе
 И вашему бесславию? Тогда
 В Гасконию вы лучше возвращайтесь
 И сыну графа вашего скажите,
 Что предали отца его, как трусы».

Излив негодование, все еще
 И слабый и без лат, готов сразиться
 Он с тысячью бойцов вооруженных.
 Раймунда прикрывает он огромным
 Своим щитом, и падают бессильно
 Перед преградой мощной все в нее
 Направленные стрелы и удары;
 А меч неверных натиск отражает.

Передохнув под сенью недоступной,
 В сознание приходит старец вскоре;
 Встает, и гневом и стыдом пылая,
 И варвара, нанесшего удар,

С угрозой ищет взором искрометным.
Но нет врага, и поиски напрасны:
Тогда, весь трепеща, он на других
И месть свою, и ярость обращает.

88

И весь его отряд, такого ж гнева
Исполненный, за ним стремится следом.
Отвага пробуждается в сердцах
У христиан, а ужас переходит
В неверных вместе с гибелью и бегством.
Раймунд в кровавой мести ненасытен,
И новых жертв десятки икупают
Бесчестье, нанесенное ему.

89

Пока из благороднейших голов
Снимает с плеч одну он за другою,
Нежданно случай иль судьба наводит
Его на похитителя Солима.
Нанесши старцу в лоб удар ужасный,
Таких еще наносит двадцать он;
И, умирая, падает маститый
На землю, над которой был владыкой.

90

Двоих вождей лишившись, предаются
Неверные отчаянью и страху;
Одни в порыве ярости себя
Врагам на жертву сами обрекают;
Другие в башне уцелевшей тщетно
Пытаются убежище найти.
Туда за побежденным вслед проникнув,
Победу довершает победитель.

И сломлена последняя твердыня.
 Защитники на ступенях ее
 Последнее дыханье выпускают.
 Восходит на вершину граф Тулузский
 И водружает там в виду двух ратей
 Победоносный крест. А Сулейман
 Тем временем уж отбежал далеко
 От города и мчится прямо в свалку.

И землю окровавленную он,
 И груды тел надменно попирает.
 Владычество и праздник смерти всюду
 Встречает взор его воспламененный.
 Вдруг видит он, что конь без седока
 И без узды блуждает по равнине,
 Хватает он немедленно поводья
 И, на спину вскочив коню, несется.

Присутствие его в сердцах неверных
 Живит испугом скованную храбрость:
 Является он с блеском лишь на миг,
 Но это — яркий блеск стрелы небесной,
 Что на обломках самых пышных зданий
 Неизгладимый след свой оставляет.
 О, сколько жертв! Но между ними две
 Должны быть миру памятны навеки.

Джилдиппе! Одоард! О, если только
 Мои стихи переживут века,
 За ними ваши подвиги и ваши
 Несчастья последуют, как тени:

Все возрасты людские вашу нежность
И ваши добродетели восхвалят,
И верные любовники рассказ
О вашей смерти горестно оплачут.

95

Джилъдиппе устремляется в разгар
Резни и Сулейману два удара
Наносит: в бок его глубоко ранит
И пробивает щит насквозь. Жестокий,
Узнав ее тотчас же, восклицает:
«Вот без стыда и совести чета!
Несчастливая! Веретено с иглою
Пристойней для тебя, чем твой поганец».

96

Сказал он так и в исступленье злобном
Разит ее отчаянным ударом;
И дерзко рассекает меч ту грудь,
Что создана для стрел Амура только.
Поводья выпуская, на коне
Шатается Джилъдиппе; муж несчастный
Спешит, чтоб защитить ее, но поздно!
И отомстить лишь за нее он может.

97

Как поступить ему? Терзая сердце,
В нем борются и бешенство и нежность;
И поддержать избитую он хочет,
И в тот же миг убийцу наказать.
Любовь ему подсказывает выход
И с нежностью возмездье примиряет:
Одной рукой обняв Джилъдиппе, он
Другую меч заносит над султаном.

Но, слишком обессиленный, чтоб оба
 Намеренья свои исполнить сразу,
 Он и любви и ненависти должен
 Надеждам поневоле изменить.
 Султан ему отхватывает руку,
 Что служит для возлюбленной поддержкой;
 Та падает, он — тоже и ее
 Притискивает тяжестью своею.

Так, срубленный секирой или бурей,
 Исторгнутый из почвы вяз кончает
 Существование вместе с виноградом,
 Что обвивал его, пока он жил:
 И кажется, как будто бы он стонет
 На тех ветвях, что лаской украшали,
 Его чело, и на плодах, что сам
 Раздавливает он теперь нещадно.

Так гибнет Одоард: одно в нем чувство,
 Одна в нем скорбь — об участи Джильдиппе;
 Сказать друг другу силятся «прости»,
 Но вздохами лишь могут обменяться.
 Последний взгляд, последнее объятье,
 Последний поцелуй; в одно и то же
 Мгновение смыкаются их веки
 И души отлетают в небеса.

Молва внезапно крылья расправляет
 И всюду новость страшную разносит.
 Доходит чрез надежного гонца
 Она и до Ринальда: чувство долга,

Привязанность, печаль и гнев героя
Воспламеняют к мести беспощадной;
Но, гордого Адраста встретив, он
Другого в нем противника находит.

102

«Вот жертва, что мой меч себе наметил!
Тебя я по доспехам узнаю.
Весь день тебя искал я; многократно
Выкрикивал твое повсюду имя.
Хочу сложить к ногам моей богини
Я голову твою: так выходи же,
Армиды враг, с защитником ее
На поединок злобы и отваги!» —

103

Так варвар восклицает и наносит
Удар по голове Ринальду страшный.
Хотя героя шлем не поврежден,
Но сам он пошатнулся. Вслед за этим
Смертельно ранен в бок могучий варвар.
Он падает, чудовищный гигант,
Властитель необузданный, сраженный
В последний раз единственным ударом.

104

При виде поражения такого
От ужаса сердца все замирают;
И даже Сулейман, сам Сулейман,
Колеблется, трепещет и бледнеет,
Уверенный в гибели своей,
Впервые он теряется в сомнениях.
О Небо! Всем Ты управляешь в мире,
И все Твоей покорствуется деснице.

Хотел бы он вступить в единоборство,
 Хотел бы на Ринальда налететь;
 Но он в себе уж не находит больше
 Того огня, что в нем пылал недавно;
 Не чувствует он прежних сил в себе;
 Не чувствует отваги прирожденной:
 Какой-то ужас тайный гасит злобу
 И сдерживает рвенье боевое.

В бреду так представляется больному,
 Что он куда-то силится бежать,
 Но двинуть ни рукою, ни ногою
 Не может и на месте остается;
 Хотелось бы ему промолвить слово,
 Но языком не шевельнуть ему.
 Одолевают мысли Сулеймана,
 Лишь мысли нет о сдаче иль о бегстве.

Ринальд на Сулеймана налетает,
 Как молния; сопротивленья мало
 Оказывает тот и, умирая,
 Все так же неизменно смел и тверд.
 Не делает попытки ни малейшей
 Он от ударов грозных уклониться
 И принимает их без вздоха: все
 Величием и гордостью в нем дышит.

Так вождь-боец, что в долгую войну
 То падал, то вставал еще ужасней,
 Подобно баснословному Антею,
 На этот раз, упав, не встанет больше.

Все узнают о гибели его;
Фортуна ж не колеблется отныне:
Меж христиан внедрившись, направляет
Она свои удары на неверных.

109

Последняя надежда мусульманства,
Не оправдав названья своего,
Бежит постыдно и отряд бессмертных;
И с ним бежит калифов знаменосец.
«Несчастный! — восклицает Эмирен,
Путь беглецу внезапно преграждая, —
Из тысячи я выбрал не тебя ли,
Чтоб с честью это зная охранять?

110

Я, Римедон, тебе его доверил
Не для того. О жалкий трус! Среди
Врагов военачальника ты видишь
И все ж его решаешься покинуть?
Чего ты хочешь? Жизни? Так вернись,
Вернись со мной; твой путь ведет лишь к смерти.
Сражаться — для тебя одно спасенье,
Путь чести есть единственный путь к жизни».

111

Заставив Римедона устыдиться,
Других не упрекает Эмирен:
Угрозы и удары расточая,
Он заставляет их о самой смерти
Забыть перед возможностью ее;
И вновь он окрыляется надеждой
При виде собирающейся рати
И Тизаферна доблестных деяний.

И вправду этот день для Тизаферна
 Днем вечной славы был: он смял нормандцев,
 Бельгийцев в бегство обратил; Герньер,
 Рожер, Герард — все от него погибли.
 Уверенный, что подвиги его
 Прославленное имя обессмертят,
 Не бережет он жизни и стремится
 Лишь в те места, где бой всего опасней.

Ринальда видит он и узнает,
 Хотя его одежда боевая
 Поблекла уж и весь орел в крови.
 «Вот, — говорит он, — страшное мгновенье.
 О Небо, помоги мне! О Армида,
 Свидетельницей будь моих усилий!
 О Магомет! Коль мертвым враг падет,
 Тебе я посвящу свои доспехи!»

Обеты не доносятся до Неба,
 И Магомет мольбы не слышит жаркой!
 Меж тем в себе он распаляет гнев,
 Его огнем любви воспламеняя.
 Так лев свирепый, чтобы кровожадность
 Усугубить, себя по бедрам бьет.
 Исполненный и ярости и мощи,
 Он быстро нападает на Ринальда.

Ринальд летит навстречу. Христиане
 И сарацины, видя двух героев,
 Как бы по уговору, отступают,
 Чтоб поединка круг расширить им;

Забыты все враждебные их чувства,
Забыты и опасности войны,
И общее устремлено внимание
На битву, что других всех битв страшней.

116

Удары лишь наносит Тизаферн;
С ударами Ринальд наносит раны.
Неверный весь в крови, с разбитым шлемом
И со щитом, уж ни на что не годным.
Армида видит мстителя почти
Погибшим; все от ужаса трепещет:
Мгновение одно лишь рассекает
Защитников ее непрочный узел.

117

Вокруг ее блестящей колесницы
Уж пустота: победа ускользнула,
На месть надежды нет; ей цепи рабства
Мерещатся и ненавистен день.
Растерянная, яростная, сходит
Она на землю, на коня садится
И с поля, как преступница, бежит,
Но гнев и страсть с собой уносит в сердце.

118

Так древле Клеопатра убегала,
Антонию сражаться предоставив
С Октавием счастливым. Самого
Себя предатель, но невольник верный
Любви, пренебрегает он победой,
Чтоб за своей возлюбленной лететь.
Так поступить и Тизаферн хотел бы,
Но от Ринальда он уйти не может.

Утратив созерцанье красоты,
 Им страстно обожасмой, неверный
 Как будто день утрачивает ясный:
 В отчаянье к врагу оборотившись,
 Он в лоб ему удар наносит страшный.
 Шатаясь, пригибается герой.
 Так наковальня в мрачных недрах Этны
 Дрожит под тяжким молотом циклопа.

Но быстро выпрямляется он снова,
 Мечом пронзает латы Тизаферна
 И через кожу, мясо, между ребер
 До сердца проникает острием.
 Оно выходит сзади, образуя
 Две раны: на груди и на спине —
 Два выхода широкие, как будто
 На выбор для души освобожденной.

Герой глазами ищет христиан,
 Чтоб помощь оказать, иль сарацинов,
 Чтоб в бой вступить; но все уж в полном бегстве,
 И по земле разбросаны знамена.
 Резню он прерывает: тот огонь,
 Что пожирал его, как будто гаснет;
 И мысль его летит за одинокой
 Покинутой красавицей-беглянкой.

Он видел, как она бежала; жалость
 Зовет его к участию и к заботам.
 Он вспоминает, что в последний миг
 Быть рыцарем ее дал обещанье,

И по следам коня ее внезапно
Пускается. Армида в это время
Находит место, где осуществить
Намеренье отчаянное хочет.

123

Она благодарит счастливый случай,
Что этот мрачный и уединенный
Приют ей указал. Сойдя с коня,
Она бросает лук, колчан и стрелы
И говорит: «Что пользы мне в тебе,
Злосчастное оружие! Ты мщению
Не послужило моему, останься ж
Навеки здесь, в пустыне, погребенным...

124

Так много стрел еще, и ни одна
Из вас омыться кровью не способна?..
Грудь варвара пронзить вам не под силу:
В грудь женщины проникнуть попытайтесь...
Моя открыта вам, и пусть искупит
Она и немоту вашу, и бесчестье...
В ней слишком много нежности, увя!
Владычица-любовь про это знает.

125

Я вас прошу, лишь смерть пошлите мне...
Отчаянье и вы, вот весь мой жребий...
Несчастливая Армида! Исцелила б
Хоть смерть мое израненное сердце,
И мой огонь угас бы вместе с жизнью!
А если яд губительный за мной
Последует и в недра преисподней?
Любовь! Любовь! Покинь свою добычу!

Пусть только месть и ярость скорбной тени
 Моей навеки спутницами будут!..
 Иль пусть не ада мрачные пространства
 Они терзают, нет, а иноверца
 Жестокого, что мною пренебрег!
 Пусть по ночам в безмолвии зловещем
 Они тревожат сон его, вокруг
 Распространяя смертный страх и ужас!»

Так говорит и, умереть решившись,
 Стрелу острее прочих выбирает;
 И в тот же миг является Ринальд,
 Является и видит, что готова
 Она уж прекратить свой жалкий жребий.
 Стремительно бросается он к ней
 И схватывает за руку, в которой
 Сверкает смертоносное железо.

Армида, обернувшись и увидя
 Ринальда, испускает громкий возглас,
 Глаза от черт любимых отвращает
 С презрением и падает без чувств.
 Так лилия, подрезанная в стебле,
 Беспомощно к земле головку клонит.
 Одной рукой Ринальд царевну держит,
 Другою грудь спешит освободить.

Он смачивает жалости слезами
 И шею и лицо злосчастной девы;
 Она в себя приходит и глаза
 Приоткрывает наконец. Так розу

Отцветшую живут Авроры слезы.
И троекратно вновь смыкает вежды
Армида, лишь не видеть бы того,
Кто так и ненавистен ей, и дорог.

130

Пытаясь руку мощную Ринальда
Своей рукой ослабшей оттолкнуть,
Она его невольно заставляет
Ее сжимать еще плотней и крепче.
Смиряется она, горючих слез
Обильным раздражается потоком
И, не глядя упорно на героя,
Такую держит речь ему: «Кто, варвар,

131

Привел тебя сюда? Равно жестокий
И в бегстве, и в возврате, ты даешь
Мне смерть и хочешь жизнь мою продолжить!
Какой позор еще, какие муки
Готовишь ты Армиде злополучной?..
Известны тайны мне, каких изменник
Не ведает... Но что могу я сделать,
Когда и умереть не в силах я?

132

Обидно для твоей бы славы было,
Когда б за колесницею твоею
Та женщина не шла, что, лживость кляtv
Твоих познав, и мощь твою познала.
Одна лишь смерть меня утешить может,
Но я не у тебя ее прошу.
О варвар! От руки твоей и смерть
Была бы для меня ужасной карой.

От ярости твоей спасусь я все же.
 В цепях бессильна я с собой покончить;
 Но, чтобы умереть, есть у меня
 Иные средства: их ты не отнимешь.
 За эту мысль благодарю я Небо.
 Оставь пустые ласки при себе...
 Изменник! Сколько в нем еще притворства!
 Как он моим играет легковерьем!»

Воитель слезы жалости чистейшей
 Мешает со слезами и любви
 И гнева, что текут из глаз прекрасных.
 «Армида, — говорит он, — успокойся!
 Не жребий униженья и презренья
 Готовлю я тебе: престол державный.
 Я, я — твой враг? И был и остаюсь
 Я рыцарем, рабом твоим навеки.

Взгляни в глаза мои, когда не хочешь
 Моим словам поверить: ты увидишь,
 Как чисто рвение мое. Клянусь
 Тебя восстановить на троне предков.
 Ах, поскорей бы свет небесный в душу
 Твою проник и тьму ее рассеял!
 Тогда на всем Востоке твоего
 Могушественней царства не нашлось бы».

Он к ласковым речам своим и просьбам
 Примешивает вздохи и рыдания.
 И вот в глазах Армиды гаснет гнев:
 Одной любви в них остается пламя.

Так тает снег от солнечной улыбки
Иль от дыханья нежного зефира.
И слышит он: «Приказывай рабе;
Твои желанья ей законом будут».

137

Вождь египтян меж тем находит зная
Владыки своего в пыли: сраженный
Готфридом, умирает Римедон,
Отряд же весь повержен иль рассеян.
Отчаянье его воспламеняет
В последний раз: теперь он ищет смерти,
Но от руки, которая могла бы
Прославить поражение его.

138

Единственно достойного в Готфриде
Противника он видит для себя.
Внезапно на него он налетает
По грудам жертв своей кровавой мести
И издали еще ему кричит:
«Пусть поразят меня твои удары;
Но упаду я лишь с тобою вместе,
И будешь ты моим раздавлен телом».

139

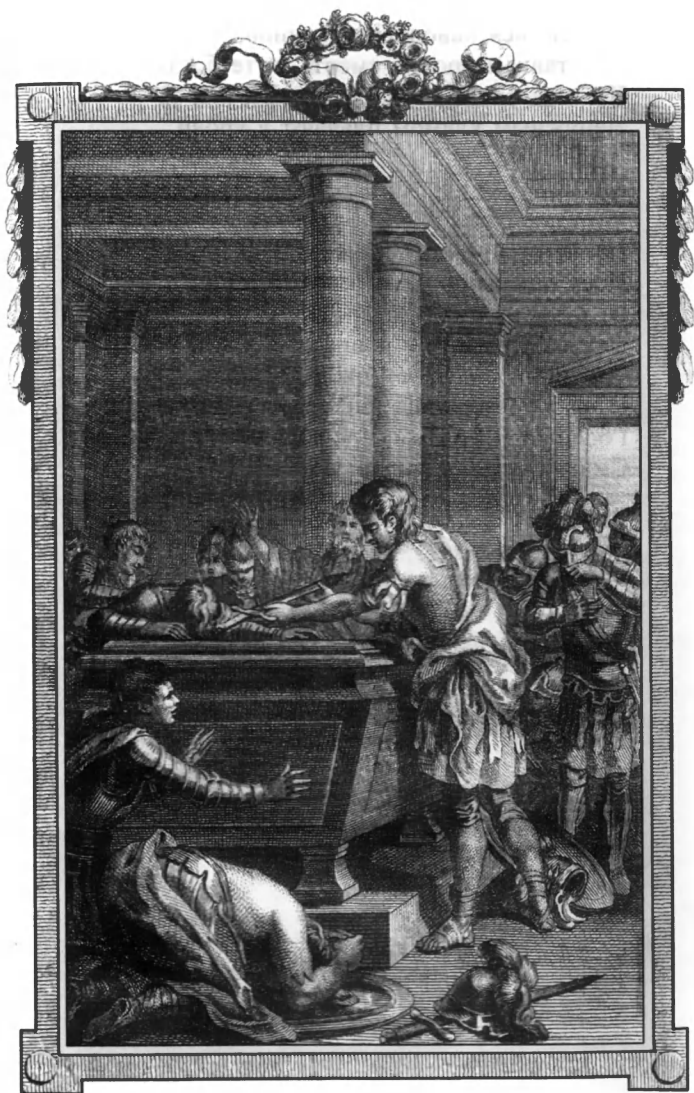
Едва он речь свою закончил, оба
Свирепо нападают друг на друга.
Готфрида щит пронзен в одно мгновенье,
И левая рука его в крови.
Тогда он Эмирена ранит в щеку.
Тот, покачнувшись, выпрямиться хочет;
Но роковой удар уж нанесен,
И падает с коня он, бездыханный.

Несметной вражьей рати лишь останки
 Печальная равнина представляет.
 Победу довершая, видит вдруг
 Готфрид, что Альтамор, покрытый кровью,
 Едва обороняется от сотни
 Направленных в него мечей и копий;
 И он кричит: «Остановитесь! Ты же
 Оружие отдай мне!.. Я — Готфрид».

Великодушный воин, никогда
 Себя не унижавший подлым делом,
 Чуть славного и грозного героя
 Заслышав только имя, произносит:
 «Тебе сдаюсь я; доблести твоей
 Почтение я этим выражаю.
 Но знай, что победитель Альтамора
 Со славой и богатство умножает.

Каменья все свои и всю казну
 Отдаст тебе жена моя как выкуп». —
 Готфрид ему в ответ на это: «Небо
 Меня не наделило алчным сердцем.
 Своих врагов я жизни не ценю
 На золото. Не расточай напрасно
 Ни Индии, ни Персии богатства;
 Я в Азии — боец, а не торговец».

Он страже доверяет Альтамора,
 А сам еще преследует неверных:
 Скрываясь за окопами, они
 Защиты в них себе уж не находят.

Там прикрепляет он свои доспехи
И, распростершись ниц перед святым
Господним Гробом, произносит громко
Смирненные молитвы и обеты.

Резнею вся наводнена равнина,
По ставкам бродит смерть, и те богатства,
Что навезли с собою египтяне,
Ненужным хламом плавают в крови.

144

Готфрид ликует; день еще не меркнет;
Идет он в город, им освобожденный,
И, руки не омыв от вражьей крови,
Вступает вместе с воинами в храм,
Там прикрепляет он свои доспехи
И, распростершись ниц перед святым
Господним Гробом, произносит громко
Смиренные молитвы и обеты.

КОММЕНТАРИИ

В основу настоящей публикации положен текст, чьим единственным источником является издание: Освобожденный Иерусалим, поэма Торквато Тассо в новом полном стихотворном переводе В. С. Лихачева с портретом Т. Тассо и 60 иллюстрациями Э. Матанья. СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1910. В дальнейшем этот источник называется исходным изданием. В ходе подготовки текста к публикации в него были внесены следующие изменения.

1. Орфография приведена к современным нормам. Буквы *ѣ*, *і*, *ѳ* последовательно заменяются на *е*, *и*, *ф*. Конечный *ѣ* опускается. В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончаний *-ія/-ыя* печатается *-ие/-ые*. Окончания единственного числа мужского рода прилагательных и причастий *-аго/-яго* заменены окончаниями *-ого/-его*. Слитные и раздельные написания частицы *не* с различными частями речи даются по современным нормам с учетом смысла. Последовательно проводится правило озвончения/оглушения *с/з* в приставках в зависимости от первого звука корня. Все имена нарицательные, за исключением олицетворений, печатаются со строчной буквы, так же печатаются все прилагательные и местоимения. Исключение составляют слова *Бог*, *Господь*, *Творец*, *Отец*, *Владыка*, *Судия* в значении «Бог, почитаемый христианами или мусульманами», а также местоимения и притяжательные прилагательные, соотносимые с этими словами, — все эти слова печатаются с прописной буквы. Случаи слитного, дефисного и раздельного написания слов приведены к современным нормам. В тех случаях, когда ударение в слове является смыслоразличительным или ставится по устаревшей норме, над нужной гласной ставится знак ударения. Слово *Иерусалим* в поэме всегда читается в че-

тыре слога, с *й* в начале. Слово *христианин* имеет ударение на *а*. Буква *ё* ставится в тех случаях, когда ее употребление является смысловозначительным. Остальные случаи орфографических замен специально оговорены в соответствующих примечаниях. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами без дополнительных оговорок.

2. Исправлены выявленные опечатки исходного текста. Каждый конкретный случай специально оговорен в соответствующем примечании.

3. В случаях выявления ритмически дефектных строк предложены ритмически корректные варианты. Каждый конкретный случай оговорен в соответствующем примечании.

Комментарий включает в себя:

1. Объяснение исторических реалий, необходимое для понимания различных пассажей поэмы.

2. Объяснение историко-литературного контекста, необходимое для обогащения представления о художественных особенностях того или иного фрагмента поэмы.

3. Объяснение наиболее характерных особенностей публикуемого перевода В. С. Лихачева.

В ходе подготовки к переизданию исходный текст перевода был сверен с итальянским текстом поэмы по книге: *Torquato Tasso. Gerusalemme liberata* / a cura di Lanfranco Carretti. Torino: Einaudi, 1993. В дальнейшем текст поэмы из этого издания называется оригиналом. При составлении примечаний был учтен ряд зарубежных и отечественных комментированных публикаций поэмы. Отрывки из основного исторического источника «Освобожденного Иерусалима» — сочинения Вильгельма Тирского (ок. 1130—ок. 1190) «Войны священной история, двадцать три книги содержащая, или История дел, в странах заморских происшедших в лета 1095—1184» («*Belli sacri historia libri XXIII comprehensa seu Historia rerum in partibus transmarinis gestarum 1095—1184*») — цитируются по изданию Карретти в нашем переводе. По тому же изданию цитируются отрывки из примечаний Дж. Гваставини и Ш. Джентили из первой комментированной публикации «Освобожденного Иерусалима» 1590 г. Важные сведения о литературных источниках поэмы содержатся также в книгах: *Multineddu S. Le fonti della Gerusalemme Liberata*. Torino, 1895; *Андреев М. Л., Хлодовский Р. И.* Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988. С. 246—266; *Андреев М. Л.* Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 205—211.

Развитие русского переводческого искусства в XIX—XX вв. позволило показать историко-литературное окруже-

ние поэмы на материале отечественных переложений основных литературных и исторических источников, используемых Тассо. Основные сочинения, чье влияние на «Освобожденный Иерусалим» можно продемонстрировать на материале сравнения перевода В. С. Лихачева с их русскими переводами, цитируются по следующим изданиям:

Ариосто Л. Неистовый Роланд: В 2-х т. / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1993.

Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. Н. Любимова. М., 1970.

Вергилий. Собрание сочинений. СПб., 1994.

Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Л., 1990.

Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 2000.

Гораций. Оды приводятся по изданию: *Фет А. А.* Сочинения и письма в двадцати томах. Т. 2: Переводы. 1839—1863. «Наука поэзии» приводится по изданию: *Гораций.* Собрание сочинений. СПб., 1993.

Данте А. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967.

Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2-х т. / Пер. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. См. также: *Иосифа Флавия* Древности иудейские, с латинского на русский язык переложенные придворным священником Михаилом Самуйловым. СПб., 1779—1783. Ч. 1—3.

Катулл Гай Валерий. Книга стихотворений. М., 1986.

Ливий Тит. История Рима от основания города: В 3-х т. М., 1989—1993.

Лукаан Марк Анней. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Пер. Л. Е. Остроумова. М.; Л., 1951.

Лукреций. О природе вещей / Пер. Ф. А. Петровского. АН СССР. 1945.

Овидий. Собрание сочинений: В 2-х т. СПб., 1994.

Петрарка Ф. Канцоньере; Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру; Книга писем о делах повседневных; Старческие письма. М., 1999.

Петрарка Ф. Триумфы / Пер. В. Микушевича. М., 2000.

Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964.

Тассо Т. Аминта. Пастораль / Пер. М. Столярова и М. Эйхенгольца. М.; Л., 1937.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.

Указания на книги Священного Писания даются в соответствии с общепринятыми сокращениями названий книг и нумерацией глав и стихов.

В том случае если тот или иной отрывок, необходимый для цитирования, в указанном издании пропущен, он приво-

дится в оригинале в сопровождении собственного перевода комментатора. В ряде случаев в целях характеристики перевода В. С. Лихачева приводится соответствующий отрывок из оригинала в сопровождении подстрочного перевода, а также фрагменты французского прозаического переложения поэмы, выполненного Ш. Ф. Лебреном (1774), одним из изданий которого, очевидно, пользовался В. С. Лихачев в ходе своей работы: *La Jérusalem délivrée, poème par le Tasse / trad. du prince Lebrun. Nouv. éd. Paris, 1860.*

При ссылке на то или иное место поэмы Тассо в настоящем издании римской цифрой указывается номер песни, арабской — номер строфы, затем номер стиха от 1 до 8, если необходимо. Номера строф и стихов в переводе могут не совпадать с соответствующими номерами строф и стихов в оригинале.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

1, стрк. 1. *Пою борьбу святую и борца...* — Ср.: Вергилий. Энеида. I, 5: «Битвы и мужа пою...» Главный герой поэмы, Готфрид Бульонский (ок. 1060—1100), — герцог Нижней Лотарингии. Воевал на стороне императора Генриха IV против папы Григория VII. Потом якобы в наказание за то, что поднял оружие на Церковь, принял участие в крестовом походе и в 1096 г. отправился завоевывать Святую землю с сильным отрядом французских, лотарингских и германских солдат. Присоединившись в Константинополе к другим силам крестоносцев, направился с ними к Иерусалиму. После многих превратностей был избран главнокомандующим христианского войска и в июле 1099 г. взял приступом святой город. Умер в Иерусалиме 18 июля 1100 г. Хронист экспедиции Вильгельм Тирский изображает его так: «...муж набожный, милостивый, благочестивый, праведный, ко злу не склонный, рассудительный и слову верный, мирской тшеты чуждающийся, что в сем возрасте и военном состоянии редко». Далее говорится, что он был довольно силен, высок ростом, прекрасен лицом, волосом рус и доблестью всех превосходил во владении оружием и военном искусстве.

2, стрк. 1. *О Муза!* — Обращение к музе традиционно для героического эпоса. Гомер упоминает лишь одну музу, ведающую обо всем, что человек жаждет знать о богах, тайнах мироздания и судьбах героев; именно об этом она подает весть воспевающим героев рапсодам. Более точное различение отдельных муз ведет свое начало лишь со времен ученой алек-

сандрийской эпохи. Скорее всего, Тассо призывает здесь Каллиопу, первую из дочерей Зевса и Мнемозины, самую уважаемую из сестер, спутницу властителей и покровительницу сопровождающих их певцов, что славят подвиги героев давних лет; чаще всего ее представляли покровительницей эпической поэзии.

Стрк. 3. ...*на Олимпе*... — В оригинале говорится о Геликоне, горе в Беотии, посвященной музам. Олимп — гора на северной границе Фессалии; считалась священной, была местом пребывания эллинских богов и центром мифологических сказаний.

3, стрк. 2. ...*Парнасской ложью*... — Парнас — гора в Фокиде, где находился оракул Аполлона; почиталась как место пребывания Аполлона и муз. Здесь означает поэзию.

Стрк. 5—8. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей. I, 936—942:

Ведь, коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дадут, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.

4, стрк. 1. ...*Альфонс великодушный*. — Речь идет об Альфонсе II Эсте (1533—1597), родившемся в Ферраре от Геркулеса II и Ренаты Французской, дочери короля Людовика XII. Наследовал отцу в 1559 г.; последний герцог Феррары, Модены и Реджо. Долгие годы покровительствовал Тассо.

5, стрк. 4. ...*Отнять у мусульманина*... — В оригинале упоминаются «фракийцы» («Трасі»). Это намек на турок, захвативших в 1453 г. Константинополь, находившийся во Фракии. Возможная будущая борьба Альфонса за Константинополь сравнивается с борьбой Готфрида за Иерусалим. Ср.: XVII, 93—94.

Стрк. 6. ...*И поплывут*... — В исходном издании вместо *И* — *Иль*, что затемняет смысл. Исправлено в соответствии с оригиналом: «*e con navi e cavalli al fiero Trase...*» («и с кораблями и конями на гордого фракийца...»).

6, стрк. 1. *Пять раз уж солнце путь свой пробежало*... — В действительности шел только третий год, поскольку крестоносцы отправились в путь 15 августа 1096 г. и прибыли под стены Иерусалима 7 июня 1099 г. Здесь Тассо, как и во многих других местах, весьма вольно обращается с историей. Впрочем, он оправдывает эту натяжку соображениями «искусства»: «Я положил начало своей поэме на шестой год предпри-

нятого деяния, умолчав до поры о том, что произошло в предыдущие лета. Лет же тех было, согласно части историков, не шесть, а лишь два, поскольку на третий год войско христианское к осаде Иерусалима приступило. Но я пожелал усилить труды и опасности предпринятого деяния, прибегнув к искусству, что явлено Плутархом и применяется для усиления истины» (*Тассо*. Суждение о его «Иерусалиме», им самим исправленном).

Стрк. 4. *Никея* — город в Малой Азии, в древности и в Средние века богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный. В 1078 г. подпал под власть турков-сельджуков. Осенью 1096 г. здесь было уничтожено ополчение Петра Пустынника, а в 1097 г., после поражения Килиж-Арслана (Сулеймана) христианами, город сдался византийскому отряду, сопровождавшему крестоносцев.

Стрк. 5. *...Искусно овладев Антиохией...* — Антиохия — некогда великолепная столица сирийского государства, ныне бедный городок в Азиатской Турции; основана первым сирийским царем Селевком Никатором (300 г. до н. э.), который назвал ее в память своего отца, Антиоха. Построенная на левом берегу Оронта, она была окружена высокими стенами, которым неоднократно приходилось выдерживать приступы и осады. Знаменитая осада ее крестоносцами в 1097 г., несмотря на то что их армия под командованием Готфрида Бульонского значительно превосходила силы осажденных, продолжалась более 9 месяцев, и город был взят лишь благодаря измене начальника одной из важнейших башен городской стены, этот факт и имеет в виду Тассо, говоря «искусно овладев...» (см. также: VII, 67, 1—3; XI, 59, 1—2). Через год сами крестоносцы были осаждены там сарацинской армией под командованием мосульского султана Кербога (Кортобага, Карабога). Решительная вылазка, произведенная всей христианской армией, увенчалась окончательным поражением сарацин. Город оставался под властью предводителей крестоносцев и их потомков до 1270 г., когда египетский султан Бибарс овладел им и разрушил до основания.

Стрк. 6. *...от персов отстояли...* — Имеется в виду войско под командованием мосульского султана Кербога, разбитое под стенами Антиохии.

Стрк. 7. *В Тортозе...* — Тортоза — сирийский город; в действительности христианское войско собралось под Кесарией, к югу от Тортозы.

9, стрк. 1. *Балдуин* — младший брат Готфрида, правитель графства Едесского. После смерти брата в 1100 г. царствовал в Иерусалиме. Продолжал войну против египтян и занял Пто-

лемаиду и Триполи. Умер в 1118 г., похоронен в церкви Гроба Господня.

Стрк. 3. *Танкред* — рыцарь из норманнского рода, но итальянец по рождению; сын Отгона Доброго и Эммы (дочери или, по другим источникам, сестры Роберта Гвискара). Собрал в крестовый поход двадцать тысяч человек из Пульи, Калабрии и Сицилии. Овладел и управлял Тивериадой и потому имел в своей власти Антиохию. Умер во время похода против неверных в 1112 г., едва достигнув возраста тридцати пяти лет. Согласно историкам, был доблестен, однако драчлив и в высшей степени сладострастен. Тассо облагородил его и поэтически преобразил. Историю его трагической любви к Клоринде см.: I, 45—49; VI, 26—27, 113; VII, 23—26, 47—49; XII, 50—98; XIII, 32—46. Историю его прерванного поединка с Аргантом см.: VI, 14—28, 36—53; XIX, 1—27.

Стрк. 4. *Бозмунд* (1065—1111) — старший сын норманнского герцога Роберта Гвискара, князь Тарантский. Завоевав Антиохию, стал ее правителем; отделился от других христианских вождей и не оказал им помощи при осаде Иерусалима. Был вынужден сдать Антиохию, после чего вернулся в Тарант, где и умер.

10, стрк. 3. *Ринальд* — главный вымышленный герой поэмы, однако Тассо отстаивал его историческую подлинность и изображал как славного представителя фамилии Эсте. О его бегстве из христианского стана, после того как в стычке им был убит Гернанд, см.: V, 15—52. Историю его возвращения, любви и подвигов см.: XIV—XX.

Стрк. 7. *Гвельф*. — Имеется в виду Гвельф IV, сын Аццона II Эсте и Кунигунды Альторфской из рода швабских Гвельфов, родоначальник германской ветви фамилии Эсте, герцог Баварский. Не принимал участия во взятии Иерусалима, поскольку явился в Святую землю только через четыре года после исторического события. В поэме он — дядя Ринальда. См. о нем также: XVII, 79, 5.

11, стрк. 3. *Гавриил* — второй из семи архангелов после Михаила, главным образом вестник божественной воли.

14, стрк. 8. *...повисает над Ливаном*. — Речь идет о цепи Ливанских гор в Сирии, находящихся рядом с Иудеей (евр. *Livanon*, т. е. «белые горы»).

25, стрк. 5. *...греков вероломных...* — Греки в поэме изображаются вероломными, поскольку византийский император Алексей I Комнин (1048—1118) просил помощи у Запада против турок и на соборе в Пьяченце (1095) предложил Урбану II примирение греческой церкви с латинской. При этом, испытывая недоверие к многочисленным и необуз-

данным крестоносцам, шедшим через его земли, старался всячески ограничивать свою помощь им, чем вызывал их раздражение.

29, стрк. 2. *И. Петр тогда встает; простой пустынный...* — Петр Пустынник (ок. 1050—1115) — уроженец Амьена; согласно поздним преданиям и историческим сочинениям, один из самых деятельных строителей первого крестового похода. Вильгельм Тирский дает его выразительный портрет: «...росту малого был, и сколь во внешности человеческой лицом жалок, однако в столь тесном теле великая доблесть преобладала. Живого ума был, имея взор пронизательный и приятный, и даром речи, свободно льющей, не обделен». Однако современники не знают Пустынника, не приписывают ему почину крестовых походов и не говорят о нем как о посланнике Божьем, взволновавшем Запад; он представлялся им фанатиком-аскетом, собравшим ополчение из крестьян, нищих, крепостных и бродяг. После переправы в Азию покинул ополчение, которое вскоре было истреблено турками, и присоединился к армии Готфрида.

32, стрк. 7. *Вильгельм и Гвельф, знатнейшие...* — Вильгельм появляется среди крестоносцев в «Истории» Вильгельма Тирского; Тассо следует этому упоминанию, впрочем необоснованному, — якобы он сын Вильгельма II Рыжего, короля Англии (см.: I, 44, 2—4). О Гвельфе см. выше примеч. к I, 10, 7. В исходном издании *старейшие*, но ввиду относительной молодости обоих героев точнее было бы передать выражение Тассо «i più sublimi» как «знатнейшие», что не противоречит размеру перевода.

36, стрк. 3—4. Ср.: Данте. Ад. II, 8—9:

О благородный разум, гений свой
Запечатлей моим повествованьем.

37, стрк. 2. *Иль-де-Франс* — французская провинция с Парижем в центре; наследственная область Капетингов, ставшая ядром Франции, вокруг которого преемники Гугона Капета собрали разрозненные земли западно-франкской монархии в новое французское государство.

Стрк. 2—3. *...четырьмя / Реками орошаемый...* — Имеются в виду реки Сена, Марна, Уаза и Эна, входящие в провинцию Иль-де-Франс.

Стрк. 4. *...Гуго, родному брату короля.* — Здесь имеется в виду Гугон де Вермандуа, Великий (1057—1102), сын французского короля Генриха I и Анны Ярославны, брат Филиппа I. Был отправлен послом в Константинополь для переговоров с императором Алексеем, но его войско было разбито гре-

ками при переправе в Диррахий; бежал во Францию в 1098 г. Раскаившись, пытался загладить свою вину участием во втором крестовом походе в 1101 г. Умер в Тарсе, не дойдя до Иерусалима после поражения его войска под Каппадокией. Его явление Готфриду см.: XIV, 5—19; XVIII, 94, 5—8.

Стрк. 6. ...*И лилии Клотарию достались*. — Золотые лилии в лазуревом поле были гербом Капетингов, а затем царствующего дома Франции. Клотарий — персонаж вымышленный.

38, стрк. 5. ...*Их вождь — Роберт*. — Имеется в виду Роберт по прозвищу Коротконогий, или Короткий меч, первый сын Вильгельма Завоевателя, в 1060—1134 гг. герцог Нормандский. Заложил остатки своих владений в Нормандии английскому королю, своему младшему брату, Вильгельму Рыжему, чтобы получить средства для участия в первом крестовом походе; отличился в сражениях при Дорилее, под Антиохией и Иерусалимом. По возвращении на родину в 1101 г. вступил в борьбу за престол с другим своим младшим братом, Генрихом, который сделался тем временем королем Англии. Через пять лет разбит и взят в плен; пробыл до самой смерти пленником в Кардиффе. Его гибель от руки Сулеймана — вымысел Тассо (см.: XI, 78, 1—4).

Стрк. 6. ...*Вильгельм и Адемар*... — Вильгельм — епископ города Оранжа, отправившийся в крестовый поход по примеру Адемара. Адемар Монтейльский — епископ Пюи, первый отметивший себя знаком креста на Клермонском соборе (1095), где был провозглашен первый крестовый поход; апостольский легат папы Урбана II при христианском войске.

Стрк. 7—8. ...*Державные тот и другой владыки / И оба также — пастыри народов*. — Имеется в виду, что оба героя были епископами-ленниками.

40, стрк. 2. *Булонцы* — уроженцы Булонь-сюр-Мер в Пикардии.

Стрк. 8. *Граф Шартрский* — Стефан, граф Блуа и Шартра. Покинул христианский стан под Антиохией и вернулся на родину, откуда вновь отправился в крестовый поход, устыдившись упреков супруги, но явился в Святую землю уже после взятия Иерусалима. Погиб, сражаясь против турок под Яффой.

43, стрк. 1—3. ...*цвет народа, что теснится / Меж Францией, Германией и морем / В обильной влаге Рейна и Мааса*. — Имеются в виду фламандцы и голландцы.

44, стрк. 1. ...*Другой Роберт*. — Речь идет о Роберте II Иерусалимском, графе Фландрском, сыне Роберта I Фрисландского, отличившемся при взятии Никеи, Антиохии и Иеру-

салима. Его доблесть заставляла язычников верить, что это святой Георгий, сошедший с неба для покровительства христианам. В 1100 г. вернулся во Фландрию и через год был убит при взятии Мо. Не путать с Робертом Нормандским, который упоминается выше (I, 38, 5).

Стрк. 4. ...второго сына короля, Вильгельма. — Имеется в виду сын Вильгельма Завоевателя Вильгельм Рыжий.

47, стрк. 1. *Вдруг девушка явилась...* — Первое явление Клоринды, вымышленного персонажа, персидской девы-воительницы, возлюбленной Танкреда. Спасение ею Олинда и Софронии см.: II, 38—52. Ее подвиги против христиан см.: XI, 27—28, 41—45, 49, 52, 56. Последний подвиг, роковой поединок с Танкредом, явление Танкреду в сновидении, похороны и последствия известия о ее смерти в Иерусалиме см.: XII, 1—104.

51, стрк. 1. *Татин*. — В «Истории» Вильгельма Тирского зовется «Танин» или «Тантин». Татикий, византийский легат при крестоносцах. Император Алексей дал его христианам в провожатые, но он выполнял также обязанности тайного соглядатая.

Стрк. 7—8. ...на судьбу не плачься: / По трусости ее ты заслужила. — Намек на падение Константинополя в 1453 г., ознаменовавшее подчинение греков туркам.

52, стрк. 4. *Авантюрьеры*, или авантюристы — наемные войска в Средние века.

Стрк. 5. *Аргонавты*. — Так назывались мореплаватели, отправившиеся, согласно древним греческим сказаниям, на корабле Арго в первое морское плавание в чужие края.

Стрк. 6. ...*рыцари бродячие*... — Имеются в виду рыцари Круглого стола во главе с королем Артуром, герои многочисленных средневековых сказаний.

53, стрк. 1. *Дудон* — Дудон Контцский из местности у слияния Саара и Мозеля. Сам Тассо объявляет его историческим лицом, участвовавшим в крестовом походе («А Дудон Контцский был великим рыцарем, участие в том деянии принимавшим»; Письмо к Шипионе Гонзага от 26 марта 1575 г.). Гибель его от руки Арганта и похороны см.: III, 44—45, 53—72. Явление его Готфриду см.: XVIII, 95, 1—4.

54—56. О большинстве упоминаемых здесь воинов известно мало или ничего. По-видимому, их следует считать просто вымышленными героями военного смотра. Аналогичный перечень вымышленных воинов египетского войска см.: XVII, 15—31.

54, стрк. 1. *Евстахий*, или Евстафий — младший брат Готфрида.

Стрк. 4. *Гернанд* — персонаж вымышленный. Его схватку с Ринальдом и гибель в ней см.: V, 15—31.

Стрк. 5. *Рожер де Бернавиль*. — Некий Рогер Бернавильский упоминается в «Истории» Вильгельма Тирского. Погиб под стенами Антиохии.

Энгерлан. — В исходном издании *Ангерран*. Исправлено в соответствии с оригиналом: *Engerlano*. Вымышленный персонаж. См. о нем также: IX, 41, 2.

Стрк. 7. *Рамбальд* — вымышленный персонаж. О его вероотступничестве и поединке с Танкредом см.: V, 75, 5—8; VII, 31—44.

55, стрк. 1. *Убальд* — вымышленный персонаж. Станет спутником Карла-датчанина в поисках Ринальда на островах Блаженных; см.: XIV—XV. См. о нем подробнее: XIV, 28.

Стрк. 7—8. *И твоего, на чьем щите из пасти / Змеи на свет является ребенок*. — В исходном издании *И твоего, Оттон, на чьем щите...* Исправлено в целях устранения гиперметрии. По описанию щита Дж. Гваставини отождествляет этого рыцаря с одним из представителей рода Висконти: «Оттон Висконти, победив в необычайной битве некоего Волуция, полководца сарацинского, вызов бросившего христианам, отнял у него гребень шлема из змеи, который затем все время носил таким способом, сделав для себя и для семьи своей гербом». О его поединке с Аргантом см.: VII, 28—36.

56, стрк. 1. *Гуаско* — вымышленный персонаж. Гибель Гуаско (Гваска) от руки Альтамора см.: XX, 40, 3.

Стрк. 2. *...Обоих Гвидов...* — Здесь вымышленные персонажи. Ср.: *Данте*. Чистилище. XI, 97: «За Гвидо новый Гвидо...»; *Петрарка*. Триумф Любви. IV, 34: «Два Гвидо, славой гордые старинной...»

Стрк. 6. *...Джилдиппе с Одоардом*. — Имеются в виду Эдуард, английский барон, и участвовавшая в крестовом походе вместе со своим мужем Джилдиппа. Описание их гибели см.: XX, 94—100.

59, стрк. 1. *София, дивная София...* — Имеется в виду София Церингенская из старинного германского герцогского рода, от которого ведут свое происхождение Габсбурги и великие герцоги Баденские.

Стрк. 2. *...на берегах Адиджа...* — Адидже, или Эч (вторая по длине, после По, река в Италии), вытекает из Решенского озера в Тироле и впадает в Адриатическое море у Порто-Фоссоне. Эсте находится в провинции Падуя на берегах канализованной реки Фрассине и Эча и был одним из первых городов, где предки князей Эсте приобрели сеньориальные права.

Стрк. 3. *Бертольд* — сын Акциона IV Эсте, женатый на Софии Церингенской.

Стрк. 4. *Матильда* Каносская (1046—1115) — маркграфиня Тосканская; породнилась с Эсте, выйдя замуж за Гвельфа V Баварского. Вела успешную борьбу против римско-германского императора Генриха IV (1050—1106) на стороне папы Григория VII (1073—1085). Наследницей своих ленных земель и поместий назначила римскую церковь. Борьба между императором и папами за это так называемое Матильдино наследство продолжалась до XIII в. См. о ней также: XVII, 77—79, где излагается ее легендарная биография.

60, стрк. 5—6. *Столь доблестный побег не должен разве / В его потомках вызвать подражанье?* — Некоторые комментаторы полагают, что эти стихи — комплимент Альфонсу II, в четырнадцать лет отправившемуся без ведома родителей во Францию, чтобы изучить рыцарское искусство и пожить при дворе Генриха II.

61, стрк. 2. *Раймунд* — Раймунд IV (1024—1105), маркграф Прованский, граф Тулузский (1088—1105), самый богатый и могущественный владетель в Южной Франции — к началу крестовых походов его владения простирались от Луары до Пиренеев и от Гаронны до Средиземного моря. Один из самых влиятельных вождей первого крестового похода, упорно противившийся Готфриду во многих его начинаниях. В поэме изображен как мудрый советник полководца. См., в частности, его поединок с Аргантом: VII, 61—97.

62, стрк. 1. *Стефан д'Амбуаз*. — Неизвестно, кто этот Стефан, которого Тассо называет владельцем Амбуаза, Блуа и Тура. Возможно, поэт создал из Стефана Шартрского двух персонажей, следуя ошибочному чтению текста Вильгельма Тирского: «dominus Stephanus Cartonensium et Blesensium comes...» («господин Стефан Картона (Шартра) и Блезенский (Блуа) граф...»).

63, стрк. 1. *Алькаст* — вымышленный персонаж. О его попытке взобраться на стену Иерусалима см.: XI, 34—35; о его попытке проникнуть в заколдованный Саронский лес см.: XIII, 24—30.

Стрк. 3. *Капаней* — один из семи гордых царей, осаждавших Фивы. Бросил вызов Зевсу и был поражен молнией. О казни Капанея в преисподней см.: Данте. Ад. XIV, 43—73.

64, стрк. 1. *С ключами и тиаарою штандарт...* — Имеется в виду папское знамя.

Стрк. 3. *Камилл* — вымышленный персонаж. При штурме Иерусалима будет руководить третьей передвижной осадной башней; см.: XVIII, 56, 63.

66, стрк. 3—4. ...египтянин к Газе / Направился... — Имеется в виду калиф египетский Абул Касым, взошедший на престол в 1094 г. и принявший имя Ахмед-аль-Мостали; умер в 1101 г. Газа — морской порт на границе с Египтом.

Стрк. 8. *Генрих-гонец* — вымышленный персонаж. О выполнении им поручения Готфрида см.: VIII, 8—10.

67, стрк. 4. ...юного героя царской крови... — Имеется в виду Свенон, датский королевич. О нем см.: VIII, 6, 1 и соответствующее примечание.

68, стрк. 1. ...хитрый, лживый грек... — Речь идет об Алексее I Комнине; см. выше, примеч. к I, 25, 5.

74, стрк. 5. ...царь всех рек... — Имеется в виду река По. Ср.: *Вергилий*. Георгики. I, 482: «Царь всех рек Эридан»; *Ариосто*. Неистовый Роланд. XXXV, 6, 1: «Меж ветвистых устьи царицы рек...»

75, стрк. 1. *Триполи* — город в Сирии. Не путать с африканским Триполи, о котором говорится в XV, 18, 6.

76, стрк. 1. *Сеир* — гора к востоку от Триполи.

77, стрк. 6—7. ...Хиоса / И Крита виноград созревший рдеет... — Греческие острова Хиос (Скио) и Крит известны своими винами.

81, стрк. 4. ...пустые... — В исходном издании *пустыня*. Исправлено как явная опечатка.

82, стрк. 2. *Аладин* — имя вымышленное, но персонаж исторический. Под ним подразумевается эмир иерусалимский Дукат, правивший от имени калифа египетского Мостали.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

1, стрк. 2. *Исмен* — вымышленный персонаж. О его помощи Сулейману см.: X, 9—34. О приготовлении им горючей смеси см.: XII, 16, 41; XVIII, 47—48. О его колдовстве в Саронском лесу и астрологическом предсказании засухи см.: XIII, 1—15. О его гибели см.: XVIII, 87—89.

13, стрк. 7. *Злой участи покорные*... — В исходном издании *покорны*. Исправлено в целях устранения липометрии.

15, стрк. 6. ...с Аргусом всевидящим... — В древнегреческой мифологии Аргус, прозванный Паноптес, то есть Всевидящий, — многоглазый великан.

16, стрк. 1—2. *Софрония, увидевшая свет / В одних стенах с Олиндом*... — Олинд и Софрония — вымышленные персонажи, но Тассо мог вспомнить эпизод из «Хроники» Вильгельма Тирского: «...юноша градоначальникам предстал, зло-

деем себя объявляя, иных же всех невинными. Сие слыша, судьи, иных отпустив, мечу его предали. И так, за братьий своих душу положив, с благочестием смерть восприял, на милость Божию уповая». В качестве других художественных источников благородного «состоязания» Олинда и Софронии обычно приводят Исмену и Антигону («Антигона» Софокла), Ореста и Пилада («Ифигения в Тавриде» Еврипида), Ниса и Эвриала («Энеида» Вергилия), Флорио и Бьянкофьоре («Филоколо» Боккаччо), Джанни да Прочида и Реституту (Новелла 46 «Декамерона» Боккаччо) и даже Теодору и Дидима (из предания «О девах» святого Амвросия).

25, стрк. 8. ...*Ни красота, ни доблесть, ни стыдливость*. — В исходном издании *Ни красота твоя, ни доблесть, ни стыдливость*. Выпущено слово «твоя» во избежание гиперметрии.

26, стрк. 7—8. Ср.: *Петрарка*. Триумф смерти. I, 166:

Нет, не бледна... Столь белый снег мы зрим,
Когда стихает ветер над вершиной...

33, стрк. 8. ...*Что равный пыл зажжет в обоих душах!* — В исходном издании *зажгут*. Исправление сделано в целях согласования по числу подлежащего «пламя» и сказуемого «зажжет».

38, стрк. 5. *На шлеме тигр красуется...* — В оригинале — тигрица («la tigre»), что отсылает к рассказу о приключении Клоринды в младенчестве; см.: XII, 29—30.

39—40. Ср. образ Камиллы: *Вергилий*. Энеида. VII, 803—817.

39, стрк. 7. *Но строгие черты ее...* — В исходном издании *Но многие черты ее*. Исправлено в соответствии с оригиналом: «e sì compiaque / rigido farlo» («и услаждалась, / суровым его (чело) творя»).

49, стрк. 1—2. ...*Не удивляйся, / Что я тебя оцениваю раньше...* — Это темное выражение более понятно в сравнении с оригиналом: «Nova cosa parer dovrà per certo / che preceda a i servigi il guiderdone; / ma tua bontà m'affida...» («Новостью покажется, несомненно, что мзда службе должна предшествовать, но доброта твоя меня ободряет»). Клоринда просит Аладина, чтобы тот в награду ее будущих заслуг освободил подопреваемых.

51, стрк. 8. *Все знание наше...* — В исходном издании *наша*. Исправление сделано в целях согласования в числе и роде определения «наше» и определяемого слова «знание».

55, стрк. 8. *Эммаус*, или Еммаус — местечко, упоминаемое в Евангелии от Луки (24:13—15). По свидетельству евангелиста, Эммаус отстоял на 60 стадий от Иерусалима, но на-

правление не указано, и потому географическое определение его остается спорным. Некоторые комментаторы отождествляют его с древним греческим городом Никополем.

58, стрк. 1. *Алет* — вымышленный персонаж, появляется только в этом эпизоде; его имя имеет ироническое значение (*Алет*, *греч.* αληθής, — «бесхитростный», «искренний»). Существует предположение, что Тассо хотел изобразить в Алете Дж. Б. Николуччи (ок. 1530—1575) по прозвищу Пинья (Шишка), профессора красноречия и греческого языка, историка и теоретика государства, известного в свое время писателя, или же А. Монтекатини, наследника Пинья на посту секретаря герцога Альфонса II.

59, стрк. 1. ...*черкес Аргант*. — Именем «черкесы» обозначается группа разноплеменных, но родственных по языку и культуре западно-горских народностей Кавказа, получивших это название от окружающих их народов. Известно первое детальное описание быта черкесов, сделанное генуэзцем Дж. Интериано в XVI в. (*Della vita de zuchi chiamati circassi*; «О жизни дзыхов, черкесами прозываемых». Венеция, 1583). Он говорит о конгломерате независимых племен, организованных на феодальных началах, состоявших из благородных, вассалов, крепостных и рабов. Свободные знали только охоту и войну, предпринимали отдаленные походы, непрерывно воевали с соседними тюркскими племенами, а в промежутках резали друг друга или делали набеги на крестьян. Славилась их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство, а также красота и грация как мужчин, так и женщин. Но быт их был полон грубости и жестокости. *Аргант* — вымышленный персонаж. Ср. предписания Горация к изображению Ахиллеса: *Гораций*. Наука поэзии. 121—122 («Пусть будет гневлив, непреклонен, стремителен, пылок, / Пусть отвергает закон и на все посягает оружием...») и образ Турна в «Энеиде» Вергилия. Один из главных персонажей поэмы; совершает множество подвигов против христиан, в частности убивает начальника авантюрьеров Дудона Контцского; см.: III, 44—46. Сражается с Раймундом Тулузским, которого оберегает ангел-хранитель; см.: VII, 84—98. Вместе с Клориндой участвует в поджоге осадной башни христиан; см.: XII, 7—15, 42—47. О его прерванном поединке с Танкредом и гибели см.: VI, 14—28, 36—53; XIX, 1—26.

Стрк. 3. *Сатрапы* — правители провинций в древней Персии. Их роскошь и развращенность сделали это слово синонимом необузданного в своей власти, ничем не стесняющегося человека. Здесь употреблено в значении «советники царя».

62, стрк. 6—7. ...*столбы / Геракловы...* — пределы Древнего мира; так назвались в древности мыс Абиле (в Африке) и мыс Кальпе (в Европе), ныне Сеута и Гибралтар. Здесь знак предела любых возможностей.

70, стрк. 3. ...*И если турок, перс и сын Хассана...* — Имеются в виду персидское и турецкое войска (под командованием Сулеймана), потерпевшие поражение под Антиохией. Хассан — правитель Антиохии, упоминаемый Вильгельмом Тирским, здесь отец Эрминии. Сын Хассана более в поэме не упоминается.

88—89. Ср. эпизод объявления войны Римом Карфагену: *Тит Ливий*. XXI, 18.

89, стрк. 8. ...*Янусова храма*. — В исходном издании со строчной буквы. Древнейшее местопребывание древнеримского бога Януса было в северной части форума и состояло из двух сводов, которые соединялись стенными перегородками, образующими крытый проход. В центре арки возвышалось изображение двуликого бога. Эта арка должна была служить, согласно завещанию построившего ее царя Нумы Помпилия, знаком мира и войны: в мирное время ее двери запирались, в военное время — оставались открытыми.

90, стрк. 4. *Фурии* — латинское название женских божеств мщения. Иногда изображаются с бичом в руке и с факелом, освещающим путь в погоне за виновным.

Стрк. 5—6. ...*гордый смертный, / Вознесший к небу башню Вавилона...* — Священное Писание повествует о построении людьми башни в Вавилоне, которая должна была достигнуть неба (Быт., 11:1—9). По библейскому рассказу и позднейшим иудейским преданиям, виновником предприятия был Нимрод. Основав сильное государство, он возгордился первым успехом и задумал основать всемирную монархию вопреки воле Божией, определившей потомкам Хама, к которым принадлежал Нимрод, быть рабами других. Именно в знак своего могущества хамиты и решили построить «башню вышиною до небес».

92, стрк. 3—4. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. II, 5: «Материал превзошло мастерство». В цитируемом издании ошибка или опечатка: *Материал превзошел мастерство*. Ср. оригинал: «*materiam superabat opus*». См. также: XVI, 2, 5.

94, стрк. 2—4. *Был правилен иль нет его поступок, / Не оскорбил ли он обычай древний, / Об этом он не думает нисколько...* — «Разум народный требует, чтобы, как посланнику безопасное возвращение обеспечивалось, так и он на обратном пути не вредил бы никоим образом правителю, к коему послан был» (Ш. Джентили).

95, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 522—527:

Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рощи, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
Смолкли луга, и поля, и стада, и пестрые птицы,
Что на просторе озер и в кустарниках частых гнездятся:
Всех молчаливая ночь в глубокий сон погрузила.

96, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 529—533:

Только царица одна ни на миг не может забыться
Сном; не приносит ночь ни очам, ни сердцу покоя;
Снова любовь беспощадная в ней вздымается бурно,
Множит заботы в душе и прибоем гнева бушует.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

2, стрк. 4. ...У пристани Харибды иль Борей... — Харибда — в древнегреческом эпосе олицетворенное представление о всепоглощающей морской пучине (см.: *Гомер*. Одиссея. XII, 101 — 112). Борей — ветер, дующий с северных гор в Элладу, впоследствии название всякого северного ветра.

3, стрк. 1. *Летят в одно...* — То есть все вместе.

Стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 521—524:

Вот заалела Заря, прогоняя ночные светила.
Тут увидали вдали очертанья холмов и отлогий
Берег Италии мы. «Италия» — крикнул Ахат мой,
Берег Италии все приветствуют радостным кличем.

Крестonosцы прибыли к стенам Иерусалима 7 июня 1099 г.

6, стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 97—99:

Так порывы первые ветра
Ропщут, встречая в пути преграду рощи, и смутный
Шорох вершин возвещает пловцам приближение бури.

Ср. также: *Вергилий*. Георгики. IV, 261—262:

Так порой зашумит холодный Австр по деревьям,
Так, отливая от скал, беспокойное море рокошет...

9, стрк. 3—5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 33—34:

Видят троянцы, как пыль поднимается облаком темным,
Как внезапная тьма закрывает равнину от взора.

10, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 35—38:

Первым Каик закричал с укреплений, к полям обращенных:
«Тевкры, взгляните, какой туман там стелется черный!
Быстро несите мечи, поднимайтесь на стены с оружием!
Эй, подступают враги!»

11, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 131—133:

Гонит на кровли домов, на высокие башни тревога
Весь безоружный народ, матерей и немощных старцев,
И у ворот городских толпой теснятся лаврентцы.

12, стрк. 6. *Эрминия* — вымышленный персонаж; дочь Хассана, царя Антиохии, влюбленная в Танкреда. Историю ее любви к нему см.: III, 18; VI, 60—103; VII, 1—22; XIX, 98—114.

14, стрк. 7. *Гордон* — исторический персонаж, в «Истории» Вильгельма Тирского — Гаст (Gastus); историчен также описываемый здесь эпизод. В оригинале имя этого персонажа — Гард (Gardo).

16, стрк. 5—6. Ср.: *Данте*. Чистилище. XXXII, 109—110:

Не падает столь быстро устремленный
Огонь из тучи плотной, чьи пласты
Скопились в сфере самой отдаленной...

18, стрк. 7—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XXXI, 5, 1—8:

Такова та отравленная рана,
Где ни помощь, ни бальзам, ни припарки,
Ни колдуньин воск, ни ведьмин пришепт,
Ни дозор за благосводными звездами,
Ни какие там еще волхвованья
Заповедал знающим Зороастр, —
Злая рана
Мучит раненых, пока не умрут.

22, стрк. 8. ...*И не одну — две смерти уж сулит*. — Имеет в виду смерть не только от оружия Клоринды, но и от любви к ней.

31, стрк. 1—4. *Так на арене цирка гордый бык / С собаками сражается* и т. д. — Намек на ввезенную в Италию форму испанской корриды, где бык сражается не с людьми, а с собаками.

Стрк. 7—8. *Так в играх мавр, хоть и бежит, мячи / Все от себя отбрасывает ловко*. — «Имеет в виду игру, в простонародье именуемую карусели, в нее же играется так, что всадники внутри частокола встают у одного края и у противополож-

ного и, щиты за плечи забросив, вскачь пускаются к противоположному краю частокола, в то время как другие, за ними несясь, мячи в них мечут... Сия (игра), происхождение от мавров имевшая и весьма у них в обычае находившаяся, и к нам от них перенесена, а потому сказано у Тассо: „...так в играх мавр...“» (Дж. Гваставини).

34, стрк. 7. *Полиферн*. — В исходном издании *Политерн*; здесь и далее исправлено в соответствии с оригиналом: *Poliferno*. Вымышленный персонаж. Вместе с братом Алкандром будет преследовать Эрминию, приняв ее за Клоринду; см.: VII, 106—110.

36, стрк. 6. *...по орлу в лазурном поле...* — Белый орел в лазуревом поле — герб Эсте. Более подробное описание орла на нем см.: VIII, 49, 3—4.

42, стрк. 7—43, стрк. 1—5. *Тигран, Альгазар, Корбан, Амарат* (Amurate), *Альманзор, Магомет* (Meemetto) — вымышленные имена безо всякой истории.

44, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 745—746:

Тотчас же тяжкий покой, железный сон опустился,
Очи Орода застав навеки тьмой непроглядной.

45, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 688—691:

Тяжкие веки поднять попыталась Дидона — но тщетно;
Воздух, свистя, выходил из груди сквозь зиявшую рану.
Трижды старалась она, опершись на локоть, подняться,
Трижды падала вновь...

50, стрк. 3. *...копий...* — В исходном издании *копей*; исправлено как опечатка.

52, стрк. 3. *...в стан...* — В исходном издании *в степь*; вероятно, опечатка. В оригинале нет точного указания, куда надо вернуться. Сигьер «ritornar impone» («вернуться велит»), а потом говорит: «tornatene» («возвратитесь»), поэтому лучше заменить слово «степь», никогда ни до ни после не появляющееся, словом «стан», встречающимся повсеместно.

54, стрк. 1. *Солим расположен на двух холмах...* — Имеют-ся в виду Сион на западе и Мория на востоке.

56, стрк. 2. *...благословенный Иордан...* — Иордан — река, где Христос принял крещение, за это назван «благословенным», как и за плодородие берегов. Берет начало в Антиливане, образует озеро Мером (Гуле) и Галилейское море (Генисаретское, или Тивериадское, озеро) и впадает в Мертвое море.

Стрк. 5. *Вефиль* — город километрах в тридцати пяти к северу от Иерусалима, его название означает «дом Божий».

Важный политический центр библейской древности, израильский царь Иеровоам основал здесь культ поклонения Иегове в образе золотого тельца (3 Цар., 12:32—33).

Стрк. 6. *Самария* — название библейского города, а от него впоследствии и целой области в Палестине. Построен израильским царем Амврием (3 Цар., 16:23—24); укрепленный и разукрашенный израильскими царями в видах соперничества с Иерусалимом, служил им столицей в течение двухсот лет, пока не был взят и разрушен сирийским царем Салманассаром (4 Цар., 18:9—10).

Стрк. 7. *Вифлеем*. — В Ветхом Завете известен как родина величайшего иудейского царя Давида, а в Новом — как родина Иисуса Христа. Находится в двух часах пешего пути к югу от Иерусалима и лежит в плодородной местности; от этого плодородия, вероятно, происходит и самое его название, означающее по-еврейски «дом хлеба».

58, стрк. 7. *Раймунд*. — В исходном издании *Раймонд*. В дальнейшем написание этого имени в исходном издании колеблется: *Раймонд/Раймунд*. Ввиду общей тенденции к латинизации имен собственных в поэме нами везде последовательно проведено написание этого имени в латинизированной форме: *Раймунд*.

71, стрк. 5. ...*Он осенен великопальной пальмой...* — Пальма является одним из символов победы.

72, стрк. 8. Ср.: *Данте*. Ад. IV, 79: «Почтите высочайшего поэта!»

73, стрк. 4—6. ...*лес ближайший: / В долине притаившийся незримо, / Французам он открыт одним сирийцем*. — Этот лес отстоял на десять километров от Иерусалима. Согласно Вильгельму Тирскому, его действительно открыл крестоносцам один сириец; другие приписывают находку Танкреду.

74—75. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 179—182:

Тевкры торопятся в лес, приют зверей стародавний,
Падают сосны, шумит топором подрубленный падуб,
Клинья вонзаются в ствол, и клен, и ясьень расколот,
Буки огромные вниз по горным катятся склонам.

Ср.: Там же. XI, 135—138:

Ясьень звенит от ударов двуострой секиры,
Воины валят стволы до звезд поднявшихся сосен.
Клинья вгоняют в дубы и в смолистые кедры усердно,
Бревна кленовые вниз на скрипучих свозят телегах.

75, стрк. 6. ...*из ложбищ...* — здесь звериная нора, или берлога.

Стрк. 6—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XXVII, 101, 3—4:

Прокатился гул до Арденнских чаш,
Полоша зверей по темным логовам...

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

1, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 223—224:

Так же ревет и неверный топор из заливка стремится
Взбрыснуть раненый бык, убегая от места закланья.

3, стрк. 3. *Тартар* — по представлению древнегреческой мифологии, темная бездна. Служил местом заключения низверженного Зевсом Крона и побежденных титанов; в позднейшие времена назначение его изменилось: под ним стали подразумевать нижние пространства в царстве грешников. Христианская мифология отождествила его с преисподней.

Стрк. 6—8. *Не так земли ужасны содроганья, / Когда воспламененные пары / Из тайников ее исхода ищут.* — Согласно античным и средневековым представлениям, причиной землетрясений было скопление паров, искавших выхода из-под земли.

5, стрк. 1. *Гарпии* — в древнегреческой мифологии богини вихря. Представляются крылатыми чудовищами, птицами с девичьим лицом. Такими являются они в сказании аргонавтов, где мучают слепого фракийского царя Финея, похищая и оскверняя у него пищу. Такими изображает их Ариосто (Неистовый Роланд. XXXIII, 108, 119—122, 125—128; XXXIV, 1—4), о них пишет Данте (Ад. XIII, 10—15).

Центавры, или кентавры — по древнегреческому преданию, дикое фессалийское племя, отличавшееся животными наклонностями. Изображаются как существа, представляющие собою смесь лошади с человеком. О них пишет Данте (Ад. XII, 55—73).

Стрк. 2. *Сцилла*, или Скилла — хищное морское чудовище (см.: *Гомер*. Одиссея. XII, 85—100, 245—259). В произведениях искусства изображалась в виде чудища с собачьей головой и двумя дельфиньими хвостами или с двумя головами страшилищ и дельфиньим хвостом.

Стрк. 3. *Горгоны* — в древнегреческой мифологии чудовища женского пола. Представляются в виде крылатых существ с несоразмерно большой головой, высунутым языком, оскаленными зубами и часто со змеями на голове или туловище.

Гидры — в древнегреческой мифологии многоголовые змеевидные чудовища.

Сфинкс — в древнегреческой мифологии демон-душитель в образе полуженщины, полульва; олицетворение неизбежной судьбы и нечеловеческой муки.

Пифон — в древнегреческой мифологии дракон, охранявший Дельфы до занятия их Аполлоном и считавшийся сыном Земли.

Стрк. 4. *Химера* — в древнегреческой мифологии чудовище, имевшее голову и шею льва, туловище козы, хвост дракона и изрыгавшее из пасти пламя.

Стрк. 5. *Циклопы* — в древнегреческой мифологии титаны, олицетворение грозовой тучи с молнией, символическим образом которой является единственный большой горящий глаз во лбу. Отличаются необычайной силой, но в то же время дики, грубы, жестоки; им неведомы законы, справедливость, отношения культурной жизни. В позднейших сказаниях фигурируют как божества огня, но не атмосферного, а подземного, как кузнецы, работающие в мастерской Гефеста.

Стрк. 6. *Герионы* — в древнегреческой мифологии чудовища с тремя телами, тремя головами и шестью крыльями. Данте описывает Гериона иначе и делает его олицетворением лживости (Ад. XVI, 130—136; XVII, 1—27).

Стрк. 1—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 286—289:

Спиллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топпи шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...

6, стрк. 7. *Кальпа*, или Кальпе — древнее название мыса Гибралтар.

Атлас — горная цепь в северо-западной Африке, в нынешней Берберии. В мифологии Атлас — морской гигант, носящий на своих плечах небо.

7, стрк. 3. ...*подобный гибельной комете*... — По представлениям многих народов, кометы являлись дурным предзнаменованием.

Стрк. 4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 210: «Кровью полны и огнем глаза горящие гадов...»

8, стрк. 5. *Цербер* — в древнегреческой мифологии подземный пес, охраняющий вход в царство Аида (ср.: *Данте*. Ад. VI, 22—33).

Стрк. 7. *Коцит* — приток реки Ахерон в Эпире; согласно греческим мифам, река в Тартаре.

16, стрк. 1. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 175: «Но для чего не даю я троянцам вернуться в сраженье?»; ср. также: *Лукан*. Фарсалия. VII, 295—296:

Но замедляю свой рок, занимая такими речами
Вас, торопящихся в бой! Простите отсрочку сраженья!

Стрк. 2—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 664: «Сын мой, ты — моя мощь, лишь в тебе моя власть и величье...»

17, стрк. 1. *Одних удел...* — В исходном издании *один*. Исправлено по аналогии с «других». Конъектура поддерживается оригиналом. Плутон говорит: «*altri disperso / se'n vada errando, altri rimanga ucciso, / altri in cure d'amor lascive immerso / idol si faccia un dolce sguardo e un riso*» («Кто скитаться отправится, / кто убиен будет, / кто, в похотливые заботы любви погруженный, / кумиром своим нежный взгляд и смех сотворит»).

20, стрк. 1. *Дамаск* — один из древнейших городов в мире, его основание приписывают Узу, правнуку Ноя. В XI в. им владели сельджуки. Немало пострадал во время крестовых походов.

Стрк. 2. *Хидраот* — вымышленный персонаж.

23, стрк. 3. *Есть у него племянница...* — Первое упоминание Армиды, вымышленного персонажа, одного из главных в поэме. О ее вреде христианскому войску см.: IV—VII. О ее любви к Ринальду см.: XIV, 50—71; XVI—XX.

26, стрк. 3. *...Он для любви и славу и победы...* — В исходном издании *Он для войны и славу, и победы...* Исправлено в соответствии со смыслом оригинала; в нем наставление Хидраота Армиде таково: «*Prendi, s'esser potrà, Goffredo a l'esca / de' dolci sguardi e de' be' detti adorni, / si ch'a l'uomo invaghito omai rincresca / l'incominciata guerra, e la distorni*» («Улови, коли выйдет, Готфрида на приманку / нежных взглядов и прекрасных речей изукрашенных, / чтобы муж, очарованный, о начатой войне пожалел и ее прекратил»).

29, стрк. 1—2. *Такого чуда Греция доныне / Среди своих красавиц не являла.* — В оригинале перечислены посвященный Гере Аргос, родина Елены Троянской, Кипр, посвященный Афродите, и Делос, посвященный Афине, — местности, связанные со знаменитыми женскими божествами Древней Греции. Армида превосходит Геру могуществом, Афродиту и Елену — красотой, Афины — хитроумием.

32, стрк. 1—4. Ср.: *Данте*. Рай. II, 34—36:

И этот жемчуг, вечно нерушим,
Нас внутрь воспринял, как вода — луч света,
Не поступаясь веществом своим.

49, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 353—354:

Но однажды во сне явился ей призрак супруга
Непогребенного...

Ср.: Там же. II, 270—271:

В этот час мне явился во сне опечаленный Гектор:
Слезы обильно он лил...

Стрк. 2—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 274—275:

Горе! Как жалок на вид и как на того не похож был
Гектора он...

Стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 289: «Сын богини,
беги, из огня спасайся скорее!..»

51, стрк. 7—8. *Как будто меч над головою видя, / Я каждый миг ждала его паденья.* — Ср. известие о мече, подвешенном над головой философа Дамокла тираном Сиракуз Дионисием, дабы тот понял тщету радостей тирана, и выражение «дамоклов меч», обозначающее близкую, непрестанно угрожающую опасность при видимом благополучии и успехах.

57, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 25—27:

Пусть всемогущий Отец к теням меня молнией свергнет,
К бледным Эреба теням, в глубокую ночь преисподней,
Чем тебя оскорблю и нарушу закон твой, Стыдливость!

77, стрк. 3—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 366—367:

Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили,
В чащах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой!

См. также: XVI, 57, 3—4.

83, стрк. 5—8. *Чего не смогут речи* и т. д. — «Намекает на то, что древние о Геркулесе измышляли, якобы с языка его многие цепи золотые сходили, к ушам народов варварских прикованные, дабы показать, что красноречие из людей горделивых, каковы они суть, любезных творит и благодушных» (Ш. Джентили).

86, стрк. 5. *...Медею и Цирцею превзойти...* — Медея и Цирцея — в древнегреческой мифологии коварные и вероломные волшебницы.

Стрк. 8. *С сиреной соревнуй...* — Сирены — в греческой мифологии морские музы, олицетворявшие очаровательную, но обманчивую морскую поверхность, под которой скрываются острые утесы или мели. Изображаются как девы чудной красоты с дивным голосом; звуками своих песен усыпляют путников, а затем раздирают их на части и пожирают.

92, стрк. 1—2. Ср.: *Гораций*. Оды. I, XXII, 23—24:

Я буду Лалагу любить за сладкий смех,
За говор сладкозвучный.

Ср. также: *Петрарка*. Канцоньере. CLIX, 12—14:

Целит любовь иль ранит нас украдкой,
Изведал тот, кто сладкий, как ручей,
Знал смех ее, и вздох, и говор сладкий.

96, стрк. 5—6. ...*Геркулес, / Тезей, Ахилл*... — Имеются в виду любовные связи великих героев древнегреческой мифологии. Геракл, влюбленный в Иолу, изменил своей супруге Деянире, за что поплатился жизнью. Влюбленность Ахиллеса в пленницу Брисеиду и возмущение от невозможности получить ее в добычу становится причиной его «гнева» как главной темы «Илиады» Гомера. Тезей, мифический создатель греческого государства, прославился своими многочисленными любовными похождениями.

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

7, стрк. 2. ...*Не искупится ль пользой от него?* — В исходном издании *Не искупается ли пользой от него?* Исправлено в целях устранения гиперметрии.

8, стрк. 5. ...*А ревность уж указывает средство*... — В исходном издании *А ревность уж ему указывает средство*... Исправлено в целях устранения гиперметрии.

15, стрк. 2. ...*Но, под моим главенством, ты — со мной*. — Ошибка переводчика. В оригинале Ринальд обещает Евстахию, что тот будет избран в число защитников Армиды, если Ринальд станет главой авантюрьеров.

16, стрк. 6. ...*прадеды Ринальда*... — В исходном издании *Раймонда*. Исправлено в соответствии с оригиналом, где речь идет о Ринальде: он противопоставляется Гернанду как человек, добившийся славы самостоятельно, а не через доблестных предков.

28, стрк. 5—8. Ср.: *Данте*. Ад. III, 25—29:

Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики
Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.

44, стрк. 1—2. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVII, 2, 1—2:

Алжирский царь у ворот
Блещет сталью шлема и тулова...

Стрк. 6—8. *Таким тебя когда-то, бог войны, / С Олимпа нисходящим рисовали, / В броне железа, ужаса и страха.* — Имеется в виду древнеримский бог войны Марс. В оригинале упоминается Марс, нисходящий с пятого неба, где согласно системе Птолемея вращается планета, названная его именем: «*Marte, e' rassembra te qualor dal quinto / cielo di ferro scendi e d'orror cinto*» («Марс, тебе он подобится, когда с пятого / неба, сталью препоясан и ужасом, нисходишь»). В пятом небе Рая Данте вкушают блаженство воители за веру, и среди них — Готфрид Бульонский; см.: Рай. XVIII, 27—32, 48.

48, стрк. 1—8. *Завоевав Киликию* и т. д. — Эти события описываются в третьей и четвертой книгах «Истории» Вильгельма Тирского. О них упоминает также Аргиллан: V, 48, 5—8. Киликия — древнее название юго-восточной части Малой Азии.

52, стрк. 6. ... *иль лавр, иль кипарис...* — Лавром в древнем Риме венчали героев, кипарис сажали на могилах.

63, стрк. 4. *Протей* — в древнегреческой мифологии вещей морской бог, умевший принимать множество разных обликов.

65, стрк. 4—5. *Так древле Митридат от ядов ядом / Берег себя.* — Понтийский царь Митридат VI Великий, Эвпатор (132—63 до н. э.) увлекался изучением ядов, испытывая их на себе в поисках противоядия; в результате выработал столь сильную стойкость к ним, что, когда решил покончить с собой, был вынужден броситься на меч после нескольких неудачных попыток отравиться. В оригинале этого сравнения нет, оно — домысел переводчика.

73, стрк. 3. ...*их вынимают...* — В исходном издании *их вынимает*. В оригинале страдательный залог: «*e in picciol' urna posti (i nomi. — А. Д.) e scossi foro, / e tratti a sorte*» («в урну малую помещены (имена. — А. Д.) и встряхнуты были, / и вынуты наудачу»). Неопределенно-личная конструкция «вынимают» ближе к оригиналу.

75, стрк. 6—8. *Преступною любовью опьяненный, / Отрекся он от веры христианской, / И Божий воин Божьим стал врагом.* — Об отступничестве Рамбальда, его службе у Армиды и поединке с Танкредом см.: VII, 31—44.

76, стрк. 2. *Фортуна* — древнеримская богиня счастья, удачи и случая.

86, стрк. 7. *Вильгельм*. — Здесь имеется в виду Гульельмо Эмбриако (ум. 1102), генуэзский математик, посланный своими соотечественниками на помощь крестоносцам и много способствовавший взятию Иерусалима построенными по его чертежам осадными машинами. О построенных им осадных башнях см.: XVIII, 41—45.

88, стрк. 4. ...*Подобно наводженью...* — Здесь разлив вод, наводнение. В оригинале «*diluvio*» («потоп»).

90, стрк. 1—92, стрк. 8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. 1, 198—209:

«О друзья! Нам случалось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
Бог положит предел; вы узнали Спиллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.
Через превратности все, через все испытанья стремимся
В Лаций, где мирные нам прибежища рок открывает:
Там предназначено вновь воскреснуть троянскому царству.
Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!»
Так он молвит друзьям и, томимый тяжкой тревогой,
Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

8, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 375—376:

Нас не боги теснят: противник преследует смертных
Смертных, — не меньше у нас и сердец, и рук, и оружия!

10, стрк. 3. *Сулейман*. — В «Истории» Вильгельма Тирского встречается никейский султан Сулейман, глава кочевых арабов. На самом деле против христианского войска сражался сын Сулеймана Килиж-Арслан I (ум. 1107); крестоносцы дважды разбили его — в Никее и при Дорилее — и взяли в плен его жену и детей. В Каппадокии он истребил войско датского королевича Свенона; см. об этом: VIII, 16—24. Франкские и византийские историки, а вслед за ним и Тассо называют его Сулейманом.

19, стрк. 6. ...*Оружием сразиться равным только*. — В исходном издании *ровным*. Исправлено в соответствии с оригиналом, где Готфрид соглашается на поединок любого своего воина с Аргантом «*senza vantaggio*» («без преимуществ»), то есть с равным оружием.

23, стрк. 5. *Таков был Энцелад в полях флегрейских...* — Энцелад — в древнегреческой мифологии один из повержен-

ных Зевсом гигантов, погребенный под островом Сицилией. Флегрейскими полями называлась в древности равнина Кампаний, простиравшаяся по берегу Тирренского моря от Кум до Капуи. Там, по преданию, произошла битва богов с гигантами.

Стрк. 6. ...*Таков был Голиаф перед Давидом.* — Голиаф — знаменитый филистимлянский исполин, имя которого увековечено в библейском рассказе о его единоборстве с юным иудеем Давидом (1 Цар., 17).

32, стрк. 6—8. Ср.: *Вергилий. Энеида. X, 829—830:*

И пусть одно тебя утешает:
Пал ты, сраженный самим великим Энеем!

33, стрк. 1. *И слышит он в ответ: «Нет, христианин...»* — В исходном издании *И слышит он в ответ: «Нет, нет, христианин...* В тексте перевода слово «христианин» всегда стоит в позиции, где ударение в нем падает на *а*, и стоящее перед ним *и* всегда образует отдельный слог. Поэтому для сохранения ритмического рисунка следовало убрать второе «нет».

34, стрк. 1—3. *Сказал и, попирая все законы / И рыцарства и чести, устремляет / Коня на христианина в упор.* — По рыцарским обычаям Аргант должен был спешиться, увидев, что Оттон упал с коня.

39, стрк. 5—8. Ср.: *Данте. Ад. XXXII, 10—12:*

Но помощь Муз да будет мне дана,
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна.

41, стрк. 5—6. Ср.: *Ариосто. Неистовый Роланд. XXXI, 14, 1—2:*

Только худо двум скакунам —
Оба навзничь и оба наземь.

В оригинале эти стихи напрямую заимствованы.

Стрк. 7—8. Ср.: *Ариосто. Неистовый Роланд. XXXI, 14, 7—8:*

Видит встречный, конь его мертв, —
Вырвал ноги из стремян, встал пеш.

45, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий. Энеида. IX, 551—553:*

Словно как загнанный зверь в кольцо охотников плотном,
Чуя верную смерть, в исступление несется на копы,
Чтобы единым прыжком одолеть частокол из рогатин...

Ср.: Там же. XII, 5—8:

Словно как лев на ливийских полях, когда ловчим он ранен,
Грозно готовится в бой, и на шее под гривой мохнатой
Мышцы играют, и рык излетает из пасти кровавой,
И бестрепетно зверь ломает дротик вонзенный...

50, стрк. 1—52, стрк. 4. Ср. прерванное единоборство Гектора с Аяксом: *Гомер. Илиада*. VII, 273—282:

...и тогда рукопашно мечами они б изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахейан,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
«Кончите, дети любезные, кончите брань и сражение:
Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
Оба храбрейшие воины: в том убедились все мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи приятно.

50, стрк. 6—7. *То — честный Аридей, а от неверных — / Пиндор...* — В исходном издании *То Аридей от христиан, а от неверных — Пиндор...* Исправлено во избежание гиперметрии и в соответствии с оригиналом: «L'uno è il franco Arideo, Pindoro è l'altro...» («Один — честный Аридей, другой — Пиндор»). Аридей и Пиндор — вымышленные персонажи.

53, стрк. 2. ...с пленником... — Аргант взял в плен оставшегося в живых Отгона Висконти.

66, стрк. 6—8. *О, отчего она своей рукой / Не может приложить лекарства к ранам / Того, кто ей на свете всех дороже!* — Эрминия будет лечить Танкреда после его победы над Аргантом; см.: XIX, 111—113.

84, стрк. 1—8. *Иль пусть бы меч и т. д.* — Эрминия мечтает здесь о судьбе, которая постигнет Клоринду; см.: XII, 79—82, 93—98.

91, стрк. 6. *Амур улыбку шлет преображенью...* — В исходном издании *Амур улыбку шлет пренебреженью*. Исправление сделано в соответствии с французским переложением Лебрена, откуда переводчик заимствовал этот образ (*La Jérusalem...* P. 165): «L'Amour, qui la voit, sourit à sa métamorphose» («Любовь, ее видящая, преображению ее улыбается»). Между тем в оригинале: «Gode Amor ch'è presente, e tra sé ride» («Наслаждается Любовь, что рядом стоит, и усмехается втихомолку»).

Стрк. 7—8. ...*Так улыбался он, когда Алкид / Орудовал веретеном и прялкой.* — В оригинале более точное противопоставление: «Come allor già ch'avvolse in gonna Alcide» («Как в то время, когда Алкид в юбку облачился»). В древнегреческих

мифах говорится, что за убийство Ифита, совершенное в припадке бешенства, Геракл по приказанию оракула должен был три года прослужить лидийской царице Омфале, которая заставила его пряхать шерсть переодевшись в женское одеяние, тогда как сама она облачилась в львиную шкуру и носила папицу. Геракл повиновался, очарованный ее красотой. Упоминание этого мифа см. также: XVI, 3, 1—3.

102, стрк. 5—8. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. ССXXIII, 3—6:

В томленье сиром
Жду первых звезд. Луна встает — и вскоре
Настанет ночь. Невнемлющей все горе
Перескажу.

105, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 373—374:

...ударил в глаза лучом отраженным
Шлем Эвриала во мгле и беспечного юношу выдал.

107, стрк. 1. *Клоринда их отца убила...* — См. об этом: III, 34.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

1, стрк. 1—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. I, 33:

Скакала Анджелика по чащам
Темным и страшным, безлюдным и диким;
Шелест листьев в ветках
Дубов, тополей, вязов
Внезапным страхом
Гнал ее на окольные тропы,
И всякая тень на всхолмье и во вздолье
Мнилась Ринальдом, мчащимся по пятам.

2, стрк. 1—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XXXIX, 69:

Как два борзые породные пардуса
Два красавца с единой своры,
Не доспев гоньбой
За бегучими ланями ли, оленями ли,
Пристыжаются, что без сил их пыл,
И понуры и хмуры возвращиваются, —
Так, вздыхая, воротились две ратницы,
Не догнав сарацинского короля.

3, стрк. 1—2. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. I, 35, 1—2:

День и ночь и новое утро
Носилась Анджелика, не зная где...

4, стрк. 1—2. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CXXX, 5—6:

Питаю сердце вздохами, и радо
Оно слезам, катящимся рекою.

12, стрк. 5. *Мемфис* — древняя столица Египта, фактически переставшая быть таковой в фиванский период; окончательно утратила свое политическое значение после основания Александром Македонским Александрии. После арабского завоевания Египта в 633 г. была заменена построенным на правом берегу Нила Каиром, для возведения которого были частью употреблены ее древние постройки. Ко времени описываемых событий от города остались только величественные развалины.

17, стрк. 5—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XI, 11, 3—8:

Завернулась она в рогожу —
Ах, не то, что ее прежние веселые
Зелень, желть, синь, и огонь, и пурпур,
Столько красок, столько покровов! —
Но и это рубище
В ней не сгладило красоты и знатности.

18, стрк. 8. ...*И скопы выжимает из удоя*. — Толковые словари русского языка определяют «молочные скопы» как склад молочных продуктов. В оригинале речь идет о подготовке выдоенного молока для созревания из него сыра: «*e da l'irsute mamme il latte preme / e 'n giro accolto poi lo stringe insieme*» («Из шерстистых грудей молоко доит / и в круги, собранное, сжимает»).

19, стрк. 3—4. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XIX, 36:

А вдоль тех сладострастных троп,
Где ни встал прямой ствол над ясною влагою,
Где ни лег податливый валун,
Она ладит булавку или нож,
Чтобы в тысяче и тысяче мест
И под небом и на хижинных бревнах
Выплелись, как вязь, имена
Медора и Анджелики.

21, стрк. 1—8. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CXXXVI, 27—40:

Как знать? Судьбой своею
В край прежний, незабвенный
Она — кротка, прекрасна, привлечется;
Где я замечен ею
В тот день благословенный,
Туда с живой улыбкой обернется:

«Где я?» — и ей взгрустнется;
Лишь землю меж камнями
Узрев, Амур затронет
Ее: вздохнет, простонет
Так жалостно, что милость небесами
Мне дастся: их благая
Смягчит, вуалью очи отирая.

29, стрк. 5. *Граф Козенцкий* — вымышленный персонаж, упоминающийся только здесь. Козенца — главный город итальянской провинции Калабрии.

32, стрк. 5—6. Ср.: *Данте*. Ад. III, 85: «Забудьте небо, встретившись со мною!»

33, стрк. 5. *Рамбальд-гасконец*. — В исходном издании *Рембо* — французский вариант латинизированного имени Рамбальд, как этот персонаж уже был назван раньше (см.: V, 75, 5). Поэтому здесь и далее имя этого персонажа приводится в такой форме.

42, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 101—102:

Бешенство гонит его, от щек, пылающих жаром,
Искры летят, и в безумных глазах огонь полыхает.

46, стрк. 1—8. *Так, в озеро Комахио* и т. д. — Комахио, или Комаккио, — город в Северной Италии на берегу Адриатического моря, расположенный на тринадцати островах, соединенных между собой мостами. Известен обширным лагунным рыбным хозяйством. Лов рыбы производится преимущественно путем перегораживания соединяющих лагуны каналов особыми ловушками — лабиринтами. Их выставляют в мае, когда рыба направляется из лагун в море; весной, когда из лагун бежит в море слабосоленая вода, в них направляется масса молоди. Рыба расходится по лагунам и остается в них, пока не вырастет и не пойдет обратно в море для метания икры. Вся эта взрослая рыба, направляющаяся в море, перехватывается ловушками. Во времена Тассо озеро принадлежало дому Эсте.

48, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 209: «Боль подавляет в душе и глядит с надеждой притворной».

52, стрк. 4—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 270—275:

Шлем горит на челе, пламенеет грива на гребне,
Выпуклый щит золотой посылает огненный ответ, —
Так в прозрачной ночи среди звезд алеет зловеще
Пламя кровавых комет или Сириус всходит, сверкая,
Жажду с собой принося и поветрия людям недужным,
Жаром зловредным своим удручая широкое небо.

Стрк. 5. ...*Комета со своей кровавой прядью*... — Название «комета» происходит от греческого κομήτης — «волосатый». По народным поверьям, кометы приносили с собой кро-
вопролитие, падение царств и моровые поветрия. Ср.: IV, 7, 3.

55, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 103—106:

Так бычок молодой, протяжным пугая мычаньем,
Пробует в гнѣве рога перед первою битвой, упершись
В крепкий древесный ствол, и бодать пытается ветер
Или, готовясь к борьбе, песок копытами роет.

Ср. также: *Вергилий*. Георгики. III, 232—234:

Он испытует себя и гнѣву рога свои учит.
Он на стволы нападает дубов, ударяется в ветер
Лбом и взрывает песок, и взвывает, к битве готовясь.

Ср. также: *Лукан*. Фарсалия. II, 601—603:

Так же, отогнан от стад соперником в первой же схватке,
Прячется бык по лесам и, скитаясь в пустынных равнинах,
Пробует крепость рогов повсюду на встречающих деревьях...

64, стрк. 1—8. Ср. речь Эвандра к Палланту: *Вергилий*.
Энеида. VIII, 560—567:

Если бы сделал меня, воротив минувшие годы,
Вновь Юпитер таким, каким под Пренестой сразил я
Строй передний врагов и щиты их сжег, победитель;
Этой отпустил рукой я владыку Эрула в Тартар,
Хоть при рожденье ему Ферония-мать даровала —
Страшно сказать — три души и три доспеха носил он;
Трижды его пришлось убивать — но этой рукою
Три души я исторг и сорвал с него столько ж доспехов.

Стрк. 3. *Леопальд* — лицо неизвестное.

65, стрк. 1—5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. V, 394—396:

Нет, стремленье к славе из сердца
Страх не прогнал; но в жилах моих бессильная старость
Кровь леденит, и покинула мощь остывшее тело.

66, стрк. 7—8. ...*оба Гюи*... — Имеются в виду «оба Гвидо»; см.: I, 56, 2.

Стрк. 8. *Рожер*. — В исходном издании *Роджер*. Здесь и далее исправлено в соответствии с написанием этого имени ранее; см.: I, 54, 5.

Стефан. — См. примеч. к I, 40, 8 и 62, 1.

Герньер. — В исходном издании *Гарнье*. Исправлено в соответствии с написанием этого имени ранее; см.: I, 56, 4. См. о его ранении: IX, 66, 1—6; о его гибели: XX, 112, 3—4.

67, стрк. 2. *Пирр*. — Здесь армянин-ренегат, чье предательство позволило Бозмунду овладеть Антиохией. Вильгельм Тирский часто говорит о нем, называя Эмирферром. См. также примеч. к I, 6, 5.

71, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. *Энеида*. II, 469—475:

Возле самых сеней на пороге царском ярится
Пирр, и ярко блестит доспех, сверкающий медью.
Так выходит на свет, напивавшись травой ядовитой,
Змейка: зимой холода под землей ее долго держали;
Юностью ныне блестя и сбросив старую кожу,
Скользкую спину она извивает и грудь поднимает
К солнцу опять, и трепещет язык раздвоенный в пасти.

Ср. также: *Ариосто*. *Неистовый Роланд*. XVII, 11:

Алжирский царь у ворот
Блещет сталью шлема и тулова,
Как змей из черного зяполза,
Совлекшись ветхого вретйща.
Облекшись свежей красою.
Вновь юн, вновь мощен,
Пышут очи, вьются три жала
И ползет, и вся тварь с дороги прочь.

72, стрк. 3. ...у мятежного саксонца... — Имеется в виду Рудольф Швабский, граф Рейнфельдский, немецкий король, возглавивший мятеж немецких князей против Генриха IV в 1076 г., когда тот был отлучен от церкви папой. В 1077 г. князья в отсутствие папских легатов избрали его императором. После ряда битв со сторонниками Генриха был смертельно ранен в битве при Гогенмользене 15 октября 1080 г.

75, стрк. 7. ...На Аквилына, быстрого коня... — В исходном издании «*Аквилына*»; кавычки сняты, поскольку здесь речь идет о кличке коня, а не о его разновидности. Назван по имени северного и северо-восточного ветра Аквилона за свою быстроту и легкость. Это единственный конь в поэме, у которого есть кличка и о котором рассказывается столь подробно.

76, стрк. 1—8. *В долине Таго конь на свет родился* и т. д. — Этот поэтический вымысел встречается у Вергилия (Георгики. III, 266—275) и у Плиния (Естественная история. VIII, 42). Однако Тассо мог ознакомиться с ним и в поэме своего отца Бернардо «Амадис» (XXXIX, 1—6). Таго — итальянский вариант названия самой длинной реки Пиренейского полуострова Тахо (лат. Tagus).

81, стрк. 1. *Там есть копьё, что Змия погубило...* — Намек на битву архангела Михаила с Сатаной (Откр., 12:7—9).

Стрк. 5—8. ...*Повешен там трезубец...* — Намек на трезубец морского бога Посейдона, которым он, по древнегреческим поверьям, вызывал землетрясения.

90, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий. Энеида*. V, 439—442:

Ср. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XLV, 75:

93, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий. Энеида*. XII, 738—741:

99, стр. 2. *Вельзевул* — библейское название сиро-финикийского божества Ваалзевув, считавшегося покровителем и защитником от мух, рои которых составляют ужасную казнь для людей и животных в жарком климате Востока. В Новом Завете встречаем то же слово в смысле Сатаны, или главы злых духов или демонов.

Стрк. 3—8. Ср.: *Вергилий. Энеида. X, 636—640:*

Здесь, из тумана соткав бессильный призрак летучий,
Образ Энея ему придает богиня, — о чудо! —
Всем снаряжает его: и щитом, и дарданским доспехом,

Поступь, божественный лик героя — все повторяет,
Голос влагает в уста — только звук пустой без значенья.

109, стрк. 1. ...за Балдуином посылает... — В исходном издании *Бодуэном*. Это французский вариант латинизированного имени Балдуин, как этот персонаж уже был ранее назван; см.: I, 9, 1. Здесь и далее имя этого персонажа последовательно приводится в такой форме.

114, стрк. 1—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. VIII, 69—70. Там Бог посылает ливень, чтобы спасти осажденный неверными Париж. Описание бури как действия сил преисподней ср.: *Данте*. Чистилище. V, 112—123.

115, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 88—90:

Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
Вторит громам небосвод, и эфир полыхает огнями...

121, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 799—800:

Снова на вражеский строй нападает он дважды отважно —
Дважды по лагерю вновь разбегаются тевкры в испуге.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

1, стрк. 3—4. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. ССХСІ, 1—2:

Когда с небес спускается Аврора,
В златых кудрях, в венке багряных роз...

Стрк. 6—8. *Один из них, / Что Астаротом звать, своей сестре / Дискордии такое молвит слово...* — В оригинале имя беса — Астрагор (*Astragorre*), и обращается он к фурии Алекто (*Aletto*). Замена Астрагора Астаротом и Алекто Дискордией (Враждой) была характерна для французской традиции переводов «Освобожденного Иерусалима». См., например: *La Jérusalem...* P. 193. Алекто (*греч.* «Неустанная») — фурия, один из фантастических персонажей «Энеиды» Вергилия.

5, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 287: «...Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу...»

6, стрк. 1—2. «*Единственный сын датского монарха, / Свенон...*» — Называя Свенона единственным сыном датского короля, Тассо допускает поэтическую вольность. Имеется в виду один из пятнадцати сыновей короля датского Свена II Эстридсена (конец 1010-х—1074 или 1076), отправившийся в первый крестовый поход с двумя тысячами воинов. Его трагическая гибель в ночной битве с арабами под Филомелием

произошла за три года до осады христианами Иерусалима. Первоначально Тассо называет его Даном (Dano), но затем, справившись с «Историей» Вильгельма Тирского, переименовывает в Свенона.

Стрк. 5—8. Ср.: *Данте*. Ад. XXVI, 94—97:

Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом
Не возмogli смирить мой голод знойный...

8, стрк. 3. ...*через Фракию идет*... — Согласно представлениям древних греков, Фракия занимала часть нынешнего Балканского полуострова, от северного побережья Эгейского моря (включая Македонию) и Пропонтиды до Дуная.

22, стрк. 7—8. Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. XV, 528—529:

Мой исторгается дух; ни одной не могла бы ты части
Тела уже распознать: все было лишь раной сплошной.

24, стрк. 3—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 431—433:

Трои прах и огонь, в котором друзья погибали,
Вы мне свидетели: в час крушенья я не стремился
Копий данайских бежать и уйти от участи грозной.

31, стрк. 5—8. *Взгляни на небосклон: увидишь ты / На нем звезду и т. д.* — Ср. упоминание звезды, приведшей волхвов к месту рождения Христа (Мф., 2:2).

36, стрк. 1—2. *Свенона Сулейман убил, так пусть же / Погибнет сам он от меча Свенона.* — Меч Свенона будет вручен Ринальду; см.: XVII, 83. Ринальд поразит им Сулеймана; см.: XX, 107—108.

41, стрк. 5—8. Ср.: *Гораций*. Оды. I, XXII, 1—4:

О Фуск, поверь: тому, кто сердцем уцелел
Средь искушений зла и черного обмана,
Не нужно ни копья, ни ядовитых стрел,
Ни тяжкого колчана...

44, стрк. 3—4. ...*Столь благородных лавров никогда / В своих стенах не видел Капитолий.* — На Капитолийском холме в древнем Риме происходила главная часть военных празднеств — триумфов, торжественных вступлений в столицу победоносного полководца и его войска. Триумфатор облачался в особый роскошный костюм, подобный одеянию статуи Юпитера Капитолийского. Он надевал вышитую пальмовыми ветвями тунику, украшенную золотыми звездами пурпуровую тогу, позолоченную обувь, в одну руку брал лав-

Наиболее известные святые, которым приписывается ношение своей отрубленной головы, — Дионисий Парижский и Меркурий Смоленский.

64, стрк. 2. ...*семь уж лет...* — См. примеч. к I, 6, 1.

68, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 173—174:

Видел я не во сне пред собою лица пенатов,
Облик богов я узнал и кудри в священных повязках.

69, стрк. 4. ...*на берега Евфрата*. — Аргиллан зовет своих товарищей в Месопотамию, процветавшую под владычеством арабов.

74, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 462—466:

Буйствует, гневом гоним, — так порой, когда с треском
пылает

Хворост и медный котел окружает шумное пламя,
В нем начинает бурлить огнем нагретая влага,
Пенится, словно поток, и дымится, и плещет, как будто
Тесно ей стало в котле, и клубами пара взлетает.

75, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 519—521:

Быстро труба Аллектó собирает зычным призывом
Буйные толпы — и вот, на ходу хватая оружие,
В бой земледельцы бегут...

77, стрк. 3—4. ...*идет навстречу / Он воинам...* — В исходном издании *идет навстречу он к воинам...* Это противоречит современным правилам сочетаемости: либо «на встречу к воинам», либо «навстречу воинам». Смысл текста говорит в пользу второго варианта, принятого в исправлении.

78, стрк. 2—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 311—312:

Благочестивый Эней, не покрыв даже голову шлемом,
Громко к тевкрам зывал, протянув безоружную руку...

Стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 327—328:

Ты лицом не похожа на смертных,
Голос не так звучит, как у нас.

Ср.: Там же. VI, 49—50:

...выше, казалось,
Стала она, и голос не так зазвенел, как у смертных...

82, стрк. 1—8. Ср. уподобление усмиряющего ветры Нептуна человеку, усмиряющему мятеж: *Вергилий*. Энеида. I, 148—153.

ровую ветвь, в другой держал богато украшенный скипетр из слоновой кости с изображением орла наверху; на голове его был лавровый венок.

49, стрк. 3—4. ...*И эту птицу с молнией в когтях, / Со взором, вечно к солнцу устремленным.* — Имеется в виду белый орел в лазуревом поле — герб Эсте. В древнегреческой и древнеримской традиции орел был посвящен Зевсу и Юпитеру, поэтому его изображали с молниями как принадлежностью этого бога в когтях. Орлу также приписывали необычайную силу зрения, позволявшую ему не мигая смотреть на солнце.

51, стрк. 2—8. Ср. описание долины, удобной для засады: *Вергилий. Энеида. XI, 522—525:*

Есть крутой поворот в ущелье; словно нарочно
Создан он для засад; здесь теснины темные склоны
Лесом густым заросли, и ведет лишь ничтожная тропка
К узким проходам гор в глубине зловещей лощины.

57, стрк. 5. *Аргиллан* — лицо вымышленное, хотя некоторые комментаторы пытаются отыскать в нем исторические черты. О его гибели от руки Сулеймана см.: IX, 74—88.

Стрк. 5—8. Ср.: *Ариосто. Неистовый Роланд. VIII, 79, 1—8:*

Все живое в ночном покое
Усталые лелеяло души:
Кто на ложе, кто на жестких каменьях,
Кто спал в травах, кто под миртом и буком;
Но едва лишь рыцарь смежил ресницы,
Колючей думой тревожимый в дреме,
То и этот сон, мгновенный и летучий,
Не порадовал перемирием с горем.

58, стрк. 2. *Тронто* — река в Италии в провинции Асколи, впадающая в Адриатическое море.

59—62. Эпизод обольщения Аргиллана ср. с эпизодом явления Аллекто Турну: *Вергилий. Энеида. VII, 406—474. Ср. также явление Дискордии Сулейману: IX, 8—12.*

60, стрк. 1—3. Ср.: *Данте. Ад. XXVIII, 118—123:*

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

Образ святого или воина за веру, несущего свою отсеченную голову, распространен в западной и русской агнографии.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

3, стрк. 5—6. ...*Тот Сулейман, что, по сказанью, был / Рожден Землей Олимпу на погибель...* — В переводе имеется неточность. Оригинал говорит о турецком султани так: «...quel Soliman di cui non fu tra quanti / ha Dio rubelli, uom più feroce allora / né se per nova ingiuria i suoi giganti / rinovasse la terra, anco vi fòra» («...тот Сулейман, которого тогда среди богоотступников лютее не было / и не появилось бы, даже если к новому вреду земля своих исполинов / на свет в другой раз произвела»). Сулейман уподобляется здесь гигантам. Согласно древнегреческим мифам, Гея (Земля) родила огромных чудовищ с телом человека до пояса и с драконовыми хвостами вместо ног. Они принялись поражать Олимп обломками скал и горящими стволами деревьев; разразилась ужасная битва, в которой боги благодаря помощи циклопов, сторуких великанов и Геракла одержали победу и перебили гигантов.

4, стрк. 2. ...*меж Сангаром и Меандром...* — Сангар — река, берущая начало на границе Галатии и впадающая в Черное море. Меандр — чрезвычайно извилистая река в Кари и Великой Фригии, впадающая в Икарийское море к северу от города Милета.

Стрк. 3—5. ...*Вифинии народы...* — В исходном издании *Вифании*. Исправлено в соответствии с оригиналом.

Стрк. 6—8. *Латиняне, однако же, престол / Тирана опрокинули, и слава / Его померкла после двух сражений.* — Вильгельм Тирский повествует о двух крупных поражениях Сулеймана от христиан: в 1097 г. под Никеей и в 1098 г. под Антиохией. Главенство Сулеймана над арабами, напавшими на христианский лагерь, вымысел Тассо, однако он заимствует у Вильгельма Тирского (VI, 20) описание нападения, где повествуется об осаде Антиохии.

8, стрк. 2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 415—418:

Образ пугающий свой изменить Аллектó поспешила:
Злобное скрыло лицо под обличием дряхлой старухи,
Гнусный изрезала лоб морщинами, в кудри седые
Ветку оливы вплела и стянула их туго повязкой.

11, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 456—457:

В бешенстве вымолвив так, горящий пламенем черным
Факел метнула она и вонзила юноше в сердце.

25, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VII, 785—788:

Шлем украшает его Химера с гривой тройною,
Дышит огнем ее пасть, как жерло кипящее Этны, —

Чем сражение сильней свирепеет от пролитой крови,
Тем сильней и она изрыгает мрачное пламя.

30, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 328—329:

Если бы братья твои не примчались когортой сплоченной,
Форка сыны; как один, все семеро копья бросают...

31, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 693—696:

Он же подобен скале, что в морском просторе далёко
Высится, ярости волн отовсюду открыта, и ветров
Натиск выносит двойной и удары моря и неба,
Но не дрогнет вовек.

32, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 338—339:

Брат Альканор подбегает к нему, чтоб Меона в паденье
Правой рукой поддержать...

34, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 390—395:

...и Тимбер с Ларидом, —
Давка сыны-близнецы, меж собой вы были похожи
Так, что мать и отец в заблужденье сладостном часто
Путали вас, — но отнял Паллант ваше сходство жестоко:
Голову, Тимбер, тебе мечом Эвандра отсек он,
Правая прочь от плеча отлетела рука у Ларида...

35, стрк. 1—2. Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. VIII, 231: «В
горе отец — уже не отец! — повторяет: „Икар мой!“»

39, стрк. 1—8. Ср.: *Катулл*. Песни. LXIV, 105—110:

Как необузданный вихрь, что валит дыханием мощным
Дуб, чьи на Тавре крутом под ветром колышутся ветви,
Или же ломит сосну шишконосную с потной корою,
И упадают они, накреньясь, исторгнуты с корнем,
Все, что вокруг, широко своим сокрушая паденьем, —
Так и Тесей распластал свирепого, наземь повергнув...

40, стрк. 6. ...*Сраженные Драгутом*... — Случайно или
умышленно это имя совпадает с именем знаменитого турецко-
го пирата XVI в. Драгута, наводившего ужас на все Средизем-
номорье в 1540—1560 гг.

41, стрк. 1. *Альбазар*. — В исходном издании *Альгазар*.
Исправлено в соответствии с оригиналом: Albazār.

Стрк. 2. ...*И гибнет Ангерран от Альгазеля*. — В оригина-
ле от меча Альгазеля гибнет Оттон: «cade sotto Algazelle Otton
di spada» («под мечом Альгазелевым Оттон падает»).

46, стрк. 1. *Эридан* — в древнегреческой мифологии на-
звание реки в Европе, которая на дальнем севере впадает в
океан. Позднее была отождествлена с рекой По, поэтому здесь

в переводе это название заменяет По, стоящее в оригинале. Переводчик выпускает в этой строфе сравнение По с быком, основывающееся на мифологических представлениях и приемах из классических авторов.

Стрк. 1—2. ...*ниспада* / *С родных высот*... — Имеется в виду северный склон Монте Визо на высоте 2000 метров над уровнем моря, где берет начало По.

52, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 355—361:

На пороге Авзонии битва
Грозно кипит. Так ветры порой, враждуя в эфире,
Борются между собой, равны отвагой и силой,
И не хотят уступить ни они, ни море, ни тучи:
Долго упорствуют все, и неясен исход их сраженья.
Так же троянская рать с латинскою ратью схватилась,
Грудью в грудь, нога к ноге противники бьются.

56, стрк. 8. Ср.: *Данте*. Рай. XXXI, 28—30:

Трехликий свет, ты, что одной звездой
Им в очи блещешь, умиротворяя,
Склони свой взор над нашею грозой!

57, стрк. 1—2. *У ног Его Судьба, Пространство, Время, / Движение и Фортуна*... — О Фортуне как служанке Провидения см.: *Данте*. Ад. VII, 70—96. В том же качестве она выступает, сопровождая христианских воинов, отправившихся на поиски Ринальда, и на их благополучном обратном пути; см.: XV, 3—45; XVII, 54—55.

58, стрк. 1—2. *Дары блаженства равные вкушая, / Они в своем блаженстве не равны*. — О распределении блаженства в Раю см.: *Данте*. Рай. III, 64—90.

Стрк. 3. *Михаил* — один из семи архангелов, национальный покровитель иудеев, вождь небесного воинства в его борьбе с темными силами ада (см.: Дан., 10:13; 12:1; Откр., 12:7—9).

60—61. В основе описания полета архангела Михаила — космологическая система Псевдо-Дионисия Ареопагита, изложенная в книге «О небесной иерархии» и легшая в основу космологии «Божественной комедии» Данте.

62, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VIII, 622—623:

...иль как туча на небе закатном,
В час, когда солнца лучи раскалят ее блеском пурпурным.

Стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Георгики. I, 365—367:

Часто, лишь ветер задул, увидишь, как падают с неба
Звезды стремглав, а от них, темноту прорезая ночную,
Пламенный тянется путь и, длинный, во мраке белеет.

См. также: *Данте*. Рай. XV, 13—16:

Как в воздухе прозрачном ночи знойной
Скользнет внезапный пламень иногда
И заставляет дрогнуть взор спокойный,
Как будто передвинулась звезда...

66, стрк. 3—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 309—312:

Мертвых не счесть, как листьев в лесу, что в холод осенний
Падают наземь с дерев, иль как птиц, что с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.

Ср. также: *Данте*. Ад. III, 112—113:

Как листья сыплются в осенней мгле,
За строем строй...

68, стрк. 7. *Альбину перервав гортань...* — Словом «гортань» переводчик передает здесь описательное выражение «l'à 've primier s'apprende / nostro alimento» («там, где первое / питание наше приемлется»). Между тем речь идет, скорее, о пупке. Ср.: *Данте*. Ад. XXV, 84—86 («...и туда, где плод / Еще в утробе влагой жизнетворной / Питается...»), где это место описывается с помощью того же выражения («...e quella parte onde prima è preso / nostro alimento...»).

69, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 395—396:

Правая прочь от плеча отлетела рука у Ларида,
Пальцы шупают меч, в содроганье предсмертном сжимаясь.

Стрк. 5—6. Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. VI, 559—560:

Как извивается хвост у змеи перерубленной — бьется
И, умирая, следов госпожи своей ищет напрасно.

74, стрк. 4—5. *...освободившись / От вражьих пут...* — В оригинале «s'era disciolto / il feroce Argillan di sua prigionie» («исторгся / Аргиллан свирепый из своей темницы»). Слово «вражьи» по отношению к путам Аргиллана здесь не совсем уместно, поскольку его заковали за учиненный им мятеж не враги, а воины-христиане; см.: VIII, 82.

75, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 492—497:

Так застоявшийся конь выбегает из стойла на волю,
Привязь порвав, и стремглав по открытому полю несется:
То к табунам кобылиц на просторные пастбища мчится,
То к знакомой реке, где привык купаться и плавать,
Ржет, резвится, летит, высоко голову вскинув,
Грива на шее крутой развевается вольно по ветру.

77, стрк. 1—3. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. XXVIII, 58—60:

Народ голый, трусливый и медлительный,
Стали никогда не сжимавший,
Но все удары свои ветру наносящий.

78, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 346—349:

Дриопа разит он издали пикой негибкой;
Брошена сильной рукой, говорившему что-то Дриопу
В горло вонзилась она, и речь и жизнь обрывая;
Вниз лицом он упал и кровью густой захлебнулся.

Стрк. 4—5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 54: «Тевкров страх до костей пронизал холодною дрожью».

Стрк. 6—7. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 489: «К вражьей земле он приник обгабренными кровью губами»; ср.: Там же. XI, 418: «...будет землю грызть, умирая».

79, стрк. 2. *Милеас*. — В оригинале *Muleasse*. В другом месте (XX, 22, 6) то же имя, но принадлежащее другому персонажу, передается как Мулеазем.

80, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 739—744:

Но умирающий вдруг: «Кто бы ни был ты, победитель, —
Молвил, — недолго тебе ликовать без отмщенья осталось!
Ждет тебя та же судьба, и на той же равнине падешь ты!»
С гневом в душе, но смеясь, отвечал Мезенций: «Умри же!
А обо мне родитель богов и людей повелитель
Пусть, что захочет, решит!» И копье он вырвал из раны.

82, стрк. 2. *Апеннины* — название горной цепи, покрывающей почти всю Италию, называемую поэтому иначе Апеннинским полуостровом.

85, стрк. 8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 434—436:

Весь он поник, и к плечу голова бессильно склонилась.
Так пурпурный цветок, проходящим срезанный плугом,
Никнет, мертвый, к земле...

Ср. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVIII, 153, 1—6:

Как под плужным сошником красноцвет,
Умирая, вянет,
Как в саду склоняет голову мак,
Угнетенный ливнем,
Так сбегает румянец молодых ланит,
Дардинель отходит...

Образы цветов Вергилия и Ариосто (второй заимствует у первого) связаны с алым цветом крови. Тассо говорит о Лесбине как о срезанном прекрасном цветке («quasi bel fior succi-

so»). Лилия с ее белым цветом — домысел переводчика, хотя и прекрасный.

86, стрк. 6—8. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. IX, 1043—1046:

Кто топтал сенаторов трупы,
Не изменяясь в лице, кто смотрел сухими глазами
На эмафийский разгром, — одному лишь не смеет, Великий,
В плаче тебе отказать!

87, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 945—946:

Видит добычу врага, о потере горестной память,
Гневный Эней — и кричит, загораясь яростью грозной...

88, стрк. 1—2. Ср.: Ариосто. Неистовый Роланд. XXXVII, 78, 3—5:

Как пес,
Разъярясь на ударивший булыжник,
Налетает, гложет и не уйдет, —
Так напал на холодеющую
Злее пса, злее змея, Марганор.

90, стрк. 4. *Рустем*. — В исходном издании *Ростан*. В оригинале Rosteno, что было бы более корректно передать как *Рустем*.

91, стрк. 7. ...из недр ее летят. — В исходном издании *его*. Исправлено в целях согласования по роду с соотносимым словом «туча».

92, стрк. 1—2. *И пятьдесят воителей нежданно / Являются с крестом на стягах*. — Речь идет о крестоносцах, томившихся в плену у Армиды и освобожденных Ринальдом; см. об этом: X, 58—72.

Стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Георгики. II, 42—43:

Нет, если даже я сто языков, сто уст возымел бы,
Голос железный.

93, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 369: «Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду».

95, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 875—876:

Ближе и ближе к стенам несется темная туча
Пыли...

97, стрк. 2—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 812—814:

По телу Турна стекает
Пота поток смоляной; не хватает дыханья герою, —
Только усталую грудь вздымают хриплые вздохи.

98, стрк. 1—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 680—684:

Так он в тоске говорил и душою метался, колеблясь,
Броситься ль грудью на меч и, великий позор искупая,
Сердце пронзить беспощадным клинком в порыве безумном,
В море ли прыгнуть и плыть к излучам берега дальним,
Чтобы снова пойти под удары копий троянских.

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

3, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 807—810:

... со всех сторон засыпают
Копьями тевкры его; у висков от частых ударов
Шлем протяжно звенит; уступает прочная бронза
Граду летящих камней...

Ср. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVIII, 22, 6—8:

Дикой чащей копий, мечей и дротов
Долгими ступал шагами к берегу
Родомонт.

16, стрк. 1—8. Ср. путешествие покрытого облаком Энея в Карфаген: *Вергилий*. Энеида. I, 411—587.

22, стрк. 1—8. *Через десятки лет, как я предвижу / Иль кажется лишь мне, родится тот и т. д.* — Имеется в виду султан Саладин (1137—1193), знаменитейший противник крестоносцев. Осуществил завоевание Египта (1164—1174), присоединение Сирии и Месопотамии (1174—1186) и, наконец, завоевание Иерусалимского королевства и другие кампании против христиан (1187—1192). Прославился среди христиан и мусульман как истинный рыцарь. Данте упоминает его среди некрещеных праведников; см.: Ад. IV, 129. Итальянские классики превозносят его благородство и учтивость; см.: *Боккаччо*. Декамерон. I, 3; X, 9.

23, стрк. 3. ...*Убежище на острове пустынном.* — Имеется в виду Кипр, одно из немногих владений, оставшихся в руках христиан после борьбы с Саладином.

Стрк. 4. *И тот герой твоим потомком будет.* — В действительности Саладин не был потомком Сулеймана.

29, стрк. 1—3. *Внутри утеса крепкого находит / Он темную пещеру наконец, / Века уж существующую...* — Эта пещера соединяла башню Антонию с храмом Соломона; см.: X, 31. Об этой пещере пишет Иосиф Флавий в «Древностях иудейских» (XV, 11, 7): «Наконец, Ирод сверх вышеозначенных строений сделал потаенный, под землею, ход, продолжаю-

щийся от Антонии до восточных врат храма, над которыми построил и башню, чтоб можно было убегать в нее сим подкопом в случае народного возмущения».

30, стрк. 7. *Ирод Великий* (73—4 до н. э.) — основатель иудейской династии на иудейском престоле; прославился как блестящий военачальник, ловкий политик, градостроитель. Правление его вызывало, однако, непрестанное недовольство иудеев, ненавидевших иноземца на их престоле. К концу жизни являет признаки полной деградации личности, терзаемый постоянной опасностью заговора. Помимо прочего, ему приписывается приказ об избииении младенцев в Вифлееме при вести о рождении Христа (см.: Мф., 2). Главный источник сведений о его жизни — книга Иосифа Флавия, воспользовавшегося трудами придворного историографа Николая Дамасского (см.: Древности иудейские. XV—XVII).

35. Ср. совет, собранный Латином, и спор Турна с Дранком: *Вергилий*. Энеида. XI, 234—445.

Стрк. 1. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 516: «...из-за облака слушают оба...»

45, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 312—313:

Я не виню никого: все, что может высшая доблесть,
Сделано было, и сил не щадило в борьбе государство...

46, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 348: «Все я скажу, хоть мне он мечом угрожает смертельным!»

Стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 232: «Рок Энея привел...»

47, стрк. 1—2. *Властитель мудрый, ты сумел и мира / Добиться, и престол свой сохранить!* — В оригинале говорится о правителе Триполи: «O saggio il re di Tripoli, che pace / seppe impetrar da i Franchi e regno insieme!» («О, мудрый царь Трипольский, мир / вымолить у франков сумевший, а вместе с ним и царство»). Переводчик ошибочно передает это восклицание обращением к Аладину.

49, стрк. 4—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 586—587:

Чуть лишь промолвил он так, — и тотчас же вокруг них
разлитое

Облако разорвалось и растаяло в чистом эфире.

61, стрк. 1—8. *Доходим, наконец, мы до страны* и т. д. — Речь идет о крае, где лежит Мертвое, или Асфальтовое, море. Согласно библейским сказаниям, в древности на этом месте находились хананейские города Содом и Гоморра, чьи жители отличались крайней развращенностью. Города постигла божественная кара в виде огненного дождя. Затем они якобы оказа-

лись погребены под водами Мертвого моря (см.: Быт., 19:1—29).

65, стрк. 2. ...*Пьянили, чаровали. Забывая...* — В исходном издании *Пьянили нас и чаровали. Забывая...* Исправлено в целях устранения гиперметрии.

Стрк. 7—8. Ср. колдовство Цирцеи: *Гомер*. Одиссея. X, 231—246 и Альцины: *Ариосто*. Неистовый Роланд. VI, 51—52.

66, стрк. 7—8. ...*Я в рыбу чародейством превращен, / И кожа вся покрыта чешуею.* — Превращение рыцарей в рыб можно сравнить с эпизодом, где описана власть Альцины над обитателями морей. См.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. VI, 35—38.

75, стрк. 3—4. *Я вижу, как смиряет / Он дерзость нечестивца...* — Под нечестивцем имеется в виду Фридрих Барбаросса (1123—1190), выступавший против папы Александра III (1159—1181). В этом пророчестве Тассо приписывает Ринальду славные подвиги, которые историк дома Эсте Джамбаттиста Пинья в своей «Истории князей Эсте» (Феррара, 1570) связывает с именем другого Ринальда, военачальника XII в. и сына Бертольда.

Стрк. 4—6. ...*как его / Орел и Рим и церковь под защиту / Свою берет...* — Князя Эсте в своей внутренней политике всегда поддерживали пап.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

2, стрк. 6. ...*главари...* — Это слово, сейчас имеющее весьма сниженную стилистическую окраску, получило ее, однако, лишь в первой половине XX в. Переводчик употребил его, конечно, в нейтральном значении.

7—9. *К Отцу, и Сыну, и Святому Духу* и т. д. — Уже первые итальянские комментаторы отмечали, что последовательность литаний здесь совпадает с порядком, установленным церковью.

7, стрк. 5—6. *К вам, бесплотной рати / Бессмертные вожди!* — То есть к архангелам Михаилу, Гавриилу и Рафаилу.

Стрк. 6. *Креститель* — Иоанн Креститель, или Предтеча, ближайший предшественник и предвестник Иисуса Христа, приготовлявший народ к Его принятию. Внешним знаком проповедуемого им покаяния и духовного обновления избрал крещение, то есть омовение в воде. Принять его пришел из Галилеи Иисус Христос, о достоинстве которого как Мессии и стал проповедовать Иоанн.

8, стрк. 2. ...Тебя, что основал престол... — Имеется в виду Петр, святой апостол, один из учеников Иисуса Христа, оказавший огромное влияние на последующую судьбу христианства. Его пребывание в Риме послужило исходным пунктом для развития идеи папства, которое с течением времени создало целую легенду, будто апостол Петр в течение 25 лет был первым епископом Рима и передал главенство над всей христианской церковью своим преемникам — папам римским. В оригинале содержится более точное историческое указание на папу Григория XIII и на юбилей 1575 г.: «...ove ora il novo successor tuo degno / di grazia e di perdono apre le porte...» («...где ныне наследник новый твой достойный / милости и прощения врата отверзает...»).

Стрк. 5—6. *И вас, что проповедовали смертным / О Боге, смерть поправшем на земле...* — Имеются в виду апостолы.

Стрк. 7—8. ...*И вас, что это чудо подтвердили, / И кровь и жизнь свою принесли в жертву!* — Имеются в виду мученики за веру.

9, стрк. 1—2. *Явите милость нам и вы, что людям / К спасенью указали путь...* — В оригинале более прозрачное указание на проповедников и учителей церкви: «...quegli ancor la cui penna o la favella / insegnata ha del Ciel la via smarrita...» («и те, чье перо иль речь / путь к Небесам утраченный указывали...»).

Стрк. 3. ...*Любимица Христа, что всех счастливей / Себе избрать земной сумела жребий!* — Имеется в виду Мария, одна из сестер Лазаря, упоминаемая наряду с Марфой в известном евангельском рассказе о посещении Христом Вифании (см.: Лука, 10:38—42; Иоанн, 11:1 и сл., 12:1 и сл.).

Стрк. 5—6. *И вы, себя в затворничестве мирном / Лишь господу обрекшие невесты...* — Имеются в виду монахини в монастырях.

Стрк. 7—8. ...*И вы, великодушные сердца, / Презревшие и гнев и месть тиранов!* — В оригинале более точное указание на дев-мучениц: «e quell'altre magnanime» («и иные девы великодушные»).

Таким образом, строфы 8—9 противопоставлены по принципу обращения к заступникам мужского и женского пола.

10, стрк. 3—8. ...*к горе они подходят* и т. д. — Речь идет о Масличной, или Елеонской, горе, находящейся к востоку от Иерусалима. Особенно тесно связана с событиями из жизни Христа, который любил удаляться туда для ночной молитвы. В Вифании, лежавшей на этой горе, находился часто посещаемый им дом Лазаря; с нее Иисус Христос совершил свой тор-

жественный вход в Иерусалим; на ней провел ночь перед предательством Иуды Искарнота и с нее же вознесся на небо (см.: Деян., 1:12).

19, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 503—504:

Тут в отдаленье труба пропела громко и грозно,
Следом послышался крик и под небом гулко отдался.

23, стрк. 3. *Когда Урбан, святой отец, в Клермоне...* — Имеется в виду Клермонский собор (1095), собранный папой Урбаном II для провозглашения первого крестового похода.

27, стрк. 4—5. Ср.: *Данте*. Ад. XXXI, 40—45:

Как башнями по кругу обнесен
Монтереджоне на своей вершине,
Так здесь, венчая круговой заслон,
Маячили, подобные твердыне,
Ужасные гиганты...

28, стрк. 6. *Диана* — в древнеиталийской мифологии богиня света и луны; отождествлялась с греческим божеством — Артемидой, покровительницей охотников, культ которой вместе с культом ее брата Аполлона рано достиг Рима. Как и Аполлон, убивает стрелами людей, особенно женщин и детей, и посылает болезни на людей и животных.

29, стрк. 6—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 481—482:

Матери входят и храм наполняют ладанным дымом,
Скорбные их голоса от высоких несутся преддверий...

30, стрк. 1—4. «*О Магомет... десница / Твоя да раздробит копье француза! / Срази под наши стены нечестивых / Врагов и поносителей твоих!*» — Место, лучше понятное в сравнении с оригиналом: «*Deh! spezza tu del predator francese / l'asta, Signor, con la man giusta e forte; / e lui, che tanto il tuo gran nome offese, / abbatti e spargi sotto l'alte porte*» («Раздоби копье хищника французского, / Господи, десницей праведной и мощной, / и его, много имя великое твое поносившего, / под высокими вратами рассей и повергни»). Ср. также: *Вергилий*. Энеида. XI, 483—485:

Ты, что оружием сильна, о Тритония, браней владыка!
Мощной рукой сокруши копье врага, чтобы пал он
Возле высоких ворот, чтобы сгинул разбойник фригийский!

34, стрк. 4. *Алькаст*. — В старых изданиях Тассо, а также в исходном издании здесь упоминается Адраст. Однако Адраст — это новый и иной персонаж, вводимый в другом месте;

см.: XVII, 28, 3. Здесь речь явно идет об уже упоминавшемся Алькасте; см.: 1, 63, 1. Исправление подтверждается современными изданиями поэмы.

37, стрк. 6. *Таран* — одно из древнейших осадных орудий, которое представляло собой стенобитное бревно (из ели или ясеня), снабженное на конце железным или бронзовым наконечником в форме бараньей головы. Бревно приводилось в действие либо руками, без всяких приспособлений, либо с помощью цепей и канатов, которыми таран прикреплялся к другому горизонтально лежащему над ним бревну или раме. Для более удобного передвижения тарана и более надежной охраны солдат, приводивших его в движение, устраивался навес на колесах, где устанавливалось все приспособление, называемое в этом случае «черепахой».

38, стрк. 1—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 512—518:

Скатывать стали они с откоса тяжелые глыбы,
Кровлю щитов пытаюсь пробить, — но любые удары
Стойким бойцам нипочем, черепахой построенным плотно.
Все ж подались и они: нависавшая грозно громада
Грянула вниз с высоты, руками сброшена тевкров,
Сомкнутых кровлю щитов прорвала и наземь повергла
Рутулов.

41, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 676—677:

Сколько бросает она в противника дротиков метких,
Столько и гибнет мужей.

Стрк. 7—8. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVIII, 178, 7—8:

И у Медора не туп клинок,
Но гнушается он незначительной крови.

46, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 674—675:

Сам он построил ее из надежно сколоченных бревен,
Снизу колеса подвел и мосты перекинул высоко.

48, стрк. 1. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 610—611:

...отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сиянье дня затмевается тенью.

52, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 318—319:

Но между тем как Эней увещал речами троянцев,
Вдруг со свистом к нему прилетела пернатая стрелка...

59, стрк. 6. *Как баб...* — В оригинале Аргант насмешливо обращается к франкам: «о Franchi no, ma Franche?» («О фран-

ки, нет — француженки!)). Ср.: Гомер. Илиада. II, 235: «Слабое, робкое племя, ахейки вы, не ахейцы!» и VII, 96: «Горе мне! о самохвалы! ахейки вы — не ахейцы!», а также: Вергилий. Энеида. IX, 617: «Истинно вам говорю: фригийки вы, не фригийцы!»

66—73. Ср. рассказ об исцелении Энея от раны Венерой и врачом Япигом: Вергилий. Энеида. XII, 384—431. Старца Япига Тассо заменяет вымышленным персонажем Эротиом, вместо Венеры выступает ангел-хранитель Готфрида; в остальном Тассо следует за повествованием Вергилия и часто переводит его.

74, стрк. 2—7. Ср.: Вергилий. Энеида. XII, 444—448:

В непроглядном облаке пыли
Скрылись от взоров поля, задрожала земля под ногами.
Видит Турн, что враги из лагеря снова выходят,
Видят противника вновь авзонийцы — и трепет холодный
Их пронизал до мозга костей.

76, стрк. 7. ...*С ужасным шумом, но Аргант бесстрашный...* — В исходном издании *С ужасным шумом, но Аргант*. Исправлено во избежание липометрии. Конъектура сделана с опорой на оригинал: «Tuona per l'aria la nodosa trave, / v'orron lo scudo Argante e nulla pave» («Гремит по воздуху узловатая трость, / навстречу ей Аргант щит выставляет и ничего не страшится»).

78, стрк. 2. ...*В вождя невестрийцев...* — Невстрийцы, или невестринцы — иное название норманнов, которыми предводительствует граф Роберт Нормандский.

81, стрк. 3—4. ...*как ветра...* — В исходном издании *как ветры*. Исправление сделано в целях восстановления правильного порядка следования ударных и безударных слогов. Ср.: Данте. Рай. XIII, 136—138:

Я видел, как, легок и горделив,
Бежал корабль далекою путиной
И погибал, уже входя в залив.

ПЕСНЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

2, стрк. 8. ...*И говорит она себе неслышно...* — В исходном издании *ему*. Исправлено в соответствии с оригиналом: «e dice ella a se stessa» («и говорит она себе самой»). Здесь начинается подготовка к эпизоду вылазки Арганта и Клоринды в христианский стан. Ср. вылазку Диомеда и Одиссея: Гомер. Илиада. X, 470—531; Эвриала и Ниса: Вергилий. Энеида. IX, 176—445;

Клоридана и Медора: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVIII, 165—192; XIX, 3—15.

4, стрк. 1—4. Ср.: *Полициано*. Стихи к турниру. I, 17:

Сколь сладостнее, сколь безопасней
Зверей преследовать...

Ср. также: *Тассо*. Аминта. Д. 1, сц. 1:

А мне милее радости иные:
Заботиться о луке и о стрелах,
Зверей проворных догонять и в схватке
Сильнейших побеждать...

5, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 186—187:

Битву с врагом завязать иль на дело иное решиться
Дух мой давно мне велит, не довольствуясь праздным
покоем.

Стрк. 4—5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 184—185:

Нис говорит: «То боги ли жар нам в душу вливают,
Или влечение свое представляется каждому богом?»

6, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 210—212:

Если же бог или случай не даст мне удачи, —
Это бывает не раз средь опасностей, — нужно, чтоб друга
Ты пережил...

и 283—284:

Но превыше всякой награды
Я молю об одном: не покинь моей матери старой!

7, стрк. 1—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 197—200:

Жаждою славы тотчас загорелась душа Эвриала;
Так, в изумленье застыв, он ответил пылкому другу:
«Что же, меня допустить ты не хочешь к славному делу?
Должен тебя одного я отправить на подвиг опасный?»

8, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 205—206:

Есть и во мне этот дух, презирующий жизнь и готовый
Светом дня заплатить за обоим желанную славу.

9, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 219—220:

Молвил в ответ Эвриал: «Отговорки напрасно ты множишь:
Твердо решение мое, и тебе его с места не стронуть».

10, стрк. 7—11, стрк. 1. Ср.: *Вергилий. Энеида. IX, 247—250*:

«Отчие боги, всегда в вашей воле судьба Илиона!
Но до конца погубить вы тевкров род не хотите,
Если с такою душой, с таким бестрепетным сердцем
Юноши есть среди нас!»

11, стрк. 3—6. Ср.: *Вергилий. Энеида. IX, 252—254*:

Чем — я не ведаю сам — наградить мы можем достойно
Подвиг такой? Ваших собственных дум величье и боги
Лучшую вам воздадут награду.

12, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий. Энеида. IX, 250—251*:

И друзей с такими словами
Обнял за плечи он, проливая обильные слезы.

15, стрк. 7. ...*к ним на помощь*. — В исходном издании *к нам*. Исправление сделано в соответствии с логикой ситуации. В оригинале Аладин говорит: «*lor salva e difendi*» («их (Арганта и Клоринду. — *А. Д.*) спаси и защити»).

20—39. Рассказ Арзета вымышлен. При этом он соприкасается с «Эфиопиками» Гелиодора Эмезского, греческого эротического писателя, умершего около 390 г. Клоринда во многом походит на главную героиню романа Хариклею. Сенапа упоминает Ариосто (Неистовый Роланд. XXXIII, 102—106), отождествляя его с пресвитером Иоанном из весьма распространенной с XII в. в Европе легенде о правителе христианской страны, сначала помещаемой в Азии, а затем в Африке у истоков Нила. В древнерусской письменности она известна под названием «Сказание об Индейском царстве». В основе этой легенды, принимавшейся церковными и мирскими властями за истину, лежал действительный факт успеха несторианского христианства среди племен Средней Азии. Некоторые комментаторы отождествляют Сенапа с негусом абиссинским Амдой Сионом (1314—1344).

22, стрк. 1—6. *Картина у нее была в покоех* и т. д. — Эта картина изображает подвиг св. Георгия, поражающего копьем дракона. В Западной Европе почитание св. Георгия особенно распространилось после крестовых походов.

26, стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий. Энеида. XII, 435—436*:

Учись у меня трудам и доблести, сын мой,
Быть счастливым учись у других.

47, стрк. 1. ...*Ворота Золотые*... — Название Иерусалимских ворот, находившихся посередине Восточной стены; выходили на долину Иосафата и были украшены золотом.

50, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 809—813:

Словно как волк, пока за ним не пустились в погоню
Люди с оружием, бежит без дорог в недоступные горы,
После того как убьет пастуха иль теленка зарежет
И, под брюхо поджав дрожащий хвост, убегает
В чащу лесную скорей, ибо знает вину за собою...

52, стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 709—711:

...а она, уязвленная жгучей обидой,
Спутницам взять скакуна приказала и спешилась храбро,
Только с мечом и гладким щитом, чтоб сразиться на равных...

62, стрк. 1. *Так бурные в Эгейском море волны...* — Эгейское море, или море Архипелага, — северо-восточная часть Средиземного моря. Осенью и ранней весной на нем нередки штормы.

63, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 819: «Тотчас кровью струя пропитала одежду...»

64, стрк. 3—6. ...и озаряет / Ее внезапный луч, упавший с неба: / Он входит в сердце к ней, и христианкой / Неверная становится мгновенно. — Пассаж, вымышленный переводчиком. В оригинале Клоринда «*mentre cadea, la voce afflitta / movendo, disse le parole estreme; / parole ch'a lei novo un spirto ditata, / spirto di fé, di carità, di speme: / virtù ch'or Dio le infonde, e se rubella / in vita fu, la vuole in morte ancella*» («и, падая, слабым голосом и скорбным / слова последние произнесла, / слова, что новый дух ей внушает, / дух веры, милости, упования: / тех добродетелей, что Бог в нее ныне вселяет, / и, коль мятежницей была при жизни, / то чтоб рабою при кончине стала»).

68, стрк. 7—8. Ср.: *Петрарка*. Триумф смерти. I, 164—166:

Она спала, как тот, кто не томим
Во сне своем заботой ни единой,
Меж тем как дух небес уже достиг.

70, стрк. 1. *Последние из нитей...* — В исходном издании *Последняя*. Исправлено в целях согласования в числе со сказуемым «разрывались».

80, стрк. 6—8. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CCCLVIII, 1—2:

Не может Смерть печалить сладкий лик,
Но сладкий лик дать сладость Смерти может.

89, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Георгики. IV, 465—466:

Пел, отрада-жена, о тебе у волны, одинокий,
Пел при рождении дня и пел при его угасанье...

Стрк. 3. *Филомела* — поэтическое название соловья, связанное с преданием об афинской царевне Филомеле, обещенной мужем ее сестры Прокны, фракийским царем Терем. Сестры отомстили обидчику, накормив его блюдом из убитого ими его сына Итиса. Боги, спасая сестер от гнева царя, превратили их в ласточку и соловья. В европейской поэтической традиции пение соловья часто связано с плачем женщины о погибших детях. Ср.: *Вергилий*. Георгики. IV, 511—515:

Так Филомела, одна, в тени тополевой тоскуя,
Стонет, утратив птенцов, из гнезда селянином жестоким
Вынутых вдруг, бесперых еще; она безутешно
Плачет в ночи, меж ветвей свою несчастливую песню
Знай повторяет, вокруг все жалобой скорбною полня.

Ср. также: *Петрарка*. Канцоньере. CCCXI, 1—4:

О чем так сладко плачет соловей
И летний мрак живит волшебной силой?
По милой ли тоскует он своей?
По чадам ли? Ни милых нет, ни милой.

90, стрк. 5—8. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CCCXL, 13—14; CCCXLI; CCCXLII — три сонета, развивающих тему явления поэту умершей возлюбленной во сне.

97, стрк. 3. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CCCXL, 8: «Ведь гнев на небе не живет». В оригинале Петрарки: «pur là su non alberga ira né sdegno» («Там же ни гнев приюта не имеет, ни презрение»).

100, стрк. 3—4. Ср.: *Данте*. Ад. XXXIII, 52—53:

Но я не плакал; молча, как немой,
Провел весь день и ночь...

Стрк. 5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 844—845:

Пылью седины свои осыпав и к небу простерши
Руки, Мезенций прильнул к бездыханному сыну, стеная...

Ср.: Там же. XII, 611: «Пылью нечистой себе осыпает седины несчастный». В оригинале, более близком к Вергилию, Арзет «...i bianchi crini suoi d'immonda polve / si sparge e brutta...» («...волосы белые свои нечистым прахом / осыпает и скверным...»).

ПЕСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ

2, стрк. 2. ...старый темный лес... — Имеется в виду Саронский лес.

2—5. Ср. с описанием священного леса под Массилией: Лукан. Фарсалия. III, 399—425.

6, стрк. 2—8. Ср.: Овидий. Метаморфозы. XIV, 386—388:

Дважды потом на восток обратилась и дважды на запад;
Палочкой трижды к нему прикоснулась и три заклинанья
Произнесла...

7, стрк. 1—4. *«Внимайте мне, внимайте, что из света / Низвергнуты во тьму огнем небесным; / Что носитесь по воздуху и в нем / То бури порождаете, то грозы...»* — В связи с этим местом старые комментаторы начиная с Дж. Гваставини отмечают: по словам теологов, многие мятежные ангелы, низвергнутые с небес вместе с Люцифером, попали в бездну преисподней, где истязают отверженные души, однако немалая их часть рассеялась в воздухе и с божественного позволения искушает души живых людей, а также порождает бури и бесконечные недуги.

8, стрк. 7—8. *Добавил он еще слова другие, / Но их ничей язык не повторит.* — Переводческая вольность. В оригинале: «Disse, e quelle ch'aggiunse orribil note / lingua, s'empia non è, ridir non pote» («Рек, а те, что прибавил ужасные звуки, / язык без святотатства и повторить не сможет»).

13, стрк. 8. ...*Вещает все ужасную засуху.* — Имен излагает распространенное астрологическое поверье о том, что соединение Солнца с Марсом в созвездии Льва вызывает сильнейшую засуху.

18, стрк. 1—4. Ср.: Лукреций. О природе вещей. II, 55—58:

Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.

Ср.: Там же. III, 87—90, где этот отрывок повторяется слово в слово.

21, стрк. 1—8. Ср.: Лукан. Фарсалия. VI, 685—693:

Воеет по-волчьи она и лает она по-собачьи.
Так же, как филин ночной, как сова беспокойная стонет,
Так же, как змеи шипят, как звери режут и вызывают, —
Стонет она: и грохот волны, что бьется о скалы,
И завыванье дубрав, и гром, разрывающий тучи, —
Все в этом вопле слилось.

23, стрк. 4—6. Ср.: *Гораций*. Оды. I, 3, 9—10:

Могучий — тот рожден был с медью тройной
Вкруг груди, кто спустил в бушующее море
Впервые утлый челн...

27, стрк. 5—8. Ср.: *Данте*. Ад. VIII, 70—72:

...вот из-за стены
Встают его мечети, багровея,
Как будто на огне раскалены.

В оригинале перед Алькастом встает «новый Дит» («*novella Dite*») — адский город, описанный Данте; см.: Ад. VIII, 67—79; IX; X. Затем этот образ неоднократно повторяется в описании пламени, охватывающего заколдованный Саронский лес, и во всех случаях выпущен переводчиком.

28, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 792—796:

...так порою, выставив пики,
Ловчих толпа наступает на льва, а он, ошетинясь,
В страхе свирепо глядит и отходит назад, ибо в бегство
Гнев и отвага ему не велят пуститься, а прямо
Броситься против врагов хоть и жаждет он, но не может.

41—43. Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 19—49; *Данте*. Ад. XIII, 22—45; *Ариосто*. Неистовый Роланд. VI, 26—32. Предание о кровоточащих и стонущих деревьях, видимо, возникло от свойства пробкового дуба, который при рубке действительно издает весьма резкий и жалобный звук и выделяет красноватую жидкость, напоминающую кровь.

51, стрк. 1—6. «*Брось смелые намеренья!* и т. д. — Петр пророчествует о возвращении Ринальда с островов Блаженных, куда тот увлечен чарами Армиды. Эти события описаны в песнях XIV—XVI.

56, стрк. 5—6. *...знойное дыхание / Пустыни африканской...* — Тассо имеет в виду самум — горячий, смертоносный ветер, свойственный Западной Азии. Однако для Палестины, где происходит действие, ветер из Африки является западным и заслуживает имени зефира.

57, стрк. 8. *...Авроры чистых слез.* — Имеется в виду роса; древнеримскую богиню Аврору, соответствующую древнегреческой Эос, нередко изображали с сосудами росы в руках.

58, стрк. 2....*И мак на них не сыплет сладкий сон...* — В древнегреческой мифологии мак был принадлежностью богов сна Гипноса и Морфея.

Стрк. 7. ...*Отравленные варваром фонтаны*... — Имеются в виду источники, а не фонтаны в собственном смысле слова. «Не отравую, но испражнениями и нечистотами, как епископ Тирский пишет, мутили воду неверные, по слухам, к лагерю христианскому вынужденные приближаться» (Дж. Гваставини).

59, стрк. 2. *Силоам* — небольшая река на юго-востоке Иерусалима, при подошве холмов Сион и Мория. Ее вода считалась священной и была предметом торговли (см.: Ис., 55:1); ее водой промывает глаза слепой, исцеленный Иисусом Христом (см.: Иоанн, 19:7—14).

60, стрк. 1—8. Ср.: *Данте*. Ад. XXX, 62—68:

«Я утолял все прихоти свои,
А здесь я жажду хоть бы каплю влаги.
Все время казентинские ручьи,
С зеленых гор свергающие в Арно
По мягким руслам свежие струи,
Передо мною блещут лучезарно.
И я в лице от этого иссох».

62, стрк. 1—8. Ср. описание смерти коня от лихорадки, вызванной осенней жарой: *Вергилий*. Георгики. III, 498—503:

Падает бедный, забыв и труды, и траву луговую,
Конь, любимец побед, избегая ручьев, то и дело
Оземь копытами бьет; не горяч и не холоден, каплет
Пот с поникших ушей, — ледяной перед самою смертью.
Шкура, суха и жестка, противится прикосновению, —
Перед кончиной сперва появляются признаки эти...

63, стрк. 1—8. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей. VI, 1222—1223:

И верная песья порода
Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях...

67, стрк. 6—7. *К нему ж течет вода из Иордана, / И с ней мешая критское вино*... — Разбавление вина водой за трапезой было античным обычаем.

68, стрк. 1. *Латиняне так ропщут*... — В исходном издании там. Исправлено в соответствии с оригиналом: «Così i Franchi dicean...» («Так франки говорили»).

71, стрк. 2. ...*Ты ниспослал росу народу с неба*... — Имеется в виду манна небесная, посланная, по молитве Моисея, Богом на пропитание Израилю во время странствования по пустыне (см.: Исх., 16:4—35).

Стрк. 3—4. ...*Дал смертному Ты власть извлечь из камня / Струю воды*... — Имеется в виду поток воды, ис-

торгнутый Моисеем из скалы (см.: Исх., 17:6; Числа, 20:8—11).

73, стрк. 1—8. *Повелеваю Я: да воцарится* и т. д. — «Здесь происходит перипетия, или перемена счастья, не чем иным, как словами поэта в высшей степени ясно являемая; поскольку ежели доселе ожидаемо было дела затруднение и запутывание отсутствием Ринальдовым, машин сожжением, чарами колдовскими над лесом, жарою, жаждою, воинов бегством: всем, что исход дела даже предвидеть не позволяло и скорее мыслить нудило, что к удовольствию язычников и ко вреду христиан завершится, то ныне сим ясно понять дается, что в противоположность мыслимому ранее все разрешается христиан к пользе, а язычников — к поражению и гибели» (Дж. Гваставини).

ПЕСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

3, стрк. 1—7. *Недалеко от золотых ворот* и т. д. — Здесь Тассо творчески переосмысляет древнегреческий миф о воротах, откуда излетают сны. Ср.: Гомер. Одиссея. XIX, 562—567:

Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.

Ср. также: Вергилий. Энеида. VI, 893—896:

Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
Белые створы других изукрашены костью слоновой,
Маны, однако, из них только лживые сны высылают.

6, стрк. 1—3. Ср.: Данте. Рай. III, 58—61:

И я на то: «Ваш небывалый вид
Блещет так божественно и чудно,
Что он с начальным обликом не слит».

Стрк. 4—7. Ср.: Вергилий. Энеида. II, 792—793:

Трижды пытался ее удержать я, сжимая в объятьях,
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала...

Ср. также: Данте. Чистилище. II, 79—81:

О призрачные тени! Троекратно
Сплел я руки, чтоб ее обнять,
И трижды приводил к груди обратно.

7, стрк. 5—8. Ср.: *Цицерон*. Сновидение Сципиона. XV, 15: «Когда я, сдержав лившиеся слезы, снова смог говорить, я спросил его: „Скажи мне, отец, хранимый богами и лучший из всех: так как именно это есть жизнь, как я узнал от Публия Африканского, то почему же я и далее нахожусь на земле? Почему мне не поспешить сюда к вам?“».

8, стрк. 1—2. ...*Разделишь скоро / Ты наше торжество и нашу славу...* — Готфрид умер год спустя, в 1110 г.

Стрк. 3—7. Ср. пророчество Публия Африканского Сципиону о разрушении Карфагена и Нуманции: *Цицерон*. Сновидение Сципиона. XI, 11.

9—10. Ср.: *Данте*. Рай. XXII, 133—137:

Тогда я дал своим глазам вернуться
Сквозь семь небес — и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться;
И чем в душе он меньший будит жар,
Тем лучше...

и 151—153:

С нетленными вращаясь Близнецами,
Ключок, родящий в нас такой раздор,
Я видел весь, с горами и реками.

Ср. также: *Цицерон*. Сновидение Сципиона. XVI, 16—XX, 21. 19, стрк. 5—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. V, 740: «Так он сказал и, как легкий дымок, растаял в эфире».

25, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 296—297:

Речь закончил посол, по устах авзонийцев тотчас же
Смутный ропот прошел...

27, стрк. 1. *Тогда встает датчанин*. — Имеется в виду Карл, боевой товарищ Свенона, принца датского.

29, стрк. 3. ...*К стенам, где Боэмунд странною правит...* — В исходном издании ошибочно *Бодуэн* (Балдуин). Исправлено в соответствии с оригиналом.

30, стрк. 4. *Аскалон*, или Ашкелон (*евр.*) — один из пяти главных филистимлянских городов в Палестине, к северу от Газы; его жители во все времена враждовали с иудеями и перенесли эту ненависть на христиан, имевших здесь епископство в IV—VI вв. В 638 г. им овладели мусульмане и удерживали до 1153 г., когда его взял Балдуин III, король Иерусалимский. Еще раньше, в 1099 г., крестоносцы под предводительством Готфрида Бульонского одержали у стен города победу над несравненно сильнее войском египетского султана; это сражение описано в песне XX поэмы Тассо. В

1192 г. вследствие условия мира между христианами и мусульманами укрепления города были разрушены соединенными силами. В настоящее время необитаем и посещается только ради интереса к развалинам храмов, театров и монастырей.

32, стрк. 7. ...*Бурливая и быстрая река*... — Имеется в виду река Симсин, впадающая в Средиземное море.

33, стрк. 3—5. ...*Является вдруг старец перед ними* и т. д. — Ср. описание стража Чистилища Катона Утического: *Данте*. Чистилище. I, 31—39. По словам Тассо, этот старец, Аскалонский маг, представляет собой чародея от естества и символизирует науку человеческую, тогда как Петр Отшельник олицетворяет собой божественное знание. Оба соотносятся между собой как Вергилий и Беатриче в «Божественной комедии» Данте.

Стрк. 6. ...*венки из листьев бука*... — «Древо сие уединение означает, и потому созерцателям приличествует, каковым сей волхв был» (Дж. Гваставини).

Стрк. 7—8. ...*он по равнине водной, / Как будто по сухой земле, идет*. — Ср. хождение Иисуса Христа по водам (Мф., 14:25).

34, стрк. 1—4. *Так жители полярных стран зимою / Перелезают скованные реки, / И волны неподвижные их тел / Выдерживают тяжесть невозбранно*. — В оригинале — прекрасный образ катающихся на коньках крестьянских девушек, выпущенный переводчиком: «*Si come soglion là vicino al polo, / s'avien che 'l verno i fiumi agghiacci e indure, / correr su 'l Ren le vilanelle a stuolo / con lunghi strisci e sdruciolar secure...*» («Подобно тому как там, рядом с полюсом, / ежели зима потоки оледенит и твердыми делает, / обыкновение имеют посылки бегать по Рейну гурьбою, / длинные полосы за собой оставляя и скользя безопасно...»).

36, стрк. 6—8. Ср.: *Вергилий*. Георгики. IV, 360—362:

Наподобье

Согнутых скал поднялись и застыли недвижные волны,
Юноше дали проход и его в глубину проводили.

Ср. также переход иудеев через Чермное море (Исх., 14:15—31).

37—38. Ср. подводное шествие Аристея: *Вергилий*. Георгики. IV, 365—373.

38, стрк. 4. *Питомники* — здесь «исток», «питающие источники». В оригинале перечислены крупнейшая река Италии По, три азиатские реки Гидасп (приток Инда), Ганг и Евфрат, две реки Восточной Европы (Истр, или Дунай, и Танаис, или Дон) и великая африканская река Нил.

Стрк. 5—8. ...*Потом реку такую открывают, / Что серно-ртутной жидкостью струится: / От жара уплотняясь, образует / Металлы драгоценные она.* — «Сие сказано согласно мнению алхимистов, кои утверждают, будто материя золота и серебра и всякого иного металла есть жидкая сера и ртуть: и будто бы от них тот или иной металл родится, согласно качеству и количеству сих двух составляющих, между собой так или иначе смешиваемых» (Дж. Гваставини).

41, стрк. 7—8. ...*но после душу / Волною благодатною омыл.* — То есть принял крещение.

43, стрк. 3. *Кармел*, или Кармил (совр. Джебель-Мар-Элиас) — гора пророка Илии, одна из известнейших палестинских гор, связанных с библейскими историческими событиями. Подступы к ней изрыты пещерами, в которых скрывались беглецы и жили отшельники. Это, собственно, не отдельная гора, а целый кряж, тянувшийся от Ездрилонской равнины к Средиземному морю и заканчивающийся у залива Акко мысом.

57, стрк. 1. *Оронт* (совр. Эль-Аси) — самая крупная река в Сирии, протекающая через Антиохию (Антакие) и впадающая в Средиземное море.

Стрк. 3. ...*Армида ждет наверное Ринальда...* — В данном случае *навверное* не вводно-вставочная конструкция, а наречие со значением «навверняка», «несомненно».

60, стрк. 8. ...*Грациями созданное тело.* — Грации — римское, теперь общеупотребительное, название греческих богинь харит, с именем которых древние греки связывали все привлекательное, прекрасное и радостное в природе и человеческой жизни.

61, стрк. 1—3. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. III, 111—114:

В праздник, в театре, когда опускается занавес, так же
Изображенья встают; сначала покажутся лица,
А постепенно и стан; вот явлены плавным движеньем,
Видны уже целиком и ногами на край наступают.

Стрк. 6. ...*к берегам Этрурии...* — В исходном издании *Этрурдии*. Исправлено в соответствии с оригиналом, где речь идет о «*tirrena spiaggia*» («тирренском побережье»). Имеется в виду северо-западная область древней Италии, прилежавшая к Тирренскому морю, то есть к части Средиземного моря от Лигурийского залива до Сицилии, где позднеантичная мифология помещала обиталище сирен.

62, стрк. 3—8. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей. II, 16—19:

Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,
Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась
Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?

66, стрк. 6. *Нарцисс* — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша. На вопрос его матери, какова будет судьба мальчика, прорицатель ответил, что он достигнет старости, если не увидит своего лица. Однажды в жаркий день Нарцисс, никого никогда не любивший, нагнулся над чистым источником и увидел свое лицо: он тотчас же влюбился в себя и скоро умер; тело его обратилось в цветок. Поэтическое описание смерти Нарцисса см.: *Овидий. Метаморфозы*. III, 339—510.

68, стрк. 1. ...из всех цветов... — В оригинале упоминаются розы, лилии и продолговатые белые цветки бересклета (*ligustri*).

69, стрк. 8. ...Из тех, что мы „Счастливыми“ зовем. Счастливые — древнее название Канарских островов.

72, стрк. 1—2. ...встретите тотчас / Вы женщину... — Речь идет о Фортуне, которая ни разу не названа в переводе по имени.

Стрк. 2—3. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. СХХV, 51: «*di tempo antica e giovane del viso*» («стара летами и юна лицом»).

Стрк. 4—5. ...Узнать ее легко по многоцветной / Одежде и по длинным волосам. — Эмблематические приметы Фортуны: пестрая одежда, символизирующая ее переменчивость, и длинные волосы, развевающиеся перед ее лицом; затылок же ее лыс: удачу нужно хватать при ее приближении, бесполезно гнаться за ней.

74, стрк. 1—8. *Там ручеек течет* и т. д. — «...Источник смеха, многими воспетый, особенно же Петраркой (Канцоньере. СХХV, 78—79: «Струятся два ключа / На островах Фортуны: кто напиться / Из первого склонится, / Умрет, смеясь...») и молвою и землеписателями на островах Счастливых помещаемый, из коего, ежели двое воинов испили бы, смерть прияли» (Письмо Тассо к Шипионе Гонзага от 17 сентября 1575 г.).

77, стрк. 3. ...И покажите щит ему алмазный... — Алмазный щит выступает здесь как аллегория совести.

Стрк. 5—6. *Увидит он себя в нем разодетым, / Как женщина...* — Ср. древнегреческий миф о службе Геркулеса у Омфалы в женской одежде, неоднократно упоминаемый в поэме. Ср.: VI, 91, 7—8; XVI, 3, 1—3.

ПЕСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

4, стрк. 1—8. Ср. образ Морганы: *Боярдо*. Влюбленный Роланд. Кн. 2, VIII, 43:

Все волосы у нее на лбу были
Лицо веселое, изменчивое и смешливое;
Члены ее все для бегства готовыми сотворены,
Кос на затылке мало, почти нет,
И одежда бело-пурпурная,
Всегда от того ускользающая, кто ее хватает.

См. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XVIII, 161; XXXVIII, 47; XLVI, 135.

5, стрк. 1—8. Ср.: *Лукреций*. О природе вещей. II, 801—805:

Это мы видим, когда освещается солнца лучами
Пух голубей, что венком окружает затылок и шейку:
То багровеет он вдруг, отливая блестящим рубином,
То засияет он так, что покажется, будто лазурный
Камень, сверкая, горит посреди изумрудов зеленых.

6, стрк. 1. *И воинам неведомая молвит...* — Слово «неведомая» в качестве названия Фортуны и обращения к ней здесь и далее заимствовано переводчиком из французского переложения Лебрена; см.: *La Jérusalem...* P. 319, 325, 359.

7, стрк. 8. *...на раменах...* — В исходном издании *на реме-нах*. Исправлено как явная опечатка. Рамо (двойств. число: рамена) — грудь (*церковносл.*).

9, стрк. 3. *...свист стихает аквилона...* — В оригинале упоминается южный ветер: «grave Noto» («тяжкий Нот»), а не северный аквилон.

Стрк. 5. *Зефир* — древнегреческое название ветра, господствующего в восточной части Средиземного моря начиная с весны и достигающего наибольшей интенсивности к летнему солнцестоянию. Часто приносит с собой дожди и даже бури, тогда как в западной части Средиземного моря является почти всегда легким и приятным. Отсюда разница в представлениях о зефире греков, считавших его одним из самых сильных и стремительных ветров, и римлян, соединявших с ним ныне вызываемое им представление о ласкающем, легком ветре.

10, стрк. 6. *...служил он только портом...* — Город, который видят путешественники, основан на развалинах порта древней Газы, разрушенной Александром Македонским в 333 г. до н. э.

15, стрк. 1. *Рафия* (совр. Рефа, или Рета) — древний город и порт в Палестине, недалеко от границы Египта, к югу от Газы.

Стрк. 4—5. ...*перед собою видят, / Прославленную ту скалу...* — Имеется в виду утес Касий (совр. Джебель-Окраб), возвышающийся на сирийском берегу Оронта.

Стрк. 7—8. ...*она / Хранит в себе Помпеевы останки.* — Согласно Страбону (XVI, 33), на утесе Касий похоронены останки Гнея Помпея Великого (106 до н. э.—48), предательски убитого египетскими вельможами, надеявшимися заслужить тем благосклонность Гая Юлия Цезаря.

16, стрк. 1. *Дамьетта* — город в Нижнем Египте при восточном рукаве дельты Нила.

Стрк. 3—4. ...*те воды, / Что им самим получены от неб.* — Согласно легендарным представлениям, которым поэтически следовал Тассо, Нил берет свое начало на небесах.

Стрк. 5—6. *Вот стены, возведенные для греков / Победоносным греческим вождем...* — Имеется в виду Александрия, основанная в 332 г. до н. э. Александром Великим, а после его смерти бывшая столицей и резиденцией Птолемеев. Благодаря торговле, которой чрезвычайно благоприятствовало необыкновенно выгодное положение, быстро росла и возвышалась и в эпоху присоединения к Римской империи (30 г. до н. э.) достигла высшего расцвета. При цезарях была вторым городом Римской империи, но с этого времени вследствие возвышения Константинополя начался ее упадок. В 641 г. была завоевана арабами. Покорение Египта турками в 1517 г. не изменило положения вещей: ко времени написания поэмы неуклонный упадок Александрии продолжался.

Стрк. 7. *Фарос* — небольшой островок близ устья Нила, в 285 г. до н. э. соединенный с Александрией с помощью мола. Знаменит своим маяком, построенным при Птолемее Филadelphie (283—247 до н. э.) архитектором Состратом Книдским. Башня высотой около 180 метров входила в число семи чудес света, однако она часто страдала от землетрясений и в 1303 г. была совсем разрушена.

17, стрк. 1. *Родос и Крит не видны им...* — Корабль Фортуну плывет на юго-запад, поэтому Родос и Крит, остающиеся на северо-востоке, на южной границе Средиземного моря, путешественникам не видны.

Стрк. 5. *Мармарика* — часть Ливии от границы Египта до залива Большого Сирта; каменистое, неплодородное, безводное побережье, где почва удобна лишь для овцеводства, разведения коз и верблюдов.

Стрк. 5—7. ...земли / Где древле пять цветущих городов / Кирены было... — Речь идет о Киренаике, лежащей к западу от Мармарики. В отличие от последней плодородна благодаря обильным зимним и весенним дождям и множеству источников; славится вином, оливковым маслом, ароматическими травами и лесом. В 321 г. до н. э. пять городов Киренаики — Кирена, Аполлония, Птолемаида, Арсиноя и Вереника — составили союз («пентаполь», то есть пятиградие).

Стрк. 7. *Птолемаида* (совр. Толомитта) — небольшой порт к северо-востоку от турецкого города Бен-Гази (ранее Вереника).

Стрк. 8. ...баснословной Леты берега. — Лета — подземная река рядом с Вереникой (Бен-Гази). Тассо отождествил ее с мифологической рекой забвения и поместил в саду Гесперид, по одному из вариантов мифа располагавшемся в Киренаике. Выражение «баснословная Лета» («il fabuloso Lete») восходит к горацанскому «баснословный Гидасп» («fabulosus Hydaspes»; *Гораций*. Оды. I, XXII, 8).

18, стрк. 1—2. *Плывут они и от Большого Сирта, / И от его опасных скал...* — Большой и упоминаемый ниже Малый Сирт — в древности два больших и глубоких залива на северном берегу Африки, из которых второму соответствует нынешний Габес, первому — Сидра. Малый Сирт в древности считался недоступным для кораблей; в Большой Сирт могли входить лишь немногие суда. Берега заливов были покрытыzybучими песками.

Стрк. 4. *Джудекка* — мыс в заливе Большого Сирта, в древности называвшийся Кефала.

Магра — река в Берберии на территории Триполи.

Стрк. 5. *Триполи* — турецкие владения на северном берегу Африки. В древности составляли карфагенскую область Царства Сиртского. Сицилийские греки называли эту область Триполис (Троеградие) — по трем главным городам: Оза, Сабрата и Лептис. Во времена Тассо триполитанские турки славились отчаянным пиратством, против которого европейские державы действовали то договорами и деньгами, то силой.

Стрк. 6. *Мальта* — остров в Средиземном море между Сицилией и североафриканским побережьем. В Средние века сделалась добычей арабов; торговля была уничтожена, и остров стал точкой опоры для пиратских экспедиций. В 1090 г. завоевана нормандским графом Рогером Сицилийским. В 1530 г. Карл V передал остров Иоаннитскому (Мальтийскому) ордену, сделавшему из него оплот христианства против турок. В 1565 г. выдержала знаменитую жестокую и неравную осаду турок.

Стрк. 8. *Альзерб* — старое название тунисского острова Джерба (Джебадо), находящегося в южной части залива Габес, или Малый Сирт. Очень плодороден; на нем растут виноград, персики, финики, миндаль, маслины. В древности отождествлялся с островом Менинга, где, по преданиям, жили лотофаги. Гомер рассказывает, что они питались цветами лотоса, дававшими забвение тому, кто их отведал (см.: Одиссея. IX, 82—104). Действительно, по берегу Малого Сирта во множестве встречается это растение, из которого туземцы выделывают род вина и готовят пищу.

19, стрк. 2. *Тунис* — город, существовавший с незапамятных времен и господствовавший над значительной областью. В Средние века попеременно находился под властью арабов, норманнов, затем турок. В 1534 г. им овладели морские разбойники, но уже в следующем году его завоевал Карл V. В 1574 г. был завоеван турецким адмиралом Синан-пашой и с тех пор находился в зависимости от Порты.

Стрк. 5. *Филибей* — восточный мыс Сицилии, в 100 километрах от ближайшей оконечности Африки. В 350 г. до н. э. карфагеняне основали здесь одноименный город. Сильно укрепленный и с превосходной гаванью, он служил главной точкой опоры их владычества в Сицилии. После 1-й Пунической войны перешел во власть Рима. Долго оставался лучшим местом переправы в Африку. Сарацины дали городу теперешнее название — Марсала.

Стрк. 8. ...*Вон место, где был Карфаген когда-то.* — Речь идет об африканском Карфагене, давшем свое имя великому западно-финикийскому государству на северном побережье Африки, долго бывшему соперником Рима. В результате трех ожесточенных войн, названных Пуническими (264—146 гг. до н. э.), был наконец побежден и разрушен до основания; на место города было наложено проклятие, а его владения присоединены к Риму.

20, стрк. 7. *Бизерта* — порт на севере Туниса; расположен на берегу канала, соединяющего море с озером Бизертой.

Стрк. 8. ...*Любуются Сардинией скалистой.* — В исходном издании ошибочно *Сицилией*. В оригинале: «l'isola de' Sardi» («остров сардов»). Ср.: Данте. Ад. XXVI, 105 («край сардов»).

21, стрк. 1—2. ...*берега, где пастухи / Блуждали нумидийские когда-то...* — Имеется в виду древняя Нумидия, страна на берегу Средиземного моря к западу от Карфагена. Была населена диким воинственным племенем — номадами, которые вели кочевой образ жизни. В настоящее время Алжир.

Стрк. 3. *Бугия* — один из алжирских городов, основанный в 1067 г. завоевавшими окрестную местность арабами и называвшийся в Средние века Беджайя, по имени проживавшего на побережье племени. В XVI в. несколько раз переходил из рук испанцев к туркам и обратно.

Алжир — столица Алжира, его первый военный и торговый центр, основанный около 935 г. арабами. Здесь поселились изгнанные в 1492 г. из Испании мавры и евреи, мстившие христианам пиратством. В XVI в. неоднократные попытки испанцев завладеть Алжиром, Бугией, Ораном и западными провинциями арабского разбойничьего государства неизменно оканчивались неудачей.

Стрк. 4. *Оран* — главный город одноименной алжирской провинции. Основан маврами в 903 г., в 1512—1708 гг. — во владении испанцев.

Стрк. 5—6. *...где будут / Основаны потом Фец и Марокко...* — Неточность переводчика: ко времени путешествия Карла и Убальда на корабле Фортуны (1099) Фец и Марокко уже были основаны — первый в 789 г., второй в 1062 г. В оригинале путешественники «*e costeggiàr di Tingitana i lidi, / nutrice di leoni e d'elefanti / ch'or di Marocco è il regno, e quel di Fessa*» («И мимо берегов проплыли Тингитаны, / львов и слонов кормилицы, / где ныне царство Марокканское и Феца»).

Стрк. 7. *...Гренаду видят.* — Имеется в виду Гранада, во время путешествия Карла и Убальда богатое мавританское королевство на территории Испании, в юго-восточной части Андалусии. После изгнания мавров в 1492 г. из цветущей страны обратилась в пустыню.

22, стрк. 1—2. *Мелькает и ущелье, по сказанью, / Пролетное будто бы Алкидом.* — По древнегреческому преданию, во время путешествия через Ливию и Европу на остров Эриффея за коровами Гериона Геркулес (Алкид) раздвинул руками скалы между мысами Сеутой (в Африке) и Гибралтаром (в Европе) и так создал узкий пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном, в настоящее время называемый Гибралтарским.

Стрк. 3—8. Ср. описание Мессинского пролива: *Вергилий. Энеида*. III, 414—419:

Слышал я: материк там обрушился в страшном крушенье
(Могут все изменить бесконечно долгие сроки!),
Две страны разделив, что прежде были едины;
Вторгшись меж ними в провал, волнами могучими море
От Гесперийской земли сицилийский берег отторгло
И между пашен и сел потекло по расселине узкой.

24, стрк. 1. *Не видно уж и Гадеса...* — Имеется в виду Кадис — город, основанный около 1100 г. до н. э. финикийцами и впоследствии отнятый у них карфагенянами. После 2-й Пунической войны (206 г. до н. э.) перешел к римлянам, которые и дали ему название Гадес. Позже подпал под власть вандалов, вестготов и арабов; в 1262 г. завоеван Кастилией. Уже во времена Тассо — крупный торговый центр.

Стрк. 2—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 192—193:

Вышли едва лишь суда в просторы морей, и нигде уж
Видно не стало земли — только небо и море повсюду...

Стрк. 4. *...говорит Убальд...* — В исходном издании *Убальд говорит*. Если поменять местами эти два слова, то можно избежать переноса ударения в имени Убальд, где ударение всегда падает на второй слог.

Стрк. 4—8. Следующий вплоть до строфы 32 диалог близок разговору Астольфа с Андроникой; см.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XV, 18—24.

25, стрк. 5—6. Ср.: *Данте*. Ад. XXVI, 108—109:

Где Геркулес воздвиг свои межи,
Чтобы пловец не преступал запрета...

25—26. Ср. рассказ о гибели Одиссея: *Данте*. Ад. XXVI, 94—141.

28, стрк. 5—6. *...А у иных на пиршествах гнуснейших / От страшной пищи ломаются столы.* — Речь идет об антропофагах, поедающих людей.

30, стрк. 5—8. *...Из кораблей отважнейший прорежет / Весь океан* и т. д. — Речь идет о Фернанде Магеллане (1480?—1521), совершившем первое кругосветное путешествие (1519—1521).

31, стрк. 1—3. *Из глубины Лигурии на свет / Тот человек появится* и т. д. — Имеется в виду Христофор Колумб (1446?—1506), родившийся в Генуе, расположенной в итальянской области Лигурия.

32, стрк. 5. *Пусть Бахуса с Алкидом прославляет...* — В мифологических преданиях Геркулес и Вакх славились, помимо прочего, своими дальними путешествиями.

Стрк. 6—8. Ср.: *Петрарка*. Триумф Смерти. I, 17—18:

Немногие Владычице подстать,
Но каждая могла бы тем светлее
В поэме и в истории блистать.

33, стрк. 3. *...в волны перед ними погружившись...* — В исходном издании *нами*. Исправлено в соответствии с логикой фрагмента, где говорится о путешественниках.

Стрк. 6—8. Ср.: *Данте*. Ад. XXVI, 133—134:

Пять раз успел внизу луны блеснуть
И столько ж раз погаснуть свет заемный,
С тех пор как мы пустились в дерзкий путь,
Когда гора, далекой грудой темной,
Открылась нам; от века своего
Я не видал еще такой огромной.

Ср. четырехдневный путь рыцарей на корабле Фортуны к Счастливым островам: XV, 23, 1.

34, стрк. 8. *Энцелад* — по мифическим преданиям, один из гигантов, который после битвы при Флегре против Зевса был заключен под горой Этной. Ср.: *Вергилий*. Энеида. III, 578—582:

Там Энкелада лежит опаленное молнией тело, —
Так преданья гласят, — громадой придавлено Этны:
Через разрывы горы гигант огонь выдыхает,
Если же он, утомлен, с боку на бок вдруг повернется, —
Вздрыгнет Тринакрия вся, небеса застелятся дымом.

38, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 203: «Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить». Ср. также: *Данте*. Ад. XVI, 82—84:

Да узришь снова красоту светил,
Простясь с незаренными местами!
Тогда, с отрадой вспомянув: «Я был»,
Скажи другим, что ты видался с нами!

41, стрк. 2—8. ...*всплывает восемь островов* и т. д. — Семь больших островов из группы Канарских — Тенерифе, Гран-Канария, Пальма, Гомера, Иерро, Фортевентура и Лансароте — были населены; шесть меньших — Аллегранса, Грасиоса, Монтана Кларе, Рокке-дель-Оэсте, Рокке-дель-Эсте и Ислета-де-Лобос — необитаемы.

42—43. Ср. описание острова, к которому пристает Эней со своими спутниками: *Вергилий*. Энеида, I, 159—169.

51, стрк. 5. *Гиркания* — древнее название местности вдоль юго-восточного берега Каспийского моря, ныне принадлежащей Ирану (Персии).

53, стрк. 7—8. Ср.: *Данте*. Чистилище. XXVIII, 7—9:

Ласкающее веянье, нимало
Не изменяясь, мне мое чело
Как будто нежным ветром обдавало...

Ср. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XXXIV, 5—8:

Нежный ветер, несменный в нежном веянье,
Зыбкой зыбью,
Колебал надгорную свежесть,
Умеряя истомляющий полдень.

54, стрк. 1—2. *Там лето стрел не мечет огневых, / Зима себя не защищает льдами...* — Образ заимствован из французского переложения Лебрена. См.: La Jérusalem... P. 328: «L'été n'y darde point ses feux; l'hiver ne s'y arme point de glaces» («Там лето огней своих не мечет; зима льдами своими не вооружается»). Ср. это место в оригинале: «ma il ciel di candidissimi splendori / sempre s'ammanta e non s'infiama o verna...» («однако небо в яснейшие сиянья облакается, / и не пылает, и не морозит...»).

Стрк. 4. *...Сменяются цветы в лугах зеленых...* — В исходном издании: *Сменяются цвета в лучах зеленых*. Исправление сделано с учетом оригинала и французских переложений, которыми мог пользоваться переводчик. В оригинале: «e nudre a i prati l'erba, a l'erba i fiori, / a i fior l'odor, l'ombra a le piante eterna» («и питает в лугах траву, в траве цветы, / в цветах благоухание, тень в растениях вечную»). Французские переводчики верно понимают это место, слегка упрощая его; ср., например: La Jérusalem... P. 528: «sur des gazons toujours verts brillent des fleurs toujours nouvelles» («На вечно зеленеющих лужайках цветы, вечно обновленные, блистают»).

55, стрк. 4—5. *Из камня вытекающий родник / Их жажду утоляет чистой влагой...* — Ошибка переводчика. В оригинале речь идет о берущем здесь свое начало смертельно опасном для путников источнике смеха; см. примеч. к XIV, 74. В оригинале: «...ecco un fonte, che a bagnar gli invita / l'asciutte labbia...» («...се источник, их омочить манящий / уста иссохшие...»). Карл и Убальд не пьют из него, но предостерегают друг друга от этого; см.: XV, 57.

60, стрк. 1—2. *Так, от росы вся влажная, выходит / Звезда, земле вещающая утро...* — Имеется в виду Венера. Ее можно видеть или вечером на западной стороне неба, или утром на восточной стороне, поэтому древние греки и римляне называли Венеру вечерней и утренней звездой (Геспер, Фосфор, Веспер, Люцифер). Ср.: Вергилий. Энеида. VIII, 589—591:

Так же средь звездных огней увлажненный водой Океана
Блещет в ночи Люцифер, больше всех любимый Венерой,
Лик свой являя святой и с неба тьму прогоняя.

Стрк. 3—4. *...мать Амура...* — Имеется в виду Афродита, а также древнегреческий миф о ее происхождении из пены морской.

ПЕСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

2, стрк. 3—4. *Людские / Подобия их взоры привлекают...* — Описания рельефов на воротах в сад Армиды сродни описаниям изваяний на мраморной стене в первом круге Чистилища Данте (см.: Чистилище. X, 28—96).

Стрк. 5. *...Не столь дивит их ценность, как работа...* — См. примеч. к II, 92, 3—4.

3, стрк. 1—3. *Алкид у ног Омфалы: победитель / Аида и гроза чудовищ скромно / Орудует веретеном и прялкой...* — См. примеч. к VI, 91, 7—8. В оригинале ошибочно или умышленно названа Иола, возлюбленная Геракла, ради которой он изменил своей супруге Деянире. Здесь, однако, упоминается миф о службе Геркулеса у Омфалы. Ср.: *Овидий*. Наука любви. II, 217—220:

Тот, кому мачеха дать по плечу не могла супостата,
Тот, кто небо носил, тот, кто на небо взошел,
Меж ионийских девиц сидел над рабочей корзинкой
И, говорят, не стыдась, прял ионийскую шерсть.

Стрк. 3. *...Орудует...* — В исходном издании *орудуют*. Исправление сделано в целях согласования сказуемого с подлежащим «победитель Аида и гроза чудовищ» по числу.

4—7. Здесь изложена история любви и гибели римского триумвира Марка Антония (83—31 до н. э.) и египетской царицы Клеопатры (69—30 до н. э.), а также описание знаменитой морской битвы при мысе Акциуме (Акции) (31 г. до н. э.). Ср.: *Вергилий*. Энеида. VIII, 675—711.

5, стрк. 1. *Циклады*, или Киклады — древнее название группы островов Эгейского моря, казавшихся расположенными вокруг священного Делоса, где находилось святилище Аполлона.

Стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VIII, 691—692:

...ты сказал бы — поплыли
Горы навстречу горам иль Циклады сдвинулись с места...

9—12. Описание волшебного сада Армиды напоминает описание острова Любви у Петрарки (Триумф Любви. IV, 100—308), описание палат Венеры у Полициано (Стансы на турнир. I, 70—72), описание царства Альцины и Земной рай у Ариосто (Неистовый Роланд. VI, 20—22; XXXIV, 49—53).

13, стрк. 1—8. *Среди певич пернатых есть одна* и т. д. — Имеется в виду попугай.

14—15. Ср.: *Катулл*. Песни. LXII, 39—47:

Скромно незримый цветок за садовой взрастает оградой.
Он неизвестен стадам, не бывал он плугом встревожен;
Нежат его ветерки, и росы питают и солнце,
Юношам многим он люб, он люб и девушкам многим.
Но лишь завянет цветок, подрезанный тоненьким ногтем,
Юношам он уж не люб, и девушкам боле не люб он.
Девушка так же: доколь не тронута, все ее любят.
Но лишь невинности цвет оскверненное тело утратит,
Юношей больше она не влечет, не мила и подругам.

Ср. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. I, 42—43:

Девушка подобна розе —
В саду, на родимой ветке,
В беспечном, уединенном,
Безопасном от пастуха и стада:
Нежный ветер и роса рассвета
И земля и влага к ней благосклонны;
Только те, кто влюблены и любимы,
На груди и в кудрях ее лелеют;
Но едва сорвется
С зеленого стебля материнской ветви —
И красу, и прелесть, и славу пред людьми и богом —
Все она теряет.
Девушка, отдавши другому
Тот цветок, что лучше света и жизни, —
Уже ничто
Для иных сердец, о ней пылавших.

16, стрк. 3—8. ...*Голубки умножают поцелуи* и т. д. — «Голубки, существа в высшей степени любово-страстные, действие любви усугубили; даже дуб и лавр, любви противящиеся, первый по своей твердости врожденной, второй по целомудрию Дафны прославленной, от коей рожден, любовью охваченные, любовные воздыхания испускают» (Дж. Гваставини).

17, стрк. 8. Ср. покоящихся на траве Венеру и Адониса: *Овидий*. *Метаморфозы*. X, 567—568:

...и легла, к траве и к нему прижимаясь.
И, прислонившись к нему, на груди головою покоясь,
Молвила так...

23, стрк. 7. *Свои лилеи с розами смешав...* — Ср. оригинал: «e nel bel sen le peregrine rose / giunse ai nativi gigli» («и на персях прекрасных заморские розы / с лилеями туземными соединила»).

24—25. Ср. описание пояса Афродиты: *Гомер*. *Илиада*. XIV, 214—217:

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъяснения,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.

25, стрк. 1—2. Ср.: *Петрарка*. Канцоньере. CCV, 1—2:

Как сладки примиренье и разлад,
Отраднa боль и сладостна досада.

Ср.: Там же. CCCLI, 1: «Суровость неги, мягкость отклоненья...»

33, стрк. 3. ...*фортуна и победа*... — В исходном издании *Фортуна и Победа*. Исправлено в соответствии с оригиналом, где со строчной буквы.

35, стрк. 3—4. *Тем временем Армида видит стража / Ужасного во прахе распростертым*... — Как отмечают комментаторы, это убийство, о котором ничего не говорится выше, было в начальных вариантах поэмы. Затем Тассо изъясил этот эпизод, но стих, относящийся к нему, остался. Гваставини пытался объяснить неувязку рассуждением о том, что не обо всех событиях обязательно говорить в своем месте, о некоторых можно догадаться по их последствиям. В «Покоренном Иерусалиме» Тассо постарался устранить явную непоследовательность. Армида «*mirò confuso ogni custode e vinto*» («узрела стражей всех смятенных и поверженных»).

37, стрк. 1—2. ...*страшные слова, / Что на горах бормочут фессалийки*... — Восточная часть Северной Греции, Фессалия, славилась своими колдуньями.

42, стрк. 2—3. Ср.: *Овидий*. Метаморфозы. VII, 730—731:

Грустной была. Но ничто не могло быть, однако, прекрасней,
Нежели в грусти она.

Стрк. 5. ...*Досадуя ль, мечтая, иль робея*... — В исходном издании *Досадуя, мечтая ль, иль робея*. Конъектура предложена в целях улучшения благозвучия этой прекрасной фразы.

51, стрк. 1. ...*мне ль надмеваться*... — Надмеваться — значит гордиться, чваниться.

Стрк. 5. ...*Героя руку, только лишь колена*... — В исходном издании *Героя руку, иль только лишь колена*... Исправление сделано в целях устранения гиперметрии.

57, стрк. 1—4. ...*ты — не сын Софии*... — См. примеч. к I, 59, 1. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 365—367:

Нет, не богини ты сын, и род твой не от Дардана,
Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет породили,
В чашах Гирканских ты был тигрицею вскормлен свирепой!

Ср. также: *Катулл*. Песни. LXIV, 154—156:

Львица какая тебя родила под скалою пустынной?
Море какое, зачав, из бурной пучины извергло?
Сиртами ты порожден, Харибдой иль хищною Скиллой?

Ср. также: *Овидий*. Метаморфозы. VIII, 120—121:

Мать не Европа тебе, но Сиртов негостеприимных,
Тигров армянских ты сын иль движимой Австром Харибды...

Стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 369—370:

Разве от слез моих он застонал? Или взоры потупил?
Разве меня пожалел? Разве, тронут любовью, заплакал?

64, стрк. 8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 595: «Где я? Что говорю? Помутило разум безумье...» Ср. также: *Петрарка*. Канцоньере. LXX, 31—32:

Однако что я? Где я? Кто мне лжет?
Не я ли сам, томимый злым недугом?

68, стрк. 1—6. Ср. эпизод колдовства Дидоны: *Вергилий*. Энеида. IV, 504—521, и, в частности, стих 510: «Сто призывает богов и трижды клич повторяет...» См. также стих 491: «Землю заставит стонать...»

71, стрк. 5—6. *Вот и столбы Алкида: Гесперия / И земли мавров...* — Армида пролетает над Гибралтаром, Испанией и Мавританией, то есть над Африкой.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

1, стрк. 2. *Пелузиум* — город в Древнем Египте, в нильской Дельте; в древности считался ключом к завоеванию Египта и был сильно укреплен. В настоящее время развалины города называются Тель Фарама.

2, стрк. 1—2. *Турецкий город, некогда достался / Властителю египетскому Газа...* — Так в исходном издании. Согласование по роду не с названием «Газа», а со словом «город».

Стрк. 7—8. *Из недр земель обширных в этот город / Стянул теперь огромные он силы.* — Историческая неточность, допущенная Тассо. Египет начал борьбу с крестоносцами уже после взятия Иерусалима, при династии эюбидов (1169—1262).

4, стрк. 1—2. *Когда, восстав на Бога своего, / Египет сверг с себя ярмо неволи...* — В действительности Египет был завоеван арабами в 640 г.

Стрк. 3. ...*воин из потомков Магомета*... — Имеется в виду Обедаллах Махдий (ум. 934), основатель халифской династии фатимидов (909—1171), произошедшей от сына Алия и дочери пророка Мухаммеда Фатимы, Хосейна (Гусейна). В 969 г. Джаухар, полководец фатимида Мойзза (953—975), завоевал для своего государя Египет и Южную Сирию и основал укрепленный город Каир, куда в 972 г. Мойзз перенес столицу фатимидского халифата.

Стрк. 8. ...*Ряд Птолемеев видел на престоле*. — В исходном издании *Ряд Птолемеев видит на престоле*. — Исправление *Птолемеев* сделано в соответствии с современными орфографическими нормами; *видит* — ошибка переводчика, исправленная в соответствии с оригиналом, где глагол *videre* употреблен в прошедшем времени: *vide*. Эта конъектура позволяет восстановить параллель, проводимую Тассо между правлением фараонов, Птолемеев, а затем халифов египетских.

5, стрк. 1—8. *С годами укрепилось это царство* и т. д. — Территориальное расширение Египетского халифата, описываемое Тассо, относится, скорее, к стремительному распространению арабского государства при Абу-Бекре (632—634), Омаре (634—644), Османе (644—656), Али (656—661) и господстве Омейядов (661—750). Их империя, которая образовалась менее чем за сто лет, размерами превзошла Римскую. Ко времени описываемых событий, в 1099 г., арабское государство, распавшееся на множество халифатов, уже вступило в полосу упадка.

Стрк. 7—8. ...*И Савские пустыни, и долина / Евфрата*... — Сава — страна, предположительно находившаяся в Южной Аравии и всегда бывшая под управлением женщин. Об одной из цариц Савских упоминает Библия (3 Цар., 10). Евфрат — величайшая река Передней Азии, в соединении с Тигром составляющая ее главнейшую речную систему.

6, стрк. 3. ...*до золотых ворот Авроры*. — То есть до самых крайних пределов Востока.

11, стрк. 6—8. *С такою же наружностью в своих / Созданиях и Апеллес и Фидий / Изображали Зевса-громовержца*. — Апеллес — один из славнейших живописцев древности, творивший во второй половине IV в. до н. э. Автор знаменитой картины, изображавшей Александра Македонского с молнией в руках и хранившейся в храме Дианы в Эфесе. Фидий (ок. 485—после 432 до н. э.) — древнегреческий скульптор, признаваемый величайшим ваятелем. Лучшее его произведение — статуя Зевса из золота и слоновой кости, считавшаяся впоследствии одним из семи чудес света.

13—35. Все имена полководцев, встречающиеся в описании парада египетского войска, вымышлены.

14, стрк. 3. ...*От Верхнего и Нижнего Египта*. — По характеру местности и климату Египет делится на две части, некогда самостоятельные: Верхний и Нижний, или Дельту.

Стрк. 4—6. *Последняя страна, создание Нила, / Морской лишь грязью бывшая когда-то, / Со временем вся стала плодородной*. — Плодородный нильский ил образовал широкую дельту, отодвинув море, и, уплотнившись, сделался пригодным для земледелия. Так увеличилась территория Египта, и некогда прибрежные земли оказались внутри страны.

15, стрк. 5. *Арасп*. — В исходном издании *Араст*. Исправлено в соответствии с оригиналом. Это новый персонаж, его следует отличать от Араспа, советника Сулеймана; см.: IX, 10, 7.

16, стрк. 2. ...*с крайнего востока*... — Имеются в виду восточные побережья Египта, омываемые Красным морем и по древним представлениям принадлежащие Азии.

17, стрк. 2—3. ...*Казалось бы, не столько надо рук, / Чтоб жатву со всего собрать Египта*. — В оригинале выражено сомнение в том, что весь Египет мог прокормить такую армию: «non crederai ch'Egitto mieta ed are / per tanti» («не поверишь ты, что Египет жнет и пашет / для стольких»).

18, стрк. 1—3. ...*страны, / Что место занимает от Каура / До нильского второго водопада*. — Речь идет об области вокруг древнего города Сиена (совр. Асуан), на северной стороне первого водопада, на восточном берегу Нила. Вместе с находящимся против него островом Элефантина составляла в древности южную границу Египта.

19, стрк. 3. *Барка* — пустыня, лежащая между Триполи и Александрией; в древности называлась Мармарика. В настоящее время главный город турецкого вилайета Бен-Гази в Северной Африке.

Стрк. 6. *Замора* — древняя столица племени насамонов в области Большого Сирта.

20, стрк. 1—6. *Прошли потом народы Каменистой / Аравии* и т. д. — Аравия — обширный юго-западный полуостров Азии, отделяемый от азиатского материка Персидским заливом и связанный с твердой землей равнинами Сирийско-Аравийской пустыни. Аравия Каменистая, или Петрейская, занимала северо-восточную часть полуострова; плодородная и богатая благовониями южная часть Йемена и Гадрамаута была известна под именем Аравии Счастливой.

Стрк. 7—8. ...*Бессмертный феникс, на костре цветочном / Сгорая, возрождается из пепла*. — Греческие писатели

начиная с Геродота рассказывают о священной птице египтян фениксе, похожей на орла и прилетающей каждые пятьсот лет из Аравии в египетский Гелиополь. Здесь его сжигают в благоговениях; из пепла он возрождается и улетает обратно в Аравию. См. также: XVII, 35.

21, стрк. 6—8. ...*У них и женский рост, и женский голос, / И черные, как уголь, волосы / На смуглые их лица ниспадают.* — «Лудовико Романо в книге первой своих „Мореплавателей“ в главе девятой, о сих арабах повествуя, так пишет: „Для вооружения длинную трость носят в десять или двенадцать локтей длиною, которая наконечник железный имеет и кругом шелком украшена. Видом гадки и мелки. Цвет их — от сероватого до черного, голос женствен, власы же у них длинные, пышны и темны“» (Дж. Гваставини).

22, стрк. 5. *Сифак.* — В исходном издании *Сперан.* Исправлено в соответствии с оригиналом: *Sifase.*

Стрк. 7. *Альбиазар.* — В исходном издании *Альбиазар.* Исправлено в соответствии с оригиналом: *Albiazar.*

23, стрк. 1—4. ...*отряд людей, прибывших / С тех островов* и т. д. — Имеются в виду жители острова Сокотра, или Сокотора, в Индийском океане.

Стрк. 7—8. ...*черных / Туземцев с моря Красного ведет.* — Речь идет о жителях полуострова Аден в Аденском заливе Красного моря.

24, стрк. 1. ...*с острова Мероз...* — область, омываемая Нилом и его притоком Астрабоном (совр. Такказе).

Стрк. 7—8. ...*третий царь, / Христовой церкви сын...* — Имеется в виду Сенап, царь эфиопов-христиан, отец Клоринды. См. примеч. к XII, 20—39.

25, стрк. 3. ...*царит в Ормусе...* — Ормуз, или Гормуз, у древних Гармоция — остров при входе из Арабского моря в Персидский залив. Жемчуг, на нем добываемый, знали на Руси под названием гурмыжского.

Стрк. 5. ...*в Бекане...* — Неустановленная местность; вероятно, название еще одного острова в Персидском заливе.

27, стрк. 1. *Самарканд* — город в долине реки Зеравшан (ныне на территории Узбекистана). Один из древнейших городов Средней Азии; в VII—IX вв. находился под властью арабов, в конце XI в. попал в руки турков-сельджуков.

28, стрк. 7—8. ...*море, / что Инда насыщается струями.* — Инд впадает в Аравийское море, дельта реки тянется на 250 километров по его побережью.

30, стрк. 2. ...*Омар благоразумный, Хидраорт...* — В оригинале *Odemaro* (Одемар); в исходном издании *Хидраорт.* Исправлено в соответствии с оригиналом: *Idraorte.*

Стрк. 3. *Римедон*. — В исходном издании *Римефон*. Исправлено в соответствии с оригиналом: Rimedon. Станет знаменосцем египетского войска: см.: XX, 109—110.

Стрк. 5. *Тигран*. — Не путать с иерусалимским сарацином Тиграном, погибшим от руки Дудона; см.: III, 42, 7.

Стрк. 6. *Ормонд*. — Вызовется предательски убить Готфрида и погибнет, выполняя этот злодейский план. См.: XIX, 62—65, 86—89, 126—129; XX, 44—46.

31, стрк. 4. *Аридамант*. — В исходном издании *Аридамент*. Исправлено в соответствии с оригиналом: Aridamante.

32, стрк. 4. ...*Теперь же носит имя Эмирена*. — Тассо следует здесь за Вильгельмом Тирским. Эмирен — имя нарицательное и означает «сатрап». В действительности предводитель египетского войска звался Авдал.

34, стрк. 4. *Единорог* — баснословное животное, о котором древние писатели говорят как о звере, действительно существующем. Античные естествоиспытатели описывают его как животное, имеющее голову оленя, ноги слона, хвост кабана, общий вид лошади и прямой черный рог посреди лба в два локтя длины; его родина — страна индусов-ариев и Центральная Африка. Немаловажную роль играл в средневековых легендах и сказках; на нем ездили волшебники и волшебницы; он убивал всякого человека, который ему попадался на пути; только чистая дева могла его укротить, и тогда он делался ручным. Некоторые комментаторы отождествляют единорогов Армиды с носорогами.

35, стрк. 1. *За конницей*... — В исходном издании: *под конницей*. Исправлено в соответствии с оригиналом: «Segue il suo stuolo ed Aradin con quello / ch'I draote assoldò ne la Soria...» («Ее войско проходит и Арадин с тем отрядом, / что Хидраот в Сирии собрал...»)

38, стрк. 2—8. «*С этим скипетром тебе и т. д.*» — В оригинале приказ калифа включает цитату знаменитых слов Юлия Цезаря, которыми тот описал свою победу над внуком Митридата Понтийского Фарнаком: «Пришел, увидел, победил». Калиф говорит Эмирену: «Va', vedi e vinci» («Ступай, узри и победи»).

39, стрк. 7. *К тебе я победителем иль смертью*... — В исходном издании *К тебе я победитель иль смертью*... Исправлено в целях прояснения смысла.

42, стрк. 4. ...*В заразе убеждается всеобщей*. — Под заразой здесь имеется в виду любовное влечение (*устар.*).

66—81. Ср. описания щитов Ахиллеса и Энея: *Гомер*. Илиада. XVIII, 478—610, а также: *Вергилий*. Энеида. VIII, 615—731. Далее следует изложение легендарной истории

дома Эсте, которую Тассо заимствовал из книги Джамбаттисты Пинья «История князей Эсте» (Феррара, 1570), наполненной придворной лестью и вольными измышлениями. Аналогичные пассажи см.: *Боярдо*. Влюбленный Роланд. Кн. 2, XXI, 56—60; *Ариосто*. Неистовый Роланд. III, 22—51.

66, стрк. 4. ...*все Акция потомки*. — Тассо придерживается генеалогии, согласно которой в качестве родоначальника рода Эсте назван римлянин Кай Акций.

67, стрк. 1—4. *Среди обломков царства Кай бразды / Правления рукой хватает смелой* и т. д. — Согласно Пинья, Кай Акций сделался правителем Эсте, когда вестготы во главе с Аларихом вторглись во владения слабеющей Римской империи.

Стрк. 7. ...*на зов Гонория*... — Гонорий — первый западно-римский император (384—423), сын императора Феодосия I. После смерти отца (395) получил Западную империю, тогда как его брат Аркадий вступил на престол Восточной империи. В действительности не призывал Алариха, чей первый поход на Рим имел место в 403 г.

68, стрк. 1—3. *В том пламени* и т. д. — Аларих захватил и сжег Рим в 410 г.

Стрк. 4. *Аврелий*. — Имеется в виду Аврелий Эсте, наследник Кая Акция.

Стрк. 6—8. ...*Форест / Вождю завоевавших север гуннов / Преграду угрожающую ставит*. — Согласно Пинья, Форест Эсте воевал против Аттилы, вторгшегося в Италию в 452 г.

69, стрк. 3. *Аттила* — царь гуннов (начало правления — 433 г.; ум. 453).

Стрк. 5. *Чудовище, понеси поражение*... — Народная молва приписывала Аттиле драконьи глаза на песьей морде. Пинья утверждает, что Аттила потерпел поражение в единоборстве с Форестом Эсте.

Стрк. 7—8. ...*Форест, родного края Гектор, / Стремится Аквилею защищать*. — Согласно Пинья, Форест Эсте погиб, защищая Аквилею, разрушенную Аттилой после долгой осады в 452 г. Гектор — герой-защитник Трои, его подвиги воспиты Гомером в «Илиаде».

70, стрк. 4—8. *Акарин*. — Имеется в виду Акарин Эсте, сын и наследник Фореста.

Стрк. 6—9. *Фортуной, а не гуннами гонимый, / Альтин приют разыскивает новый: / Из сотен хижин, что в долине По / Рассеяны, он образует город*. — Акарин был вынужден уступить гуннам Альтин, поселок в Венето между Местре и Сан-Дона́ ди Пиаве, отступив в венецианскую лагуну. Это географическое название стало личным именем в результате

ошибки переводчика. По утверждению Пинья, Акарин Эсте основал Феррару. Феррара действительно была основана в 452 г. римскими беженцами из Аквилеи, спасавшимися от гуннов.

71, стрк. 5. *Аланов победитель...* — В исходном издании *Аленов*. Исправлено в соответствии с оригиналом: *Alani*. Имеется в виду кавказское племя аланов, часто упоминаемое во время переселения народов между племенами германскими, но в действительности принадлежавшее к скифам. Толпы аланов вторглись в 464 г. в Верхнюю Италию, но были разбиты. Пинья утверждает, что Акарин разбил аланов в 463 г.

Стрк. 7. *...И гибнет для Италии Альтин...* — Согласно Пинья, Акарин, здесь ошибочно называемый Альтином, погиб в 478 г. в битве при Лоди против Одоакра (ум. 493), царя германского племени ругиев, с 476 г. бывшего наместником императора Восточной Римской империи в Италии.

72, стрк. 1. *Альфориз* — брат Акарина Эсте.

...Ацон же с братом... — Ацон и Констанций, сыновья Акарина, изгнанные Одоакром. Пинья сообщает, что в 478 г. Одоакра разгромил царь остготов Теодорих (ок. 454—526).

Стрк. 4. *Бонифаций* — Бонифаций Эсте; по словам Пинья, героически погиб от попавшей ему в правый глаз стрелы в битве против царя остготов Тотилы в 556 г. В действительности Тотилы к тому времени уже не было в живых (ум. 552).

Эпаминонд — великий греческий полководец IV в. до н. э. Бонифаций Эсте тоже был принесен с поля битвы мертвым на щите.

73, стрк. 1. *Валериан* — Валериан Эсте, сын и наследник Бонифация.

Стрк. 4. *...Наносит поражение готским силам.* — Имеются в виду войска последнего короля остготов Тейи, полководца Тотилы, избранного на престол после смерти последнего в 552 г.

Стрк. 5. *...Эрнест неукротимый...* — Согласно Пинья, Эрнест, сын Эриберта Эсте, несколько раз разбил словенцев в Далмации. Это произошло в 711 г., как утверждает Дж. Гваставини.

Стрк. 7—8. *...гонит / Ломбардского владыку из Монцельса.* — Имеется в виду король лангобардов Агилульф (ум. 615). Монцельс — совр. Монселиче в области Венето.

74, стрк. 1—2. *И Генрих тут, и Беренгар* — у Карла / Великого в рядах... — Генрих — сын Эрнеста Эсте. Беренгар, или Беренгарий — сын Генриха Эсте. Карл Великий (742—814) — король франков, римский император, один из самых выдающихся политических и культурных деятелей Средневековья.

Совершил ряд походов в Италию, подавил многочисленные мятежи местной знати и народа и присоединил Италию к своей империи, даровав ее сыну Пипину в 781 г.

Стрк. 5—6. *Становится он скоро под знамена / Людовика...* — После смерти Карла Великого Беренгар Эсте встает на сторону Людовика I Благочестивого (778—840) — младшего сына Карла Великого — в его притязаниях на итальянский престол. Людовик направил Беренгара против короля итальянского Бернарда, своего племянника.

75, стрк. 1. *Тут и Оттон...* — Имеется в виду Оттон, брат Беренгара Эсте.

Стрк. 2—4. *...Альмерик, владеющий Феррарой: / Смирненно взоры к Небу обращая, / Всевышнему он строит храм за храмом.* — Альмерик Эсте, по словам Пинья, был первым маркизом Феррарским, весьма благочестивым и построившим множество церквей.

Стрк. 5—8. *Аццон борьбу заводит с Беренгаром* и т. д. — Пинья утверждает, что Аццон II Эсте восстал на итальянского короля Беренгара II (925—961; ум. в 966) и после ряда превратностей сделался имперским местоблюстителем Италии.

76, стрк. 1—4. *Свою перед германцами отвагу / Показывает сын его Альберт; / В боях и на турнирах победитель, / Он в жены получает дочь Оттона.* — По словам Пинья, Альберт, сын Аццона II Эсте, сражался против датчан (950) и победил их; заслужил такую милость германского императора Оттона I (912—973), что тот женил его на своей дочери Адельгейде, оделив богатым приданым.

Стрк. 5—8. *За ним Гуго* и т. д. — Имеется в виду Гугон, сын Альберта Эсте; якобы защитил императора Оттона III (980—1002) и папу Григория V (996—999), подавив римский мятеж под предводительством Иоанна Кресценция Номентана. См. также: *Ариосто*. Неистовый Роланд. III, 27, 3—8:

Вот новый Гугон — о, славное потомство,
Не сходящее с путей отцовской доблести! —
Это он в имя правого дела
Собьет спесь с заносчивых римлян,
Разорвав тяжкую осаду и вырвав
Из рук их папу и Третьего Оттона.

77, стрк. 1. *Теодальд*. — В исходном издании *Теобальд*. Исправлено в соответствии с оригиналом: Tedaldo. По словам Пинья, сын Аццона II Эсте, герцог Феррарский и граф Каносский.

Стрк. 1—2. *...подле Бонифаций / С супругою своею Бетатрисой.* — Имеется в виду Бонифаций III, герцог Тоскан-

ский, сын Тедальда Эсте; его супруга — Беатриса Лотарингская.

78, стрк. 3—4. *...там Гискара / Она с позором в бегство обращает...* — Роберт Гвискар (Гискар) (ок. 1015—1085) — один из самых прославленных норманнских рыцарей, основавших королевство Неаполитанское. Пинья повествует об успешной вооруженной борьбе Матильды против Гвискара, вознамерившегося изгнать ее мужа Готфрида из владений, полученных за ней в приданое.

Стрк. 7—8. *...на ватиканский / Престол еще священника возводит.* — Под священником, якобы возведенным Матильдой на папский престол, подразумевается папа Виктор III (1086—1087), которого Григорий VII назначил своим преемником.

79, стрк. 1—2. *При ней Аццон, и, кажется, вся нежность / Ее сосредоточилась на нем.* — По утверждению Пинья, Аццон V Эсте был вторым супругом Матильды. На самом деле в 1089 г. 43-летняя Матильда по политическим мотивам вступила в брак с 18-летним Гвельфом V Баварским, внуком Аццона II.

Стрк. 3—4. *Потомство изобильное Аццона / Четвертого...* — В действительности речь идет о наследниках Аццона II.

Стрк. 5. *...Сын Кунигунды, благородный Гвельф...* — См. примеч. к I, 10, 7.

81, стрк. 2—3. *...Бертольд, / Брат Гвельфа, и Аццон...* По словам Пинья, итальянскую ветвь Эсте представляли Бертольд и Аццон VI, сыновья Аццона V и его второй жены Юдифи. Ринальд был якобы сыном Бертольда.

90, стрк. 1—3. *Меж них мои глаза Альфонса видят; / Второй по сану своему, но первый / По доблестям...* — Имеется в виду Альфонс II Эсте. Альфонс I (1486—1535) — его дед.

92, стрк. 2. *...меж союзников ревнивых...* — Имеется в виду борьба Альфонса II с Венецианской республикой на севере, с Папской областью на юге, а также с тосканскими Медичи и мантуанскими Гонзага.

Стрк. 6. *...С работой заработок согласует...* — В оригинале менее конкретный образ: «librar con giusta lance e репе е ргеmі» («верных на чаши весов труды и награды возлагать»).

94, стрк. 4. *...И водрузил бы он на Тавре крест...* — Тавр — южные прибрежные горы в малоазиатской Анатолии, на самом западе полуострова Азии. Тассо имеет в виду, что Альфонс установил бы крест в самом сердце Азии.

Стрк. 5. *...Под сенью своего орла и лилий...* — Белый орел в лазуревом поле — герб дома Эсте. Три золотые лилии в лазу-

ревом поле — герб Капетингов, а затем царствующего дома Франции. Упоминание французского герба намекает на происхождение Альфонса II от дочери французского короля Людовика XII, Ренаты, и на тайный отъезд Альфонса II к французскому двору в возрасте четырнадцати лет и деятельное участие в военных делах Генриха II.

Стрк. 6—7. ...*темнокожие народы, / Живущие у колыбели Нила...* — То есть народы, живущие у пределов известного мира. Многие античные и средневековые естествоиспытатели утверждали, что местоположение истоков Нила неизвестно.

95, стрк. 5—8. Ср.: Данте. Чистилище. I, 115—117:

Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.

96, стрк. 8. ...*Я следовать за вами уж не смею.* — Асклонский маг не смеет вести рыцарей далее и уступает место Петру Отшельнику, подобно тому как в «Божественной комедии» Вергилий уступает место вожатая Данте в загробном мире Беатриче; см.: Чистилище. XXVII, 124—142.

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

9, стрк. 7. ...*поднимись на эту гору...* — Имеется в виду Масличная гора.

24, стрк. 8. ...*Для взора же симфония незрима.* — В оригинале: «non sa veder chi formi umani accenti, / né dove siano i musici stromenti» («не видит, кто человеческие звуки издает / и где музыкальные орудия находятся»).

25, стрк. 4—5. ...*перед собою примечает / Растущую уединенно мирту...* В Древней Греции мирт (мирта) был посвящен Афродите и поэтому служил украшением для эротических поэтов или символом супружеской любви. Духовные писатели нередко уподобляли славу и благоденствие церкви Христовой миртовым листьям и цветам, их аромату и красоте.

27, стрк. 8. ...*У каждой лютня, цитра иль гитара.* — В оригинале вместо гитары упоминается виола. Гитара известна в Европе с XI в., поэтому употребление этого слова не кажется здесь анахронизмом.

35, стрк. 6. ...*гигант сторукий...* — Персонаж древнегреческих мифов, сторукий и стоглазый исполин Бриарей, названный в оригинале.

37, стрк. 6—7. *Ствол мирты перерублен: прежней миртой / Становится она...* — В оригинале миртом предстает заколдованный орешник — растение, часто используемое в колдовских обрядах и любимое ведьмами. Витязь «tronca la pose: è pose, e mirto parve» («лещину рубит: то — лещина, миртом же казалась»).

44, стрк. 1. *Иразобрать, и вновь собрать всю башню...* — В исходном издании *И разработать, и опять собрать всю башню...* — Исправлено в целях устранения гиперметрии и неправильного употребления слова «разработать». В оригинале: «Si commette la mole e ricompono...» («Слагается громада и пересоставляется...»).

45, стрк. 7—8. *По образцу ж ее потом еще / Построены такие же две башни.* — Вильгельм Тирский рассказывает о трех осадных башнях. Первая, описанная выше, была под командованием Готфрида и направлялась к северной стене города; вторая, руководимая Танкредом, катилась к западной стене, и третья, под управлением Раймунда Тулузского, была предназначена для осады южной стены. Ср.: XVIII, 55—56, 1—2, где Тассо приписывает командование второй башней Раймунду, а третьей — Камиллу.

48, стрк. 5. *...Из озера Содомского...* — Имеется в виду Мертвое, или Асфальтовое, море.

49, стрк. 3. *...Является в лазурной выси голубь...* — Голубиная почта была распространена на Востоке в эпоху крестовых походов. Некоторые хронисты излагают эпизод с почтовым голубем арабов, перехваченным крестоносцами под стенами Иерусалима. Птица несла ободряющее послание от союзников, которое христиане заменили грозным и отнимающим всякую надежду.

Стрк. 5—7. Ср.: *Вергилий. Энеида. V, 215—217:*

Вспорхнув, плещет она над пашней крыльями громко,
Мчитя над домом своим — а потом в безмятежном эфире,
Не шелохнувши крылом, скользит спокойно и плавно.

57, стрк. 1. *«Есть у меня конюший...* — Конюший Танкреда по имени Вафрин (*лат. vafer* — хитрый) отдаленно напоминает образ Долона; см.: *Гомер. Илиада. X, 314—339*. Единственный комический персонаж в поэме Тассо.

60, стрк. 4. *...его же...* — В исходном издании *его ж.* Исправлено во избежание амфиболии («и вошь») и неблагозвучия.

67, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий. Энеида. II, 509—511:*

Старец, отвыкший от битв, дрожащей рукой облачает
Дряхлое тело в доспех, надевает меч бесполезный,
Прямо в гущу врагов устремляется в поисках смерти.

68, стрк. 3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 610—611:

...отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сияние дня затмевается тенью.

69, стрк. 2—4. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. III, 471—473:

Мчится обломок скалы, подточенный старостью дряхлой,
Все разбивая вокруг: и людей умерщвляет, не только
Грузом своим придавив, но и рвет в кровавые клочья.

Стрк. 5—8. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. III, 464—468:

Ибо не только рукой копье бросают фокейцы,
Но и пускают его, закрутив потуже баллисты,
Так, что слабеет оно, лишь несколько грудей пронзивши.
Путь пролагает копье сквозь доспехи и кости; оставив
Смерть за собою, летит; изранивши, дальше несется.

70, стрк. 3—5....*Они уже полотна и другие / Податливые
столько же препоны / Раскинули...* — Защитное действие
вывешиваемых мусульманами полотен сходно с действием
шерстяных мешков, использованных ими ранее; ср.: XI, 40,
5—8.

82, стрк. 5—8. Ср.: *Гомер*. Илиада. XIII, 137—143:

...Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат.
Ливнем-дождем разорвавши утеса жестокого связи:
Прядая вверх, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный
прежде, — Гектор таков!

Ср. также: *Вергилий*. Энеида, XII, 684—689:

Так тяжелый утес, оторвавшись от горной вершины,
Рушится с круч, иль подмытый дождем, или сваленный
ветром,
Или древностью лет неприметно подточенный снизу;
Прыгая, катится он по кремнистым стремнинам в долину,
Злобною силой гоним, и в пути за собой увлекает
Скот, и леса, и людей...

Ср. также: *Лукан*. Фарсалия. III, 470—473:

Так с вершины горы, под порывами бури сорвавшись,
Мчится обломок скалы, подточенный старостью дряхлой,
Все разбивая вокруг: и людей умерщвляет, не только
Грузом своим придавив, но и рвет в кровавые клочья.

83, стрк. 7—8. ...*И столько небо Индии еще / Паров вос-
пламенных не скопляло.* — Тассо следует здесь легенде, со-

гласно которой Александр Македонский попал в Индии под огненный дождь. Ср.: *Данте*. Ад. XIV, 31—33:

Как Александр, под знойными лучами
Сквозь Индию ведя свои полки,
Настигнут был падучими огнями...

88, стрк. 1—2. *Так некогда Харона или ада / Владыку меж двух фурий рисовали.* — Харон — в послегомеровских народных верованиях греков перевозчик, переправлявший на челноке через реку Ахерон в подземное царство тени умерших. Под владыкой ада подразумевается Плутон, или Аид, властитель подземного царства и смерти в древнегреческой мифологии. Плутоном называет владыку преисподней Тассо в песне IV, что, однако, не отражено в переводе.

89, стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VI, 620: «Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!»

93—93. Ср. явление Энею богов, разрушающих Трою: *Вергилий*. Энеида. II, 604—623.

94, стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 608—610:

Там, где повержены в прах громады башен, где глыбы
Сброшены с глыб и дым клубится, смешанный с пылью, —
Стены сметаёт Нептун, сотрясая устои трезубцем...

Стрк. 6. *Гуг*. — Имеется в виду Гугон Вермандуа. См. о нем примеч. к I, 37, 4.

96, стрк. 5—6. ...*Из трех отрядов каждый образует / Три круга боевые...* — На основании ветхозаветных и новозаветных Писаний установлено разделение ангелов на три иерархии с подразделением каждой из них на три лика. Эта классификация полнее всего изложена Дионисием Ареопагитом в сочинении «Небесная иерархия».

102, стрк. 7.*воины Гасконии...* — воины Раймунда Тулузского.

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

4, стрк. 6.*моря и горы находились.* — В исходном издании *гора*. Исправлено как явная опечатка.

7, стрк. 1—8. Ср.: *Гомер*. Илиада. XXII, 205—207:

Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещаа бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.

11—27. Поединок Арганта и Танкреда ср. с поединком Энтелла и Акеста у Вергилия (Энеида. V, 426—471) и с по-

единком Руджьера и Родомонта у Ариосто (Неистовый Роланд. XLVI, 128—140).

17, стрк. 7—8. *Так видел мир в глубокой тьме времен / Боровшихся Алкида и Антея.* — Имеется в виду описываемый в греческих мифах поединок Геракла (Алкида) с Антеем, ливийским великаном, который черпал новые силы в прикосновении к своей матери-земле. Геракл поднял его на воздух и задушил.

19, стрк. 5—6. Ср.: *Данте*. Рай. XXVI, 85—87:

Как сень ветвей, когда ее придавит
Идущий ветер, никнет, тяжела,
Потом, вознесшись, вновь листву расправит...

25, стрк. 1—2. Ср.: *Ариосто*. Неистовый Роланд. XLVI, 135, 1—4:

Гривою и загривком
Так он врезался во прах, что из ран
Красная
Половодьем хлынула в поле кровь.

Стрк. 8. ...*Героя вероломный ранит в пятку.* — В исходном издании *разит*. В таком расположении слово «разит» получает неправильное ударение на первый слог. Можно предположить, что здесь опечатка и вместо слова «разит» должно стоять «ранит», подходящее по просодии. В оригинале «fiede», что значит и «разит», и «ранит», но, скорее, второе. Ср. древнегреческие сказания о неуязвимости Ахиллеса, умертвить которого можно было только поразив его в пятку.

29, стрк. 5—7. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 361—362:

Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?
Хватит ли смертному слез, чтобы наши страданья оплакать?

31, стрк. 1. ...*к холму, увенчанному храмом...* — Имеется в виду храм Соломона, со времен арабского завоевания превращенный в мечеть Омара. Его описание см. ниже, строфа 33.

32, стрк. 8. ...*Все пред его угрозами трепещет.* — В исходном издании *Все пред угрозами трепещет*. Исправлено в целях устранения липометрии.

34, стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. VIII, 228—231:

Но приближался уже, скрежеща зубами свирепо,
Славный тиринфский герой и рыскал яростным взором
В поисках входа везде. Обежал он, гневом пылая,
Трижды весь Авентин...

35, стрк. 1—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 355—357:

И вот, точно хищные волки
В черном тумане, когда ненасытный голод утробы
Стаю вслепую ведет...

Ср.: Там же. IX, 59—61:

Так, пытаясь попасть за ограду полной овчарни,
Рыщет за полночь волк, под дождливым упорством ветром,
Бродит вокруг и рычит...

36, стрк. 6—8. ...*Раскачивать его перед воротами* и т. д. — В исходном издании *Раскачивать его, став против входа*... Исправлено для прояснения смысла. Ринальд становится против ворот, которые хочет разгромить. Действительно, слово «ворота» появляются в следующей строфе. Однако в исходном варианте возникала явная неясность, к чему же относится местоимение «их».

37, стрк. 2—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 492—495:

От ударов частых тарана
Дверь подалась наконец, сорвалась с шипов и упала.
Сила путь пролагает себе: вломились данайцы,
Первых стражей свалив, разлились по дворцу, словно волны.

38, стрк. 2. ...*Вместилище, весь кровью затоплен*. — В исходном издании *Вместилище, теперь весь кровью затоплен*. Исправлено для устранения гиперметрии.

Стрк. 3—4. Ср.: *Данте*. Ад. XXIV, 119—120:

О божья мощь, сколь праведный ты мститель,
Когда вот так сражаешь, не щадя!

39, стрк. 1—2. *А Сулейман меж тем стремится к башне / Давида*... — Башня Давида была цитаделью города. Именно взятие башни Давида будет считаться окончательным завоеванием Иерусалима.

40, стрк. 2—8. *Вергилий*. Энеида. II, 324—327:

День последний пришел, неминуемый срок наступает
Царству дарданскому! Был Илион, троянцы и слава
Громкая тевкров была, — но все жестокий Юпитер
Отдал врагам; у греков в руках пылающий город!

52, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 23—26:

Ждут погребенья они: ведь для тех, кто ушел к Ахеронту,
Почести нету иной. Наградите последним подарком
Храбрые души друзей, своею кровью добывших
Родину новую нам.

63—64. Ср.: *Гомер*. Илиада. VII, 81—83:

Если же я поражу и меня луконосец прославит, —
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона...

84, стрк. 3. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IV, 569—570: «Изменчива и ненадежна / Женщина».

102, стрк. 6. ...*Приводят; посредине исполинских...* — В исходном издании *Приводят, в ней же исполинских...* Исправлено в целях устранения липометрии.

115, стрк. 6. ...*Черкеса вызвал он, но запретил...* — В исходном издании *Черкеса вызывал он, но запретил...* Исправлено в целях устранения неверного ударения в слове «запретил».

117, стрк. 1—2. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 104: «С теми, кто света лишен, с побежденными можно ль сражаться?»

ПЕСНЯ ДВАДЦАТАЯ

1, стрк. 1—2. *К труду уж призывает смертных солнце; / Уж полпути оно свершило в небе.* — Решающая битва за Иерусалим начинается около шести часов утра. В оригинале: «già diese ore / del giorno eran trascorse» («уж десять часов / дня протекли»). Под днем здесь понимается двадцатичетырехчасовая протяженность суток, отсчет же начинается от заката, который в июле настает около восьми часов вечера. В песне XX под видом решающей битвы за Иерусалим описано сражение крестоносцев с мусульманами, произошедшее в долине Аскалона 14 августа 1100 г.

2, стрк. 3—5. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 264—266:

Так весной к потокам Стримона
В небе плывут журавли, окликаая друг друга протяжно,
Между мятущихся туч уносимые Нотом попутным.

Ср. также: *Данте*. Ад. V, 46—47:

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной...

3, стрк. 5—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XI, 451—453:

Тотчас народ взволновался душой, и сердца вострепнулись,
Ярость в груди поднялась, разбужена острым стрекалом,
Руки рванулись к мечам, молодежь призывает к оружию...

7, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. I, 588—591:

Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала

Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный,
Радости гордый огонь зажгла в глазах у героя.

14—19. Ср. речь Ганнибала: *Тит Ливий*. XXI, 43—44 и
речь Цезаря: *Лукан*. Фарсалия. VII, 250—329.

16, стрк. 1—8. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VII, 270—274:

Можете взять вы весь мир: из гимнасиев встретится с вами
Греческих юношей рать, изнеженных в праздной палестре,
Еле несущих копье, и толпы разноязычных
Варваров; звуков трубы и собственных воинов шума
Вынести не смогут они.

17, стрк. 5—6. Ср.: *Тит Ливий*. XXI, 43, 18: «...намерева-
юсь выступить против людей, не знающих друг друга, друг
другу незнакомых».

18, стрк. 5. ...*Не знал я по рождению?* — В исходном изда-
нии *по рожденью*. Исправлено в целях устранения липо-
метрии.

Стрк. 5—8. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VII, 285—289:

Меня ж укрепила Фортуна
Помощью ваших дружин, с которыми в Галлии многих
Был я свидетелем битв: и меч какого солдата
Мне не знаком? И если копье вдруг воздух прорежет,
Я без ошибки скажу, чья рука его вверх запустила.

19, стрк. 7—8. Ср.: *Лукан*. Фарсалия. VII, 290—292, 295—296:

Если приметы верны, — а они полководца ни разу
Не обманули еще, — эти грозные лица и очи, —
Знайте: победа в руках!

.....
Но замедляю свой рок, занимая такими речами
Вас, торопящихся в бой! Простите отсрочку сраженья!

20, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. II, 680—684:

Тут изумленным очам явилось нежданное чудо,
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вокруг головки ребенка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь безвредно
Мальчика мягких волос, у висков разгорается ярко.

Ср.: Там же. VII, 73—77:

Тут привиделось им, будто длинные кудри царевны —
Чудо грозное! — вдруг охватило шумное пламя,
Следом убор занялся, занялся на челе самоцветный
Царский венец — и вот, золотым окутана дымом,
Сеет она Вулканов огонь по просторным палатам.

См. также о Сервии Туллии: *Тит Ливий*. I, 39, 1—3.

22, стрк. 4—6. *Себе берет он правый фланг, воздем / На левом назначает Альтамора, / А центр Мулеазему поручает...* — Таким образом, Эмирен становится против левого фланга христиан под командованием двух Робертов, Альтамора помещает против правого фланга под командованием Готфрида, а Мулеазем ведет пехоту против Балдуина, командующего пехотой в центре христианского войска.

24, стрк. 2—4. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. IV, 471: «Власть, обещанья, мольбы — все сливает она воедино...»

25, стрк. 7—26, стрк. 1—8. Ср.: *Лукан*. *Фарсалия*. VII, 369—372:

Вообразите себе матерей на стенах столицы,
Что, распустив волоса, посылают вас в эти сраженья;
Вообразите и то, как Сенат, неспособный за войском
Следовать, к вашим ногам повергнет святые седины...

26, стрк. 1—4. „*Спаси святые храмы* и т. д. — В исходном издании нет внутренних кавычек, что вызывает сложности при понимании этого пассажа. В оригинале имеется прямая речь внутри прямой речи. Вторые кавычки поставлены в соответствии с оригиналом.

29, стрк. 6—8. Ср.: *Вергилий*. *Георгики*. III, 83—88:

Едва прогремит издалёка оружие,
Конь уже рвется вперед, трепещет, ушами поводит,
Ржет и, наполняясь огнем, ноздрями его выдыхает.
Грива густа; копье потряхивает, на плечо она падает вправо.
А между ребер — хребта ложбина глубокая. Оземь
Бьет он ногой, и звенит роговиной тяжелой копыто.

32, стрк. 1—3. Ср.: *Вергилий*. *Энеида*. XI, 664—665:

Первым кого и последним кого, суровая дева,
Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?

Стрк. 6. ...*Гирканца, повелителя Ормусы...* — В исходном издании *Гиркана, повелителя Ормуса*. Эта ошибка переводчика исправлена в соответствии с оригиналом. Речь идет о повелителе Ормусы (см. примеч. к XVII, 25, 3), «великом гирканце» («l grande igrano»).

35, стрк. 5. *Но верный Одоард, вооруженный...* — Супруг Джильдиппе в исходном издании в песне XX везде называется Одоарт, но в первой песне он уже был назван Одоардом, и в оригинале Odoardo, поэтому в целях единообразия написание этого имени везде исправлено.

37, стрк. 4. ...*Бекана повелитель...* — В оригинале названо его имя: Артабан, выпущенное переводчиком.

38, стрк. 6. ...*Того скакун копытами раздавит...* — В исходном издании *Того свой конь копытами раздавит...* Исправлено в соответствии с оригиналом, где речь идет о скакуне и мече Альтамора.

39, стрк. 3—6. Ср.: *Вергилий. Энеида. IX, 754—755:*

Пандара он поразил в середину лба и огромной
Раной рассек и виски, и пушком покрытые щеки.

Стрк. 6—8. *Второй / От действия причудливого раны / Не может, умирая, не смеяться.* — Альтамор поражает Гардуина в диафрагму, где, по мнению Аристотеля, находится источник смеха как одного из свойств души.

40, стрк. 3. ...*Гентон и Гваск...* — В исходном издании *Гентон, Гастон...* Исправлено в соответствии с оригиналом, где вместо Гастона упоминается Гваск (Guasco).

41, стрк. 5. *В долине Фермодонта амазонка...* — Фермодонт — река в северной части Малой Азии. Упоминается в сказаниях об амазонках; так в древнегреческих мифах называется народ, состоявший исключительно из женщин, не терпевших при себе мужей, выходивший в походы под предводительством своей царицы и образовавший особое воинственное государство.

48, стрк. 3—4. ...*ни Симоент, / Ни Ксанф...* — Симоент, или Симоис, и Ксанф — реки в древней Троаде, протекавшие рядом с Илионом (Троя) и бывшие свидетелями битв гомеровских героев.

58, стрк. 1—3. Ср.: *Лукан. Фарсалия. III, 362—365:*

Как истощается ветр и в пустом иссякает пространстве,
Если густые леса не противятся буре волнами;
Так ненасытный огонь, не встречая препятствия, гаснет, —
Так мне вредит недостаток врагов...

Стрк. 4—6. Ср.: *Овидий. Метаморфозы. III, 568—571:*

Видывал я, как поток, которого путь беспрепятствен,
Вниз по наклону бежит спокойно, с умеренным шумом.
Если ж завалами скал иль стволами бывал он задержан,
Пенился он и кипел и сильнее свирепел от преграды.

78, стрк. 2. ...*Не поддаются воины Раймунда...* — В исходном издании *Ринальда*. Исправлено в соответствии с оригиналом. В оригинале речь идет о гасконцах под командованием Раймунда Тулузского.

80, стрк. 4—5. *Вмиг сто щитов над ним простерты кровлей, / И сто мечей...* — Имеется в виду сто щитов своих и сто мечей противника. В оригинале: «Da cento scudi fu, da cento

spade / oppugnato in quel tempo anco e difeso» («Ста щитами, ста мечами / в то время был поражаем и защищаем»).

90, стрк. 3—4. Ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. XI, 510—511:

... дикие львы, что бегут, на ходу удвоя
Силы, грудью вперед, навстречу протянутым копьям.

94—100. Ср. перевод этого фрагмента, выполненный В. С. Лихачевым и опубликованный ранее: Джильдиппе и Одоардо (Из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо) // *Вестник иностранной литературы: Ежемесячный литературно-исторический журнал*. СПб., 1898. № 7. С. 132.

О, если эти строки не на годы,
А на века меня переживут, —
Двух нежных душ деянья и невзгоды
В грядущее за ними перейдут:
Все времена тогда и все народы
Их громкою хвалою вознесут, —
И оросят сердца невинных слезы
Моих стихов и тернии, и розы.

Джильдиппе — там, где жарче лютый бой,
Там, где султан, — и меч она вонзает
Во вражий щит уверенной рукой.
Он узнает ее; он восклицает:
«Вот смерти обреченная судьбой
Бесстыдная чета!» — и прибавляет:
«Несчастливая! Сидела б за иглой!
Игла верней, чем жалкий рыцарь твой».

Потом, не пощадив груди прекрасной,
Для стрел любви лишь созданной, — злодей
Наносит ей в ответ удар ужасный.
Поводья вон, — и, все бледней, бледней,
Склоняется Джильдиппе, а несчастный
Возлюбленный спешит на помощь к ней.
Спешит... Увы! уж помощь опоздала:
Судьба его к отмщенью призывала.

Как поступить ему, с чего начать?
То яростью, то нежностью пылает
Его душа: и хочет поддержать
Он ту, что вздох последний испускает,
И хочет он убийцу покарать!
Любовь его порывы примиряет:

Одной рукой Джильдиппе обнял он,
Другую меч возмездья занесен.

Но перед ним лишь миг неуловимый —
И видит он, что вместе долг любви
И ненависти долг неисполнимы.
Вновь Солиман разит — и нет руки,
Опоры нет страдалице любимой!
Тускнеет взор, и гаснет пыл в крови...
И падает она, а он за нею,
Давя ее всей тяжестью своею.

Так острою секирою, порой,
Иль бурею мятежною сраженный, —
С обвинившейся вокруг него лозой
Любовию давно соединенный,
Корнистый вяз влечет ее с собой;
И чудится, что, все еще влюбленный,
Незримо погружаясь в смертный сон, —
На гроздьях колосистых стонет он.

Так гибнет Одоардо, помышляя
Лишь об одном, болея лишь одним, —
Что гибнет с ним супруга дорогая.
«Прости» сказать бы... Нет! Ни слова им
Не суждено промолвить, умирая:
Прощаются лобзанием немым
И вежды одновременно смыкают...
И в небеса их души отлетают.

94, стрк. 1—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 446—449:

Счастье вам, други! Коль есть в этой песне некая сила,
Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея и власть вручена родителю римлян.

Ср. также: *Петрарка*. Канцоньере. CCCXXVII, 12—14:

И если я недаром верил в слово,
Для всех умов возвышенных святая,
Ты будешь вечной в памяти людской.

97, стрк. 3. ...*И поддержать избитую он хочет...* — В данном случае страдательное причастие соотносится со значением глагола «избить» — «убить с особой жестокостью, безжалостно». Ср.: избивание младенцев.

101, стрк. 1. Ср.: *Вергилий*. Энеида. IX, 473—474:

Тут понеслась на крылах, облетая трепещущий город,
Вестница горя — Молва...

Стрк. 3—4. Ср.: *Вергилий*. Энеида. X, 510—511:

С вестью о страшной беде не Молва, но нарочный верный
Тотчас к Энею летит...

104—108. Эпизод гибели Сулеймана ср. с эпизодом последней схватки Ахиллеса и Гектора у Гомера (Илиада. XXII, 248—369) и Энея с Турном у Вергилия (Энеида. XII, 697—790, 887—952).

105—106. Переводчик меняет последовательность этих строф относительно оригинала.

106, стрк. 1—6. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 908—912:

Словно ночью во сне, когда смежает нам веки
Томный покой, и мерещится нам, что стремимся мы жадно
Дальше бежать, но вотще; ослабев от первых усилий,
Никнем мы, цепенеет язык, и уж нам непокорны
Голос и слово, и сил привычных лишается тело.

Стрк. 7—8. Ср.: *Вергилий*. Энеида. XII, 914—916:

Чувства мятутся в душе у него; на друзей и на город
Смотрит он, медлит, дрожит, занесенной пики пугаясь,
Ни к отступленью пути, ни для боя сил не находит...

112, стрк. 3. *Герньер*. В исходном издании *Гарнье*.
Исправлено в соответствии с написанием этого имени ранее.

114, стрк. 5—6. *Так лев свирепый, чтобы кровожадность / Усугубить, себя по бедрам бьет.* — Ср.: XV, 50, 4—5.

118, стрк. 1—3. *Так древле Клеопатра убежала, / Антонию сражаться предоставив / С Октавием счастливым.* — Имеются в виду события битвы при Акции. См.: XVI, 4—6.

119, стрк. 8. *...под тяжким молотом циклона.* — В исходном издании *циклона*. Исправлено как явная опечатка.

136, стрк. 7. *...Приказывай рабе...* — Ср.: Лк., 1:38 («Се раба Господня»).

141—142. Ср. диалог Альтамора и Готфрида с диалогом Энея и Мага: *Вергилий*. Энеида. X, 523—536.

144. Христиане заняли Иерусалим 15 июля 1099 г.; мусульманское и еврейское население города было полностью уничтожено победителями.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антон Дёмин. Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе В. С. Лихачева</i>	<i>5</i>

Торквато Тассо

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Песня первая	37
Песня вторая	63
Песня третья	92
Песня четвертая	115
Песня пятая	144
Песня шестая	172
Песня седьмая	206
Песня восьмая	243
Песня девятая	269
Песня десятая	299
Песня одиннадцатая	323
Песня двенадцатая	348
Песня тринадцатая	379
Песня четырнадцатая	404
Песня пятнадцатая	428
Песня шестнадцатая	449

Песня семнадцатая	472
Песня восемнадцатая	501
Песня девятнадцатая	533
Песня двадцатая	572
Комментарии (<i>А. Дёмин</i>)	615

Торквато Тассо
ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Библиотека зарубежного поэта»*

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. М. Бобылева, Н. И. Журавлева и М. Н. Сенина*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 2.08.07. Подписано к печати 19.10.07.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. псч. л. 37,8. Уч.-изд. л. 30,7. Тираж 2500 экз.
Тип. зак. № 4355. С 227

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА «НАУКА» РАН**
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Сурендранат Дасгупта

**ФИЛОСОФИЯ ЙОГИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ
К ДРУГИМ СИСТЕМАМ ИНДИЙСКОЙ МЫСЛИ**

Сурендранат Дасгупта (1885—1952) — выдающийся индийский мыслитель, крупный ученый, автор капитального 5-томного труда «История индийской философии». Его работы до сих пор не переводились на русский язык. В своем произведении «Философия йоги» (1930) он описывает йогу как классическую философскую систему — *даршану*, основателем которой считается легендарный Патанджали. Немалое место С. Дасгупта уделяет воззрениям школы санкхьи, системы, родственной йоге Патанджали. Индийский ученый последовательно и основательно освещает метафизику, физику, психологию, этику, психопрактику и другие стороны йоги.

Ознакомиться с информацией об Издательстве, планах выпуска и наличии книг для реализации можно на сайте Издательства www.naukaspb.spb.ru

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА «НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ**

**ПОЭТЫ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
КАБАРЕ**

Поэзия немецкого литературного кабаре — явление, более ста лет активно развивающееся в немецкоязычных странах и тем не менее практически неизвестное российскому читателю. «Импортированные» из Франции чисто развлекательные жанры кабаре на рубеже XIX—XX вв. нашли в Германии благодатную почву и вскоре наполнились актуальным социальным и политическим содержанием, обрели антивоенный, антинационалистический обличительный пафос и сатирическую остроту. Литературное кабаре было, пожалуй, едва ли не единственной общедоступной и широко распространенной формой социальной сатиры в Германии периода Веймарской республики.

В данную антологию вошли стихотворные и прозаические произведения К. Моргенштерна, И. Рингельнаца, Ф. Ведекинда, П. Хаммершлага, К. Тухольского, Б. Брехта, Э. Мюзама, Ф. Грюнбаума и др.

Ознакомиться с информацией об Издательстве, планах выпуска и наличии книг для реализации можно на сайте Издательства www.naukaspb.spb.ru

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197137 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52,
292-46-52, 292-50-43

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60

443022 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
бук. 273-13-98

197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812)
323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472)
24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

